

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2008

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова, П.Г. Гайдуков,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Научно-производственное объединение
«Издательство “Наука”»

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2008

Шлемы типа Монтефортино и один несуществующий комплекс галатского некрополя в Богазкёе

Зайцев Ю. П.

5

Култ священных деревьев в религиозных воззрениях населения Прикаспийского Дагестана (VII–VIII вв.)

Гмыря Л. Б.

13

Основы реконструкции гуннского дворца на реке Ташебе

Кызласов И. Л.

28

Два Ак-Бешимских сюжета

Кызласов Л. Р.

40

Публикации

Об одном типе греческих шлемов из Центральной Абхазии

Эрлих В. Р., Джоуа А. И.

49

“Арсенал” метательных снарядов гетуэзской крепости Чембало в Крыму

Дьячков С. В.

54

Аккерманская керамика сграффито (по материалам раскопок 2004 г.)

Беляева С. А., Фиалко Е. Е.

62

Итальянская майолика в Крыму периода турецкого владычества

Тесленко И. Б.

71

Дичневский клад – комплекс женских украшений русско-ордынского порубежья второй половины XIV в. из Курской области

Шпилев А. Г.

78

Памятная плита Ивана Мирославовича (мурзы Хоросмира) в Рязанском Солотчинском монастыре

Гераськин Ю. В., Нагорнов В. П.

84

Новые материалы по археологии Москвы и Московской Руси

К 60-летию Л.А. Беляева

Макаров Н. А., Чернецов А. В., Кренке Н. А.

90

Стеклянные бусы Дьякова городища

Кренке Н. А., Румянцева О. С.

95

Некрополь церкви Спаса на Берестове в Киеве и “погребение Юрия Долгорукого”

Ивакин Г. Ю.

107

Московские печатки XVI–XVII вв. По материалам раскопок Центра археологических исследований г. Москвы 1994–2004 гг.

Векслер А. Г., Беркович В. А.

118

Комплексы керамики из жилых построек второй половины XV – начала XVI в. Зачатьевского монастыря (г. Москва)

Глазунова О. Н.

128

Волосники XVI–XVII вв. из погребений Зачатьевского монастыря в Москве

Елкина И. И.

142

Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 г.

Чернов С. З., Янишевский Б. Е.

150

Критика и библиография

Владимира Петренко. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва; Берлин; Бордо, 2006.

Погребова М. Н.

165

Н.В. Полосьмак, Л.Л. Баркова. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2005.

Шер Я. А.

170

Е.Н. Носов, В.М. Горюнова, А.В. Плохов. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (новые материалы и исследования). СПб., 2005.

Чернецов А. В.

174

В.В. Ткачев, А.И. Хаванский. Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара. 2006.

Мочалов О. Д.

176

Хроника

К 80-летию Владимира Ивановича Кадеева

Масленников А. А., Дьячков С. В., Мартемьянов А. П.

180

Леонид Романович Кызласов (1924–2007)

183

Александр Степанович Хорошев (1941–2007)

184

Евгений Иванович Савченко (1944–2007)

Гей А. Н., Каменецкий И. С.

190

Хильда Тереза Августовна Кинк (1918–2006)

Мерперт Н. Я.

191

От редакции

192

Сдано в набор 10.01.2008 г.

Подписано к печати 24.03.2008 г.

Формат бумаги 60 × 88¹/₈

Офсетная печать

Усл. печ. л. 24.0 + 2 вкл.

Усл. кр.-отт. 22.3 тыс.

Уч.-изд. л. 25.5

Бум. л. 12.0

Тираж 911 экз.

Зак. 72

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 2, 2008

Montefortino helmets and the alleged assemblage from the Galatian necropolis at Bogazköy <i>Zaitsev Yu. P.</i>	5
Worship of sacred trees in the religious views of the population of Caspian Dagestan <i>Gmyria L. B.</i>	13
Framework for reconstructing the Hun palace on the Tasheba river <i>Kyzlasov I. L.</i>	28
Two Ak-Beshim themes <i>Kyzlasov L. R.</i>	40

Publications

A certain type of Greek helmets from Central Abkhazia <i>Erlich V. R., Djopua A. I.</i>	49
An “arsenal” of projectiles from the Genoese fortress of Cembalo <i>Dyachkov S. V.</i>	54
Akkerman’s “sgraffito” ceramics (material of the 2004 excavations) <i>Belyaeva S. A., Fialko E. E.</i>	62
Italian majolica in the Crimea during the period of Turkish rule <i>Teslenko I. B.</i>	71
The Dichnya hoard: an assemblage of woman’s ornaments from the Rus – Horde border (Kursk oblast’, second half of the 14 th c.) <i>Shpilev A. G.</i>	78
Memorial stone of Ivan Miroslavich (Murza Khorosmir) at the Solotcha Monastery near Ryazan’ <i>Geras’kin Yu. V., Nagornov V. P.</i>	84

New data on the archeology of Moscow and Moscow Rus

L.A. Beliaev’s 60 th anniversary <i>Makarov N. A., Chernetsov A. V., Krenke N. A.</i>	90
Glass beads from D’yakovo hillfort <i>Krenke N. A., Rumiantseva O. S.</i>	95
The necropolis of the Kiev Church of the Savior on Berestovo and “the grave of Yuri Dolgorukiy” <i>Ivakin G. Yu.</i>	107
Moscow seals of the 16 th –17 th cc. (Materials of the 1994–2004 excavations conducted by the Moscow Center for Archeological Research) <i>Veksler A. G., Berkovich V. A.</i>	118
Ceramics assemblages from dwelling quarters of the second half of the 15 th – beginning of the 16 th cc. in the Nunnery of the Conception (Moscow) <i>Glazunova O. N.</i>	128
Volosniki head-dresses of the 16 th –17 th cc. from burials at the Nunnery of the Conception in Moscow <i>Yolkina I. I.</i>	142
The necropolis of St. Sergius Trinity monastery in the light of the 2003 excavations <i>Chernov S. Z., Yanishevsky B. Ye.</i>	150

Critics and bibliography

Vladimira Petrenko. The Krasnoznamenskiy burial ground. Early Scythian elite kurgans in the Northern Caucasus. Moscow, Berlin, Bordeaux, 2006. <i>Pogrebova M. N.</i>	165
N.V. Polos'mak, L.L. Barkova. Altai Pazyryk costume and textiles (4 th –3d cc. BC). Novosibirsk, 2005. <i>Sher Ya. A.</i>	170
Ye.N. Nosov, V.M. Goruynova, A.V. Plokhov. The hillfort near Novgorod and settlements in Northern Priilmen'ye (new data and investigations). St. Petersburg, 2005. <i>Chernetsov A. V.</i>	174
V.V. Tkachev, A.I. Khavansky. Ceramics of the Sintashta culture. Orsk-Samara, 2006 <i>Mochalov O. D.</i>	176

Chronicle

Vladimir Ivanovich Kadeyev's 80 th anniversary <i>Maslennikov A. A., Dyachkov S. V., Martem'yanov A. P.</i>	180
In memory of L.R. Kyzlasov (1924–2007)	183
In memory of A.S. Khoroshev (1941–2007)	184
Yevgeniy Ivanovich Savchenko (1944–2007) <i>Gei A. N., Kamenetsky I. S.</i>	190
Hilda Teresa Avgustovna Kink (1918–2006) <i>Merpert N. Ya.</i>	191
From the Editorial Board	192

ШЛЕМЫ ТИПА МОНТЕФОРТИНО И ОДИН НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ КОМПЛЕКС ГАЛАТСКОГО НЕКРОПОЛЯ В БОГАЗКЁЕ

© 2008 г. Ю. П. Зайцев

Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Симферополь

Оружие и воинские доспехи – весьма выразительная группа артефактов, они предоставляют большие возможности для различных исторических реконструкций. В полной мере это относится и к этруско-италийским шлемам типа Монтефортино, которые происходят с территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья (рис. 1) и датируются эллинистическим временем¹.

В современной отечественной историографии в различных вариантах существуют две версии, объясняющие их появление на данной территории.

Согласно первой версии, шлемы типа Монтефортино попали в Северное Причерноморье с кельтами (галатами) в III–II вв. до н.э. (Треистер, 1992. С. 44, 45; Бруяко, Россохацкий, 1993. С. 80; Виноградов, 1999. С. 77–80).

По второй версии, попадание таких шлемов в Северное Причерноморье связано с событиями Митридатовых войн (конец II – начало I в. до н.э.) (Марченко, 1996². С. 127, 128; Раев, 1988. С. 39; Раев и др., 1990. С. 124; Raev et al., 1991. Р. 470, 471; Редина, Симоненко, 2002. С. 85, 86; Симоненко, 1993. С. 89, 90; 1994. С. 16; 2001. С. 95, 96; 2005. С. 258, 259; Треистер, 1992. С. 40–42; Treister, 1993. Р. 791; Еременко, 1997. С. 177, 178; Shchukin, 1989. Р. 239; Шукин, 1994. С. 143).

В качестве одного из главных аргументов в пользу второй гипотезы уже более 15 лет фигурирует сюжет, на который следует обратить особое внимание:

“Находка кельтского погребения близ Богазкёя, содержащего аналогичный шлем (речь идет о шлемах типа Монтефортино. – Ю.З.), латенский меч, копье, фибулы среднелатенской схемы вместе с серебряной тетрадрахмой Ариобазарна I, чеканенной в 70–63 гг. до н.э. (Bittel, 1976. S. 241; 1978. S. 172) объясняет пути проникновения ран-

них этруско-италийских и кельтских шлемов в степи юга России. Это могла быть военная добыча сарматов, попавшая к ним во время пребывания в войсках Митридата VI Евпатора, разграбивших азиатские провинции, включая Галатию, либо военная добыча кочевников, захваченная во время сражений с войсками Митридата VI во время их пребывания в Северном Причерноморье” (Раев и др., 1990. С. 124).

В дальнейшем это погребение, но уже без подробного описания его состава, упоминалось в нескольких работах, посвященных латенским и италийским древностям Северного Причерноморья (Treister, 1991. Р. 77; 1993. Р. 791. Треистер, 1992. С. 39, 40), а также в контексте хронологии импортных шлемов в сарматских памятниках (Поллин, 1992. С. 52).

Принципиальная важность такого комплекса и его большое значение для археологии позднего эллинизма казались очевидными, однако обращение к упомянутому источнику информации – тезисам докладов Курта Биттеля, посвященных проблеме выделения галатских древностей в Малой Азии (Bittel, 1976; 1978) – привело к неожиданным результатам.

По отношению к первой работе (Bittel, 1976) упомянутая информация оказалась некорректной – там ничего не удалось найти ни про шлем, ни про драхму Ариобазарна I. В ссылке на другую работу (Bittel, 1978) также обнаружились неточности, имеющие принципиальный характер. То, что было представлено как единый комплекс, на самом деле оказалось перечислением ярких находок, не связанных друг с другом и происходящих из разных мест.

В числе прочего на указанных страницах упоминается и некий шлем из Галатской области, в котором был найден бронзовый черпак и рядом позднеэллинистическая керамика. Согласно описанию, бронзовый шлем снабжен нащечниками на шарнирах, имеет вытянутую округлую неорнаментированную тулью и узкий назатыльник; край и назатыльник украшены штрихами. По мнению К. Биттеля, подобная форма может быть определена как тип Каппенхельм (Karpenhelm) и типична для северных Апеннин, начиная с V в. до н.э. Изображения шлема в работе не приведено (Bittel, 1978. S. 172–174).

¹ Краткое содержание доклада на эту тему было опубликовано в сборнике докладов XXIV Крупновских чтений, которые проходили в г. Нальчик в апреле 2006 г. (Зайцев, 2006).

² С участием сираков в Митридатовых войнах И.И. Марченко связывает только позднюю группу шлемов из Прикубанья (Монтефортино С). Более ранние шлемы этого типа, по его мнению, можно считать следствием кельтосиракских контактов в Малой Азии во времена Фарнака I Понтийского (первая половина II в. до н.э.) (Марченко, 1996. С. 122, 124–126).

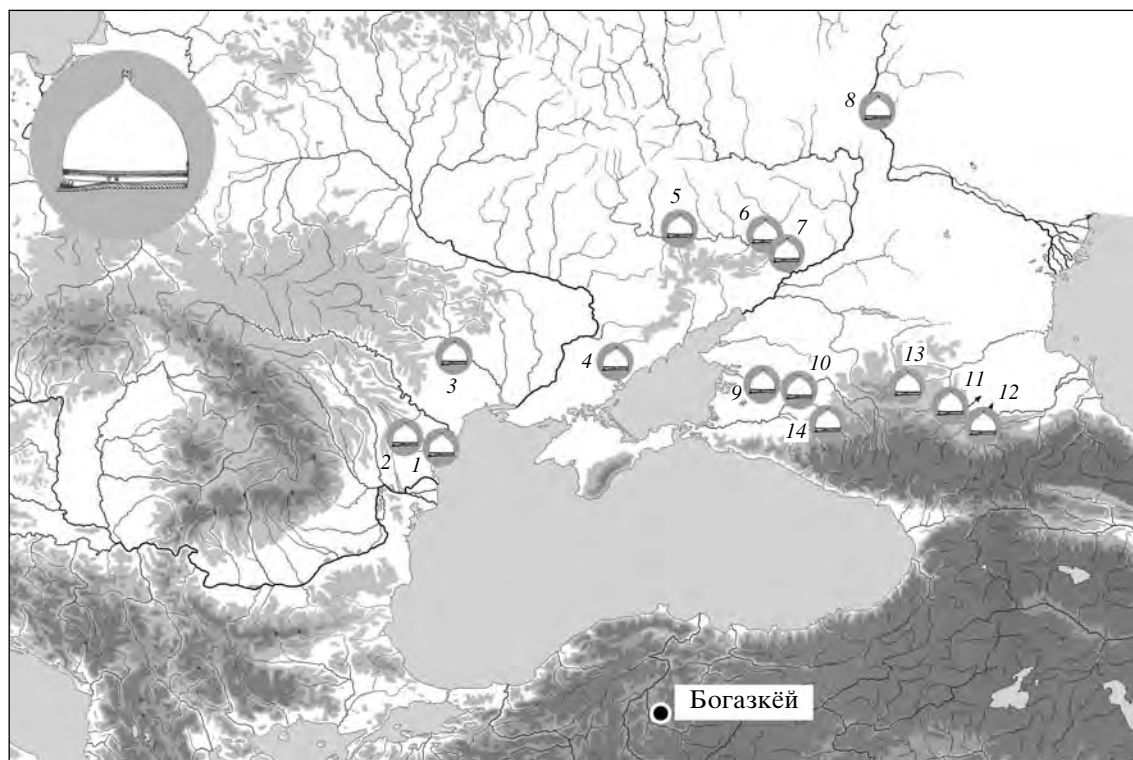

Рис. 1. Карта находок импортных шлемов типа Монтефортино в Северном Причерноморье: 1 – Беленькое; 2 – Веселая Долина; 3 – Марьевка; 4 – Токмак; 5 – Приволье; 6 – Новопрохоровка; 7 – Новочеркасск; 8 – Мариенталь; 9 – Роговская; 10 – Сергиевская; 11 – Заманкул; 12 – Чегем; 13 – Кисловодск; 14 – Серегинская (по: Раев, Симоненко, Трейстер, 1990; Симоненко, 2001, с исправлениями и дополнениями автора).

Рис. 2. Некрополь Богазкёй. Каменная гробница № 12, южный сектор (по Kühne, 1969).

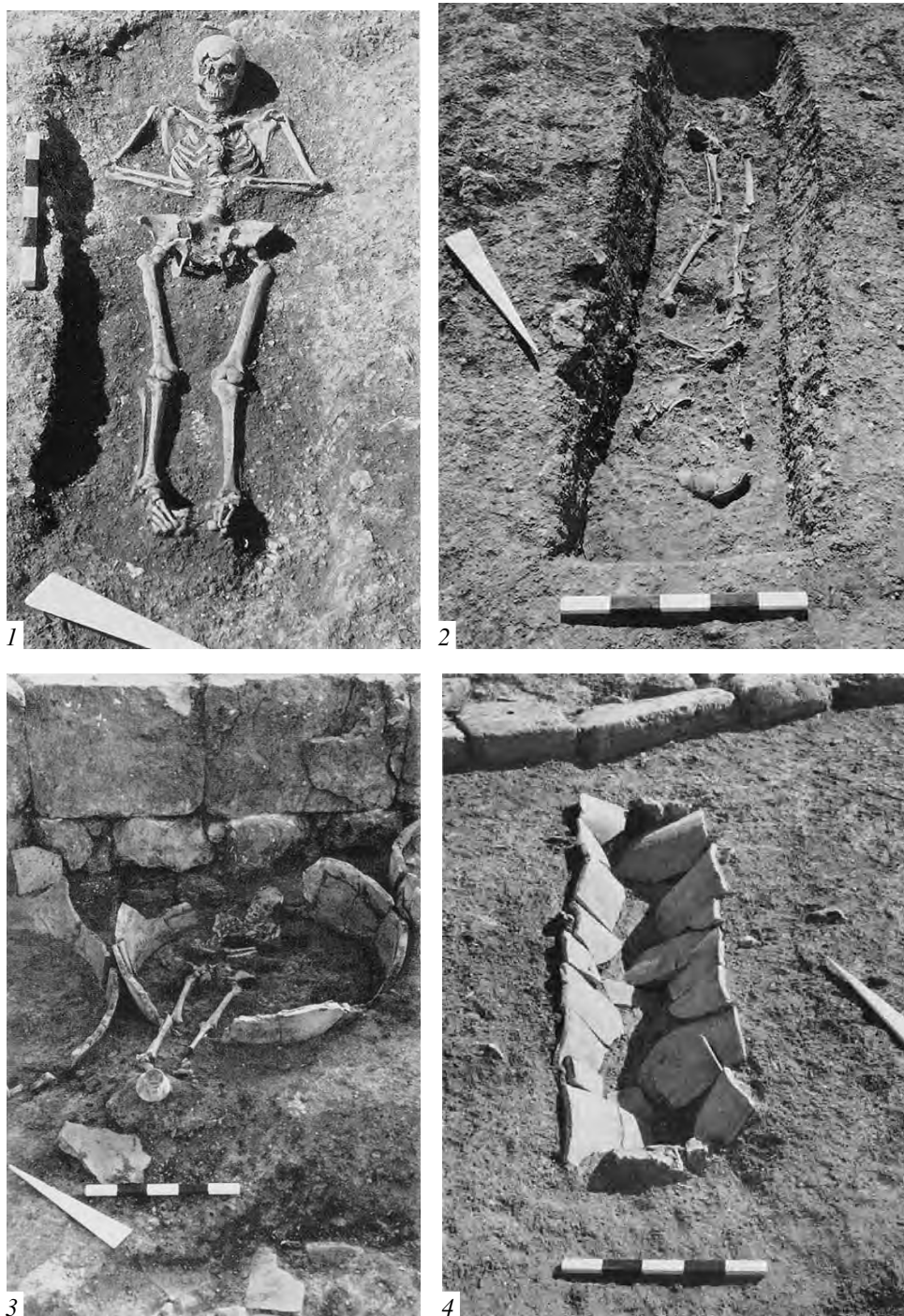

Рис. 3. Некрополь Богазкёй. Примеры погребений: 1 – участок большого храма, грунтовое погребение № 1; 2 – южный сектор, грунтовое погребение № 4; 3, 4 – участок храма 1: погребение в пифосе, гробница № 2 с черепичным перекрытием (по: Kühne, 1969).

Как видно, из такого описания довольно трудно составить более или менее конкретное представление о предмете, и уж тем более его нельзя использовать в качестве аналогии шлемам типа Монтефортино из Северного Причерноморья.

Материалы самого некрополя в Богазкёе сравнительно полно изданы и позволяют полу-

чить определенное представление об этом памятнике (Bittel, Naumann, 1939; 1952; Bittel, 1969; Voelker, 1972).

Погребения так называемого галатского некрополя располагались на территории известного хеттского города-крепости Богазкёй (рис. 1) и концентрировались в основном на территории храмо-

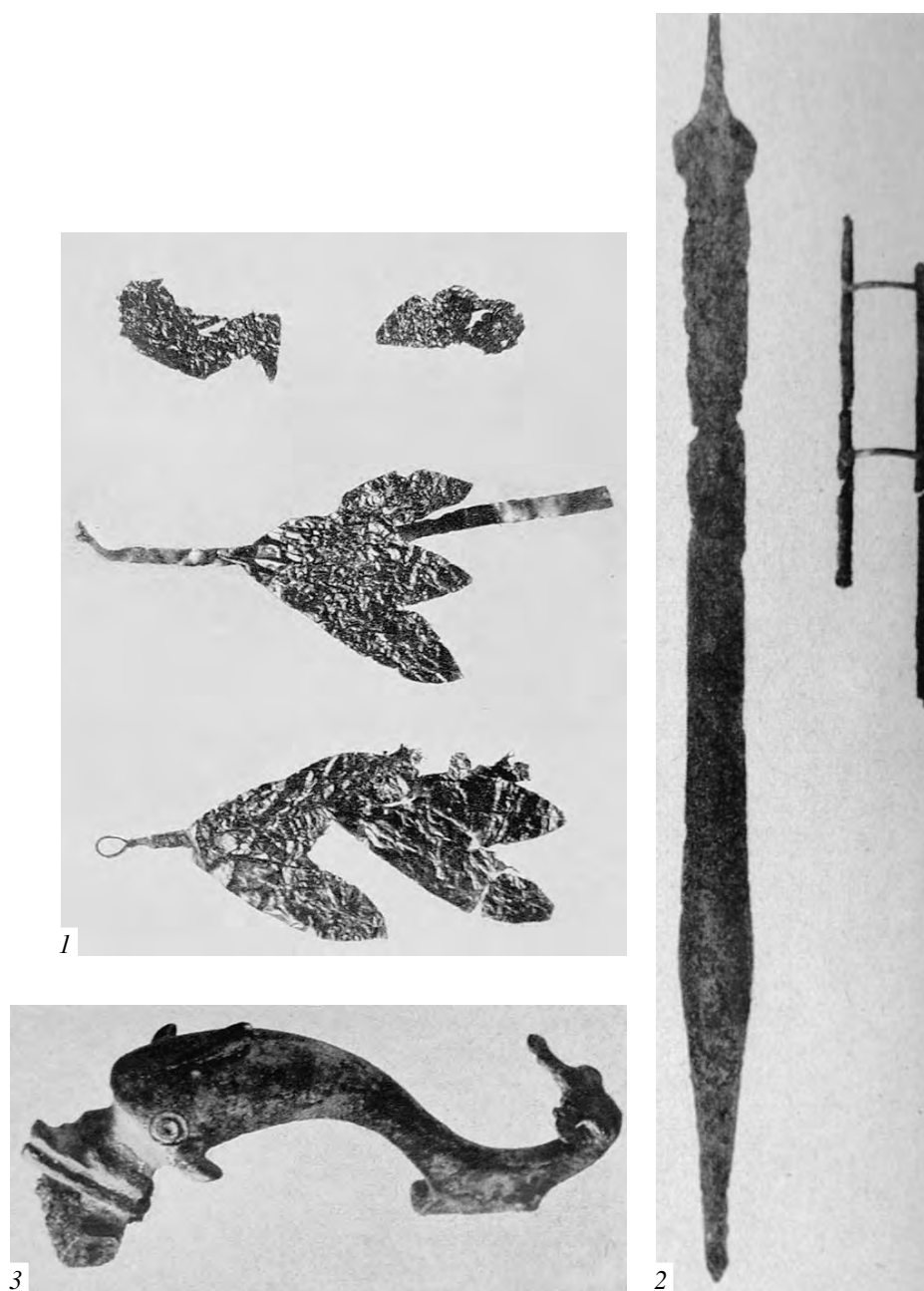

Рис. 4. Некрополь Богазкёй. Каменная гробница J/21, инвентарь: 1 – детали золотого венка; 2 – железный меч и бронзовые детали ножен; 3 – фибула бронзовая с остатками железной иглы (по: Bittel, Naumann, 1939; 1952; Boehmer, 1972).

вого комплекса № 1 и в южной части городища. Здесь были раскопаны 31 гробница из каменных плит (рис. 2, 1), 39 простых грунтовых могил (рис. 3, 1, 2), 10 погребений в пифосах, 3 гробницы из черепиц (Рис. 3, 3, 4) и одно трупосожжение (Kühne, 1969. S. 35–45). Большинство погребений либо совсем не содержало инвентаря, либо он был малочисленным и невыразительным.

По мнению издателей, общая датировка погребений укладывается между IV в. до н.э. и авгу-

стовским временем с преобладанием захоронений II–I вв. до н.э. (Kühne, 1969. S. 40).

Особый интерес представляют несколько погребений с предметами вооружения и другими яркими и датирующими находками.

1. Каменная гробница J/21, участок храма 1. Находилась к востоку от крепостных ворот, у подножья оборонительной стены. Ориентирована вдоль фасада стены, по линии запад – восток, сооружена из крупных плит. Костяк погребенного почти полностью истлел.

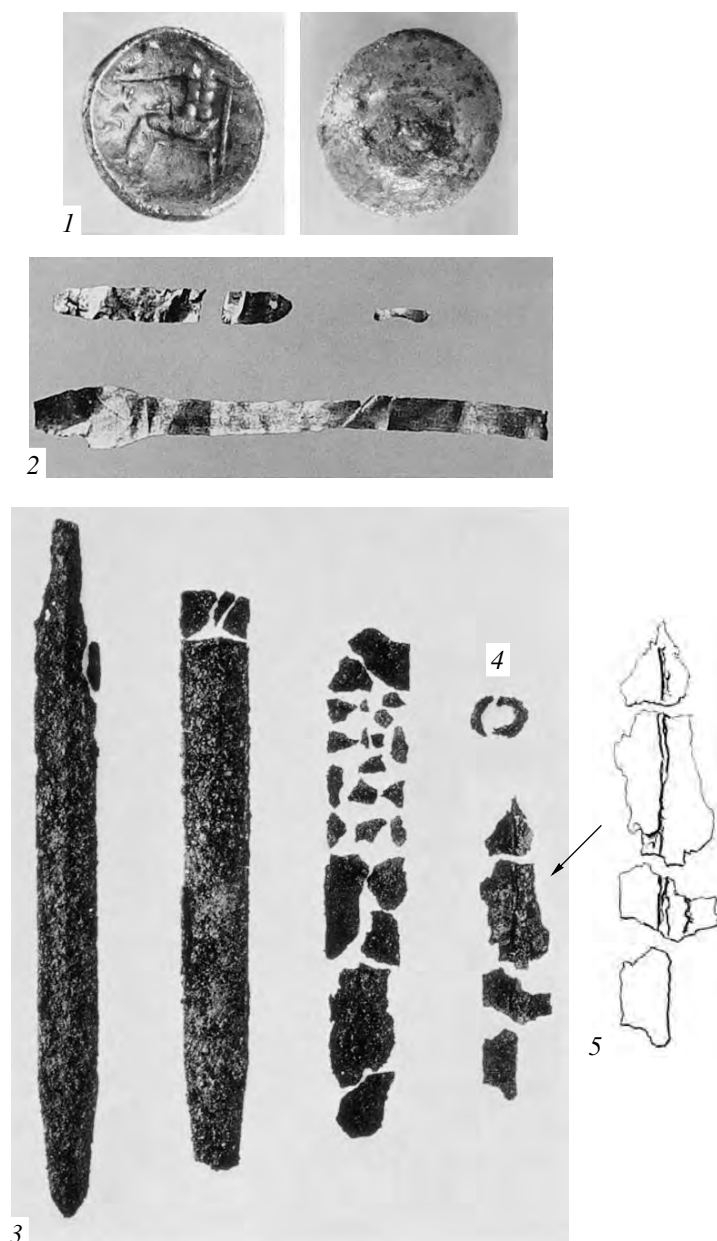

Рис. 5. Некрополь Богазкёй. Инвентарь каменной гробницы № 11, южный сектор: 1 – серебряная монета Бругитара; 2 – детали серебряного венка из каменной гробницы № 3; 3 – фрагменты железного меча и железных ножен; 4 – фрагменты железного кольца; 5 – фрагменты железного наконечника копья (по: Kühne, 1969; Boehmer, 1972).

Инвентарь: длинный железный меч, фрагменты деревянных ножен с металлическими деталями (продольные железные скобы с бронзовыми поперечными перекладинами) (рис. 4, 2), бронзовая литая фибула в виде дельфина с остатками железной иглы (рис. 4, 3), фрагменты золотого венка (рис. 4, 1), рельефная керамическая чаша с лаковым покрытием, украшенная четырехлучевыми звездами и спиральными завитками, три веретенообразных унгентария из светло-коричневой глины с высокими ножками и тонкими длин-

ными горловинами, одноручный гончарный горшок с шаровидным корпусом (Bittel, Naumann, 1939. S. 33–35; 1952. S. 120, 121; Boehmer, 1972. S. 68).

2. Каменная гробница № 3, участок храма № 1. Погребение взрослого человека на спине, в вытянутом положении, головой на восток.

Инвентарь: у правой ноги – железный меч в железных ножнах (рис. 5, 3) с железным кольцом (рис. 5, 4), под мечом – три фрагмента железного наконечника копья (рис. 5, 5) (Kühne, 1969. S. 39).

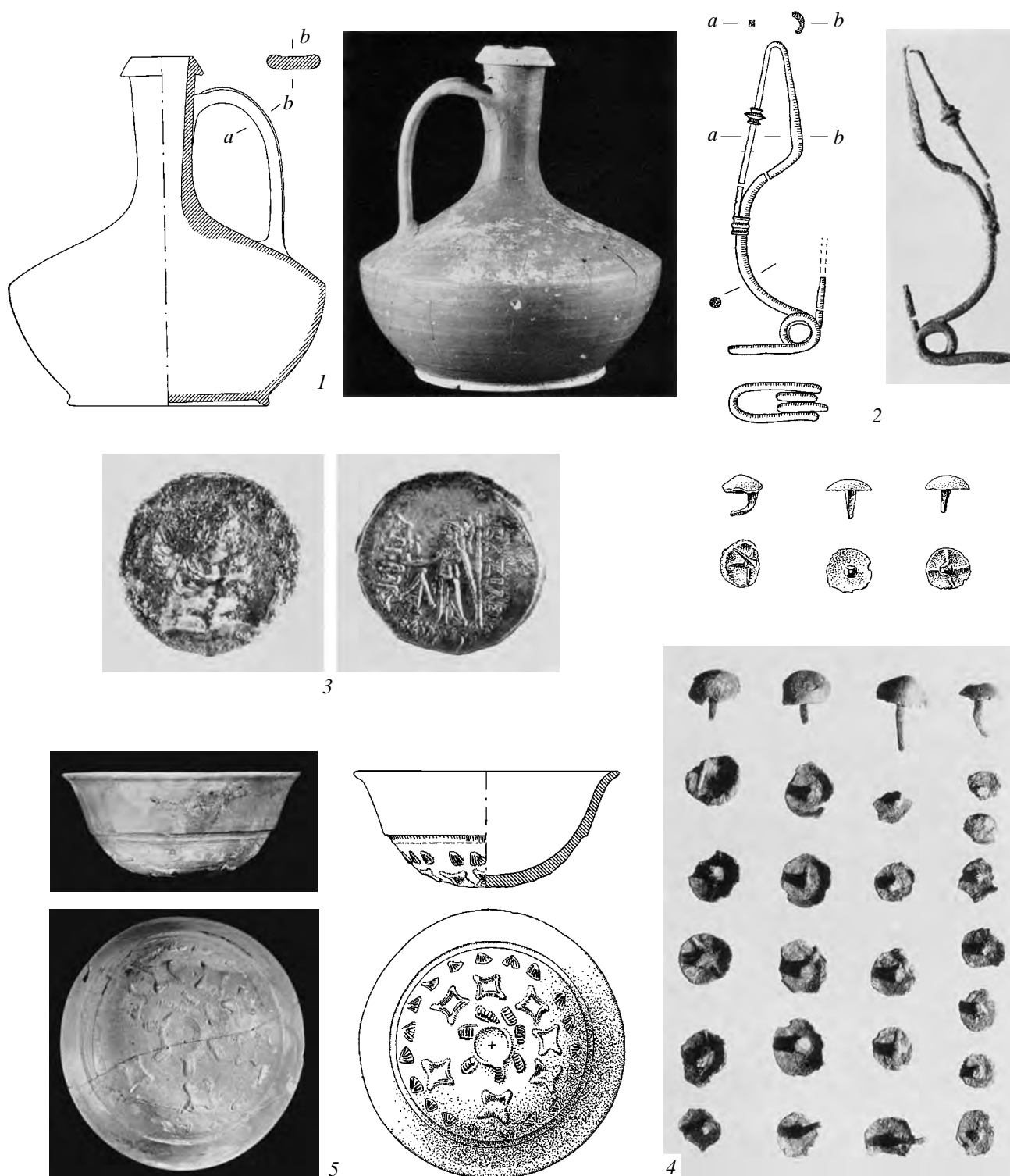

Рис. 6. Некрополь Богазкёй. Каменная гробница № 12, южный сектор, инвентарь: 1 – краснолаковый кувшин; 2 – фибула железная; 3 – монета серебряная Ариобазарна I (Кападокия); 4 – железные гвозди (обивка подошв сандалий); 5 – мегарская чаша (по: Kühne, 1969; Boehmer, 1972).

3. Каменная гробница № 11, южный сектор. Была сложена из больших плит, скелет взрослого человека лежал на правом боку, головой на юго-восток.

Инвентарь: в раздавленном черепе лежала серебряная тетрадрахма царя Брогитара (Brogitarus) первой половины I в. до н.э. (рис. 5, 1), фрагменты серебряной диадемы – венка в виде длинных пла-

стин с закругленными окончаниями (рис. 5, 2), фрагменты железного предмета (Bittel, 1969. S. 47; Kühne, 1969. S. 41).

4. Каменная гробница 12 (рис. 2), южный сектор. Скелет взрослого человека лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища.

Инвентарь: у левого плеча, под нижней челюстью – серебряная драхма каппадокийского царя Ариобазарна I (70–63 гг. до н.э.) (рис. 6, 3), у ног с левой стороны – краснолаковый кувшин из красно-коричневой глины (рис. 6, 1) и “мегарская” чаша из тонко отмученной коричневой глины, покрытая красно-коричневым лаком хорошего качества (рис. 6, 5). Под кувшином была найдена железная фибула среднелатенской схемы (рис. 6, 2), на левой руке – маленькое железное кольцо. У стоп, под сосудами, были найдены 25 железных гвоздей с полусферическими шляпками (рис. 6, 4) – обивка подошвы кожаных сандалий. (Bittel, 1969. S. 47; Kühne, 1969. S. 40; Boehmer, 1972. S. 139).

Таким образом, знакомство с материалами некрополя в Богазкёе показывает картину, отличную от той, которая была представлена в работе Б.А. Раева, А.В. Симоненко и М.Ю. Трейстера (1990).

Во-первых, теперь окончательно становится очевидным, что погребение (комплекс) со шлемом Монтефортино, латенским мечом, копьями, фибулами среднелатенской схемы и монетой Ариобазарна I на самом деле не существует ни на этом некрополе, ни вообще в Малой Азии. Следовательно, исчезает и какое-либо археологическое обоснование гипотезы о малоазийском (галатском) происхождении северопричерноморских шлемов Монтефортино и их хозяевах-сарматах, участниках малоазийских походов Митридата VI Евпатора.

Последствия такой ошибки оказались весьма значительными. Неправильная, основанная на некорректной информации датировка шлемов типа Монтефортино IV–III вв. до н.э. (Раев и др., 1990. С. 119, 120)³ в совокупности с несуществующим комплексом, якобы надежно фиксирующим факт их значительного запаздывания, прочно закрепили в отечественной науке убеждение в том, что “...шлемы типа Монтефортино находились в употреблении часто в течение столетий, неоднократно меняя своих владельцев” (Раев и др., 1990. С. 125; Полин, 1992. С. 52; Шукин, 1994. С. 143; Виноградов, 1999. С. 77, 79; Туаллагов, 2002. С. 100),

³ Примечательно, что в одной из своих ранних работ А.В. Симоненко со ссылкой на работу Г. Робинсона (Robinson, 1975. P. 19. III. 9) датировал шлем типа Монтефортино из Марьевки концом III–II в. до н.э. и отрицал сарматскую принадлежность комплекса, в котором он был найден (Симоненко, 1986. С. 65–67). Археологический контекст находок подобных шлемов в южной Франции, Испании и северной Италии также дает диапазон дат в рамках позднего III–II в. до н.э. (Зайцев, 2005. С. 93, 94).

что повлекло за собой далеко идущие исторические выводы.

Во-вторых, найденные в различных погребениях некрополя Богазкёй меч, наконечники копий, фибулы среднелатенской схемы не имеют прямых соответствий среди находок в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Это обстоятельство не позволяет поддерживать и вывод о малоазийском (галатском) происхождении латенских древностей Северного Причерноморья и, на этом основании, их преимущественную датировку временем Митридатовых войн (рубеж II–I вв. до н.э. – первая треть I в. до н.э.) (Трейстер, 1992. С. 39, 40; Еременко, 1997. С. 180–182).

Некоторые особенности погребального инвентаря – меч с признаками республиканского гладиуса, шарнирная литая фибула, погребальные венки, железные гвозди в качестве подбивки сандалий – в сочетании с монетными находками делают более вероятным датировку рассмотренных погребений некрополя в Богазкёе временем, близким к начальному этапу установления римского господства в малоазийской Галатии, сразу после падения державы Митридата VI Евпатора.

Статья подготовлена по проекту “Северное Причерноморье и латенские культуры в III–I вв. до н.э. Культурные контакты и взаимовлияния” при поддержке фонда А. фон Гумбольта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бруяко И.В., Россохацкий А.А. Кельто-италийский шлем из коллекции Белгород-Днестровского музея // Петербургский археол. вест. 1993. № 7.
- Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (своеобразие стабилизации в регионе второй половины III – первой половины II в. до н.э.) // *Hyperboreus: studia classica*. 1999. V. 5. F. 1.
- Еременко В.Е. “Кельтская вуаль” и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб., 1997.
- Зайцев Ю.П. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвертая кубанская археол. конф. Тез. и докл. Краснодар, 2005.
- Зайцев Ю.П. Шлемы типа Монтефортино и галатский некрополь в Богазкёе: один миф отечественной сарматологии // XXIV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Нальчик, 2006.
- Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Раев Б.А. Бронзовый шлем из коллекции Новочеркасского музея // КСИА. 1988. № 194.
- Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Редина Е.Ф., Симоненко А.В. “Клад” конца II–I в. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей

- Восточной Европы // Матер. и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002.
- Симоненко О.В. Пізньоскіфський комплекс з с. Мар'ївка Миколаївської обл. // Археологія. 1986. № 55.
- Симоненко А.В. Клады снаряжения всадника II–I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая кубанская археол. конф. Тез. докл. Краснодар, 1993.
- Симоненко А.В. Северное Причерноморье в составе сарматской культурно-исторической общности // Проблемы истории и культуры сарматов. Тез. докл. Междунар. конф. Волгоград, 1994.
- Симоненко А.В. Погребение у с. Чистенькое и “странные” комплексы последних веков до н.э. // Нижне-волжский археол. вестн. Вып. 4. Волгоград, 2001.
- Симоненко А.В. Тираспольские курганы, “странные комплексы” и сираки на Днестре // Четвертая кубанская археол. конф. Тез. докл. Краснодар, 2005.
- Трейстер М.Ю. Кельти у Північному Причорномор'ї // Археологія. 1992. № 2.
- Туаллагов А.А. Две находки импортных шлемов из Центрального Предкавказья // Античная цивилизация и варварский мир. Матер. 8-го археол. семинара. Краснодар, 2002.
- Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Bittel K. Die Galater in Kleinasien, archäologisch gesehen // Assimilation et résistance à la culture gréco-romaine dans le monde ancien. Travaux du VIe Congrès International d'Etudes Classiques. Madrid, 1974. București; Paris, 1976.
- Bittel K. Die Galater, archäologisch gesehen // Proceedings of the Xth International Congress of Classical Archaeology. Ankara; Izmir, 1973. Ankara, 1978.
- Bittel K., Naumann R. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Boğazköy 1938 // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin. 1939. № 77.
- Bittel K., Naumann R. Boğazköy–Hattuša. Ergebnisse der Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts und der Deutschen Orient-Gesellschaft in den Jahren 1931–1939. Stuttgart, 1952.
- Bittel K. Bemerkungen zu einigen späthellenistischen Grabfunden aus dem sogenannten Südaerial im Bezirk des Tempels I in Boğazköy // Boğazköy IV. Funde aus den Grabungen 1967 und 1968. Berlin, 1969.
- Kühne H. Die Bestattungen der hellenistischen bis spätkaiserzeitlichen periode // Boğazköy IV. Funde aus den Grabungen 1967 und 1968. Berlin, 1969.
- Boehmer M. R. Die Kleinfunde von Boğazköy. Aus den Grabungscampagnen 1931–1939 und 1952–1969. Berlin, 1972.
- Raev B., Simonenko A., Treister M. Etrusco-italic and celtic helmets in Eastern Europe // Jahrbuch des römisch-germanischen Zentralmuseums. № 38. T. 2. Mainz, 1991.
- Robinson H.R. The armour of imperial Rome. L., 1975.
- Treister M. Ju. Etruscan objects in the North Pontic Area and the ways of their penetration // Studi etruschi. 1991. V. LVII–MCMXCI (Serie III).
- Treister M. Ju. The Celts in the north Pontic area: a reassessment // Antiquity. 1993. V. 67. № 257.
- Shchukin M.B. Rome and Barbarians in Central and Eastern Europe (Ist c. B.C. – Ist c. A.D.) // BAR. International Ser. 1989. № 542.

Montefortino helmets and the alleged assemblage from the Galatian necropolis at Bogazköy

Yu. P. Zaitsev

Summary

The article is devoted to correcting the erroneous information about a burial in Bogazköy (Anatolia, Asia Minor) which allegedly contained a Montefortino helmet, a coin of the first half of the 1st c. AD, La Tène weapons and fibulae. In reality, the items in question were found in different places: the helmet was a chance find, and the weapons, fibulae and coins come from several burials in the Bogazköy necropolis. This non-existent assemblage was mentioned over 15 years ago and served as basis for conclusions about significant time-delay for helmets of the said type and about Sarmatians who participated in the wars of Mithridates VI Eupator, reached Galatia and brought the helmets to the North Pontic area. The real story deprives the above conclusions of archaeological proof and also shows the problems connected with direct comparison of La Tène antiquities from the North Pontic area and Asia Minor.

КУЛЬТ СВЯЩЕННЫХ ДЕРЕВЬЕВ В РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА (VII–VIII вв.)

© 2008 г. Л. Б. Гмыря

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала

Мовсес Каланкатуаци – армяноязычный историк, автор “Истории страны алван”, описывая крещение населения “страны гуннов”, проведенное албанской христианской миссией епископа Исраила в январе–апреле 682 г., привел также многочисленные данные о сущности языческих верований, господствовавших среди населения этого политического образования (История агван..., 1861. С. 190–208; Мовсес Каланкатуаци, 1984. С. 123–132; The History..., 1961. P. 153–168). Автор обратил особое внимание на культ священных деревьев, выделив его среди других не менее важных (культы солнца, луны, неба, земли, воды, огня, молнии, дождя, предков и др.). Им приведены данные о внешнем облике этих культовых объектов, их функциях, обряде жертвоприношения, в котором были задействованы священные деревья. Автор особо отметил табуированность священных деревьев, а также факт существования в организации священнослужителей специального разряда жрецов – смотрителей священных деревьев.

Комплекс сведений о культе священных деревьев в “стране гуннов” дает возможность реконструировать его содержание, определить семантику и место в системе религиозных представлений населения¹. Однако специальных работ о культе священных деревьев у населения “страны гуннов” в литературе нет, хотя его наличие отмечено рядом исследователей (Артамонов, 2002. С. 205; Федоров, 1972. С. 24; Новосельцев, 1990. С. 146; Кляшторный, Савинов, 1994. С. 86; Кляшторный, Султанов, 2000. С. 162; Кляшторный, 2006. С. 135). В некоторых работах священные деревья определены как атрибуты культа растительного плодородия (Гмыря, 1986. С. 93, 94; 1995. С. 222–225), что не отражает всей полноты религиозных представлений об этом культовом объекте. Им придана также функция “символов и ипостасей” верховного божества Неба Тенгри-хана (Кляшторный, 2006. С. 315).

“Страна гуннов”, по данным армяноязычных источников, находилась в приморье – к северу от Дербентского прохода, “близ моря”, “при подош-

ве гор”; его жители определялись как “народ, живший у Каспийских ворот”, местонахождение же столичного города Варачана, где проходил первый этап христианизации, указывалось к западу от Дербента “у Кавказа” (История императора Иракла..., 1862. С. 30, 31, 164; Армянская география VII в..., 1877. С. 38; Патканов, 1883. С. 30; Мовсес Каланкатуаци, 1984. С. 69, 90, 99, 101, 103).

Долгое время исследователи не связывали информацию Мовсеса Каланкатуаци о культе священных деревьев в “стране гуннов” с находками на двух могильниках предгорной и горной зон Дагестана керамических кувшинов, украшенных стилизованным изображением дерева. Начало серии сосудов с изображением дерева (три сосуда и обломки) было положено раскопками К.Ф. Смирнова в 1950–1951 гг. Агачкалинского поселения и одноименного могильника (рис. 1, 2, 6–8) (Смирнов, 1952. С. 93–95. Рис. 39, 30, 32; Гмыря, 2001. С. 61, 73, 74. Рис. V, 3–5). По одному кувшину с аналогичным орнаментом было обнаружено в погребении 5 Галлинского могильника в 1957 г. (рис. 3, 5) (Атаев, 1961. С. 232. Рис. 9, 6) и в погребении 2 Дурангинского могильника в 1959 г. (рис. 3, 4) (Пиккуль, 1991. С. 179. Рис. 8, 3).

В 1960–1963 г. при раскопках городища Урцек экспедицией В.Г. Котовича была получена большая коллекция кувшинов с изображением дерева: целые сосуды, крупные обломки с деталями декора и опознаваемые фрагменты (рис. 2, 1–3; 4, 1; 5, 1–4) (Маммаев, 1967. С. 148–153. Рис. 1–5; 1989. С. 66–68. Рис. 105–108; Гмыря, 2001. С. 75. Рис. XI; Гаджиев, 2002. С. 117. Рис. 46, 10, 11; 47, 2, 12, 15; 48, 1, 2; 49, 8). М.М. Маммаев, рассматривая эволюцию одного из типов орнаментики в декоративно-прикладном искусстве народов Дагестана XIX–XX вв., обозначающего как “дерево”, пришел к выводу, что его прототипом являлась композиция, включавшая изображение дерева на сосудах Урцекинского городища, символика которого была определена как “древо жизни” (Маммаев, 1967. С. 148, 161, 162). Автор привел сводку находок сосудов с изображением дерева, но не указал кувшин из могильника Дуранги 1959 г. (Маммаев, 1967. С. 154. Прим. 16–18).

Для выявления этнокультурных истоков изобразительного сюжета с деревом на сосудах из Да-

¹ Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада «Кувшины с орнаментом “древо жизни” с территории Дагестана» (Гмыря, 2004. С. 42–45).

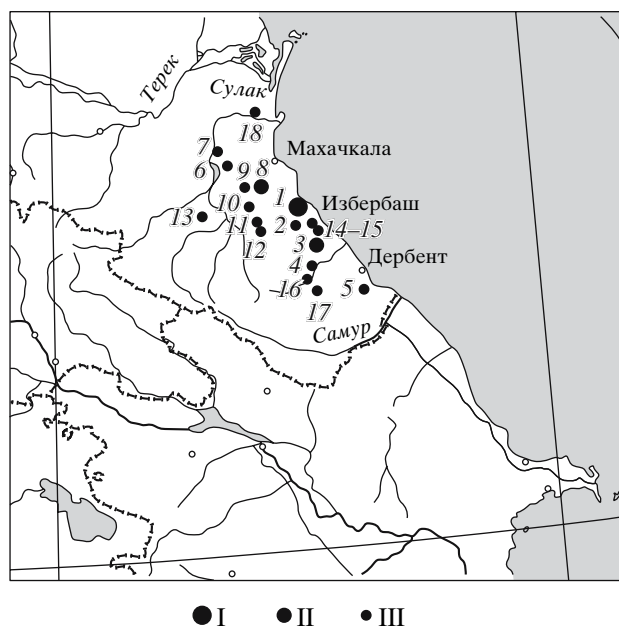

Рис. 1. Ареал сосудов с изображением дерева. 1 – Урцки гор.; 2 – Урцки мог.; 3 – Таргу мог.; 4 – Таргу гор.; 5 – Паласа-сырт. гор.; 6 – Верхний Чирюрт пос.; 7 – Верхний Чирюрт гор.; 8 – Агачкала пос.; 9 – Агачкала мог.; 10 – Дуранги мог.; 11 – Охли гор.; 12 – Нижнее Чугли гор.; 13 – Галла мог.; 14 – Оглан-бег пос.; 15 – Чакавуркент гор.; 16 – Кичи-Гамри пос. № 3; 17 – Уркарах мог.; 18 – Львовский Первый – 4; I – массовые находки; II – преобладающий тип керамики; III – единичные находки.

гестана, М.М. Маммаев обратился к сведениям Мовсеса Каланкатуаци о культе священных деревьев в “стране гуннов”, считая, что под гуннами в источнике подразумевается и “местное аборигенное население Дагестана” (Маммаев, 1967. С. 156. Прим. 30). Позже М.М. Маммаев пришел к заключению, что “...на формы и на декор ранне-средневековых керамических кувшинов значительное влияние оказали изделия из металла”, имея в виду бронзовый кувшин сасанидского круга искусства с изображением дерева и птиц по его сторонам (Маммаев, 1989. С. 67, 68. Рис. 65. См. также фото: Тревер, 1959. Табл. 30, 31). В новом перечне памятников с находками сосудов с изображением дерева, приведенном автором, нет сведений о сосудах с аналогичными изображениями, выявленными на поселении Агачкала в 1980 и 1982 г. (Гмыря, 1984. С. 81, 84. Рис. 3–6) и на могильнике Таргу в 1972, 1974 и 1978 гг. (Гмыря и др., 1973. С. 121; Котович В.Г. и др., 1983. С. 4, 5).

На могильнике Таргу в 33 грунтовых погребениях найдено 14 однотипных кувшинов, украшенных изображением дерева или отдельными деталями этого сюжета (рис. 3, 1–3; 6, 1–4) (Гмыря, 2001. С. 77. Рис. XII, 1–6). Эта коллекция интересна как многообразием стилистики в изображении дерева, так и тем, что в ее составе имеются сосу-

ды, рисунки дерева на которых свидетельствуют о тенденции трансформации определенных канонов его изображения. Новая коллекция с поселения Агачкала включала два целых сосуда и 104 опознаваемых фрагмента (рис. 2, 4, 5). В культурном слое поселения были обнаружены также крупные фрагменты кувшинов, на которых изображение ветвей дерева было замещено изображением змей на тулове (рис. 7, 3–5) (Гмыря, 1984. С. 81, 84. Рис. 5, 6; 2001. С. 69, 70, 77. Рис. VI).

В публикации материалов Агачкалинского поселения 1951–1952 и 1980, 1982 годов была приведена полная сводка находок сосудов с изображением дерева (Гмыря, 2001. С. 75), а также воспроизведены некоторые их экземпляры с городища Урцки и могильника Таргу (Гмыря, 2001. Рис. XI, XII). Был также затронут вопрос о генезисе орнаментального мотива, включавшего изображение дерева, при этом отмечена несомненная связь сюжета декора сосудов этого типа с характером мировоззрения населения, обитавшего в Прикаспийском Дагестане (Гмыря, 2001. С. 77).

Серия кувшинов с изображением дерева включает также один сосуд из разрушенного в 1970 г. погребения могильника Уркарах (рис. 7, 2) (Маммаев, 1999. С. 217. Рис. 5; 2005. С. 20. Рис. 6) и еще один из погребения 1/1 кургана 18 могильника Львовский Первый–4, раскопки которого производились в 1986 г. Г.Г. Пятых (рис. 7, 1) (Абрамова и др., 2001. С. 11, 48. Рис. 23, 3). Аналогия этому сосуду (Гаджиев, 1984. Табл. II, 6; IV, 10), приведенная в публикации материалов могильника, является неполной, поскольку не учитывает находки этой керамики на основных памятниках (гор. Урцки, пос. Агачкала, мог. Таргу).

Кувшины, орнаментированные изображением дерева, представлены в материалах 18 археологических памятников Дагестана (рис. 1). Однако их основные находки (13 памятников) ограничены равнинными и предгорными районами Центрального Дагестана (рис. 1, 1–4, 8–12, 14, 15–17). И только на трех памятниках (гор. Урцки, пос. Агачкала, мог. Таргу) (рис. 1, 1, 3, 8) сосуды с изображением дерева являлись характерным типом керамического комплекса на определенном этапе их бытования. Находки на других памятниках этой локальной группы единичны, малочисленны или представлены в подъемном материале. На ряде памятников Прикаспийского Дагестана (рис. 1, 5–7) выявлены единичные фрагменты керамики с елочным орнаментом, но на сосудах иных типов. Некоторые из них могут быть восприняты как изобразительные реплики господствовавшего в этом регионе мифа (Гмыря, 2005. С. 151. Рис. 5, 3).

Характерными признаками кувшинов этой серии являются: 1) тулово грушевидной формы; 2) высокая горловина усеченно-конусовидной фор-

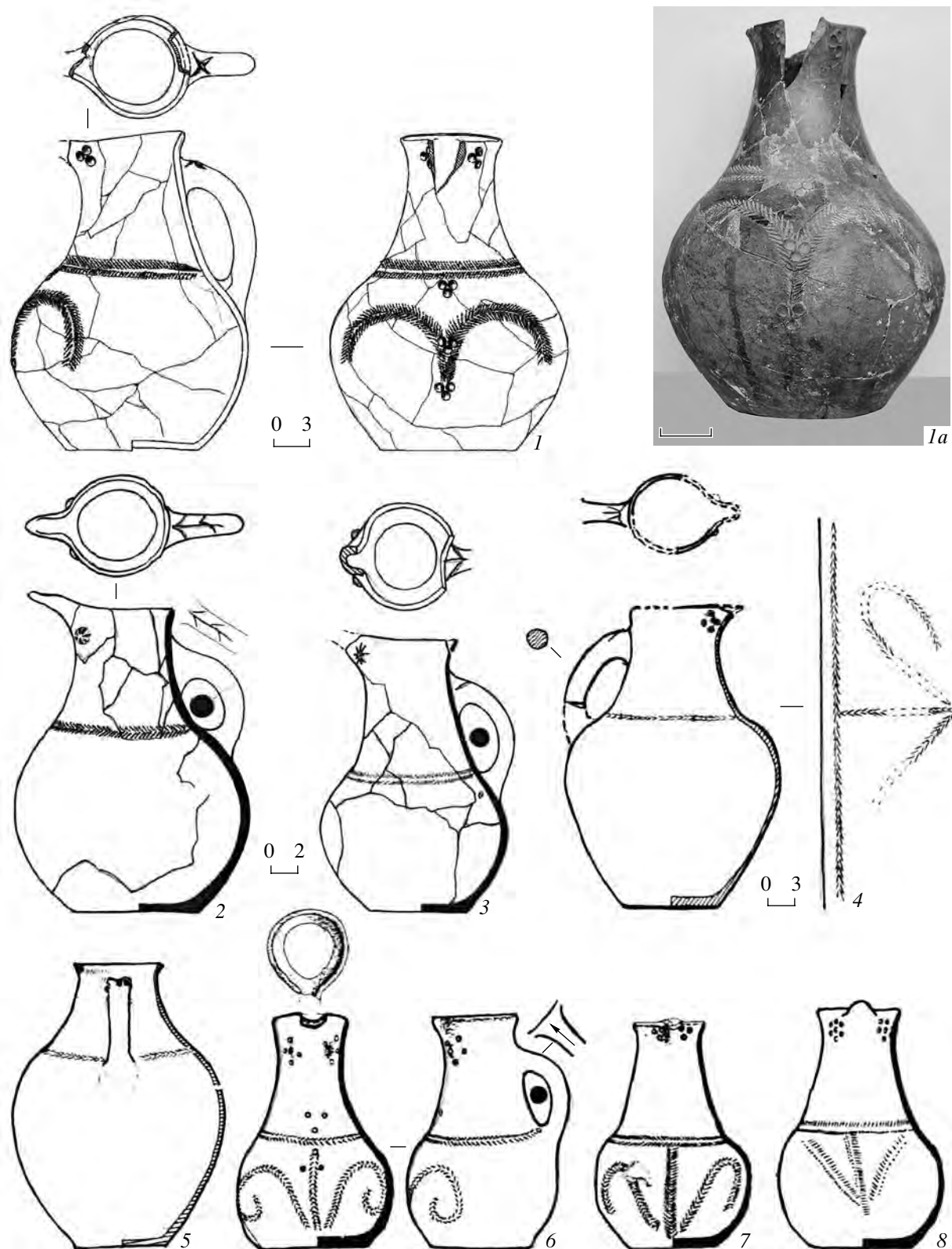

Рис. 2. Кувшины с изображением дерева. 1, 1a, 2, 3 – Урцки гор. (1, 1a – р. 1: 1961 г.; 2, 4 – р. 13, помещ. 4: 1963 г.; 3 – р. – IV, помещ. 5: 1960 г.; 4, 5, 7, 8 – Агачкала пос. (4, 5 – р. 1, хоз. яма № 2: 1980 г.; 7 – р. 1, кв. Б3, шт. 2: 1950 г.; 8 – р. 1, кв. В4, шт. 2: 1951 г.); 6 – Агачкала мог. (кв. 30: 1950 г.).

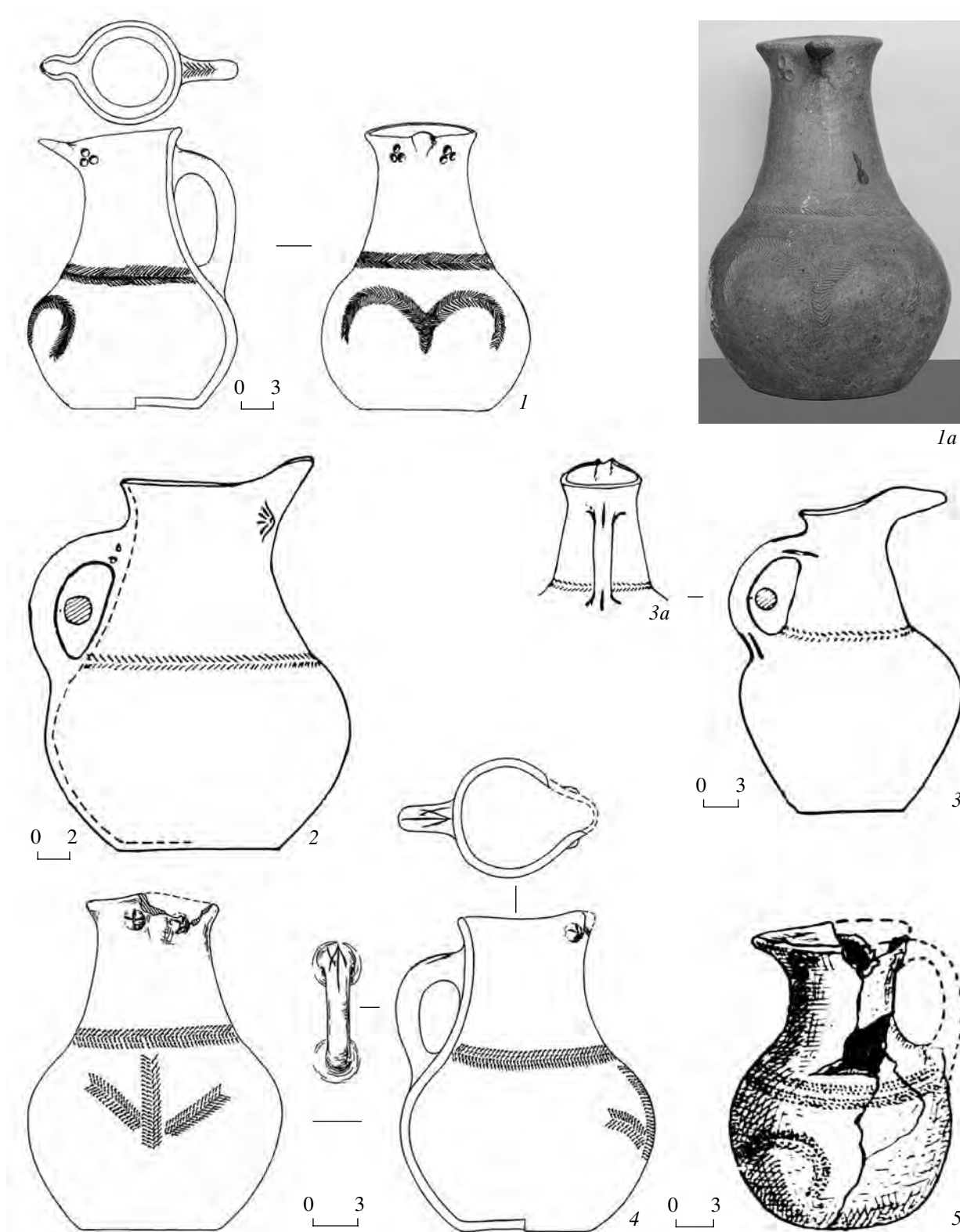

Рис. 3. Кувшины с изображением дерева. 1, 1a, 2, 3 – Таргу мог. (1, 1a – р. 4, п. 7: 1972 г.; 2 – р. 9, п. 8: 1974 г.; 3 – р. 9, п. 7: 1974 г.); 4 – Дуранги мог. (склеп 2, п. 2: 1959 г.); 5 – Галла мог. (р. 2, п. 5: 1957 г.) (5 – по: Атаев, 1961. Рис. 9, 6).

мы; 3) красно-коричневый цвет поверхности (лощение); 4) слив клювовидной формы с “глазками”; 5) лента елочного орнамента по основанию горловины; 6) изображение дерева на передней части тулова; 7) основная стилистика изображения дерева – вертикальный ствол и две изогнутые дугой вверх ветки по обе стороны от него; 8) преобладающий изобразительный прием рисунка дерева – елочный орнамент. *Дополнительными элементами* декора этих сосудов являются 1) резной знак на ручке; 2) оттиски поллой трубочки в виде одно-семилепестковых розеток. *Редкими элементами* декора являются 1) профильное изображение пары оленей по обе стороны от дерева, мордой к нему; 2) профильное изображение пары птиц по обе стороны от дерева, клювами к нему.

Исходя из количества компонентов, составляющих декор тулова кувшинов, выделяются четыре версии изобразительного ряда: 1) *полная*; 2) *частичная*; 3) *основная*; 4) *лаконичная*. Изображения дерева с отступлениями от основной версии и 3) изображения змей вошли в группу *трансформированных* изображений.

Полная версия изображения сюжета имеется только на одном сосуде высотой 0,7 м (гор. Урцеки) (рис. 4, 1г). На передней части тулова помещено рельефное изображение дерева в виде вертикального ствола и двух ветвей, закрученных в форме двухвитковой спирали. По обе стороны от ветвей помещены профильные изображения оленей с ветвистыми рогами, их морды обращены к дереву. Под стволом дерева – фигура в виде двух дуг, выходящих из короткого вертикального отростка (рис. 4, 1г) (Маммаев, 1967. С. 149–151; 1989. С. 66, 67), интерпретируемая нами как профильное изображение птицы (иная версия – корни дерева; см.: Маммаев, 1989. С. 67). Под нижним основанием ручки помещены две фигуры: 1) фигура, состоящая из двух элементов, – дугобразной (правое изображение) и полудуги (левое изображение), которые выходят из короткого вертикального отростка (рис. 4, 1а). Эта фигура интерпретируется нами как профильное изображение птицы (полудуга – хвост; дуга – изогнутая шея, голова с глазом; отросток – ноги); существует иная версия – символическое изображение дерева (Маммаев, 1989. С. 67); 2) фигура в виде двойного круга (рис. 4, 1б). Интерпретация – изображение солнца (Маммаев, 1989. С. 67). На сливном носике по бокам изображены ветви дерева, поверхность его перемычки украшена круглыми вдавлениями (рис. 4, 1д–е). Изображение на этом сосуде имеет дополнительные детали: 1–4–6–7-лепестковые оттиски поллой трубочки. Полная версия изобразительного сюжета включает все восемь характерных признаков этих сосудов, один дополнительный и четыре редких (1, 3–5).

Частичная версия изображения сюжета имеется также только на одном сосуде (гор. Урцеки) (рис. 5, 1, 1а). На передней части тулова помещено рельефное изображение дерева – вертикальный ствол и две ветви по обе стороны от него, закрученные в форме трехвитковой спирали. По обе стороны от ветвей дерева изображены парные фигуры, идентичные птицевидной фигуре под стволом дерева кувшина с полной версией изобразительного сюжета (рис. 4, 1г): две дуги, выходящие из короткого вертикального отростка. Наша интерпретация – изображение птиц (иная версия – стилизованные изображения деревьев; см.: Маммаев, 1967. С. 152). Дополнительные детали изображения: 3–4–7-лепестковые оттиски поллой трубочки. Сосуд сохранился фрагментарно, его обломками был выставлен под печи помещения 1 (раскоп 14), поэтому декор сливного носика и ручки неизвестен. В целом у этого сосуда имеются семь характерных признаков из восьми, один дополнительный и один редкий элемент.

Основная версия изображения имеется на большинстве сосудов этой серии (гор. Урцеки, мог. Урцеки, пос. Агачкала, мог. Агачкала, мог. Таргу, гор. Таргу, мог. Галла) (рис. 5, 2, 3; 2, 4, 6, 7; 6, 1; 3, 5). На передней части тулова помещено рельефное или плоское изображение дерева: вертикальный ствол и две изогнутые дугой вверх ветки по обе стороны от него. В компоновке изображения дерева имеются вариации локального характера: ветви дерева отходят от основания его ствола (пос. Агачкала, мог. Агачкала) или от его среднего уровня (гор. Урцеки, мог. Урцеки, мог. Таргу, мог. Галла). Некоторые сосуды этой версии изображения сюжета украшены отпечатками поллой трубочки: 2–5, 7-лепестковые розетки. Основная версия сюжета включает все восемь характерных признаков сосудов этой серии и два дополнительных элемента, но не содержит изображений редких элементов.

Лаконичная версия изображения включает только ленту елочного орнамента по основанию горловины (гор. Урцеки, мог. Урцеки, пос. Агачкала; мог. Таргу, мог. Львовский Первый–4) (рис. 2, 2, 3, 5; 6, 4; 3, 1–3, 7). Дополнительные детали декора – резные знаки на ручках, насечки или отпечатки трубочки на рельефных глазках и др. Из восьми характерных признаков декора кувшины этой группы имеют шесть, а также все дополнительные. Но некоторые сосуды не имеют изображений “глазков”.

Трансформированные изображения дерева основной версии включают девять разновидностей: 1) изображение в виде равноконечного креста (боковые ветви отходят от ствола под прямым углом, гор. Урцеки) (рис. 5, 4); 2) противоположное направление насечек на ветвях (у левой – к стволу, правой – от ствола, гор. Урцеки два сосуда)

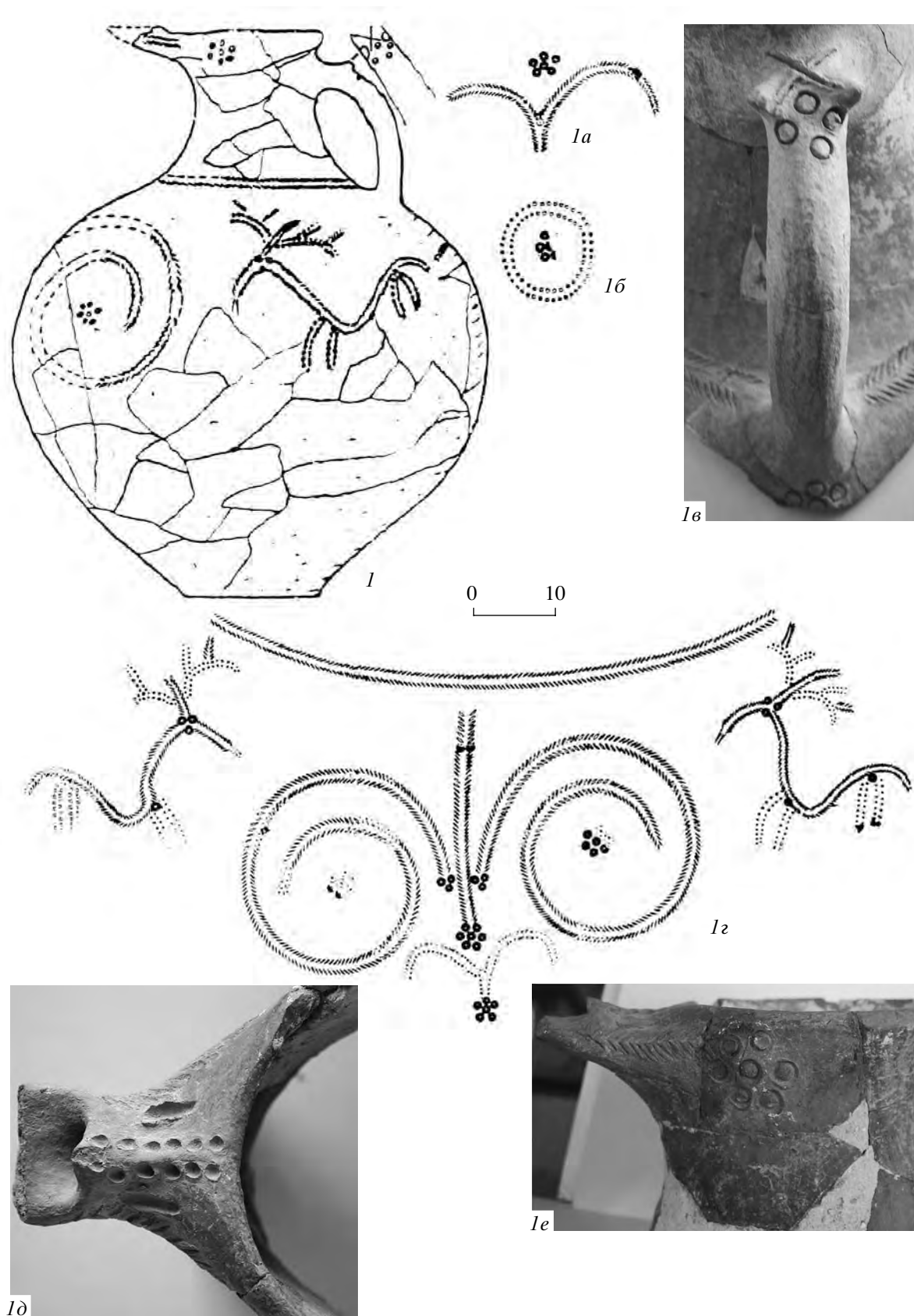

Рис. 4. Кувшины с изображением дерева. 1, 1а-е – Урцки гор. (р. 2, пом. 11: 1962 г.). (1, 1а, б, г – по: Маммаев, 1989. Рис. 105–107).

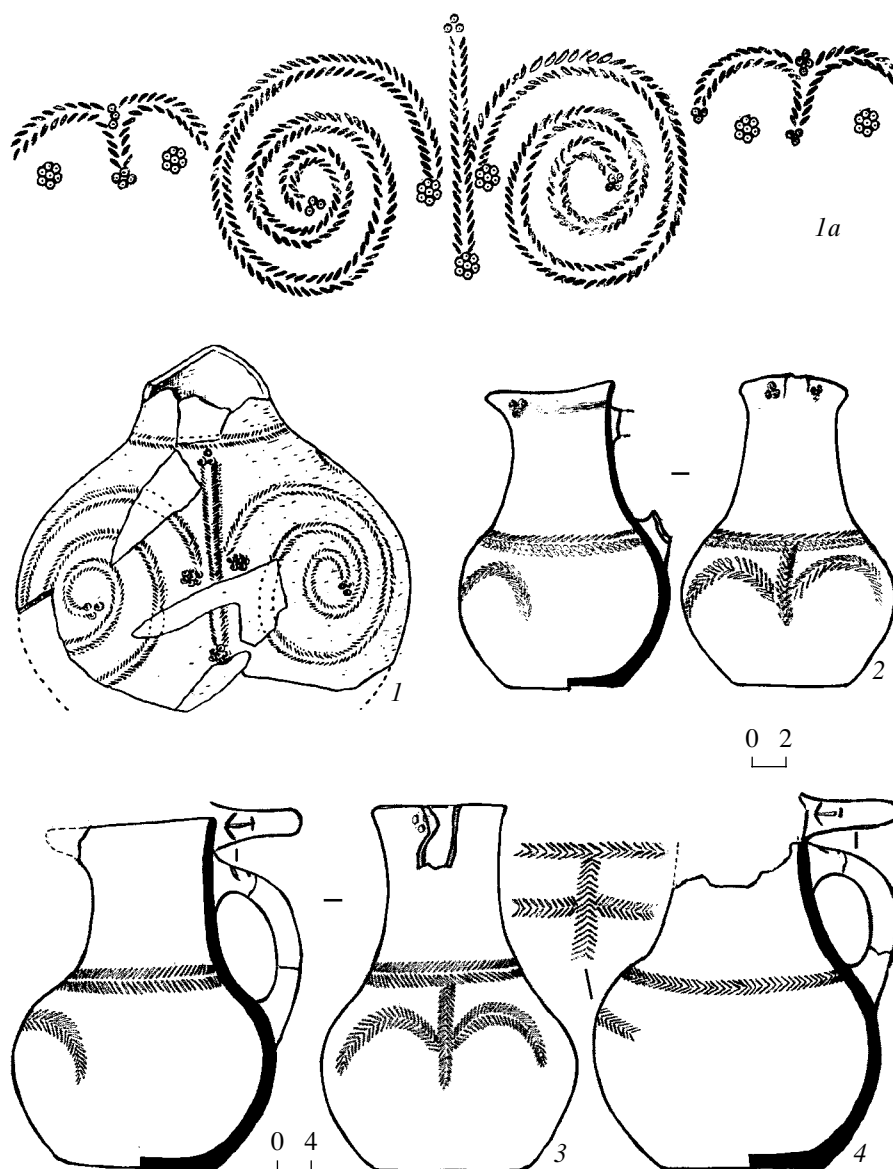

Рис. 5. Кувшины с изображением дерева. 1–4 – Урцеки гор. (1 – р. 14, пом. 1: 1963 г.; 2, 4 – р. 4, пом. 2: 1960 г.; 3 – р. 16: 1962 г.) (1 – по: Котович и др., 1963. Рис. 2"б", 10; 1a – по: Маммаев, 1989. Рис. 108, 1).

(рис. 5, 2); 3) две дуги, выходящие из короткого вертикального отростка, гор. Урцеки, мог. Таргу (рис. 2, 1, 1a; 3); 4) ветви дерева изображены в виде прямых отростков, направленных вверх, пос. Агачкала, мог. Дуранги (рис. 2, 8; 3, 4); 5) боковые ветви отходят от вершины ствола в виде дуг, обращенных концами к донцу сосуда. Дополнительная деталь композиции – изображение косога креста в виде ветвей дерева на передней части горловины сосуда, мог. Таргу (рис. 6, 3); 6) линейный орнамент вместо елочного, мог. Таргу (рис. 6, 2); 7) выходящие из одного центра три извилистые ленты елочного орнамента, обращенные концами к донцу (змеевидное изображение), мог. Уркарах (рис. 7, 2); 8) рельефные спирале-

видные изображения змей с елочным орнаментом, пос. Агачкала (рис. 7, 3, 3a, б, 5, 5a, б); 9) рельефное спиралевидное изображение змеи с отгисками полый трубочки, пос. Агачкала (рис. 7, 4, 4a, б. См.: Гмыря, 1984. Рис. 4, 4; 5, 1, 3, 4). Трансформированные изображения сюжетной версии сосуществуют с "классическими" видами изображений. Их наличие может быть связано с несколькими обстоятельствами: 1) авторской интерпретацией мифологического сюжета; 2) невысоким уровнем мастерства исполнителя; 3) влиянием христианства (крестовидные фигуры); 4) тенденцией замещения женского божества (дерево) мужским (змея, свернувшаяся в виде спирали). М.М. Маммаев объясняет наличие трансформированных

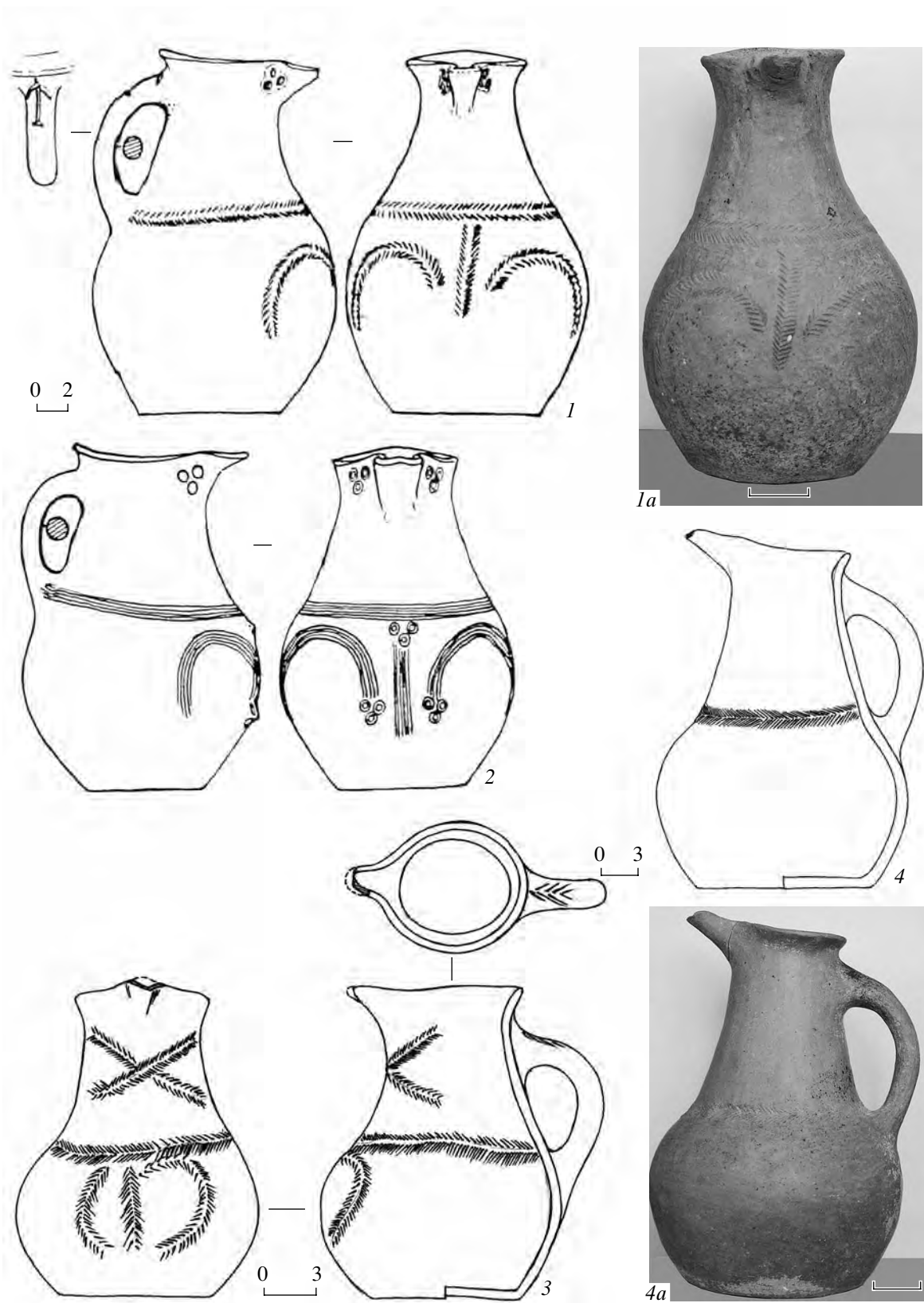

Рис. 6. Кувшины с изображением дерева. 1–4 – Таргу мог. (1, 1а – р. 9, п. 5: 1974 г.; 2 – р. 9, п. 6: 1974 г.; 3, 4, 4а – р. 14, п. 6а: 1978 г.

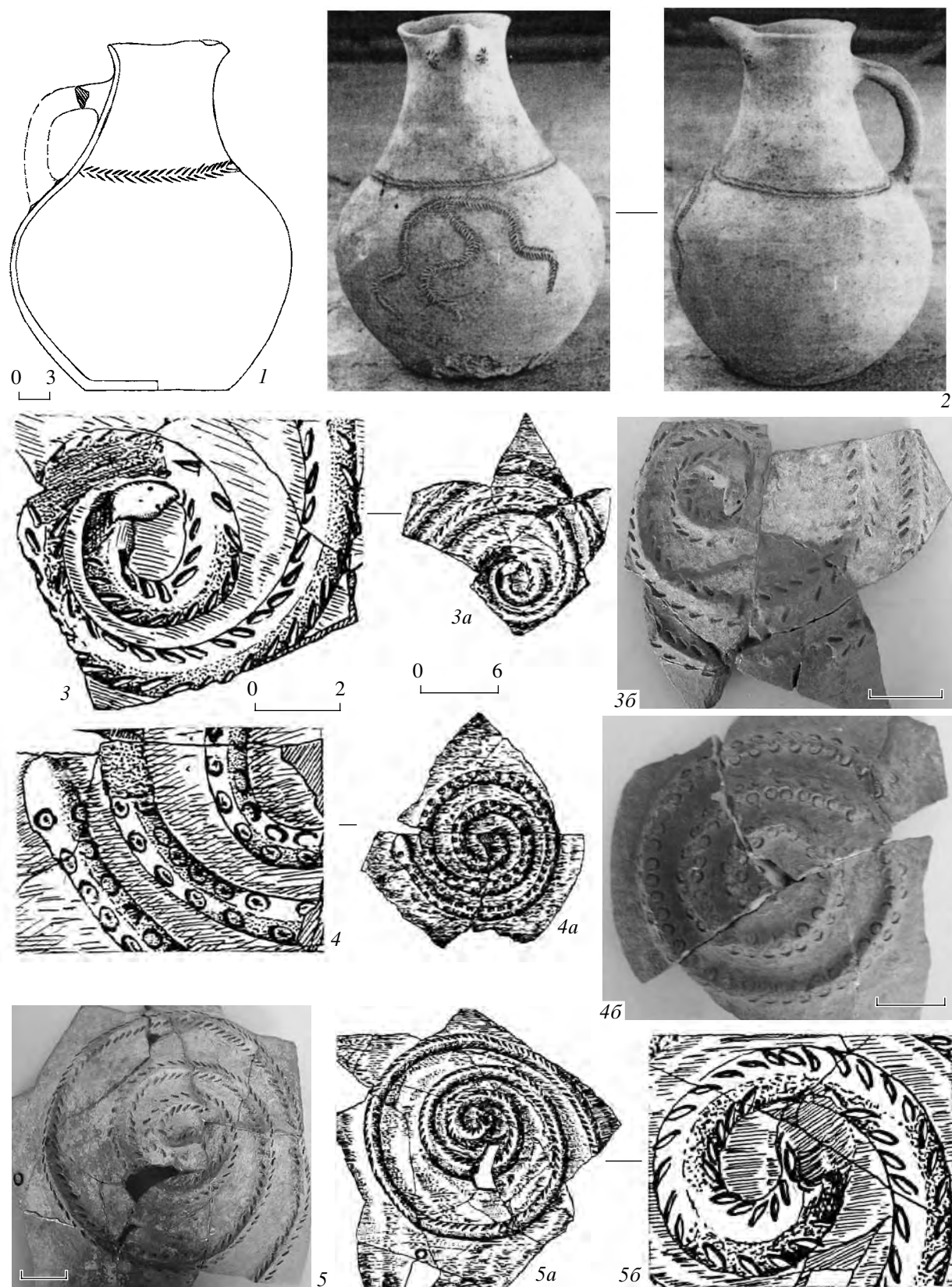

Рис. 7. Кувшины с изображением дерева и змей. 1 – Львовский Первый-4 мог. (к. 18, п. 1/1: 1986 г.); 2 – Уркарах мог.; 3–5 – Агачкала пос. (2 – по: Маммаев, 2005. Рис. 2).

изображений утратой смыслового содержания самого изображения (Маммаев, 1989. С. 68).

Датировка комплексов могильников и культурных слоев поселений, где представлены кувшины с изображением дерева, является одним из важнейших факторов при определении семантики этого орнаментального сюжета. Следует указать, что материалы трех из четырех основных памятников (гор. Урцеки, мог. Урцеки, мог. Таргу) не опубликованы. Их датировка носит предварительный характер и нуждается в доработке. Керамический комплекс городища Урцеки, в который входят кувшины с изображением дерева, отнесен IV–VII вв. (Котович В.Г. и др., 1960. С. 69). Кувшин из городища Урцеки с изображением дерева и оленей (рис. 4, 1) датируется VI–VII вв. (Маммаев, 1967. С. 152), серия кувшинов с изображением дерева VI–VIII вв. (Маммаев, 1989. С. 66). Мелкие сосуды этой серии из городища Урцеки, поселения Агачкала, могильника Агачкала, могильника Галла, городища Таргу отнесены к VII – началу VIII в. (Маммаев, 1989. С. 68) или V – началу VIII в. (Маммаев, 2005. С. 20). Комплекс из могильника Уркарах, включающий сосуд со змеевидными извилистыми отростками (рис. 7, 2), датируется VII – началом VIII в. (Маммаев, 2005. С. 21. Рис. 6. Подрисуночная подпись). Материалы могильника Таргу отнесены к VI – началу VIII в. (Котович В.Г. и др., 1973. С. 5) или V–VIII вв. (Котович В.Г. и др., 1983. С. 73). Комплекс с однотипным сосудом из могильника Дуранги (рис. 3, 4) датирован второй половиной VII в. (Пикуль, 1991. С. 179); с подобным сосудом из могильника Галла – V–VII вв. (Атаев, 1961. С. 232; 1959. С. 188). На городище Таргу подобная керамика встречается в слое VI – первой половины VIII в. (Котович В.Г. и др., 1974–1975. С. 19), на городищах Нижнее Чугли и Охли – в слое VIII–IX вв. (Абакаров, Гаджиев, 1980. С. 100, 101; 1983. С. 116). Время бытования Агачкалинского поселения первоначально отнесено к IX–X вв. (Смирнов, 1950. С. 38), но по новым материалам его культурный слой мощностью 0,5 м датируется VIII в., а время бытования кувшинов с изображением дерева и змей отнесено к первой половине VIII в. (Гмыря, 2001. С. 75, 77, 79). Погребальный комплекс кургана 18 могильника Львовский Первый–4, включающий единственный в керамической коллекции этого памятника кувшин с лентой елочного орнамента (рис. 7, 1), точно не датирован, но основные материалы этой курганный группы отнесены к III–IV вв. (Абрамова и др., 2001. С. 56). Попытки передатировать верхний культурный слой городища Урцеки и материалов могильника Таргу по красноангобирванной керамике, включающий также кувшины с изображением дерева, V–VI вв. (Гаджиев, 2002. С. 100, 108, 109) требуют более обоснованной аргументации, учитывающей вещевые закрытые комплексы как самого городи-

ща Урцеки и его могильников, так и других памятников Дагестана раннего средневековья.

В целом хронология основной серии кувшинов с изображением дерева, по литературным данным, укладывается в рамки VI–VIII вв. Наиболее ранний образец керамики этого типа – кувшин из могильника Львовский Первый–4, поздняя серия коллекции этих сосудов происходит из поселения Агачкала, могильника Агачкала, городищ Нижнее Чугли и Охли. Промежуточным временем (V – начало VIII в.) датируется керамика с изображением дерева с городища Урцеки и могильника Таргу. Формирование облика кувшинов с изображением дерева шло, вероятно, от неорнаментированных кувшинов грушевидной формы с птицевидными чертами (клювовидный слив, “глазки”) (Гмыря, 2001. С. 83. Прим. 108), представленных в материалах IV–V вв. Паласа-сыртского курганного могильника (Гмыря, 1993. С. 234. Рис. 33, 25) и Большого Буйнакского кургана (Абрамова, 1980. С. 125. Рис. V, 46), к кувшинам, декорированным лентой елочного орнамента на шейке, и от них – к сосудам с изображением дерева на тулове.

Семантика изобразительного сюжета с деревом на кувшинах рассматривалась небольшим числом исследователей. М.М. Маммаев связывает бытование этой композиции с несколькими факторами: влиянием переднеазиатской традиции искусства древности, тенденцией сасанидского искусства VI–VII вв., отражением идеологических представлений населения Прикаспийского Дагестана, зафиксированных в письменных источниках (Маммаев, 1967. С. 155, 156). Сам сюжет признается автором, со ссылками на других исследователей, древневосточным (Маммаев, 1989. С. 68). Парные зооморфные образы у дерева автор склонен считать отражающими идею родительской пары, плодородия и долговечности жизни (Маммаев, 1989. С. 68). А. Голан определил семантику изображения с деревом и оленями из городища Урцеки как “священную триаду”, в которой дерево символизирует богиню, а олени – двух прибогов (Голан, 1994. С. 156. Рис. 359, 3; Golan, 2003. P. 387. Fig. 474, 3). С.О. Хан-Магомедов привел в качестве примера одной из форм лабиринта, использовавшегося в декоративно-прикладном искусстве Дагестана, сюжет с деревом и птицами (рис. 5, 1), считая его символом “древа жизни” (Хан-Магомедов, 2000. С. 110, 146. Рис. 75).

По данным Мовсеса Каланкатуаци, в религиозных воззрениях населения “страны гуннов” священные деревья символизировали персонажи пантеона богов и мифических героев; они были также наделены коммуникативными функциями (через их посредство осуществлялась связь с богами), а также рядом других. Главное священное дерево выступало в мировоззренческих представле-

ниях как ось Вселенной с трехчастным делением по вертикали.

Особое значение придавалось породе священных деревьев – дубам, их особой высоте и пышности кроны (густолиственности). Автор привел подробное описание главного священного дерева: “...епископ повелел срубить самое большое, посвященное скверному Аспандиату дерево – дуб, с пышной кроной, которому приносили в жертву лошадей и который окропляли кровью жертвы, а голову и шкуру ее вешали на ветки [этого самого дерева]. Этот дуб был как бы главой и матерью всех остальных высоких, покрытых густой листвою деревьев, посвященных [другим] суетным богам, которым многие поклонялись в стране гуннов, в том числе сам князь и все вельможи, считающие [дуб] спасителем [скверных] богов, дарителем жизни и всех благ” (Мовсес Каланкатуаци, 1984. С. 128). Особым качеством священных деревьев являлась их гипертрофированная высота. Они определены в источнике как высокие (История агван..., 1861. С. 200, 203; Мовсес Каланкатуаци, 1984. С. 128–130; The History..., 1961. P. 161, 163), а главное священное дерево как громадное и очень высокое (варианты: громадное и исполинское; громадное и самое большое) (История агван..., 1861. С. 200; Мовсес Каланкатуаци, 1984. С. 128; The History..., 1961. P. 161, 163).

В источнике неоднократно указывается, что культовые объекты – храмы и священные деревья были посвящены богам и мифическому герою Аспандиату, а скульптуры (идолы) богов являлись собой антропоморфные изображения, отражавшие представления верующих об их облике. Каждому из божеств были посвящены три типа культовых объектов – идол, храм и священное дерево. Персонифицированные указания имеются в источнике только по отношению к Аспандиату: упоминается храм Аспандиата, алтари Аспандиата, главное самое высокое священное дерево-дуб также связывалось с Аспандиатом. С.Г. Кляшторный полагает, что высокие деревья считались символами культа Тенгри-хана (Кляшторный, 1984. С. 21), но это утверждение основано на отождествлении образов бога Тенгри-хана и мифического персонажа Аспандиата.

Культовые объекты в силу своей освященности были табуированы. В источнике названы основные запреты, связанные с ними (История агван..., 1861. С. 201; Мовсес Каланкатуаци, 1984. С. 128, 129; The History..., 1961. P. 162). Табуированы были места нахождения культовых объектов, к ним нельзя было даже приближаться. Нельзя было собирать для своих нужд опавшие листья и сучья священных деревьев, дотрагиваться до них, разрушать храмы и алтари, уничтожать статуи и срубить священные деревья. Боги наказывали даже за нарушение одного из запретов,

причем сила наказания, видимо, не зависела от тяжести проступка. “Злая боль”, “бешенство”, “смерть”, разрушение дома и рода – это перечень наказаний за сбор опавших листьев и сучьев священного дерева, осуществленный даже по неведению. Епископу Исраилу жрецы грозили “тяжкими бедствиями” и “смертью” в случае его приближения к языческим святыням или их разрушения. Правитель “страны гуннов” говорил в связи с этим об “устрашении” епископа, введении его в “агонию ужасной болезни” и о предании смерти.

Среди культовых объектов существовала иерархия. По данным источника, выявляется приоритет священных деревьев. Так, самое высокое священное дерево правитель “страны гуннов” и знать считали важнее идолов и храмов. Несомненно, предпочтение обуславливалось главным образом высотой культового объекта. Указания о значительной высоте имеются только относительно священных деревьев и идолов. И те, и другие были высокими. Но священные деревья были выше идолов и храмов, в силу чего значимость этих культовых объектов была большей. Культовая иерархия существовала и среди священных деревьев. Самое высокое дерево-дуб имело статус “главы и матери всех высоких деревьев”. Оно являлось символом мифического персонажа Аспандиата, характерными чертами которого в источнике названы сила, мощь, храбрость. Предпочтение такому показателю культовых объектов, как высота, определялось двумя их функциями: быть символами божеств, которые представлялись гигантами, монстрами, а также быть коммуникаторами, через посредство которых передавалось жертвоприношение богам. Чем выше был культовый объект, тем ближе он находился к божеству. Самое высокое священное дерево обладало в этих представлениях главенствующим положением. Коммуникативными качествами были наделены все составляющие облик священного дерева: высокий ствол, ветвистая крона, густая листва. Представления об облике священного дерева обуславливались содержанием обряда жертвоприношения богам: кровь жертвы разбрызгивали на листья священного дерева (отсюда выбор лиственного, а не хвойного дерева), густота листвы обеспечивала большой объем жертвенной крови, головы и шкуры жертвенных животных помещались на сучья священного дерева (чем ветвистее было дерево, тем больше символов жертв могло на нем разместиться). Табу на сбор опавших листьев и сучьев священных деревьев можно объяснить тем, что части священного дерева, видимо, не теряли своей освященности и после отмирания, в силу чего были неприкосновенными. Суровость наказания за уничтожение культовых объектов обуславливалась лишением этих святынь коммуникативных функций. Основным способом осуществления связей с богами служило

жертвоприношение. Уничтожение культовых объектов приводило к невозможности жертвоприношения, что, по представлениям, вызывало гнев богов, проявляющийся в уничтожении социума. Протестные акции жрецов в защиту главного священного дерева в период христианизации были обусловлены страхом уничтожения всего социума в случае утраты культовых объектов и особенно главного священного дерева.

Правитель и знать страны считали главное священное дерево “спасителем, и давателем жизни, и дарителем всех наилучших благ” (варианты: “спасителем богов, жизнеподателем и дарователем всех благ”; “спасителем богов, дарителем жизни и всех благ”). А жрецы называли его “хранителем и спасителем нашей земли” (вариант: “хранителем и защитником нашей страны”). Функции священного дерева – хранителя и спасителя страны опосредованны, обусловлены статусом главного коммуникатора культовых объектов.

Самое высокое священное дерево являлось не только символом священного персонажа Аспандиата, но и фактически главным символом религии “страны гуннов”. Мовсес Каланкатуаци отождествлял статус его символики в язычестве “страны гуннов” и статус креста в христианстве (История агван..., 1861. С. 204; Мовсес Каланкатуаци, 1984. С. 130; The History..., 1961. P. 164). Священное дерево, таким образом, являлось обобщенным символом верований населения “страны гуннов”.

Главное священное дерево, исходя из особого значения его высоты, воспринималось в господствовавшем в “стране гуннов” мировоззрении и как ось Вселенной с трехчленным ее делением по вертикали. Небесная сфера олицетворялась с пышной кроной дерева, земля – со средней его частью (стволом), а корни – с потусторонним миром. Небесная сфера считалась местом обитания богов: бога неба Тенгри-хана, бога молний и грома Куара, богов путей; Земля – местом пребывания богини Земли и плодородия и мифического богатыря Аспандиата; потусторонний мир был убежищем духов или богов, один из них представлялся в виде змеи (дракона), его изображение имелось на подвесках, которые носили жрецы.

Исследователи полагают, что рощи священных деревьев являлись своеобразными святилищами гуннов (Кляшторный, 1994. С. 86). К такому заключению располагает указание автора повествования о специфическом разряде священнослужителей – “служителей капищ и деревьев”. Однако нерасчлененность их статуса, а также нахождение рощи в непосредственной близости от других культовых объектов – капищ (храмов), позволяют предположить, что священные деревья входили в комплекс культового объекта, обозначенного в источнике термином святилище.

Религиозные представления населения “страны гуннов” о священных деревьях нашли определенное отражение в форме и декоре кувшинов с изображением дерева. Систему воззрений о мире в “стране гуннов” в виде его трехчастной структуры явственно демонстрируют изображения на сосудах священного дерева, выступающего и как “древо жизни” – порождающее начало и как “древо мировое”, т.е. символ организации мира. Символизация вертикальной структуры подчеркивалась в изображениях вертикальной направленностью и прямоотой ствола священного дерева. Причастность вершины дерева к Верхнему миру (небесной сфере) передавалась через ее смыкание с границей Верхнего мира (ветвь священного дерева, опоясывающая основание горловины сосуда). В ряде случаев (полная версия сюжета) принадлежность вершины священного дерева к Верхнему миру дополнялась изображением образа птицы, как обитателя священного Неба и коммуникативного по функциям. Верхний мир символизировался также изображением характерных черт птицы (клюв, глаза, шейка). Средний мир передан в сюжетах изображением двух длинных ветвей дерева, изогнутых в виде дуг или закрученных в виде спиралей, и через ствол дерева, и образы священных копытных (оленей) или священных птиц. Символика оленей и птиц в изобразительном сюжете на сосудах не несет в себе нагрузки жертвенных животных. Это мужские образы в брачной ситуации, где священное дерево – женский мифический образ (богиня плодородия). Нижний мир в изображениях сюжета “древа жизни” и “древа мирового” в большинстве случаев никак не обозначен. Возможно, изображение птицы под основанием ствола священного дерева на одном из вариантов этого сюжета (рис. 4, 1) символизирует Нижний мир и вестника смерти в ее образе.

Лиственная порода священных деревьев (дубы), указанная в источнике, не сопоставляется с его изображениями на кувшинах. Елочный орнамент в изображении ветвей дерева может свидетельствовать о хвойной породе дерева или узколиственной. Дугообразность ветвей, их расчлененность на узкие сектора делает их похожими на ветви ивы или пальмы. В изображениях священных деревьев, возможно, отразились мифические представления об их облике, а их конкретная реализация нашла воплощение в высоких, мощных и долголетних дубах, в изобилии произраставших в предгорьях Северо-Восточного Кавказа.

Образ древа мирового, как воплощающий универсальную концепцию мира, нашел проявление в культурных традициях разных народов. Временной диапазон его бытования – от эпохи бронзы до настоящего времени (Топоров, 2000а. С. 369–398; 2000б. С. 398–406). Символика древа мирового включает космогонические представления. В образе древа жизни, как варианте древа ми-

рового, запечатлены мифологические представления о зарождении жизни, ее цикличности и многообразии форм проявления. Образ священного дерева отложился в мифологических и словесных сюжетах, изобразительном искусстве и ритуальной практике как древних земледельческих цивилизаций, так и кочевников Евразии (ираноязычные, тюркоязычные, монголоязычные).

Вопрос о культурной принадлежности традиции поклонения священным деревьям, существовавшей в “стране гуннов”, практически не исследован. Формальный подход в оценке этого культурологического явления приводит к его определению как проявлению местного (кавказского) язычества (Федоров, 1972; Маммаев, 1989; Гмыря, 1986), обусловленного земледельческой деятельностью населения. Поклонение неплодному дереву, не игравшему сколько-нибудь значимую роль в хозяйственной жизни социума, носит абстрактный характер, сопряженный как с представлениями о структуре мира, его центральной оси и месте в нем богов и людей, так и с идеями плодородия в широком его понимании.

Пантеон богов “страны гуннов” был сформирован в основном из древнетюркских мифических персонажей (бог Неба Тенгри-хан, божество земли, божество воды, богиня плодородия, боги путей, солнца, луны и др.) (Кляшторный, 1984. С. 22). Образ священного дерева, господствовавший в религиозных представлениях населения “страны гуннов”, органично вписывается в космогонические представления тюрков, которые поклонялись высоким деревьям, посвящали их богам, наделяя коммуникативными функциями (Махмуд Кашгарский). Основополагающий культ священного дерева, напрямую связанный с культом небесной сферы, являлся по существу структурной основой господствовавшей идеологии. В силу этого он должен был обладать стойкостью и незначительной изменчивостью во времени.

У тюркоязычных народов священным деревом – “древом мировым”, “жертвенным деревом” обычно выступает береза или тополь (Сравнительно-историческая грамматика..., 2006. С. 693, 694), однако в якутском фольклоре сохранился образ “священного дерева-дуба”, что интерпретируется исследователями как свидетельство южной прародины якутов. В чувашском именнике образ священного дуба сохранился в виде пожелания новорожденному быть крепким и могучим, как дуб.

Прямых аналогий дагестанским кувшинам с изображением дерева нет ни в этнокультурных традициях сопредельных территорий кавказского региона, ни в синхронных культурах племен, имевших контакты с населением “страны гуннов”. Наиболее близкой аналогией кувшину с полной версией изображения считается бронзовый кув-

шин, попавший в собрание Эрмитажа из Дагестана, но его дагестанское происхождение не установлено (Маммаев, 1989. С. 67, 68). По стилистике изображение на нем иное: на передней части тулова помещено крупнолистное дерево с парой птиц по сторонам (Тревер, 1959. Табл. 30, 31). К VI–VII вв. относятся два изображения дерева с сернами и павлинами по сторонам, составляющие декор культовых христианских памятников Азербайджана и Ингушетии (Тревер, 1959. Табл. 28, 29), и, вероятно, отражавшие библейские образы священного дерева (Топоров, 2000а. С. 396).

В культурах степных племен Юго-Восточной Европы проявления образа священного дерева фиксируются со скифо-сарматского времени (Степи..., 1989. Рис. 1. Цв. фото. Табл. 46, 4; 51, 38; 79, 1; 91, 1). Его образ отразился также в древностях сармато-алан I – начала II в. (Засецкая, 1975. Рис. 2, 3; 1999. Рис. 4, 2–5; 5, 6) и в материалах гуннской эпохи (Засецкая, 1975. Табл. 6. Каталог № 1, 2. С. 35, 36; 1999. Рис. 1; 2; 4, 1–5; 5; Степи..., 1981. Рис. 7, 6). И.П. Засецкая, рассмотрев этнокультурную принадлежность сюжетов со священным деревом на изделиях памятников гуннского времени, пришла к заключению, что генетически они связаны с аналогичными изображениями сармато-аланских древностей I–II вв. н.э. (Засецкая, 1999. С. 170). Следует отметить, что изделия с изображением священного дерева в названных культурах весьма малочисленны и входят в элитные комплексы.

Наиболее значительное распространение образ священного дерева получил в тюркское время среди населения Средней Азии, исследователи отмечают культ священных деревьев среди основных верований этого региона (Средняя Азия..., 1999. С. 45. Прим. 1, 60, 103, 107). Его проявления зафиксированы на различных предметах, к примеру на оттисках гемм на буллах VI – первой половины VII в. (Средняя Азия..., 1999. С. 28. Табл. 1а, 6, 8, 11). Повсеместно резными изображениями дерева декорировали керамические ассуарии (Средняя Азия..., 1999. Табл. 9; 10; 43; 57; 106; 107). Некоторые из них, выполненные елочным орнаментом, близки по стилистике изображениям священного дерева с дагестанских памятников (Средняя Азия..., 1999. Табл. 106, 1–3, 5, 12–14). Хотя ассуарии считаются атрибутами зороастрийского обряда погребения, но в их орнаментике, видимо, отразился и широко распространенный культ дерева. В качестве близкой аналогии дагестанской серии кувшинов можно признать кувшин из древностей Хорезма VII–VIII вв., который украшен лентами елочного орнамента по основанию горловины и на устье средней части тулова с заполнением пространства между ними такими же лентами, скомпонованными в виде зигзага (Средняя Азия..., 1999. Табл. 8, 14).

Образ “древа мирового” имел широкое бытование и в Хазарии. Его упрощенные символические изображения помещались на самых различных предметах (Флёрва, 2001. С. 138, 140. Рис. 1), но полные версии сюжета единичны (Флёрва, 2001. Рис. 1, 27). Некоторая близость дагестанским сюжетам с “древом мировым” выявляется на лепных кувшинах огузского типа из слоя X–XI вв. городища Самосдельского. Рисунки выполнены в технике елочного орнамента, композиции включают дугообразные фигуры на тулове, соединенные в гирлянду. На некоторых сосудах лента елочного орнамента помещена и на шейке сосуда (Зилвинская, Васильев, 2006. Фото с. 45, 53). Широкое распространение образа “древа мирового” в культуре ряда регионов Евразии требует особого рассмотрения. Возможно, что не последнюю роль в этом процессе сыграли тюрки, включившие этот образ в свою систему языческих верований.

Следует отметить в заключении, что серия керамики с изображением дерева на городище Урцеки наиболее объемная в сравнении с другими объектами ее нахождения. В ней представлены все версии сюжета орнамента и главное – его полная версия. Деталью орнамента (поясок с елочными насечками в сочетании с розетками из отпечатков трубочки) украшались на городище Урцеки и другие типы сосудов: большеобъемные чаши и горшковидной формы кружки (Маммаев, 1989. Рис. 102, 1, 2; 103, 1). Перечисленные обстоятельства дают возможность считать, что на месте городища Урцеки в VI – начале VIII в. находился религиозный центр с превалирующим культом священного дерева. По данным письменных источников (Мовсес Каланкатуаци), как указывалось, столица “страны гуннов” г. Варачан в 80-х годах VII в. являлся религиозным центром, вблизи которого находились основные культовые объекты – священная роща, главное священное дерево, храмы и идолы. Основным культом религиозной системы “страны гуннов” в источнике назван культ священных деревьев. Данные письменных источников и приведенные археологические материалы, как и многие другие, служат основательными доводами, в пользу идентичности городища Урцеки и города Варачана – религиозного центра, первоначально языческого, а после крещения 682 г. христианского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. Нижнечуглинское городище // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
- Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. Исследование раннесредневековых укрепленных поселений горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
- Абрамова М.П. Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
- Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый–4. М., 2001.
- Армянская география VII в. по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Пер. К.П. Патканова. СПб., 1877.
- Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2002.
- Атаев Д.М. Галлинский могильник – памятник ранне-средневековой Аварии (Серира) // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. VI. Махачкала, 1959.
- Атаев Д.М. Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД. Т. 2. Махачкала, 1961.
- Гаджиев М.С. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.
- Гаджиев М.С. Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002.
- Гмыря Л.Б. Из истории ремесленного производства в раннесредневековом Дагестане (по материалам раскопок Агачкалинского поселения) // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.
- Гмыря Л.Б. Языческие культы у гуннов Северо-Восточного Кавказа // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
- Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала, 1993.
- Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995.
- Гмыря Л.Б. Агачкалинское поселение (По материалам раскопок К.Ф. Смирнова и Л.Б. Гмыря) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XI. М.; Магнитогорск, 2001.
- Гмыря Л.Б. Кувшины с орнаментом “дерево жизни” с территории Дагестана // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее и будущее. Тез. докл. межд. научн. конф. Махачкала, 2004.
- Гмыря Л.Б. Кувшины с желобчатой поверхностью Паласа-сартского поселения // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005.
- Гмыря Л.Б., Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Раскопки на городище Таргу // АО-1972. 1973.
- Голан А. Миф и символ. Иерусалим; М., 1994.
- Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.
- Засецкая И.П. Сармато-аланская традиция в украшениях гуннской эпохи // Археол. сб. 34. СПб., 1999.
- Зилвинская Э., Васильев Д. Городище в дельте Волги // Восточная коллекция. 2006. № 2.
- История агван Мойсея Каганкатвази, писателя X в. / Пер. с армянского К. Патканьян. СПб., 1861.

- История императора Иракла, сочинение Епископа Себеоса, писателя VII в. / Пер. с армянского К. Патканьян. СПб., 1862.
- Кляшторный С.Г. Праболгарский Тангра и древнетюркский пантеон // Сборник в памет на проф. С. Ваклинов. БАН. София, 1984.
- Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Котович В.Г., Котович В.М., Путинцева Н.Д. Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2193.
- Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1963 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 49.
- Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Археологические работы на территории средневекового княжества Хамрин // Матер. сессии, посв. итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971–1972 гг. Тез. докл. Махачкала, 1973.
- Котович В.Г., Котович В.М. Отчет о работе Гамринской археологической экспедиции в 1974–1975 гг. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 50.
- Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М. Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
- Маммаев М.М. О происхождении одного орнаментального мотива // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Сер. обществ. наук. Т. XVII. Махачкала, 1967.
- Маммаев М.М. Знаки на керамике Урцекского городища // МАД. Т. III. Махачкала, 1973.
- Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала, 1989.
- Маммаев М.М. Некоторые археологические данные к истории Зирихгерана–Кубачи // Кавказ и древний Восток. Махачкала, 1999.
- Маммаев М.М. Зирихгеран–Кубачи: Очерки по истории и культуре. Махачкала, 2005.
- Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с древнеармянского, предисловие и комментарий Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Патканов К.П. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883.
- Пикуль М.И. Могильник у с. Дуранги // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.
- Смирнов К.Ф. Отчет об археологических исследованиях Дагестана в 1950 г. // Фонд ДГОМ.
- Смирнов К.Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948–1950 гг. // КСИИМК. 1952. Вып. XLV.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М., 2006.
- Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. Археология. 1999.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.
- Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.; Л., 1959.
- Топоров В.Н. Дерево жизни // МНМ. 2000а. Т. 1.
- Топоров В.Н. Дерево мировое // МНМ. 2000б. Т. 1.
- Федоров Я.А. Хазария и Дагестан // Краткий этнографический сб. Вып. 5. М., 1972.
- Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М., 2001.
- Хан-Магомедов. Дагестанские лабиринты. К проблеме автохтонности и толологии. Вып. 3. Архитектура Дагестана. М., 2000.
- Golan A. Prehistoric religion. Mythology. Symbolism. Jerusalem, 2003.
- The History of the Caucasian Albanians by Mobses Dasxuranci / Transl. C.J.F. Dowsett. L., 1961.

Worship of sacred trees in the religious views of the population of Caspian Dagestan

L. B. Gmyria

Summary

The article reconstructs, on the basis of archeological material and data from written sources, the worship of sacred trees with the Bulgar Huns of the Northeastern Caucasus, determines its semantics and identifies its place in the system of the population's religious outlook. The author uses a representative series of 6th–8th c. vessels depicting sacred trees, from 18 archeological sites in Dagestan.

ОСНОВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ГУННСКОГО ДВОРЦА НА РЕКЕ ТАШЕБЕ

© 2008 г. И. Л. Кызласов

Институт археологии РАН, Москва

Раскопки дворца I в. до н.э. на р. Ташебе (Хакасия) – единственного археологически изученного дворцового здания гуннов – завершены 60 лет назад. Они шли в тяжкие 1940-е годы, требуя от В.П. Левашевой, Л.А. Евтюховой, С.В. Киселева, их помощников П.И. Каралькина и З.К. Глухой не только профессионализма, но и мужества, самоотверженности. История открытия этого уникального объекта и анализ всех его материалов вошли в науку недавно (Кызласов, 2001; 2006. С. 160–218), но в Хакасии уже планируют воссоздать дворец (проектное воплощение архитектор – Т.С. Доброва), и автор статьи работает над разрешением археологических и историко-культурных вопросов проекта.

План дворца реконструировал Л.Р. Кызласов (2001. Рис. 54) (рис. 1, 1). Дворец одноэтажный, так как в нем нет лестниц и пандусов, облик здания может быть установлен только широким сравнительным анализом. Три варианта графической и макетной реконструкции уже выполнены археологами Л.А. Евтюховой (1947. Рис. 26), Н.В. Леонтьевым (вместе с художником В.Ф. Капелько; макет Минусинского музея) и Л.Р. Кызласовым (2001. Рис. 54), четвертый – архитектором Г.Б. Шукиным (Евтюхова, 1954. С. 208, 209. Вклейка).

Прежние реконструкции. Л.А. Евтюхова (1947. С. 81) допускала два или три яруса крыши, в последнем случае оговорив две версии (но издал одну – рис. 2, 1). Двухъярусную крышу она, учитывая разную толщину вскрытых в 1940–1941 гг. стен, предлагала и ранее совместно с В.П. Левашевой (1946. С. 76). Полагая, что дворец возвели китайские строители, аналоги ему искали среди одновременных ханьских древностей. Евтюхова изобразила прямоугольное здание с прямым передним фасадом (на деле центральная часть дома выступала, образуя углы на линии боковых комнат: рис. 1, 1). На главном фасаде помещено 10 пролетов с окнами и два пролета со входом, на боковом – девять пролетов; тем самым каждое помещение южной стороны, включая вестибюль, получило по два окна (рис. 1, 1). Боковой фасад не отвечал такому решению: по западной стене четыре помещения, т.е. нужны восемь окон. Вертикальное членение фасадов навечно

стоечно-балочным каркасом китайских зданий, хотя пахсовые стены дворца его не имели.

Более вытянутые пропорции приданы верхнему ярусу здания: стена с восемью окнами образовала длинную сторону, а с четырьмя – короткую. Л.А. Евтюхова (1947. С. 81) и С.В. Киселев (1949. С. 268; 1951. С. 479) считали, что крыша второго яруса покрывала не только центральный зал, но и примыкавшие к нему боковые комнаты. Однако стены зала от комнатных отличала не только толщина, но и прочность: они сооружены заливкой в опалубку глиняного раствора с камнем (Кызласов, 2001. С. 61, 64) и могли служить опорой верхней крыши, форму которой определяет квадратный план зала. Мысль о четырехскатной двухъярусной крыше есть уже в отчете 1941 г., где различия стен зала и комнат сопоставлены с зонами осыпавшейся черепицы (АИА РАН. Ф. 12. Д. 16. Л. 116). Позднее аргументы, включая особенности падения конечных дисков, были опубликованы (Евтюхова, Левашева, 1946. С. 78–80; Киселев, 1949. С. 268; 1951. С. 479, 480; Евтюхова, 1954. С. 203). Реконструкция двухъярусного здания с квадратным верхом возникла, видимо, в 1946 г. на эскизе Л.А. Евтюховой (АИА РАН. Ф. 12. Д. 19. Л. б.н.) (рис. 3, 1). Но были не две, а три зоны осыпания кровли: третья охватила углы зала (Кызласов, 2001. Рис. 35), потому трехъярусное покрытие дворца с четырехскатными верхними и односкатными нижними боковыми крышами более вероятно.

О трехчастной текстуре здания говорит и его план (рис. 1, 2). Центральный зал (внешние размеры 15.5–6 × 15.5–6 м) вписан в больший (30 × 30 м) квадрат примыкавших помещений (размеры даны по плану: Евтюхова, 1947. Рис. 25). Согласно обоснованной реконструкции плохо сохранившихся стен, второй объем здания выделен двухметровым ризалитом переднего фасада. Правильность квадрата нарушена дополнительным выносом на 2 м дверного проема и косо направленными к нему внешними стенами; угловое схождение линий переднего фасада заложено в форме боковых крыльев; особенно заметно смещение широтной оси юго-западной угловой комнаты 3. В итоге квадрат превращен в пятиугольник (рис. 1, 1, 2). Ев-

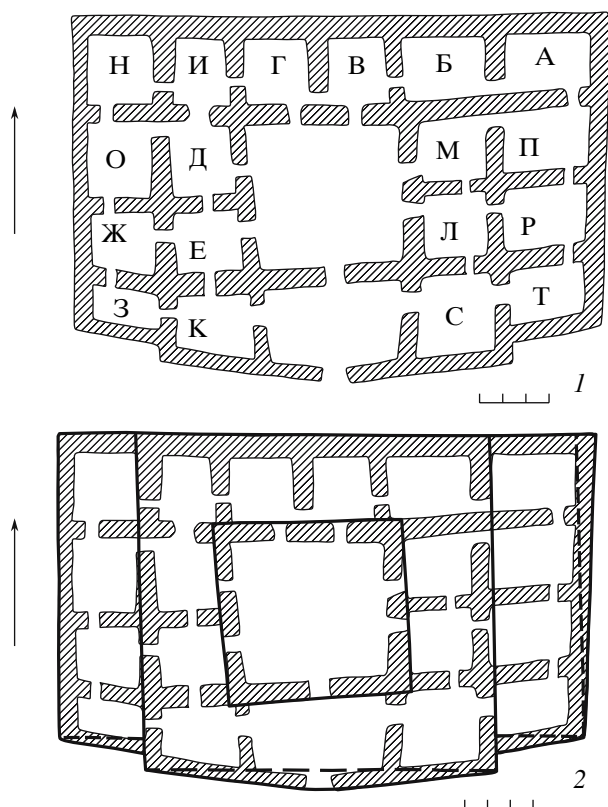

Рис. 1. План гуннского дворца на р. Ташебе: 1 – реконструкция Л.Р. Кызласова (А–П – комнаты, выявленные раскопками); 2 – текстура здания.

тлюхова на одном из рисунков указала те же параметры: “45 × 28 (32 в середине)” (рис. 4, 2), но выступ южного фасада не отражен в реконструкциях. Третья структурная часть дворца – крылья с запада и востока, из четырех комнат каждое. Их длина снаружи по 27, изнутри 28 м; ширина на западе 7, на востоке до 8.8 м. Подчеркивая ризалит главного фасада, строитель сдвинул южные торцы боковых крыльев к линии задней стены.

Три части объекта Л.А. Евтюхова выделила еще в процессе раскопок. В отчете 1945 г. оговорено размещение трех ярусов крыши: верхней “четырёхскатной с коньком” над центральным залом, средней над ближними четырьмя комнатами с востока и запада, и нижней над комнатами периметра (Ф. 12. Д. 16. Л. 153, об.). Отвечающий этому решению эскиз находим в полевом альбоме за 1941 г. (Ф. 12. Д. 19. Л. 53) (рис. 5), но сделан он, видимо, позднее: здесь нет внешней колоннады, присущей реконструкциям 1946 г. (на том же листе набросок двухскатной крыши верхнего яруса – решение, изданное в 1947 г.) (рис. 2, 1). Такой облик дворца Евтюхова напряженно обдумывала и по завершении раскопок: в архиве (Ф. 12. Д. 19. Л. б.н.) есть пять недатированных листов карандашных эскизов дворца и его деталей (рис. 3–6). Вероятно, они относятся к 1946 г. (подобный набросок сделан красным карандашом на обороте полевого чертежа 1946 г.: Ф. 12. Д. 20. Л. б.н.) (рис. 4, 1).

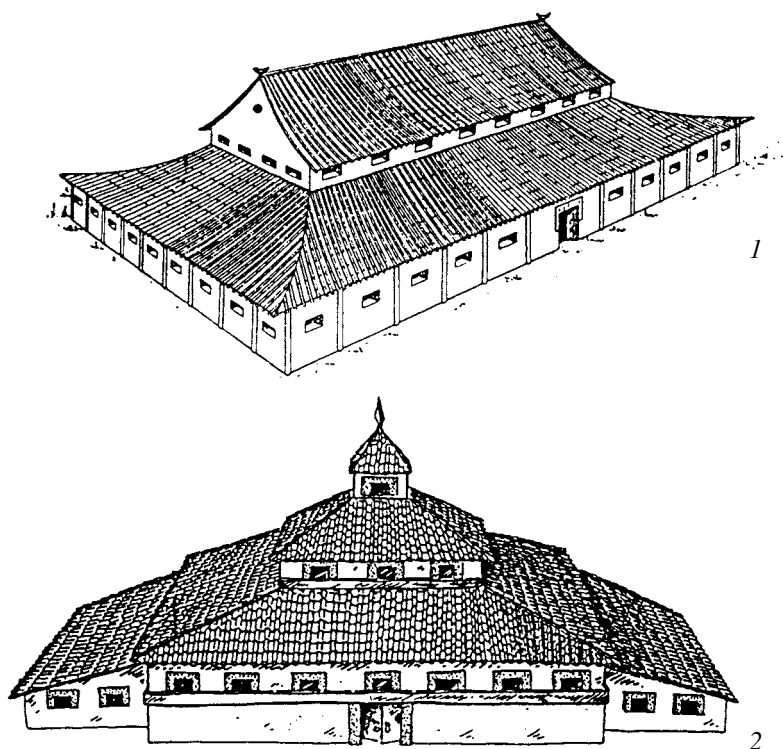

Рис. 2. Реконструкции дворца Л.А. Евтюховой (1) и Н.В. Леонтьева – Л.Р. Кызласова (2).

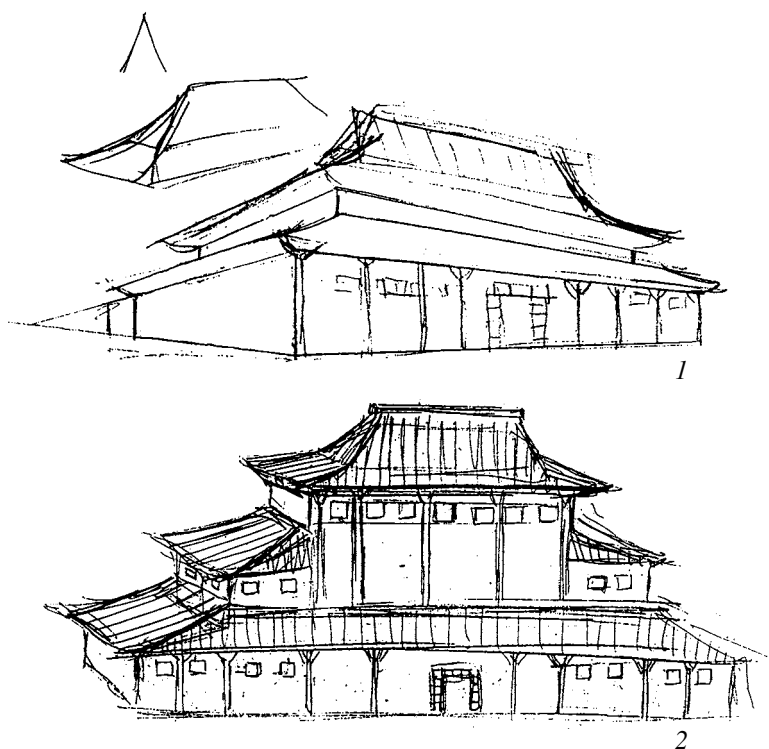

Рис. 3. Варианты восприятия текстуры дворца. Реконструкции Л.А. Евтюховой.

Схематичный разрез трехъярусной постройки на одном из листов точно отвечал выявленному плану и определил дальнейшие поиски облика здания: в архиве есть и незавершенный рисунок его плана в аксонометрической проекции. На эскизах Евтюховой высокий центр дворца решен единообразно – он определен мощностью стен квадратного зала. Сомнения касаются формы и размеров среднего и нижнего ярусов, представлены два варианта. Один из них знаком нам по рукописи отчета 1945 г.: помещения периметра перекрывались крышей нижнего яруса, а комнаты, примыкающие к залу с запада и востока, относились ко второму ярусу. Этот вид здания наиболее занимал Евтюхову – в архиве четыре рисунка с его вариантами: рис. 3, 2 (исследовательница дорожила этой разработкой: порванный лист подклеен); 4, 1; 5. Один из них (здесь не публикуемый) отличен от рис. 3, 2 только меньшим числом колонн (наверху четыре, внизу – шесть) и окон (по три на верхнем и обеих сторонах среднего яруса). Сомнения понятны: археологических свидетельств окон нет; нет снаружи здания и следов колоннады – она введена в реконструкции (рис. 3; 4, 2) под влиянием китайских образцов.

Но гуннский дворец на Ташебе не следует связывать с архитектурой Китая (Кызласов, 2001). К канонам Западной Азии, а не Дальнего Востока восходят строительство на грунте, а не на плат-

форме¹; мощные стены из пахсы и глиняного раствора вместо столбовой конструкции с глиносоломенными пряслами²; не прямоугольный, а близкий к квадрату план; анфилады комнат вокруг центрального зала; отопление подпольными дымовыми каналами. Воздействие Китая проявлено лишь в крытой черепицей крыше (которые считают лучшими в мире по конструктивным и архитектурно-декоративным качествам, см.: Ащепков, 1959. С. 46) и облицовке плитками с рельефным зигзагообразным узором. Облик такого здания с несвойственными Китаю несущими стенами, видим на двух эскизах Л.А. Евтюховой (рис. 4, 1; 5).

Не соответствуют эпохе дворца на Ташебе и приподнятые края крыши (рис. 5). Не случайно прочие реконструкции Евтюховой (включая опубликованную: рис. 2, 1) лишены “летающей кровли”; схему прямого ската из черепиц она выполнила

¹ Эта особенность отличала аристократические постройки и известна с эпохи Шан-Инь, XVI–XI вв. до н.э. (Глухарева, 1970. С. 421; Крюков и др., 1978. С. 259. Рис. 34) или даже ранее (Васильев, 1998. С. 74, 75). Из девяти пожалований чужою, даваемых императором царедворцам древности, пятым было “право пользоваться для входа в дом низким крыльцом”, что создавало особые удобства (Таскин, 1990. С. 170. Прим. 174; 189. Прим. 136).

² Такая конструкция отличает уже дворец XIII в. до н.э. и связана с неолитической традицией плетеных обмазанных глиной стен (культура эрлитоу: Васильев, 1998. С. 71). Обычно в Китае стены при толщине 64 см сужают кверху (Стариков, 1967. С. 30).

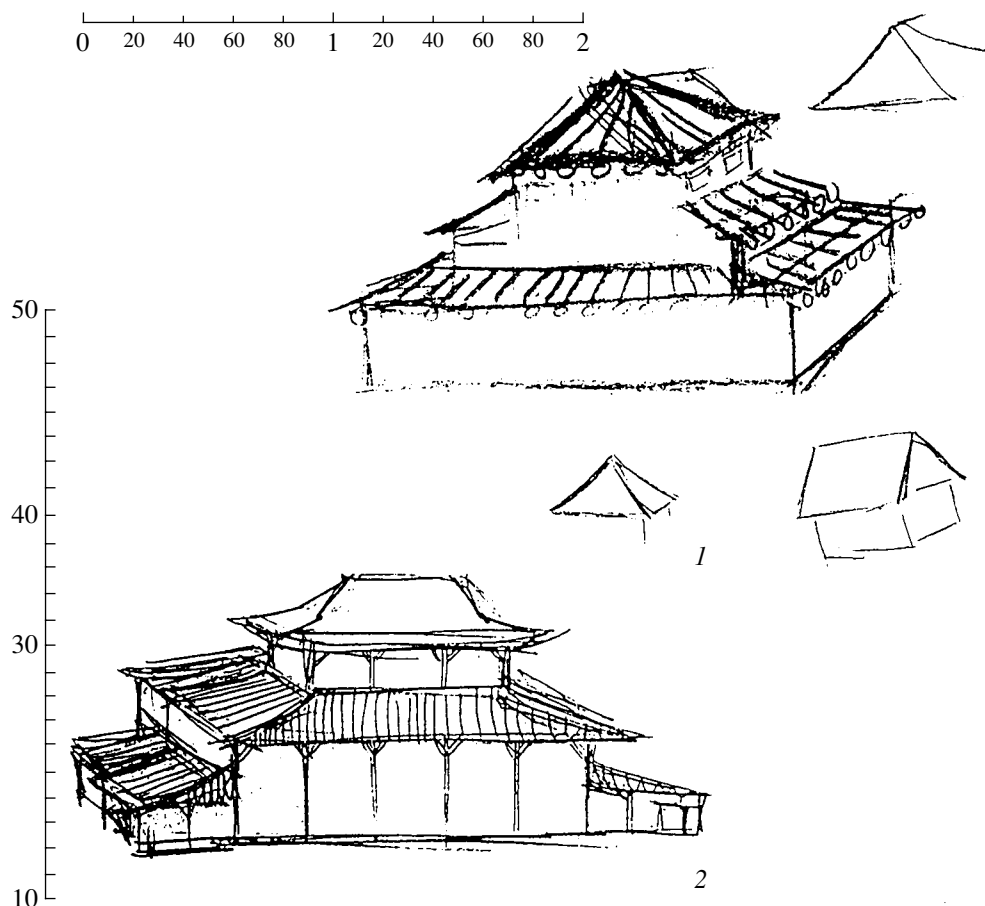

Рис. 4. Эскизы реконструкции дворца Л.А. Евтюховой.

еще в 1941 г. (Ф. 12. Д. 19. Л. 57, об.) (рис. 6, 1). Считали, что изгибы крыш возникли в ханьский период (Ащепков, 1959. С. 49), вероятно, имея в виду загнутые концы ребер черепичных покрытий. Они есть у ряда погребальных моделей и на рельефах I–II вв. н.э. (т.е. позже нашего дворца), и могли дать импульс развития формы (Глухарева, 1970. С. 434. Рис. 12) (рис. 6, 2). Но в эпоху Хань изогнутые углы крыш не свойственны ни жилищам знатных горожан (рис. 6, 2), ни храмам (Глухарева, 1970. Рис. 1, 5–13; Крюков и др., 1983. Рис. 3, 27, 28, 42–46). Они станут обычными в Китае много позже, с VII–VIII вв. (Ащепков, 1959. С. 49; Глухарева, 1971а. С. 349. Рис. 16, 17), хотя изображения дворцов с “летающей кровлей” известны в V в. (Крюков и др., 1979. С. 116. Рис. 14), а усадебных строений – в VI в. (Глухарева, 1971а. Рис. 14). И в позднейшие времена архитекторы в Северном Китае слабее изгибали “крылатые” крыши, чем в Южном (Ащепков, 1959. С. 50).

Хронологические соображения мешают принять и двускатную крышу с приподнятым верхом и фронтонами на ряде эскизов дворца (рис. 3, 1, 2; 4, 2). Видимо, она возникает только к VI–VII в.

(тип *сешань*) (Крюков и др., 1979. Рис. 17), а по памятникам известна с X в. (Глухарева, 1971а. С. 349, 359. Рис. 20); не позднее VIII в. попадет с буддизмом в Корею и Японию (Глухарева, Прибыткова, 1971. С. 535–537. Рис. 6, 7).

Второй вариант реконструкции представлен только одним рисунком Л.А. Евтюховой (рис. 4, 2), но, за исключением колоннады и подъема верхней крыши, именно он отвечает плану и текстуре здания. Крыша второго яруса перекрывает помещения, опоясывающие центральный зал, а крылья первого яруса связаны лишь с восточными и западными внешними комнатами. Возможно, нам стоит взглянуть в истоки современных зданий Маньчжурии, где “центральное помещение – гостиная – бывает совершенно изолировано, а по бокам к нему примыкают небольшие помещения (*эрфан*), каждое с отдельным входом со двора и своей крышей, более низкой, чем у центрального здания. Западный *эрфан* чаще занимает служанка..., а восточный – отводится под кухню” (Стариков, 1967. С. 53).

Это решение Л.А. Евтюховой учли Г.Б. Щукин (впервые воссоздав выступ южного фасада:

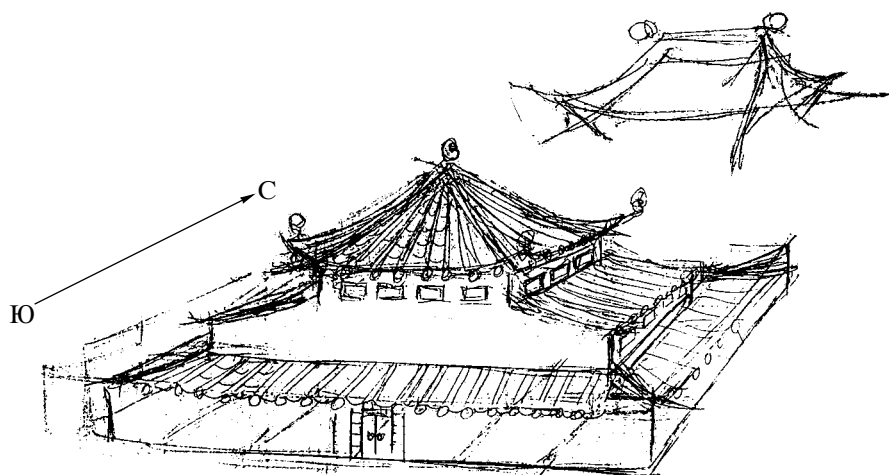

Рис. 5. Эскиз реконструкции трехъярусного дворца Л.А. Евтюховой.

рис. 7), Н.В. Леонтьев и Л.Р. Кызласов (рис. 2, 2). Полагаю, архитектор выполнил эту реконструкцию при участии Евтюховой, поскольку она включила рисунок Щукина в популярное издание (1954. С. 208, 209. Вклейка). Обсуждаемый вариант полностью совпадает с нашим пониманием построения здания (рис. 1, 2) и основан на несущем назначении стен, но принять его во всех деталях нельзя: эволюция черепичных крыш вынуждает отказаться от приподнятых углов “летающей кровли” (рис. 2, 2).

Крыша. Применение кровельной черепицы указывает, что здание на Ташебе – не рядовая постройка. Древнейшие черепицы в Китае встречены в развалинах г. Хао, столицы Западного Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.) (Киселев, 1959. С. 159; Глухарева, 1970. С. 422; Крюков и др., 1978. С. 260; Васильев, 1998. С. 143). Их много в “городе дворцов” Сяньяне, столице Цинь (III в. до н.э.) (Глухарева, 1970. С. 426). Хотя черепица отмечена в столице Хань, в оформлении императорских гробниц и входивших в их комплекс городов (Янлин), а ее имитации – в покрытиях каменных пилонов некрополей и храмов той эпохи (Глухарева, 1970. С. 429, 430, 432, 435, 436; Han..., 2006. Fig. 48–52, 179–181, 183), до периода Шести династий (III–VI вв.) в Китае ее широко не применяли (Крюков и др., 1978. С. 261; 1983. С. 123. Рис. 1), крыши крыли соломой и тростником (Крюков и др., 1978. С. 260; 1979. С. 214).

Редко применяли черепицу и гунны; насколько мне известно, она встречена на пяти относимых к их культуре городищах Монголии: Бурхийн дэрвэлжин, Харальчи Хэрмгийн-Балгас, Гуа дов (Киселев, 1959. С. 160–163), Тэрэлжийн дэрвэлжин, Хурээт дов, (Данилов, 2004. С. 41–43, 46, 47; 2005. С. 20) и в местности Баин Дабанэ аман. С.В. Киселев указал на гуннский орнамент черепиц Гуа дов, но раскопки дворца на Ташебе впервые доказали

производство черепицы самими гуннами (Кызласов, 2001. С. 67–78). Внешне она подобна ханьской, сочетает крупные прямоугольные и полуцилиндрические формы, на концах крыши имевшие диски (рис. 6)³. Производство было трудоемким, по раннеханьскому источнику, рабочий делал в день 50 черепиц – 12 полуцилиндров и 38 плоских; изготовление полуцилиндров включало много операций (Крюков и др., 1979. С. 123, 124).

В древности каждую черепицу нижнего ряда через отверстия прибивали к жерди, связывающей концы слег. Позднее, с развитием “летающих крыш”, изгиб которых позволил не прибивать черепицу, крупные шляпки гвоздей имитировали украшения (Ащепков, 1959. С. 22. Прим. 1, 47). Желоба с отверстиями дворца на Ташебе (Кызласов, 2001. С. 69) подтверждают, что края его крыш не были загнуты. Значит, диски, завершавшие ряды черепиц, располагались здесь под углом к земле (рис. 2; 6, 1). Вероятно, только в сунскую эпоху (после 960 г.) промежутки между дисками заняли капельницы – свисающие подтреугольные отливы прогнутых черепиц (Киселев, 1959. С. 168–170; Ащепков, 1959. Рис. 46, 48, 50, 54, 61 и др.).

Крыша второго и третьего ярусов дворца была четырехскатной, что также отличает самобытное гуннское здание от типичных китайских покрытий на два ската. Появление четырех ска-

³ Раскопки 1970–1999 гг. внешних объектов гробницы императора Цзин-ди (построена в 153–126 гг. до н.э. в местности Янлин, окрестности Сяньяна), а также руин са크рального городка близ нее дали ханьские черепичные диски с надписями. Их отличает от ташебинских меньший диаметр (16–18 против 19,3 см), крестовидное деление на четыре сектора и содержание надписей: у южных ворот гробницы – охранительных (“Долговечность”, “Долгая жизнь”, “Длжащаяся вечно”, “Всегда длжащаяся” и “Чан Лэ Вэй Ян”), в городе – даосских (?) географических (“Река Цзин течет у Янлин”; “Янлин лежит за рекою Цзин”) (Han..., 2006. Fig. 48–52, 179–181, 183).

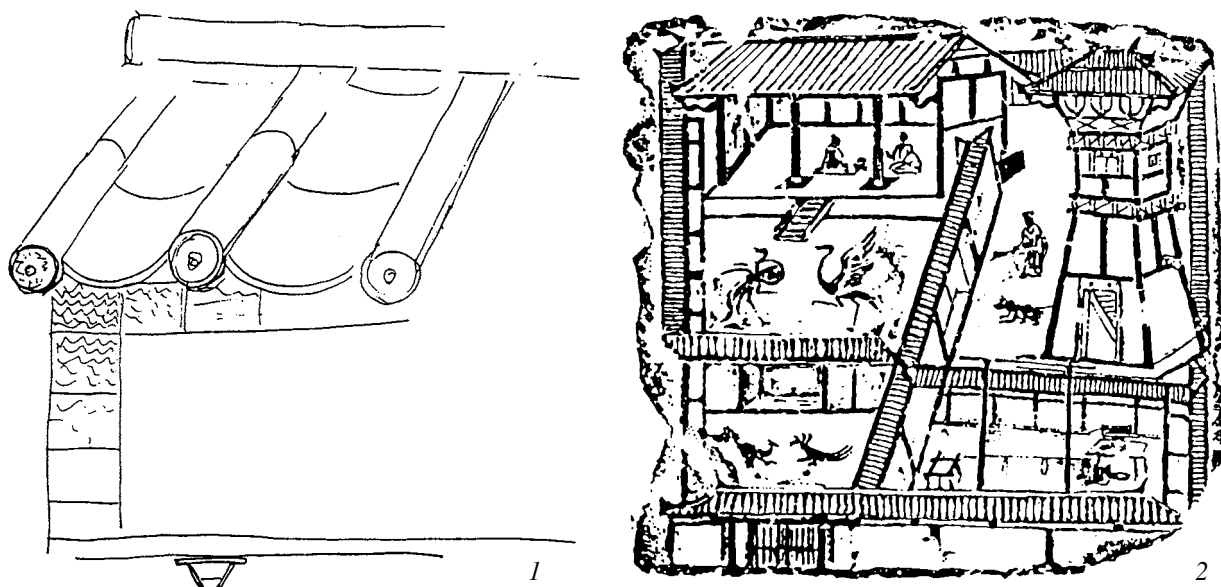

Рис. 6. Размещение кровельной черепицы и декоративных плиток дворца на Ташебе. Эскиз реконструкции Л.А. Евтюховой (1); барельеф на кирпиче из погребения I в. н.э. Китай. Сычуань (2).

тов в Китае, хотя и допускают уже для дворца в Эрлитоу, XIII в. до н.э. (Васильев, 1998. С. 71), достоверно относят только к III–IV вв. н.э. (Крюков, 1979. С. 131), а широкое их распространение – к V–VI вв. (Крюков и др., 1979. С. 120). В эпоху Хань четырехскатные крыши иногда отличают лишь башни, пилоны ворот и небольшие постройки (Ащепков, 1959. Рис. 1, 2; Глухарева, 1970. С. 432–434. Рис. 5–7, 9, 11, 12; Крюков и др., 1979. Рис. 1; 1983. Рис. 27, 44, 45, а; 46; Treasures..., 1992. P. 227. № 118; Nan..., 2006. Fig. 149) (рис. 6, 2). Интересны модели двух- и трехэтажных и ярусных зданий Южного Китая, верх которых часто имеет четырехскатную крышу (Гуанчжоу, 1958. № 32, 34, 36, 37, 39, 40, 41).

Навершия крыш со шпилем, дисками и т.п., судя по пагодам, идут от индийских ступ, т.е. известны не ранее IV в. (Глухарева, 1971г. С. 338, 339). Их нет на ханьских башнях. Крыши того времени имели невысокие коньки на гребне и ребрах (Крюков и др., 1983. Рис. 3, 27, 28, 42–46; Nan..., 2006. Fig. 149) (рис. 6, 2), их форма восходит к завершениям соломенных крыш, сплетенных из пучков травы (Старилов, 1967. С. 28. Рис. 8). Ребра крыши дворца на Ташебе перекрывали, видимо, полуцилиндры обычного вида, но большего размера – иных деталей коньков в его материалах нет (Кызласов, 2001. С. 69). Гипотеза возникла уже в начале работ, так как обломки таких желобов были малочисленны (Евтюхова, Левашева, 1946. С. 77) (рис. 6, 1). Черепицы крыши дворца были темно-серыми. Старейшая глазурованная (коричневато-красная) черепица обнаружена на месте г. Ханьдан, столицы царства Чжао (V–

III вв. до н.э.), иногда отмечается в эпоху Хань (Глухарева, 1970. С. 423, 431), но характерна с эпохи Сун (Ащепков, 1959. С. 25, 26).

Скосы крыши дворца на Ташебе определимы по китайским образцам. У моделей, барельефных изображений домов и башен, погребальных храмов ханьского времени скат крыш равен 22–27° и 32–34° (измерено по иллюстрациям: Глухарева, 1970. Рис. 5, 6, 13; Крюков и др., 1983. Рис. 43–45; Лоу Цинси, 2001. С. 51; Nan..., 2006. Fig. 149). Первый наклон встречаем на изображениях периода Чжаньго (V–III вв. до н.э.) (Глухарева, 1970. Рис. 1); второй воссоздан для построек Шан-Инь (Крюков и др., 1978. Рис. 34). В средние века высота крыш растет, обретая символическое и декоративное значение. Однако скосы кровли торжественных одноэтажных построек от эпохи Сун и Ляо (X–XII в.) до династии Цин (XVIII в.) остаются в 24–27° и 30–34° (без учета прогиба) (Ащепков, 1959. Рис. 17, 18; Глухарева, 1971в. Рис. 29, 30, 1; 32; Лазарев, 1971. Рис. 83, 87, 1; 90, 133). Представить наклон крыши первого и второго ярусов дворца на Ташебе можно лишь по культовым и административным зданиям X–XVIII вв. Он сопоставим с малым показателем ханьских кровель: 16–20° и 24–26° (Глухарева, 1971в. Рис. 25, 30, 2; 39; Дубовский, 1971. Рис. 60, 70, 3).

Потолки. Восходя к китайской традиции, тяжелая черепичная крыша дворца на Ташебе предполагает конструкцию без стропил, чередующую поперечные укорачивающиеся балки и невысокие стойки (Глухарева, 1971а. С. 348, 349. Рис. 12). Однако во дворце не было ряда центральных колонн, предназначенных для удержания матицы,

Рис. 7. Вид дворца через южные ворота. Реконструкция Г.Б. Шукина.

нижние балки укладывали не на столбы, а на стены (Кызласов, 2001. С. 64). Возможно, по верху стен шла обвязка из балок, как в Средней Азии того времени, и на них опирались прогоны дощатого потолка (Пугаченкова, 1970. С. 350, 351; Распопова, 1990. С. 143; Литвинский, 2000. С. 117, 118). Вероятно, балки были круглые (квадратные отмечают на Дальнем Востоке как новинку минского периода, XIV–XVI вв.) (Дубовский, 1971. С. 390).

Во всем следовать китайским аналогам не позволяет и климат: обогреть такое здание без потолка в Сибири невозможно. В комнатах дворца обнаружены деревянные столбы, не связанные с планировкой и размещенные по углам и вдоль стен помещений. Вероятно, они поддерживали переводины потолков (Кызласов, 2001. С. 65). Восстанавливая вид потолков, обратимся к зодчеству Западной Азии. В раннесредневековом Согде, чья городская архитектура восходит к древнему дворцово-замковому строительству, потолочные прогоны равны 4–4.5 м. В залах со стороны в 6 м и более ставили колонны или вмазывали в стены столбы, державшие откосы (Распопова, 1990. С. 149, 193–197). Подобное наблюдаем и в нашем дворце. В комнатах М (размером 5.5 × 5.5 м), И (6 × 4 м) и В (6 × 5 м) столбы при-

стенные и впущенные в углы. В помещениях О и Б (по 7 × 5 м) они стояли посреди длинных стен. Когда следов дерева нет (Е, 6 × 5.7 м), предположительно откосы могли крепить на брусках, уложенных в верхние ниши стен (Распопова, 1990. С. 149). Потолки дворца могли быть кассетными, разделенными прогонами и поперечными балочками на квадратные клетки – такое устройство применяли в это время в Средней Азии (Литвинский, 2000. С. 117, 118) и в традиционной архитектуре Китая.

Всего этого лишен центральный зал. Для реконструкции его перекрытия остаются две возможности: внутреннего перекрытия могло не быть, снизу открывался вид на балки и слезы крыши (китайский вариант) или зал мог накрывать деревянный купол по типу Западной Азии. Развивающиеся вверх перекрытия парадных залов известны в архитектуре Согда VII–VIII вв.: стены зала без колонн в Пенджикенте (объект III, помещение 7, площадь 9 × 9 м) на высоте около 6 м имели врезанные в специальные гнезда горизонтальные балки. На них опирались крутые откосы, поднимавшиеся метра на 4, вероятно, образуя над центром помещения квадрат с прогоном в 4 м. Его перекрытие должно было развиваться вверх, к световому люку (остатки такого купола были в помещении 57 объекта XXIII). Высота зала могла быть более 10 м (Распопова, 1990. С. 149, 150). Купол опирался на укосы: в нашем дворце они могли войти в бесколонную конструкцию, опираясь на вделанные в стену балки.

Пенджикентские реконструкции (Маршак, Распопова, 2001. С. 42–44. Рис. 38, 86) основаны на облике буддийских пещерных монастырей II–V вв. долины р. Бамиана (Афганистан), где большинство гротов завершали выбитые в скале купола. Над квадратными залами встречаются имитации бревенчатого купола в камне (Воронина, 1970а. Рис. 6). Историки архитектуры считают “бамианскую” форму деревянных куполов архаичной. Важно, что она присуща не только буддийским культовым постройкам, но до сих пор отличает традиционные жилища Гиндукуша, Памира и Закавказья (Воронина, 1970а. С. 372).

Приведенные материалы допускают в нашем случае подобный бревенчатый купольный потолок в качестве внутреннего, лицевого перекрытия центрального зала. Конструкция вписывается снизу в четырехскатную кровельную китайскую крышу, покрытую черепицей. Редкий пример подобных решений встречаем позднее в самом Китае (X в., государство Ляо): деревянный шатер внутри храма накрывает статую Будды и вместе с плоским потолком скрывает конструкцию кровли (Глухарева, 1971в. Рис. 30).

Зал, помещенный глубоко внутри дворца на Ташебе, мог освещаться только сверху. Использование светового люка сомнительно из-за холо-

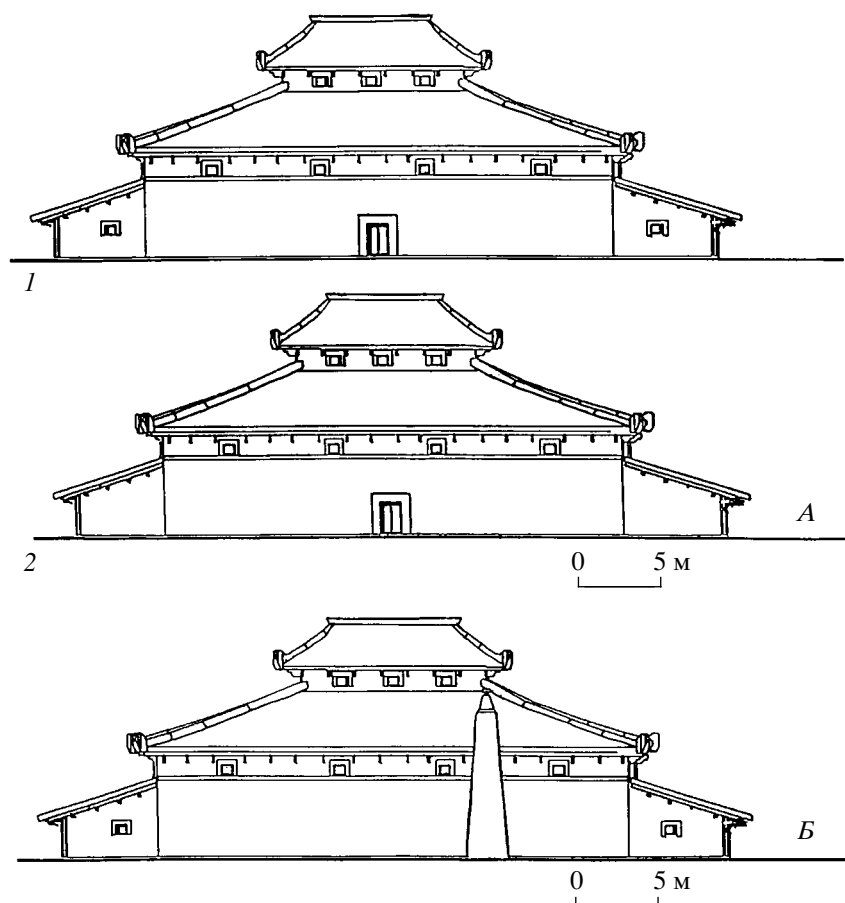

Рис. 8. Реконструкция дворца. А – южный фасад. 1 – при паре окон по западному и восточному фасадам, 2 – при четырех окнах по западному и восточному фасадам. Б – северный фасад. Разработка автора, рисунок Т.С. Добровой.

дов и черепичного покрытия, хотя бревенчатый купол позволял его устройство без обычной для такой площади колоннады (Пугаченкова, 1970. Рис. 13, 19; Воронина, 1970а. Рис. 6, в; Распопова, 1990. С. 149, 150). Завершающая башенка реконструкция (рис. 2, 2; 7) оправдана лишь в случае потолочного люка, но не обязательна. Вопрос требует изучения: небольшие отверстия под коньком крыши встречаются в современных типах жилищ и буддийских храмов Маньчжурии и Северного Китая (Стариков, 1967. С. 64). Создание башенки требует особой системы перекрытия, понять которую нельзя за отсутствием аналогий, хотя башенки встречаются на ханьских рельефах (две: Крюков и др., 1983. Рис. 3) и моделях одноэтажных и многоэтажных домов (Глухарева, 1970. С. 432. Рис. 9). Вероятно, основной свет залу давали окна вверху стен третьего яруса.

В китайском жилище на стандартный прогон крыши в 3.2 м укладывали 12 косых слег, поверх них – три продольные жерди и обрешетку из жердочек, прутьев, крупных стеблей или циновок. Ее промазывали саманом и крыли соломой или черепицей (Стариков, 1967. С. 26; 1979. С. 135). Слеги

были довольно длинные, и свесы кровли выдавались за стены, чтобы их не размывали дожди. Тип настолько устойчив, что маньчжурская фотография 1957 г. (Стариков, 1967. Рис. 6) сравнима с дуньхуанской фреской VI в. (Крюков и др., 1979. Рис. 17). Думаю, кровлю дворца на Ташебе соорудили сходным образом.

Стены. Архитектурный модуль здания неизвестен. Высота стен в реконструкции Леонтьева–Кызласова ниже предложенной Щукиным. У ханьских моделей и у зданий на ряде рельефов высота стен вдвое превосходит крышу. Но при большом свесе крыши ее зримая высота практически равна открытой глазу стене (Крюков и др., 1983. Рис. 42, 43, 46) (рис. 6, 2). Однако это не в полной мере применимо к дворцу на Ташебе, лишенному внешней колоннады.

Высота стен китайских рядовых построек той эпохи, по ханьским же материалам, около 2.3 м (на треть выше человека среднего роста – 1.7 м). Эту высоту могли иметь комнаты боковых крыльев первого яруса – их назначение было служебным. Скаты крыш многоярусных китайских построек подняты до половины высоты следующего

яруса, а по высоте стены второго и третьего уровней равны и не более чем на треть ниже стен первого яруса (Дубовский, 1971. Рис. 70, 3; Лазарев, 1971. Рис. 115). При таком раскладе минимальная высота стен второго яруса дворца – около 4 м, а третьего – около 5.5 м (вершины крыши – 9 м).

Сходны и западноазиатские данные. Второй ярус архитектурного макета из г. Мари II тыс. до н.э. (ранний аналог текстуре дворца на Ташебе, см.: Кызласов, 2001. Рис. 36) на треть выше первого. Приняв ширину его центральных входов всего за 0.7 м, получим высоту первого яруса в 2, а второго в 3 м. Высота первого этажа в одновременном Уре восстанавливается примерно в 3.2 м, а со вторым – 6.8 м (Афанасьева, Дьяконов, 1970. Рис. 12); Квадратного дома в Нисе (II в. до н.э.) – 4 м; дворца в Халчаяне в крыльях 3.4 м, в зале – 5 м (Пугаченкова, 1970. Рис. 11, 15); стен дворца в Ашшуре (I в.) – около 3.4 м (Воронина, 1970б. Рис. 35). Высота двух-трех этажного жилища Пенджикента (при той же, что в гуннском дворце, толщине стен) не менее 8, а то и 10 м, первого этажа – 2–2.5 м, а в парадных залах иногда равна высоте дома (Распопова, 1990. С. 138, 139, 142, 163–167).

Срединные стены Ташебинского дворца, благодаря мощным завалам верхних частей, уцелели на высоту 1.5 м (Евтюхова, 1947. С. 82; Кызласов, 2001. С. 62. Рис. 32). Если добавить минимальные скосы крыш, то при угле в 12–16° конек первого яруса примкнет к стенам второго на высоте 3.7–4 м, а при угле в 24° – 5 м. Стена должна быть выше, хотя бы на высоту окон, поэтому конек второго яруса подыметься минимум до 6–6.5 м и более (7.5 м), а третьего – до 10 м. Таким образом, высота стен каждого яруса превысит предыдущий не менее чем на 2.3 м. Если потолки засыпали грунтом, то на высоту двух ярусов надо добавить по 0.5 м (Распопова, 1990. С. 142). Высота дворца была не менее 11 м (на рис. 8, А, Б она равна 13.5 м; раньше, судя по рисункам, допускали 15 м, см: (рис. 2–5, 7).

Полосатые пахсовые стены внутри и снаружи были, видимо, покрыты одним-двумя слоями замешанной с саманом глины – таковы от века поверхности стен Среднего Востока; сведений о побелке нет. Кроме окантовки входа размещение декоративных керамических плиток на южном фасаде и внутри зала не установлено (поиск см. на рис. 2, 2; 6, 1).

Окна. Каждый из трех ярусов здания Г.Б. Шукин обоснованно снабдил окнами; величина помещений не позволяет освещать их лишь междуконнатными окнами, как в Средней Азии (Распопова, 1990. С. 138, 167). Естественный свет получили все помещения трех частей дворца: комнаты внешней (окна первого яруса) и внутренней (окна второго яруса) анфилады и центральный зал (окна третьего яруса). Н.В. Леонтьев принял такой вариант. Получается, что вестибюль, две комна-

ты, примыкающие к нему по фасаду и четыре помещения вдоль северной стены освещали окна и первого, и второго ярусов (рис. 7). Но в ту пору окна не держали тепла (монголы в юаньской столице Дайду на зиму внутри дворцов иногда ставили войлочные юрты, см.: Дубовский, 1971. С. 381), и два их ряда в комнатах излишни. К тому же если южные комнаты имели печи с дымовыми каналами (Кызласов, 2001. С. 81–84), то в северных подпольного отопления не было. А они-то, видимо, и были жилыми (Евтюхова, 1947. С. 81; Кызласов, 2001. С. 95).

Размещение жилых комнат дворца близко административным ханским зданиям, где передняя часть, согласно фрескам, служебная, задняя – жилая (Крюков и др., 1979. С. 168–170). Жилье состоятельного китайца было трехкамерным: центральная комната официальная, две боковые – внутренние покои (Крюков, 1979. С. 131) (по предположению Старикова, поперечное разделение и сместило двери и окна на длинный южный фасад дома – 1979. С. 134). Этому отвечает назначение центрального зала и боковых комнат нашего дворца. Кухня в Китае была в центральной проходной комнате, прихожей (Стариков, 1979. С. 134) – сходным образом в паре симметричных передних комнат дворца стоят отопительные печи. К изучению планировки дворца можно привлечь и близкие к квадрату жилища Маньчжурии с прихожей-кухней и двумя парами изолированных комнат по бокам; окна одних – на юг, других на север (Стариков, 1967. С. 24). В отличие от дворца в рядовых гуннских жилищах единственная топка Г-образного кана – у противоположной входу стены (Давыдова, 1985. С. 15. Рис. III). Возможно, расположение топок, как и вся система подпольного отопления дворца на Ташебе, восходит к Западной Азии.

Окна в северной стене отрицают связь дворца с китайским каноном (но они обоснованы только свалкой пищевых отходов за задней стеной (Евтюхова, 1947. С. 81; Кызласов, 2001. С. 95), что можно сделать без окон). В Китае боковые стены глухие, северная иногда имеет небольшие проемы, и только южная – окна и двери (Лазарев, 1971. С. 427. Рис. 96). Л.Р. Кызласов логично заключил, что на переднем и заднем фасадах здания нужен лишь один ряд окон, во втором ярусе (рис. 2, 2). Если, помня о нуждах отопления, поместить в комнатах дворца (кроме вестибюля и зала) по одному окну, то для боковых пристроек первого яруса достаточно четырех окон (ни одно из них, окон прислуги, может не выйти на парадный южный и северный фасады; но западное окно комнаты 3, по замечанию Т.С. Добровой, – создает сквозняк: три проема на одной оси). Сходным образом, южный и северный фасады второго яруса могли иметь лишь по четыре окна, а западный и восточный – по два. Учитывая высоту зала, на

каждой стороне нужно минимум два окна. Были ли они затянуты, неизвестно: с эпохи Тан для этого применяли бумагу (Глухарева, 1971а. С. 351), стекло отмечено в юаньском Дайду (Дубовский, 1971. С. 381). Северные окна нашего дворца могли замуровывать на зиму, как недавно делали в домах Северо-Восточного Китая, где, вопреки общей традиции, были и южные, и северные окна (Стариков, 1967. С. 43).

Стены дворца на Ташебе выстроены по канонам Средней Азии, чей опыт освещения не пригоден для нас: окна редки, хватало светового люка в плоской крыше, межкомнатных окон и входа. В раннесредневековых руинах Туркестана уцелели малые и узкие полуарочные окна, похожие на слуховые, расположенные без порядка – высоко над полом и почти в соседстве с ним (в помещении II–III(IV) вв. в оазисе Ния узкий продух на высоте 2.8 м от пола). Отмечены окна третьего этажа – также маленькие. По виду усадеб на стенных росписях (Литвинский, 2000. С. 129, 130, 135, 142. Табл. 30, 4, 5) можно думать, что широкие окна в плоскокровельных постройках отражают влияние Китая. Сасанидский Иран дает примеры двухэтажных зданий с окнами по периметру. Судя по чертежу, они в 2 м над полом (размер 1.3×0.8 м; см.: Воронина, 1970в. С. 334. Рис. 43). В Пенджикенте VII–VIII в. трапециевидные и прямоугольные окна в торцовых стенах первого этажа под потолком, на высоте около 4 м (Распопова, 1990. С. 138, 169, 170).

Китайская традиционная архитектура знает широкие и высокие (более половины высоты стен) прямоугольные окна; они состоят из двух горизонтальных створок и даже на селе бывают шириной более 1 м и высотой 1.22–1.64 м (Стариков, 1967. С. 43, 44). В ханьскую эпоху окна небольшие, прямоугольные без переплетов (Глухарева, 1970. Рис. 9; Крюков и др., 1983. Рис. 45; Treasures..., 1992. P. 227. № 118; Han..., 2006. Fig. 149). Маленькие окна, врезанные отдельно, сохранились на севере Китая и отличают приземистые жилища с плоско-выпуклой крышей. Специалисты именуют их “ханьскими” и прямо связывают с древнекитайской традицией (Стариков, 1967. С. 55, 61, 62; 1979. С. 135). Поэтому для нашей реконструкции избран тип малых окон; точный размер их неизвестен. Возьмем одну створку позднего спаренного окна 0.6×0.8 –1 м или меньше (судя по фото, окна в реконструированных башнях ворот у гробницы Цзин-ди были $1\text{--}1.1 \times 1.5$ м) (Han..., 2006. Fig. 53); среди современных малых отдельно прорезанных квадратных или слабо вытянутых окон есть проемы $\approx$ по 40 см (Чжунго..., 1957. Рис. 145). Разместим окна высоко под крышей, как делали предшественники (Евтюхова, 1947. С. 82) (рис. 2–5). Дворец на Ташебе обретет суровый облик (рис. 8).

Двери. Судя по находкам, внутренние и наружный входы дворца обрамляли глиняные плитки с рельефным узором. Такая отделка известна в ханьской архитектуре (Евтюхова, Левашева, 1946. С. 80. Рис. 40; Евтюхова, 1947. С. 83; Киселев, 1949. С. 270; 1951. С. 480; Кызласов, 2001. С. 76) и позволяет использовать китайские аналоги. В оформлении ханьских погребальных склепов (Глухарева, 1970. Рис. 17) и некоторых моделей домов (Крюков и др., 1983. Рис. 42, 2), узорчатое обрамление располагалось у самых косяков и притолоки входа (рис. 2, 2; 3, 5, 7). Возможно, фриз по притолоке выходил за косяки (Крюков и др., 1983. Рис. 42, 2).

Наружные и внутренние проходы сельских домов Китая часто близки по размерам ($0.8\text{--}0.9 \times 1.6\text{--}1.7$), но входная дверь обычно одностворчатая, а комнатные – двухстворчатые (Стариков, 1967. С. 42, 43). В нашем дворце проем входа не сохранился, но ширина внутренних проходов значительна: 1–1.25 м, в одном случае – 2.1 м (Кызласов, 2001. С. 87), их двери могли быть двухстворчатыми. Лишь узкий проем северной анфилады (комнаты Г и И), шириной 0.7 м, вероятно, закрывала одностворчатая дверь. Бронзовые ручки-маскароны найдены в зале по одной на дверной проем, т.е. тоже могли принадлежать одностворчатым дверям.

В городах Китая входные двери чаще двухстворчатые (Стариков, 1967. С. 53. Рис. 15; 1979. С. 135); дверные проемы башен Великой Китайской стены минской эпохи (осмотрены 15.12.2006 г. за проходом Juoyong Guan к северу от Пекина), судя по парным подпятникам, закрывались двумя створками даже при ширине 0.8 м. Вероятно, две створки были и у наружной двери нашего дворца. Укажу аналоги на западе: размер дверной рамы из Лоулани (IV в.?) и Пенджикента VIII в. – 1.4×2.15 м (Литвинский, 2000. С. 128; Распопова, 1990. С. 170); входная дверь с двумя створками на фреске VI в. (Крюков и др., 1979. Рис. 17). Наибольший внутренний проем дворца на Ташебе позволяет думать, что наружная дверь была шире 2 м. В средневековом Китае входы дворцов и храмов бывали почти квадратными (Глухарева, 1971а. Рис. 20; Лазарев, 1971. Рис. 110, 1; 126, 163). Следовательно, форму двери в реконструкциях Щукина и Леонтьева–Кызласова можно считать обоснованной. По соотношению с длиной фасада, ее размер на рисунках примерно 2.4×2.4 м.

Большая толщина стен (1.4–2 м) допускает двойные тамбурные двери, на что указывает форма проходов из зала в комнаты и между северными комнатами. Выем для косяков прослежен и со стороны зала в комнату Д, и со стороны комнаты В в зал, и с обеих сторон (зал – Г–И), что подразумевает существование двух дверных рам. Другие проемы из центрального помещения к бо-

ковым (Е, Л и М) сильно сужались (Кызласов, 2001. С. 87, 95. Рис. 35, 44). Тамбурные двери свойственны не Китаю, а Западнему и Восточному Туркестану (Кызласов, 1999. С. 187, 193. Рис. 11–13; Литвинский, 2000. С. 128), где, правда, устраивались только в наружных проемах (внутренние не имели дверей). В нашем случае нужно учесть сибирские холода, требующие усиления теплозащиты.

Труба. Вытяжную трубу подпольного отопления ранее не реконструировали. Ее точный вид нельзя представить, зная лишь место выхода отопительного канала за задней стеною дворца (Евтюхова, 1947. Рис. 25; Кызласов, 2001. Рис. 4. С. 80, 82–84). Но параметры таких труб получим по описаниям современных жилищ с лежанками-канами (Стариков, 1967. С. 34–39. Рис. 2). При длине дымового канала, разделенного на несколько ходов, в размер обычной комнаты и внешней стены (около 4 м), вытяжная труба ставится в 1–1.8 м от здания (вероятно, от пожара) и соединяется с каном наружным горизонтальным дымоходом. Трубы бывают глиняные, глиняно-соломенные, деревянные с обмазкой; их основание широкое (у глиняно-соломенных окружность в среднем до 2.8 м, у выходного отверстия – 1.2 м). Лучшая тяга достигается выводом трубы немного выше края крыши (в среднем 2.25 м). Если в доме две теплые лежанки, у каждой своя печь (второй жаровой канал выводят в ту же трубу наружным дымоходом вдоль стены).

Трубы корейского подпольного отопления (*ондоль*) в XIX–XX вв. были выше маньчжурских и поднимались над коньком крыши. Вероятно, это объяснимо большим числом, размером и протяженностью дымовых каналов. Даже в двухкамерных сельских жилищах размером 3–4 × 6–8 м от печи отходило три или пять головных каналов по 30–40 см шириной, разветвлявшихся на мелкие. В зажиточных и городских домах одной печью отапливали больше помещений, находящихся под одной крышей или стоявших по периметру двора. Вытяжные трубы ондоль ставили у торца зданий отдельно (но не ближе метра) или вплотную к стене (сквозь крышу) (Джарылгасинова, 1979. С. 218, 220–222, 226; Глухарева, 1971б. С. 528–530. Рис. 28). О размере и размещении вытяжных труб в Западной Азии у нас нет данных.

Приведенные данные убеждают: вытяжная труба дворца на Ташебе была высокой, не ниже крыши второго яруса (около 9 м), и большого диаметра (около 2.7 м), ведь связанные с ней дымоходы имели большую протяженность (рис. 9, б).

Ограда и ворота. Глухие стены, с древности (рис. 6, 2) и поныне окружающие дворы Китая, имели соломенные или черепичные двускатные кровельки, достигая высоты 2.5–3 м (Стариков, 1967. С. 19, 49). Дворовые ворота и двери дома

обычно помещали на одной меридиональной оси. Ворота зажиточного дома широкие: 3–3.5 м, двухстворчатые, их высота с крышей 3.5–4 м (Стариков, 1967. С. 20, 47). Пропорции и размеры ворот, судя по высоте человеческих фигур на ханьских рельефах и моделях, традиционны (рис. 6, 2), как и две закрывающие проем створки (Глухарева, 1970. Рис. 9; Крюков и др., 1983. Рис. 28, 44). Лишь пилоны торжественных ворот расставлены вдвое шире (Тайсы и Шаосы: 6.72 и 7.83 м) (Ащепков, 1959. Рис. 2). Все эти особенности приложимы к въезду ограды Ташебинского дворца (новое о плане гуннского городка и двора дворца см.: Кызласов, 2006. С. 162–174. Рис. 18–22).

Рельефы и модели ханьского времени воспроизводят городские ворота, фланкированные двумя башнями; усадебные проезды ограничивала пара высоких пилонов (Глухарева, 1970. С. 435. Рис. 5, 9). Обе формы бытуют позднее (Ащепков, 1959. Рис. 87). Для столь монументального оформления ворот на Ташебе оснований нет, но вряд ли это был простой проем в стене, обычный для древних изображений (Глухарева, 1970. Рис. 7, 11; Крюков и др., 1983. Рис. 44, 45, а, в; 46) (рис. 6, з) и традиционной архитектуры (Ащепков, 1959. Рис. 152). Центральному выступу главного фасада дворца более отвечают ворота, выходящие за линию стены парой пилонов, с собственной двускатной крышей, известные на ханьских моделях (Крюков и др., 1983. Рис. 45, б) и в архитектуре Китая по сей день (Ащепков, 1959. Рис. 31, 79; Лазарев, 1971. С. 427. Рис. 98, 1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьева В.К., Дьяконов И.М. Архитектура стран Двуречья и Месопотамии // ВИА. 1970. Т. 1.
- Ащепков Е.А. Архитектура Китая. Очерки. М., 1959.
- Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
- Воронина В.Л. Архитектура Афганистана // ВИА. 1970а. Т. 1.
- Воронина В.Л. Архитектура Парфии // ВИА. 1970б. Т. 1.
- Воронина В.Л. Архитектура сасанидского периода // ВИА. 1970в. Т. 1.
- Глухарева О.Н. Архитектура стран Дальнего Востока // ВИА. 1970. Т. 1.
- Глухарева О.Н. Архитектура Китая VI–X вв. // ВИА. 1971а. Т. 9.
- Глухарева О.Н. Архитектура Кореи // ВИА. 1971б. Т. 9.
- Глухарева О.Н. Архитектура Китая X–XIII вв. // ВИА. 1971в. Т. 9.
- Глухарева О.Н. Архитектура Китая III–VI вв. (период Шести династий) // ВИА. 1971г. Т. 9.
- Глухарева О.Н., Прибыткова А.М. Архитектура Японии // ВИА. 1971. Т. 9.
- Гуанчжоу чу тун ханьдай таоу (Глиняные домики периода династии Хань, обнаруженные при раскопках в г. Гуанчжоу). Пекин, 1958.

- Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.
- Данилов С.В. Древние и средневековые города в кочевых обществах Центральной Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2005.
- Джарылгасинова Р.Ш. Жилище корейцев // ТТСЖ. 1979.
- Дубовский Е.С. Архитектура Китая XIII – середины XVII в. // ВИА. 1971. Т. 9.
- Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. 1946. XII.
- Евтюхова Л.А. Развалины дворца в “Земле Хягяс” // КСИИМК. 1947. XXI.
- Евтюхова Л.А. Южная Сибирь в древности // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. Т. 9.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Киселев С.В. Из истории китайской черепицы // СА. 1959. № 3.
- Крюков М.В. Древнее жилище народов Китая // ТТСЖ. 1979.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
- Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга // РА. 1999. № 2.
- Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. М., 2001.
- Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М., 2006.
- Лазарев Г.З. Архитектура Китая середины XVII – середины XIX в. // ВИА. 1971. Т. 9.
- Литвинский Б.А. Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. М., 2000.
- Лоу Цинси. Чжунго гу цзяньшэ эрши цзян (Двадцать рассказов из истории китайской архитектуры). Пекин, 2001.
- Маришак Б.И., Распопова В.И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2000 г. // Матер. Пенджикентской археол. эксп. Вып. III. СПб., 2001.
- Пугаченкова Г.А. Архитектура Средней Азии // ВИА. 1970. Т. 1.
- Распопова В.И. Жилища Пенджикента. Л., 1990.
- Стариков В.С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967.
- Стариков В.С. Основные особенности сельского жилища китайцев (хань) // ТТСЖ. 1979.
- Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 2. Цзе. М., 1990.
- Чжунго цзяньчжу (Архитектура Китая). Пекин, 1957.
- Han Yangling Museum. Beijing, 2006.
- Treasures from a Swallow Garden. Inaugural Exhibit of the Arthur M. Sackler. Museum of Art and Archaeology at Peking University. Beijing, 1992.

Framework for reconstructing the Hun palace on the Tasheba river

I. L. Kyzlasov

Summary

The only Hun palace building (1st c. BC) which has undergone archeological study was excavated in Khakassia, on the Tasheba river (Middle Yenisei valley) in the 1940-s by V.P. Levasheva, L.A. Yevtukhova and S.V. Kiselev, and published in 2001 by L.R. Kyzlasov. The reconstructions are by L.A. Yevtukhova (1947), G.B. Schukin (1954), N.V. Leontiev and L.R. Kyzlasov (2001). The article analyzes the reconstruction variants, including the 1941–1946 ones from L.A. Yevtukhova's archive. The tripartite structure of the building is determined by the plan: the central hall formed the upper storey, the square of adjacent premises – the middle, and the wings composed of four rooms each – the lower storey. The main elements of the building are reconstructed: straight-sloped and short-ridged roofs, wooden ceilings (a necessity in Siberia), three storeys of walls of different height, the number and location of windows, doors, air chimney, fencing and gate. A graphical reconstruction of the Northern and Southern façade is offered. The palace should not be associated with Chinese architecture. The technique of building without platforms, heavy walls of made of pakhsa and clay mortar, near-square plan, suites of rooms around the central hall and channels under the floor for smoke heating originate in the building canons of Western Asia. Chinese influence can be seen only in the type of roof tile and in the facing tiles with relief zigzag ornament.

ДВА АК-БЕШИМСКИХ СЮЖЕТА

© 2008 г. Л. Р. Кызласов

Московский государственный университет

В 1953 и 1954 гг. мною были проведены раскопки руин города Суяба – городища Ак-Бешим на р. Чу в Киргизии. Их методика оказала влияние на приемы археологических исследований в Средней Азии в целом, а полученные результаты вызвали широкое обсуждение в мировой науке и многократно использовались и специалистами различных востоковедческих дисциплин. Однако археологические пути, с тех пор пройденные мною, побуждают вновь обратиться к результатам давних полевых работ в Семиречье.

В последние годы после обнаружения и раскопок в долине Среднего Енисея серии манихейских храмов VIII–XII вв. (Кызласов Л.Р., 1981; 1997; 1998; 1999; 2001; 2003; 2004)¹ археологические проявления этой некогда мировой религии все более интересовали меня. Этими исследованиями порожден первый из сюжетов данной статьи.

Ни у кого из специалистов за прошедшие полвека, обращавшихся к нашему исследованию городища Ак-Бешим и его разнообразных материалов, насколько знаю, не возникло довольно ясного ныне и в сущности понятного еще по изданному общему плану 1953–1954 гг., обобщающего заключения о существовании в раннесредневековом Суябе четко выстроенного сакрального пространства, окружавшего густо населенный шахристан. Именно это побуждает меня предоставить исследователям второй сюжет статьи.

ФОРМА МАНИХЕЙСКОГО КРЕСТА

Манихейский погребальный комплекс VII–VIII вв. (объект III) на Ак-Бешиме представлял собой обособленную группу холмов, расположенную в 400 м к западу от стен шахристана и на таком же расстоянии – к северо-западу от буддийского храма. Здесь в 1954 г. был исследован небольшой (диаметром около 20 м) невысокий холмик, находившийся в центре указанной группы холмов (рис. 1, III) (Кызласов Л.Р., 1959. С. 230, 231. Рис. 55). При раскопках обнаружена плоская и невысокая площадка из сырцовых кирпичей (размером 48–44–42 × 24 × 8 см) с ямой посередине, на которую, вероятно на деревянный помост, возлагались трупы для отделения мяса от костей скелета (рис. 2, I). По оконечностям площадки, вокруг ямы как центра, находилось 10 погребений

костей в хумах, накрытых крышками или плоскими гальками (рис. 3, I; 4). Одно из этих погребений (детское) было совершено в круглодонном глиняном котле с украшением в виде двух ложных ручек из налепных рассеченных валиков. Два погребения костей (№ 3 и 12), очищенных от мягких покровов, были совершены в ямках без всяких урн (рис. 3, I). При одном из них (№ 3), находившемся в узком коридоре неясного назначения, обнаружен кувшин с процарапанным после обжига, возможно, даже прямо при погребении, равносильным крестом (рис. 3, II).

С юго-восточной стороны площадки обнаружена четырехугольная погребальная камера, сложенная из пахсовых блоков, имевшая, по-видимому, первоначально свод и вход с восточной стороны (где сохранилась низкая стенка), в которой оказалось восемь погребений очищенных человеческих костей (рис. 2, I; 3, I).

В северо-восточной стенке камеры был выявлен вход в овальный склеп с семью погребениями (рис. 2, II), вход и свод склепа были выложены сырцовым кирпичом, а сам он вырыт в земле. С юго-западной стороны площадки располагались погребения, произведенные по обряду трупоположения. Скелеты без вещей лежали на спине, в вытянутом положении, четыре головой на восток и два – на запад (рис. 2, I). Изучение сохранившихся черепов показало, что погребенные в этом холме относились к европеоидному антропологическому типу. Монетных находок на объекте III не обнаружено.

Манихейская принадлежность объекта, как сказано в публикации сразу после проведения работ, прежде всего устанавливалась мною по форме креста, нанесенного на погребальном сосуде (рис. 3, II). Эта форма несвойственна для несторианского христианства, широко распространившегося среди населения Семиречья уже с рубежа V и VI вв. Различия очевидны – наши раскопки 1953–1954 гг. выявили единовременные символы, бытовавшие у жителей одного и того же города. Достаточно сравнить указанный крест-граффити с бронзовым нательным крестом VIII в., обнаруженным на груди одного из погребенных у христианской церкви Ак-Бешима (объект IV). Сравнение убеждает, что кресты манихеев и христиан равно имели расширяющиеся концы, но в другом были совершенно непохожи: первые были равносильными, а вторые имели удлиненную верти-

¹ См. “Археологические открытия” за 1971–1981 гг.

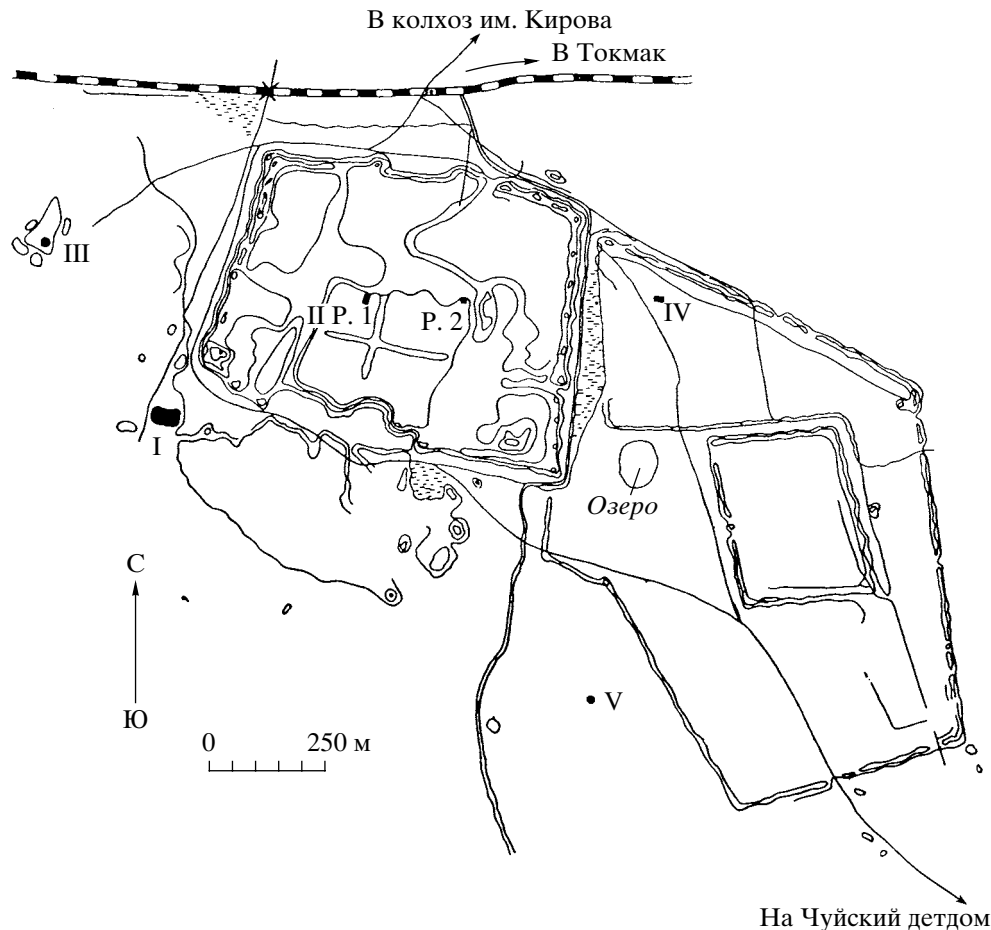

Рис. 1. Схема городища Ак-Бешим и расположение объектов I-V, раскопанных в 1953–1954 гг.

каль. Четырехконечный крест с расширяющимися концами и длинным низом служит отличием несторианского христианства на всем протяжении его существования: эта форма присуща несторианским крестам VIII (стела из Сианьфу) и IX–X вв. (Даркевич, Маршак, 1974. С. 215, 221. Рис. 1, слева), а затем – высеченным на кайраках уже XIII–XIV вв. (Коковцев, 1909; Джумагулов, 1987. С. 38–58. Табл. 1–14; Кольченко, 2003).

По прошествии многих лет наш вывод о существовании у манихеев креста своеобразной формы получает подтверждение. Так, подобный произрастающий из цветка лотоса равноконечный крест воспроизведен на каменном манихейском надгробии из местечка Цюаньчжоу провинции Фуцзянь (Китай). Как образец манихейского креста он опубликован Ю.А. Зуевым (2002. С. 192. Рис. 2). Только ошибочное восприятие равноконечных манихейских крестов (с характерными четырьмя расширениями) как несторианских не позволило исследователям правильно понять выбитые рядом с ними наскальные согдийские надписи, обнаруженные в верховьях Инда. Совсем не случайно там на каменных плоскостях “не было найдено ни одного христианского имени”, зато

высечено имя, которое можно «интерпретировать как манихейское (*nβyūntk*, означающее предположительно “слуга Книги”)). Закономерно и то, что другая «надпись № 4, состоящая только из одного слова, содержит несомненное манихейское имя – *sr'wšrtu'n* – “милость (божества) Срошарта”. Срошарт – согдийское имя для “Столпа Славы”. Надпись № 2 оказалась датированной по принятой манихеями эре Йездигерда. Эта дата относится к IX в. (Симс-Вильямс, 1995. С. 61–66. Фото с. 62; ср.: Klimkeit, 1979. S. 99–115. Pl. 10).

К тому же или близкому последующему времени относится манихейский крест, высеченный до текста на одном из валунов с эпитафией, выполненной таласским руническим письмом – на так называемом десятом памятнике (Т 10) из Киргизии (Джумагулов, 1963. С. 28, 29. Рис. 13, 14; 1982. С. 15, 16. Табл. III. Рис. 1, 3; Батманов, 1971. С. 22. Рис. 16, 17). Показательно, что наша оценка креста на Т 10 полностью совпадает с независимым сложившимся мнением Ю.А. Зуева (2002. С. 201). Нельзя не сказать здесь, что этот эпиграфический памятник свидетельствует о связи таласского рунического письма с манихейской религией тюркоязычных народов раннего средневековья, что

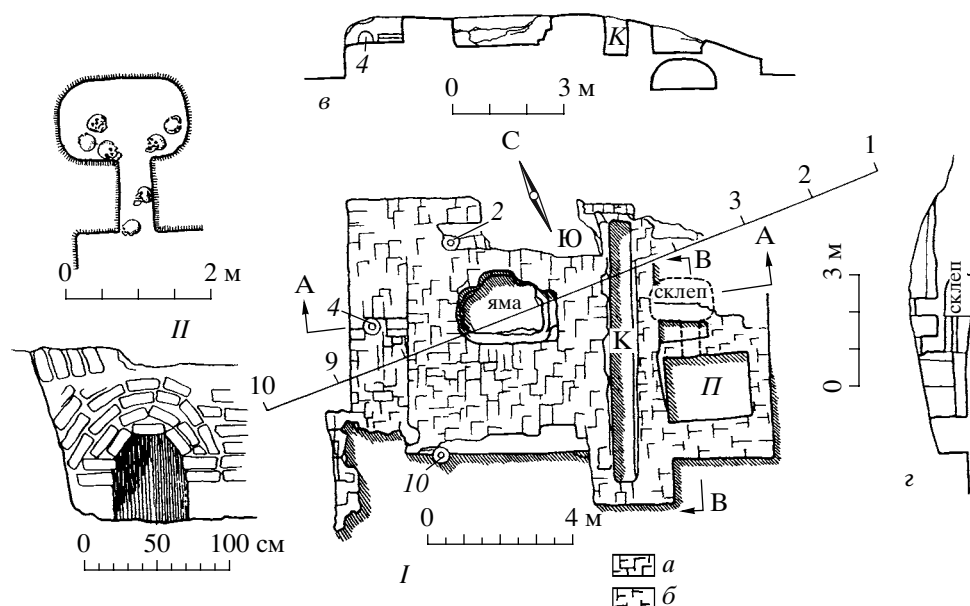

Рис. 2. Объект III. План и разрезы погребального комплекса (I), вход в склеп и план склепа (II). а – слившаяся сырцовая кладка; б – пахса; в – разрез по А–А; з – разрез по В–В; 2, 4, 10 – сосуды с костями; К – “коридор”; П – погребальная камера.

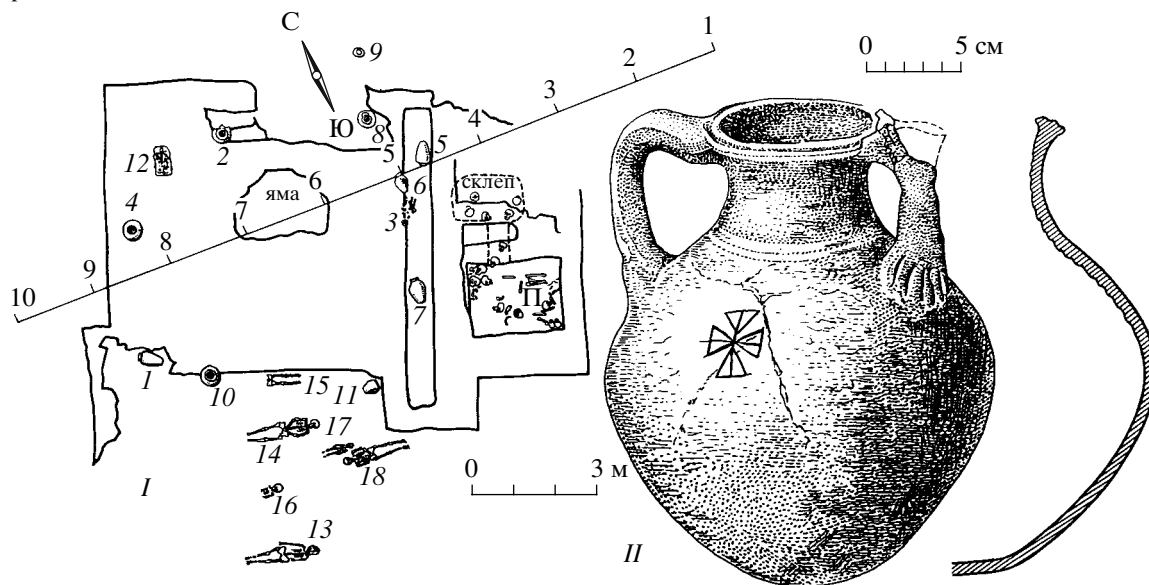

Рис. 3. Объект III. План сооружения с погребениями (I): 1, 2, 4–8, 10, 11 – погребения в хумах, 9 – погребение ребенка в круглодонном котле; 3, 12 – захоронение костей без урн; 13–18 – труположения; II – кувшин из погребения 3 с изображением креста манихеев.

недавно уже было показано для наскальных рунических надписей, выполненных таласским алфавитом (Кызласов И.Л., 2005). Важно, что манихейская принадлежность установлена и для других азиатских рунических письмен – для орхонских рукописей Восточного Туркестана (А. фон Габен, 1986. С. 170, 171) и памятников енисейского письма Южной Сибири (Кызласов И.Л., 2001а; б; 2003). Движение манихейства с Саяно-Алтайского нагорья обратно на породивший его среднеазиатский запад, происходившее уже в тюркской “рунической” форме, отмечается не позднее

IX–X вв. (Рогожинский, Кызласов, 2004; Кызласов И.Л., 2005).

Для нашего исследования важны и свидетельства письменных источников, каковым является “История” Феофилакта Симокатты (1957. С. 13, 20), написанная между 628 и 638 гг., т.е. еще в доарабский период истории Средней Азии. В ней автор, описывая военную поддержку, оказанную христианами-византийцами персидскому царю Хосрову во время нападения на Вавилонию “скифов” и парфян, сообщает: Хосров, “узнав, что не-

которые из взятых в плен принадлежат к племени тюрков, он, прославляя мощь ромеев, отправил их к императору Маврикию в качестве первых победных даров. 14. На лбу у этих пленников был вырезан знак страданий господних. У исповедующих христианскую религию он называется крестом. Император стал спрашивать у варваров, что означает этот знак. 15. Они ответили, что получили его от матерей: когда у живших на востоке разразилась сильная моровая язва, то по настойчивому совету некоторых из христиан они острием накололи на лбу мальчиков этот знак. Так как варвары не отвергли этого предложения, то те получили спасение от этого совета” (Феофилакт Симокатта, 1957. С. 130, 131. См.: Кызласов Л.Р., 2004). Однако тюрки, которые в VI–VII вв. были властителями всего правобережья Амударьи, а также земель целого Семиречья, тюрки, которые, как мы теперь знаем и по материалам из Ак-Бешима, по вероисповеданию по преимуществу являлись манихеями; эти тюрки едва ли могли наносить на лбы малолетних детей своих татуировку не в виде самых скромных, характерных для манихеев равноконечных крестиков.

О том, что манихеи воспроизводили очертания равноконечного креста прямо на своем теле известно и из других разновременных источников. Гильом де Рубрук, например, совершивший в середине XIII в. путешествие из Палестины до столицы монголов, города Каракорума на р. Орхон, неоднократно на своем пути встречался с манихеями и посещал их кумирни (Путешествия..., 1957. С. 157, 171, 239, 260). Так, прибыв в Восточный Туркестан, в землю уйгуров-манихеев (“югуров”), он в городе Кайлыке обнаружил три “кумирни”-храма, посвященных разным религиям. Как сообщает сам Г. Рубрук, «в первой я нашел человека, имевшего у себя на руке крестик из чернил (очевидная татуировка. – Л.К.)... Поэтому я спросил у него: “Почему же вы не имеете здесь (в кумирне. – Л.К.) креста и изображения Иисуса Христа?” Он ответил: “У нас это не в обычае”» (Путешествия..., 1957. С. 127). Значит, это как раз была манихейская церковь.

Как известно, манихейская религия нередко почиталась “мировой ересью”, а “христиане называли ее христианской ересью” (Кефалайа, 1998. С. 43, 44). Синкретизм манихейства, действительно, заключался в том, что сам Мани убежденно воссоздавал то, что считал изначальной истинной верой, возвешенной божеством первому из людей. Все известные в то время религии, по его мнению, содержали зерно истинной церкви. Очевидно, поэтому манихейство заявляло: “Глава церкви и ее небесный прообраз – Иисус-Сияние”, а символом его является равноконечный крест (Кефалайа, 1998. С. 469, 471, 485, Указатель).

К подтверждению сказанного привлечем и данные письменных источников о существовании

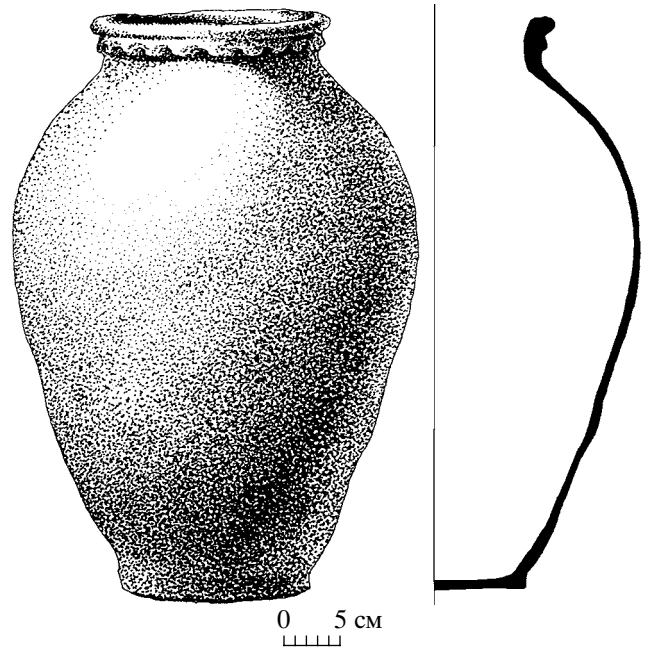

Рис. 4. Объект III. Образец хума, служившего погребальной урной.

школы (“сотни”) молодых манихейских послушников в самом городе Суябе, отмеченные Ю.А. Зуевым (2002. С. 204, 206, 208, 209).

Теперь, когда за географическими и политическими границами первоначального манихейства удастся выделить форму характерного манихейского креста, быть может, пришло время обратиться к былым сасанидским пределам – месту сложения этой религии. Некогда А.Я. Борисов определил как “сасанидско-христианскую” небольшую серию резных камней, хранящихся в Государственном Эрмитаже. В отличие от одной печати с несторианским крестом и пехлевийскими надписями (Борисов, 1939. С. 235–240. Табл. VI, 1) (рис. 5, 1), прочие камни несут несомненные зороастрийские культовые сюжеты: сцены заклания козла и поклонения огню, а также фигуру крылатого духа Сроша (Сероша) (рис. 5, 4, 6). Несмотря на это, на всех них вырезаны маленькие равноконечные крестики (рис. 5, 2, 3, 5, 7). Именно они восприняты исследователем как христианские показатели – результат нейтрализации и переработки прежних ритуальных изображений в новом духе. Вместе с тем справедливо отмечено, что сюжет “перерабатывается столь поверхностно, что его зороастрийское происхождение продолжает оставаться вполне ясным”. На этом основании делался вывод, что памятники “находятся в тесной связи с глиптикой зороастрийской и в основном являются изделием зороастрийских мастеров” (Борисов, 1939. С. 240–242. Табл. VI, 2, 3, 5, 7).

Ныне все эти наблюдения очень существенны для нас. В заключение статьи исследователь пишет: «Лишь глиптика “сасанидско-манихейская”, существование которой необходимо допустить а

Рис. 5. Сасанидские резные камни (увеличены) с изображением несторианского креста (1) и манихейских крестов (2, 3, 5, 7), зороастрийских культовых сюжетов (4, 6). По А.Я. Борисову.

priori, остается до настоящего времени, насколько мне известно, совершенно неуловимой. Приходится предположить, что, так как манихеи, теснимые зороастрийским духовенством, очень рано выселились из собственно иранских областей к восточным границам сасанидского государства и даже за его пределы, их глиптика входит в массу «восточно-иранских» камней, еще недостаточно изученных и обычно лишенных легенд». Мы вправе думать, что А.Я. Борисов как раз и оказался тем знатоком, который впервые выделил памятники не только сасанидско-христианской (отмеченной несторианским длинноконечным крестом), но и, лишь предчувствуя открытие, сасанидско-мани-

хейской глиптики (несущей именно равносторонний манихейский крест). Не предлагая точной датировки обсуждаемых резных камней, можно заметить, что они демонстрируют нам весьма раннее появление манихейской формы креста — еще в бытность и в пределах Сасанидской державы до VI в. Именно манихейству, а не христианству, всю историю было свойственно рядиться в одеяния иных религий, что происходило уже изначально, в отмеченных А.Я. Борисовым условиях противоборства с зороастризмом Сасанидов. Нет сомнений и в том, что манихейский равносторонний крест возник в результате раннего контакта манихейской церкви с восточным христианством.

Манихейское определение кладбища Ак-Бешима, раскопанного как объект III, укрепившееся со временем, позволяет и решительнее высказаться о сути тех погребальных обрядов, которые оказались с ним связаны. Уложенные в погребальные сосуды (хумы) или в оссуарии очищенные кости умерших оставались в глинобитных или сырцово-кирпичных склепах, сооруженных на поверхности земли. Так решается высказанная археологом давняя загадка о среднеазиатских погребениях очищенных костей в хумах (Козенкова, 1961. С. 251–260) – все они, несомненно, манихейские. Усыпальницы имели сырцовые супурганы для освобождения костей скелетов от греховной человеческой плоти, которая, вероятно, по требованиям манихейского канона не должна была осквернять собою священную сферу земли.

Все изложенное выше заставляет ныне иначе расценить и объект V, раскопанный на Ак-Бешиме. Оттиски манихейских по форме крестов на круглых кирпичах и использование стилобата для вторичных оссуарных захоронений на горизонте (рис. 6) позволяют ныне думать, что мною были изучены остатки не жилого замка (Кызласов Л.Р., 1958), а специальной погребальной “башни молчания” V–VI вв., построенной согдийцами “первой волны” на берегу р. Чу еще до основания ими же города Суяба, в самый начальный период их колонизации Семиречья через Чач и Тараз. Опорой этой гипотезе служит обоснованное в нашей литературе мнение о существовании в Средней Азии в древности особых погребальных башен (Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1968. С. 147–156). Вероятно, их архитектурный облик был близок к замковым строениям.

Эта статья находилась в печати², когда Г.В. Шишкиной было опубликовано сооружение, подтверждающее предлагаемое здесь назначение ак-бешимского объекта V. Погребальная дахма, раскопанная в городской округе Самарканда, действовала долго, пережив 9 строительных этапов. Время функционирования башни определяется исследовательницей второй половиной VII – первой половиной VIII в., а облик соотносится с крепостной, замковой архитектурой. Верхняя часть постройки изначально была оформлена такими же фигурными кирпичами, как и объект V Ак-Бешима (Шишкина, 2005. С. 755–775; Галиева, Иневаткина, 2005. С. 289. Рис. 8, 2–4; Куркина, 2005).

Ныне, когда становится ясным, что известное Аниковское серебряное блюдо оказалось образцом распространенных на востоке Средней Азии подобных изделий (ср. изготовление его по оттиску оригинала и обнаружение в Приобье второго подобного же блюда) (Гемуев, 1988; Маршак, 1996. С. 10), вполне очевидно, что изображенный

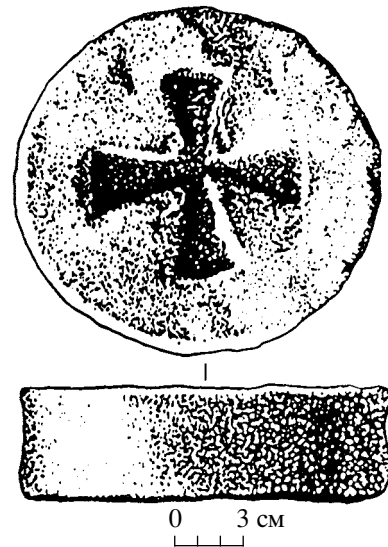

Рис. 6. Объект V. Один из круглых обожженных кирпичей с крестовидным вдавлением.

на нем сюжет был широко востребованным и манихеями Сибири³. О том же, пожалуй, может свидетельствовать и отмеченное специалистами соединение в нем стилистики самых разных культурных и идеологических центров: буддийских, христианских и, добавим сами, манихейских. Подобную историко-культурную широту могли иметь и возводимые в религиозно смешанном обществе Семиречья ранние башенные постройки, подобные той, остатки которой были раскопаны мною на Ак-Бешиме.

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА СУЯБА

Наши раскопки выявили, что жители Суяба, одновременно обитавшие в тесных кварталах укрепленного стенами прямоугольного шахристана, подразделялись тем не менее на общины сторонников четырех мировых религий: буддизма, христианства, манихейства и зороастризма. Этот вывод был укреплен последующими работами Л.П. Зяблина, в 1955–1958 гг. раскопавшего второй буддийский храм, Г.Л. Семенова и киргизских коллег, в 1996–1998 гг. открывших еще один христианский церковный комплекс.

Все известные религиозные памятники отличались друг от друга не только характерными архитектурно-планировочными сакрализированными особенностями, но и оказались очень четко распределены на местности (рис. 1). Выяснилось, что

² Л.Р. Кызласов, желая дополнить статью отсылкой на дахму Исбискета, не успел сделать это сам. Текст абзаца составлен И.Л. Кызласовым.

³ Никто не может отрицать, что на обоих блюдах изображены и явные трупы людей (лежащий у входа и перевесившийся через парапет). На обском экземпляре неслучайно именно трупы на башне вызолочены наравне с пятью молящимися фигурами и изображениями солнца и луны – образов столь значимых в манихействе. Ср. также деревянные “башни”, стоявшие на Бегишевском кладбище сибирских татар-манихеев (Кызласов Л.Р., 2005. С. 60. Рис. 2).

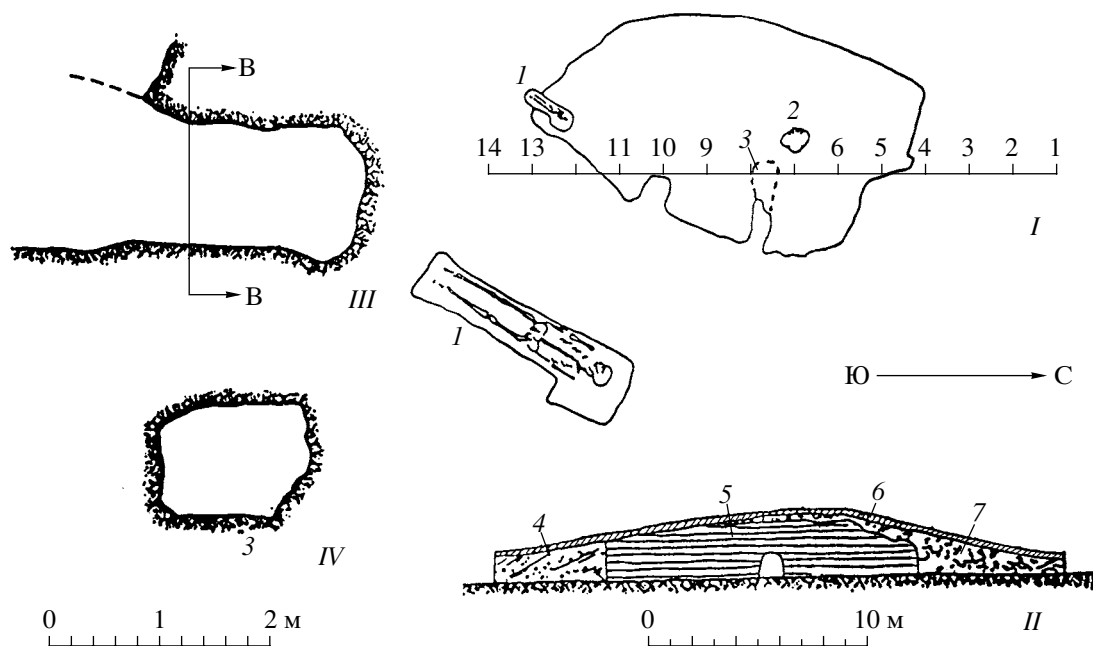

Рис. 7. Объект V. Остатки башни VI–VII вв.: I, II – план и разрез; III, IV – разрезы склепа; 1 – погребение, 2 – яма с оссуарием, 3 – склеп, 4 – заплыв с сырцово-красочной крошкой, 5 – пахса, 6 – пахотный слой, 7 – завал сырца с заплывом.

каждая вера за пределами городского шахристана занимала свое обособленное пространство земли согласно с различием сторон света.

Сакральное пространство буддистов Суяба распространялось снаружи вдоль южной крепостной стены шахристана. Именно там и были исследованы оба буддийских храма (I и II). Первый – наибольший храм-монастырь находился близ юго-западного угла шахристана, второй располагался в 250 м к востоку от первого и в 100 м к югу от стены шахристана (Зяблин, 1961). Вдоль южной же стены шахристана в последующие годы были случайно найдены местными жителями обломки каменных стел с обрывками иероглифических поминальных и посвячительских текстов (Лубо-Лесниченко, 2002. С. 119–127). Несомненно, на восток от храмов было потревожено средневековое буддийское кладбище.

Манихейское кладбище, исследованное мною в 1954 г. и содержавшее площадку-супурган и наземные склепы, а также захоронения очищенных костей в хумах и котлах и вплоть до трупов, оставленных просто на поверхности земли – “воздушные погребения”, оказалось расположенным к западу от городских стен (рис. 1, объект III).

Христианская же церковь и ее кладбище, изучавшиеся в 1954 г., располагались с противоположной стороны городских укреплений – в 165 м на восток от стены шахристана (рис. 1, IV). Именно в восточном конце от центра Ак-Бешима неслучайно оказался и интереснейший второй церковный несторианский комплекс (объект VIII), к сожалению, оставшийся недоисследованным за прошедшие годы и в результате утраченный для

науки. Судя по публикации раскопанной части, это было редчайшее здание несторианского собора или даже монастыря, состоявшего как минимум из трех церквей (Семенов, 2002. С. 44–114. Рис. 1–72). Подобного памятника еще не было зарегистрировано и описано в истории религиозной архитектуры Востока.

К сожалению, остался неизученным участок земли, располагающийся к северу от шахристана Ак-Бешима, но там давно проходит уничтожившее древности полотно железной дороги Фрунзе – Токмак. Однако А.Н. Бернштам, побывавший в 1939–1940 гг. в Чуйской долине с разведкой, отметил, что “непосредственно у северной стены” Ак-Бешима при строительстве этой железной дороги было прорезано кладбище из плоских бугров, не имевших кладки. “На уровне дневной поверхности стояли оссуарии, иногда хумы с костями, т.е. костехранилища, связанные с зороастрийским культом” (Бернштам, 1950. С. 110). Полагаясь на эти данные мы имеем основания заключить, что с северной стороны шахристана Суяба хоронили умерших представители зороастрийской религии, которая, как известно, являлась в те времена государственной идеологией сасанидского Ирана. Очевидно, в г. Суябе в ту пору проживали и купцы иранцы, сберегающие свою веру.

Показательно явное размещение буддийских, манихейских, христианских и зороастрийских святилищ – четырех вероучений пришедших на р. Чу – за внешними пределами городского шахристана. Последнее обстоятельство, вероятно, указывает, что средневековая веротерпимость к разнородному населению города не распространялась на не-

бесное покровительство обнесенного стеною самого городского центра – он оставался под покровительством иных, изначальных для него местных божеств. Учитывая историю возникновения Суяба, правомерно заключить, что до сих пор археологически не исследованные напластования шахристана городища Ак-Бешим скрывают согдийские храмы V–VI и, вероятно, последующих веков. Материалы раскопок 1953–1954 гг., пожалуй, позволяют предугадать, каким божествам были посвящены эти внутригородские храмы. Согласно находкам своеобразных культовых блях, можно ожидать, что святыми покровителями Суяба была божественная семейная пара, символом которой являлся двугорбый верблюд.

Таким образом, городище Ак-Бешим в целом являет собою разительный пример откровенного “отталкивания” мировых религий друг от друга, обнаруживая особые сакральные пространства каждой из конфессий, окружавшие с четырех сторон крепостные стены жилого шахристана. Достаточно взглянуть на общий план расположения кладбищ и храмов (рис. 1), чтобы осознать, насколько ценным в те времена считалось обрядовое уединение членов любой из религиозных общин, проживавших в одном и том же городе.

Различия представлений адептов разных религий о потустороннем мире и о способах переселения в него душ умерших собратьев по вере, несомненно, являлось чрезвычайно своеобразным. Исключалась даже возможность увидеть с участка одной религии освященную землю другой конфессии. Особенно значимо, что такое планиграфическое разделение сохранялось вплоть до начала полного запустения городских кварталов к рубежу X–XI вв.

Еще 50 лет назад нашей экспедицией было установлено, что на Ак-Бешиме “последние сооружения шахристана относятся к IX–X вв. и жизнь на шахристане, как и на объекте I, прекратилась в одно и то же время”. Основной вывод был опубликован в заключение: “город существовал между V и X вв., после чего, по ряду причин, жизнь в городских стенах и за его пределами замерла. В XI–XII вв., в караханидский период, город уже лежал в развалинах” (Кызласов Л.Р., 1959. С. 227, 235). Разумеется, последующие поколения людей периодически посещали оплывшие древние руины: в поверхностных слоях встречаются караханидские монеты, обнаружен даже клад – кожаный мешочек с 76 монетами, выпущенными в середине и шестом десятилетии XI в. (Давидович, 1959. С. 242).

Раскопки 1996–1998 гг. показали, что сакральное пространство Суяба в IX–X вв. с восточной христианской стороны предприняло, если так можно сказать, активное наступление на собственное городские кварталы – новые христианские церкви были сооружены прямо на восточном краю городской застройки, поверх зданий предше-

ствующего строительного горизонта. Это смещение сакрального пространства на город знаменовало начало его гибели. Буддистов и манихеев среди жителей, по-видимому, к тому времени уже не оставалось. В конце X в. и христиане-несториане покинули Суяб. Жизнь некогда цветущего города закончилась.

Таков пока единственный пример археологического изучения свободного пригородного пространства, отчетливо выявившего его сугубо сакральный характер, присущий для населения городов Средней Азии. Историк-археолог впервые получил возможность наглядно познать идеологическое противопоставление мировых религий при сосуществовании их в эпоху раннего тюрко-согдийского взаимодействия в VI–X вв.

В заключение отметим особое отношение местного киргизского населения левобережья Чу к возвышенному над долиной подчетыреугольному останцу древнего городища.

Издревле киргизы называют его Ак-Бешим. Энциклопедический по своему охвату словарь профессора К.К. Юдахина позволяет, пожалуй, понять особый смысл этого имени. Согласно ему, *ак* имеет значение “истина, истинный” (даже “бог”), а *бешим* – “полуденная молитва” (1965. С. 37, 133). То есть по-русски название руин будет означать “Истинная полуденная молитва”, иными словами – “Полуденная молитва Истинному Богу”. Из этого следует полагать, что киргизы считали городище священным местом – то ли в память о былых здешних храмах, то ли сами верша на руинах полуденные молитвы. Нам следует обратить внимание, что тот же словарь для слова “Бог” приводит киргизское *Кудай* и объясняет его как заимствование из иранского языка (Юдахин, 1965. С. 436, 437). Термин этот домусульманский, манихейский, и он давно проник ко многим тюркоязычным народам (в том числе и к киргизам Семиречья) и связан с распространением среди них еще в раннем средневековье манихейства (Кызласов Л.Р., 2004). Веру эту несли на восток проповедники-иранцы и согдийцы. Одним из религиозных центров, участвовавших в этом процессе, был, как мы теперь знаем, и согдийско-тюркский раннесредневековый город Суяб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батманов И.А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971.
 Бернштам А.Н. Тр. Семиреченской археол. эксп. “Чуйская долина” // МИА. 1950. № 14.
 Борисов А.Я. Эпиграфические заметки // Тр. Отд. Востока. Т. I. Л., 1939.
 А. фон Габен. Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. М., 1986.
 Галиева З.С., Иневаткина О.Н. Исторический ландшафт Самаркандского Согда (на примере долины Дурменская) // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005.

- Гемуев И.Н. Еще одно серебряное блюдо из северного Приобья // ИСОАН. 1988. № 3. Вып. 1.
- Давидович Е.А. Ак-Бешимский клад караханидских монет XI в. // Тр. Киргизской комплексной археол.-этнограф. эксп. АН СССР. Т. II. М., 1959.
- Даркевич В.П., Маршак Б.И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области // СА. 1974. № 2.
- Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. Фрунзе, 1963.
- Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Фрунзе, 1982.
- Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Фрунзе, 1987.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
- Зяблин Л.П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.
- Кефалайя ("Главы"). Коптский манихейский трактат / Пер., исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. М., 1998.
- Козенкова В.И. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии // СА. 1961. № 3.
- Коковцев П.К. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья // Изв. императорской Академии наук. СПб., 1909.
- Кольченко В.А. Периодизация распространения христианства в Средней Азии по данным археологии // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003.
- Куркина Е.А. Реконструкция дахмы Дурмена-Исбискета // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005.
- Кызласов И.Л. "Добро сотворив, посеять человечность" (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж, 2001а.
- Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001б.
- Кызласов И.Л. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). Новости тюркской рунологии. Вып. 1. М., 2003.
- Кызласов И.Л. Таласские наскальные надписи // РА. 2005. № 2.
- Кызласов Л.Р. Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим // СА. 1958. № 3.
- Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Тр. Киргизской комплексной археол.-этнограф. эксп. АН СССР. Т. II. М., 1959.
- Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Кызласов Л.Р. Средневековый манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // 50 лет раскопок древнего Пенджикента. Тез. докл. конф. Пенджикент, 1997.
- Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Сер. 8. История. 1998. № 3.
- Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. 1999. № 2.
- Кызласов Л.Р. Сибирское манихейство // ЭО. 2001. № 5.
- Кызласов Л.Р. Манихейское мировоззрение и ранне-средневековые археологические памятники // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. II. СПб., 2003.
- Кызласов Л.Р. Культурное взаимодействие тюрков и иранцев в VI–XIII вв. (язык, письменность, религия) // ЭО. 2004. № 6.
- Кызласов Л.Р. Ранний этап присоединения Сибири к России в свете духовных особенностей эпохи // ВМУ. Сер. 8. История. 2005. № 2.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Сведения китайских письменных источников о Суябе (городище Ак-Бешим) // Суяб, Ак-Бешим. СПб., 2002.
- Маршак Б.И. Сокровища Приобья // Сокровища Приобья. СПб., 1996.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С. Башнеобразные хорезмийские оссуарии (К вопросу о домусульманских мавзолеях в Средней Азии) // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая надпись из урочища Тамгалы (Семиречье) // КСИА. 2004. Вып. 216.
- Семенов Г.Л. Раскопки 1996–1998 гг. // Суяб, Ак-Бешим. СПб., 2002.
- Симс-Вильямс Н. Путешественники в Тибет: согдийские надписи Ладака // ВДИ. 1995. № 1.
- Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957.
- Шишкина Г.В. Сооружение у стен Исбискета // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005.
- Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
- Klimkeit H.-J. Das Kreuzsymbol in der Zentralasiatischen Religionsbegegnung // Zeitschrift für Religion- und Geste-geschichte. T. 31. Berlin, 1979.

Two Ak-Beshim themes

L. R. Kyzlasov

Summary

New data added to the finds from excavations at Ak-Beshim (Early Medieval Suyab) which the author conducted in 1953–54 allow to identify a Manichean cross which differs from the Nestorian symbol. It becomes evident that two of the funeral complexes, – objects 3 and 5, – are Manichean, the first one having been identified as such as early as 1959. Hence one may clearly see for the first time the specific layout of sites sacred to the four world religions of the time around the Suyab Shahristan of the 7th–8th cc.: Manichean sanctuaries were situated to the West of the walls, Buddhist – to the South, Christian – to the East and Zoroastrian – to the North. This phenomenon should be taken into consideration in the study of Early Medieval towns in Middle Asia.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ГРЕЧЕСКИХ ШЛЕМОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АБХАЗИИ

© 2008 г. В. Р. Эрлих*, А. И. Джоуа**

* Государственный музей искусств народов Востока, Москва

** Абхазский институт гуманитарных исследований, Сухум

В заметке рассматривается серия однотипных греческих шлемов, обнаруженных в окрестностях Эшерского городища в Абхазии, памятника античного времени, находящегося в 11 км к северо-западу от Сухума и считающегося большинством исследователей хорионом Диоскурии. Все они происходят из разрушенных погребальных комплексов, вероятно связанных с этим поселением.

Первый шлем происходит из погребений, разрушенных при проведении дороги в конце 60-х годов прошлого века к северу от Эшерского городища, был трижды опубликован Ю.Н. Вороновым (1969. С. 50. № 90. Табл. XLVI, 10; 1972. Рис. 3, 8, 9; 1975. С. 224. Рис. 6, 6–9). Он имеет форму, приближающуюся к полусферической с выступающей назад затылочной частью. Судя по рисунку, шлем не глубокий, в нижней части оголовья отсутствуют вырезы для ушей. В нижнем крае каски располагаются отверстия для крепления съемного нащечника. Лицевая часть имеет надглазные дуги и короткий треугольный выступ – наносник. Надглазья каски подчеркнуты “слабым ободком” из неглубоких вдавлений, среди которых встречено по четыре сквозных отверстия. Высота оголовья – 16 см, длина – 25, ширина – 17 (Воронов, 1969. С. 50) (рис. 1, 1). Шлем имел по линии сагиттального сечения два отверстия, “вероятно, для закрепления украшения” (Воронов, 1975. С. 224). Эти отверстия приведены на рисунке шлема в таблицах к “Археологической карте Абхазии” (Воронов, 1969. Табл. XLVI, 10).

Вместе со шлемом найден фрагмент массивного назатыльника с отверстием, который имеет по краям “густой ряд крупных и мелких отверстий” (Воронов, 1975. С. 225, 226). Здесь же были найдены фрагменты других шлемов, “отличающиеся от оголовья цветом и фактурой, имеющей темную блестящую патину”: два целых нащечника и фрагмент, а также предположительно фрагмент ушной выемки (Воронов, 1972. Рис. 3, 5, 6, 9, 10; 1975. Рис. 6, 9–12). Все это позволяет полагать, что были обнаружены фрагменты нескольких шлемов. Лишь один нащечник (Воронов, 1972. Рис. 3, 9; 1975. Рис. 6, 9) можно гипотетически отнести к данному оголовью, поскольку совпадает число отверстий в нижней части шлема и верхней части нащечника.

Первоначально шлем был отнесен к аттическим, а позже он атрибутировался как местная переделка, восходящая к коринфским образцам (Воронов, 1969. С. 50; 1972; 1975. С. 226).

Второй шлем очень близок по форме первому, был найден в 1971 г. на восточном склоне Холма Верещагина. Он происходил из разрушенного грунтового погребения, в состав которого входили железные кинжал-акинак с бабочковидным перекрестием, нож-кинжал с брусковидным навершием и бронзовый браслет (Шамба, 2000. С. 110, 111. Рис. 71, 6–9) (рис. 5, 1–4). Комплекс датирован VI–V вв. до н.э. Рисунок шлема приведен в книге “Археологические памятники Абхазии”, изданной на абхазском языке (Шамба, 1988. С. 130. Рис. 16). Шлем датирован автором V–IV вв. до н.э. Сохранилась передняя часть оголовья с коротким треугольным выступом-наносником и массивный назатыльник. Надглазные вырезы и назатыльник орнаментированы рельефными линиями. Имеется сплошной нащечник-наушник подтрапецевидной формы, крепившийся при помощи отверстий к нижней части оголовья и назатыльнику. Судя по его форме, этот шлем также не имел вырезов для ушей (рис. 1, 2).

Третий шлем этого же типа был найден в 1978 г. у южного основания Холма Верещагина на участке Маркосяна вместе с рядом других предметов. Упоминаются три железных топора, два железных кинжала-акинака с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Кинжалы имеют желобчатые рукояти (Шамба, 1988. Рис. 15, 1, 2; 2000. С. 111). Шлем “почти целый, имеет старую пробоину” (Шамба, 1980. С. 82. Рис. 2; 2000. С. 111). Судя по приведенной автором фотографии, у шлема отсутствовали ушные вырезы и имелся массивный назатыльник, по краю которого, как и по нижнему краю оголовья, проходят отверстия. Качество фотографии не позволяет уверенно судить о форме наносника, однако он явно не выступает за нижний край оголовья. В верхней части шлема видна пробоина (рис. 1, 3).

Четвертый однотипный шлем был найден уже в послевоенной Абхазии и в настоящее время хранится в Отделе археологии Абхазского института гуманитарных исследований. Он обнаружен в

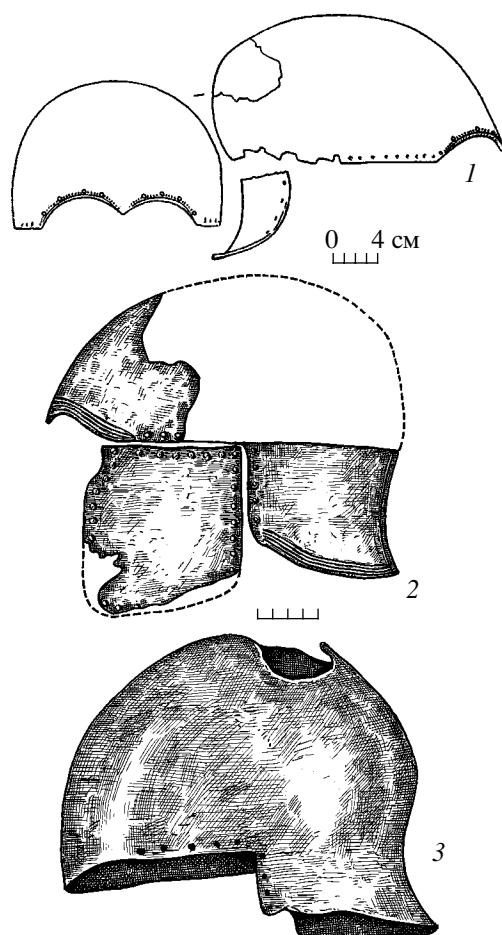

Рис. 1. Шлемы: 1 – обнаружен к северу от Эшерского городища, конец 1960-х годов (по: Воронов, 1975); 2 – с восточного склона Холма Верещагина, 1971 г. (по: Шамба, 1988); 3 – с Холма Верещагина, 1978 г. (прорисовка фотографии: Шамба, 1980).

2000 г., в первый сезон возобновившихся работ Эшерской экспедиции, на западной оконечности Холма Верещагина на участке С. Тулумджяна (Джопуа, Шенкао, 2003. С. 7, 15. Табл. 9, 1).

Шлем спереди имеет небольшой треугольный выступ-наносник. Как у всей публикуемой серии, у данного шлема отсутствуют вырезы для ушей. Массивный назатыльник сохранился лишь частично. По его краю проходит шесть отверстий для крепления к нащечникам. Несохранившиеся нащечники подвижно крепились также к нижней части наголовья при помощи отверстий: семи с одной стороны и восьми – с другой. Надглазные вырезы оформлены линией мелких округлых вдавлений, среди которых также имеются мелкие отверстия с остатками бронзовой проволоки, очевидно, для крепления мягкой подкладки каски. Высота шлема с назатыльником – 23,5 см, продольное сечение – 23, поперечное – 18 (рис. 2).

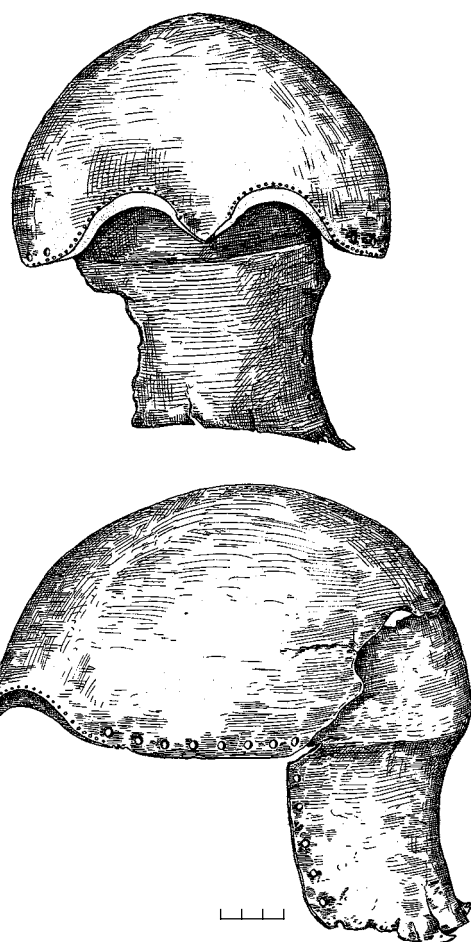

Рис. 2. Шлем с холма Верещагина, находка 2000 г. (рисунки Н.С. Сурвилло).

Таким образом, для всей серии из четырех шлемов, обнаруженных в окрестностях Эшерского городища в разные годы, характерны следующие признаки: короткий треугольный наносник; массивный назатыльник; отсутствие ушных вырезов; съемные и, очевидно, легко отгибаемые нащечники-наушники подтрапецевидной формы, прикрывающие уши, крепящиеся при помощи отверстий к назатыльнику и нижней части шлема.

По общей форме наголовья эшерские шлемы можно отнести к группе халкидских открытых неглубоких шлемов, которые также называют аттическими, поскольку именно они изображались в аттической вазописи. Типология этих шлемов была разработана Е. Кунзе (на шлемах из Олимпии) и Г. Пфлугом. Эшерские наголовья близки типу V по Пфлогу или группе VII по Кунзе (Pflug, 1988. S. 138. Abb. 2). Такие шлемы имеют съемные и подвижные нащечники и укороченный наносник. Нащечники крепились на шарнирах и при желании могли подниматься. Г. Пфлуг приводит изображение воина в халкидском шле-

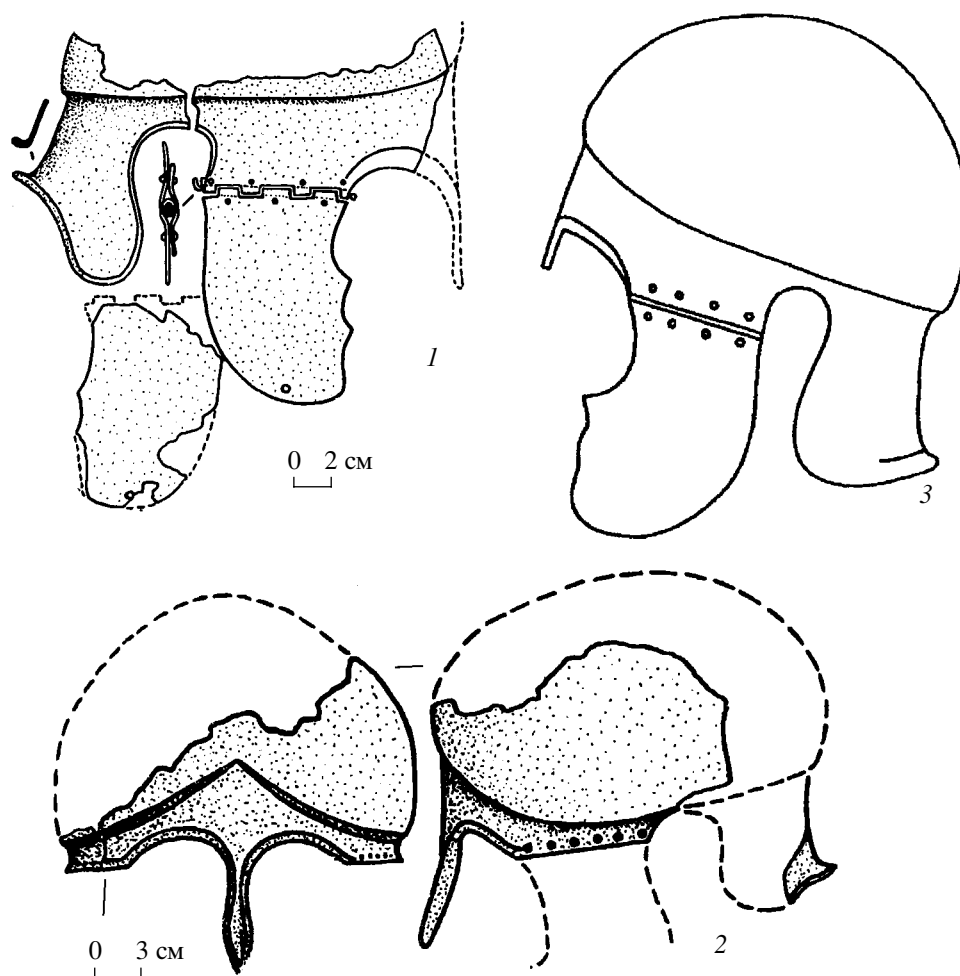

Рис. 3. Халкидские шлемы: 1, 2 – из погр. в Ахул-Абаа, 1985 и 1979 гг. (по: Воронов, 1991); 3 – тип V (по: Pflug, 1988).

ме с поднятыми нащечниками с краснофигурного аттического сосуда начала V в. до н.э. (Pflug, 1988. S. 144. Abb. 10). Именно такие фрагментированные шлемы с шарнирными нащечниками были найдены в погребениях 1979 и 1985 гг. в урочище Ахул-Абаа в Сухуме, в комплексе IV в. до н.э. (Воронов, 1991. С. 227. Рис. 2, 3) (рис. 3, 1, 2). Очевидно, к этому же типу можно отнести и фрагменты других абхазских шлемов IV в. до н.э. из устья р. Келасури и с территории Эшерского городища (Воронов, 1975. Рис. 6, 1–3, 13–20).

Однако существенное отличие халкидских шлемов типа V от наголовий описанной выше эшерской серии заключается в том, что у них нащечник не крепится к назатыльнику и между местом крепления нащечника и назатыльником имеется вырез для уха. В связи с этим иной является и форма самого нащечника (рис. 3, 3).

В то же время, на халкидском шлеме молодого воина из восточной группы скульптур с фронтона храма Афины Афайи на о. Эгина (490 г. до н.э.), хранящейся в глиптотеке Мюнхена, ушные выре-

зы отсутствуют. Этот шлем не глубокий, нижний край оголовья слегка заходит за ухо воина (Pflug, 1988. S. 145. Abb. 11, 12). Весьма близка эшерской серии и форма лицевой части шлема на эгинской скульптуре (рис. 4). Однако шлем из Эгины не может быть полной аналогией шлемам эшерской серии, так как он имел не уши, а утраченные нащечники, о чем свидетельствуют сохранившиеся отверстия.

Возвращаясь к эшерским шлемам, можно предположить, что мы имеем дело с какой-то особой серией греческих шлемов, связанных с ранними халкидскими. Они имели подвижные нащечники-науши, очевидно нашитые на ткань или какую-то мягкую подкладку при помощи отверстий и подвижно скрепленные с оголовьем, полностью прикрывающие не только щеки, но и уши воина.

Весьма интересна и концентрация этих шлемов, по-видимому являющихся продукцией одной мастерской, в районе Эшерского городища. Дважды эти шлемы были обнаружены вместе с железными “акинаками” (рис. 5, 2, 5, 7), что говорит скорее об их отнесении к раннеантичному време-

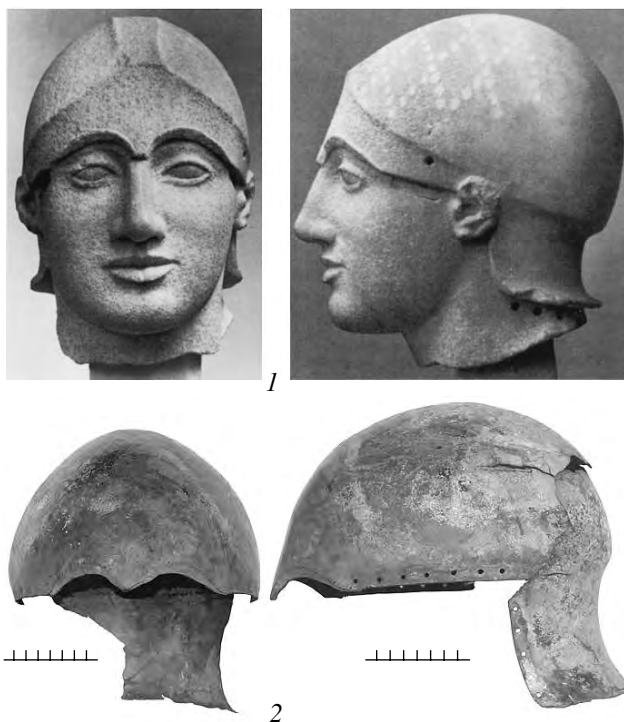

Рис. 4. Греческая скульптура и находка шлема: 1 – голова воина с фронтона храма Афины Афайи на о. Эгина (по: Pflug, 1988); 2 – шлем с Холма Верещина, 2000 г.

ни, чем к IV в. до н.э. Отметим, что такой признак, как желобчатая рукоять у кинжалов с брусковидным навершием и почковидным или бабочковидным перекрестием, на Юге Восточной Европы и в Предкавказье является архаическим признаком, вероятно, восходящим к биметаллическим “акинакам”. Подобные кинжалы на Юге Восточной Европы и Северном Кавказе датируются в пределах второй половины VII – первой половины V в. до н.э. (Шрамко, 1984. С. 31, 32. Рис. 4, 6–9; 5, 1–6; Эрлих, 1988. С. 419; 1992. С. 4, 5). По данным исследователей, мечи и кинжалы с брусковидным навершием и сердцевидным, бабочковидным либо почковидными перекрестиями составляют подавляющее большинство оружия скифского облика в Закавказье. Основная их часть датируется в пределах второй половины VII – начала VI в. до н.э. (Есаян, Погребова, 1985. С. 46). Однако заметим, что в слое Эшерского городища самые ранние фрагменты привозной посуды восточногреческого производства относятся к началу VI в. до н.э. (Джопуа и др., 2004). В 2005 г. в с. Н. Эшера, в урочище Кутышха был обнаружен комплекс, где железный “акинак” этой формы был встречен с фрагментами восточногреческого килика конца VI в. до н.э. (Шамба и др., 2006. С. 201, 202). В то же время, собственно халкидские шлемы появляются на аттических ва-

зах не раньше третьей четверти VI в. до н.э. (Pflug, 1988. S. 137).

Таким образом, в качестве корректной даты для эшерской серии шлемов может быть предложена середина VI – первая половина V в. до н.э.

Версия о переделке эшерского шлема, выдвинутая Ю.Н. Вороновым, кажется нам не убедительной. Во всех скифских переделанных шлемах удалялись нащечники и назатыльники и пробивались отверстия для крепления чешуйчатой бармицы (Сударев, 1990. С. 107, 108). В эшерской же серии шлемов присутствуют как неудаленные назатыльники, так и съемные нащечники-науши. Кроме того, комплексные находки “переделанных” шлемов из Северного Причерноморья в основном относятся уже к IV в. до н.э. – Солоха, Таалаевский курган и др. (Сударев, 1990. С.105).

Остальные находки греческих шлемов и их фрагментов на территории Абхазии относятся к более позднему времени. IV в. до н.э. датируются комплексные находки типичных халкидских шлемов из погребений в Ахул-Абаа, встреченные вместе с поножами (Воронов, 1991. С. 227, 228. Рис. 2, 3). Шлем, происходящий с территории самого Эшерского городища, с завитками бегущей волны, имитирующими пряди волос (Воронов, 1975. Рис. 6, 1–3), можно сопоставить с халкидскими северогреческими шлемами из Британского музея и Олимпии, где также изображены пряди, переданные, однако, гравированной орнаментальной лентой в виде “ов”. Они встречены на шлемах с округлыми или “серповидными” нащечниками и относятся к типу II (Pflug, 1988. S. 140, 431. Abb. 5, 6. Cat. 44). Однако на рисунке Воронова (1975. Рис. 1, 6) фрагмента Эшерского шлема рядом с ушным отверстием изображены мелкие отверстия, позволяющие предполагать, что нащечник здесь был съемный или на шарнире. Таким образом, данный шлем, обнаруженный на территории Эшерского городища, можно отнести к типу V по Пфлогу, сопоставить с однотипными шлемами из Ахул-Абаа и Келасури и датировать в пределах V–IV вв. до н.э.

Итак, в районе Эшерского городища обнаружена серия из 4 шлемов со съемными нащечниками-наушами, относящихся к периоду архаики и являющихся предположительно продукцией одной, по-видимому, восточногреческой мастерской. Они, вероятно, являются звеном в развитии греческого халкидского шлема, но не отраженным в аттической вазописи. В то же время им близок халкидский шлем начала V в. до н.э. на голове воина из Эгины, также не являющийся “каноническим”, поскольку у него отсутствуют вырезы для уха.

Шлемы эшерской серии, вероятно, происходят из разрушенных погребений местной воинской элиты архаического времени, подобных Эшерскому погребению 1977 г., разрушенному погребению в Кутышха (2005 г.), а также погребению

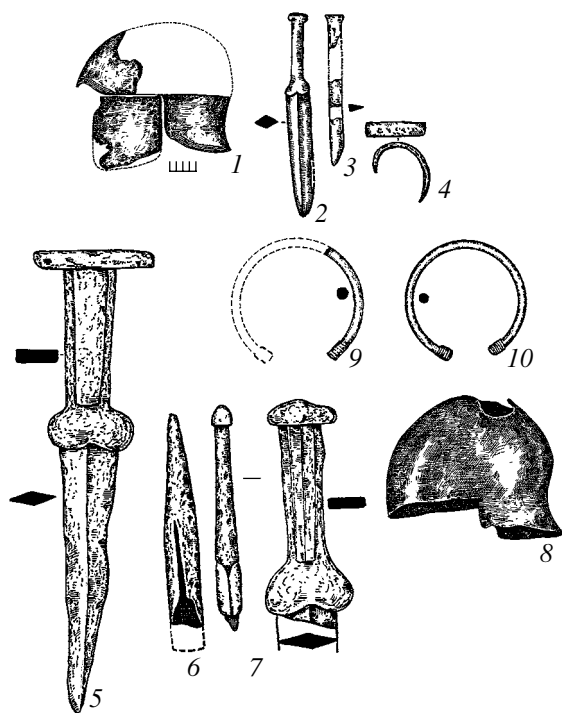

Рис. 5. Шлемы с Холма Верещагина и найденные с ними предметы: 1, 4 – находки 1971 г. (по: Шамба, 2000); 5–8 – 1978 г. (по: Шамба, 1988). 1, 4, 8–10 – бронза; 2, 3, 5–7 – железо. Масштаб разный.

всадника с греческим щитом № 7/8 из могильника Красный Маяк (Шамба и др., 2006. С. 199–202).

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного фонда, грант № 05-01-01459а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Джопуа А.И., Шенкао К.Н. Древнее поселение в селе Эшера (Холм Верещагина) // Абхазоведение. Вып. II. Сухум, 2003.

Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., Шамба Г.К. Новые находки архаической греческой керамики из окрестностей Диоскурии // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. II. СПб., 2004.

Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.

Воронов Ю.Н. Об Эшерском городище // СА. 1972. № 1.

Воронов Ю.Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир. Киев, 1975.

Воронов Ю.Н. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады // СА. 1991. № 1.

Сударев Н.И. К вопросу об античных шлемах, подвергшихся переделке // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М., 1990.

Шамба Г.К. Древности Эшера (на абх. яз.). Сухуми, 1980.

Шамба Г.К. Археологические памятники Абхазии (на абх. яз.). Сухуми, 1988.

Шамба Г.К. Абхазия в I тысячелетии до н.э. Сухум, 2000.

Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В. Элитные архаические комплексы из Центральной Абхазии // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006.

Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

Эрлих В.Р. Мечи скифского облика из могильника у аула Уляп // Древний и средневековый Восток. М., 1988.

Эрлих В.Р. Вооружение и конское снаряжение в культуре Закубанья скифского времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Pflug H. Chalkidische Helme // Antike Helme. Monographien des RGZM. Bd. 14. Mainz, 1988.

A certain type of Greek helmets from Central Abkhazia

V. R. Erlich, A. I. Djopua

Summary

The article publishes a series of four helmets with removable earpieces, which have been found in different years in the environs of the Eshera hillfort (Dioskouriai chorion, 11 km from present-day Sukhum). The helmets have been found in complexes of the second half of the 6th – first half of the 5th cc. BC and are the produce of a single, probably Eastern Greek, workshop. In the opinion of the authors, the helmets belong to a stage in the development of the Greek Chalkis helmet which was not represented in Attic vase painting. The helmets of the Eshera series have been found in ruined burials of the local military elite.

“АРСЕНАЛ” МЕТАТЕЛЬНЫХ СНАРЯДОВ ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО В КРЫМУ

© 2008 г. С. В. Дьячков

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

Объединенная экспедиция Харьковского национального университета и Национального заповедника “Херсонес Таврический” в 2006 г. продолжила исследования оборонительных сооружений “консульского замка” генуэзской крепости Чембало в Балаклаве (Дьячков, 2005. С. 212–227). В 2004–2005 гг. экспедицией были изучены археологические напластования и строительные остатки внутреннего пространства башни № 8, расположенной на крутом северном склоне горы Кастрон (высота 57 м над уровнем моря), непосредственно под рейдовым пунктом наблюдения и безопасности плавания пограничной службы Украины в Балаклаве, а также прилегающего к ней участка А (рис. 1).

В строительной истории башни № 8 выделяются два основных строительных периода: “генуэзский” и “османский”. Результаты раскопок показали, что в XIV–XV вв. башня входила в состав комплекса фортификационных сооружений “консульского замка”. После захвата Чембало турками-османами в 1475 г. башня № 8 и прилегающая к ней территория (участки А и Б) подверглись перестройке и стали использоваться для хозяйственных нужд.

В ходе работ 2005 г. на участке Б была изучена куртина (стена 6), соединявшая, видимо, две башни, прикрывавшие подходы к замку с севера. После удаления слоев 1 и 2 были раскрыты остатки стен 7 и 8, которые вместе со стенами 6 и 9 образовали помещение 3 (ок. 25 м²). Это помещение было сооружено в “османский” период истории Чембало (конец XV–XVI в.). В помещении 3 найден очаг, а также следы опорных деревянных конструкций, которые свидетельствуют о том, что оно перекрывалось легким навесом. Все стены возводились непосредственно на скале. Основная особенность стен 7–9 помещения 3 заключается в том, что они были сложены преимущественно из каменных ядер (рис. 2).

Основная задача раскопок 2006 г. состояла в продолжении раскопок помещения 3 и участка Б (квадраты 2–4) с целью изучения “арсенала” каменных ядер, сохранившихся в постройках “османского периода” на этом участке “консульского замка”. Общая площадь раскопок в 2006 г. составила 75 м².

На площади квадратов 2–4 участка Б были удалены слои 1–4. Слои 1 и 2 возникли в результате гравитационных процессов, естественного сползания грунта по склону горы, а также достаточно активной строительной, ремонтной и хозяйственной деятельности на пограничном посту наблюдения. Помимо измельченных фрагментов керамики XIV–XV вв. в этих слоях обнаружены фрагменты битых бутылок, монет середины XX в., куски рубероида и т.п. В результате удаления слоя 1 участка Б обнаружены остатки стены 10, ограничивающей этот участок с юга и протянувшейся по скальному выступу. Она укрепляла небольшую террасную площадку, очевидно, генуэзского времени, сложенная из грубо обработанных камней местного мраморовидного известняка. Кладка стены выполнена в два слоя, в кладку “на постель” уложены камни различного размера (наиболее крупные: 0.4 × 0.36 × 0.32; 0.42 × 0.27 × 0.34 м и т.п.), она скреплена известковым раствором с использованием песка и мелкого морского камня. Стена 10 имеет один (северный) фас в 2–3 ряда кладки. Длина открытого участка стены составила 5.8 м, ширина 0.6, сооружение сохранилось на высоту 0.4–0.8 м.

Слои 3 и 4 (общая толщина – до 0.8 м) отложились в ходе сооружения помещения 3 и хозяйственной жизни на этом участке в “османское” время (XV–XVI вв.). В заполнении сохранились

Рис. 1. Гора Кастрон. Место проведения раскопок. Вид с запада.

Рис. 2. Участок Б возле башни № 8. План.

артефакты генуэзского периода: мелкие фрагменты черепицы, водопроводных труб, тарной и столовой (поливной) керамики XIV–XV вв. Найдены обломки железных пластинчатых доспехов с заклепками (ширина – 4,5, длина – 6–8 см), а также небольшой железный нож (общая длина – 9,5; лезвие – 6,5, ширина лезвия – 1 см). Выделим также миниатюрный серебряный (?) пинцет (длина – 3 см), основание которого выполнено в виде головы птицы с колечком на конце клюва.

Площадь помещения 3 перекрывал плотный, хорошо утоптаный глиняный пол. Впритык к южной стене в 2 м от восточного угла помещения 3 был сооружен очаг (рис. 3). Он имел округлую форму около 1 м в диаметре и был обложен мелким и средним необработанным камнем, уложенным в виде квадратной рамки вокруг очага. Высота обкладки очага достигала 0,15 м над уровнем пола. Камни скреплялись глиной зеленого цвета, нижние – запущены в пол помещения. Основание

Рис. 3. Стена 8 и очаг в помещении 3.

очага толщиной до 5 см было выложено мелким морским камнем, смешанным с зеленой глиной. Как показали раскопки 2006 г., внутреннее пространство очага было заполнено плотно уложенными обломками чугунных, плохо сохранившихся пушечных ядер. Обломки ядер перекрывались слоем (2–3 см) плотной глины. Такая конструкция очага, вероятно, обеспечивала весьма высокую теплоотдачу. Возле него была обнаружена медная золотоордынская монета времен хана Джанибека (середина XIV в.) (Алексеев и др., 2005. С. 53. № 33). Очевидно, что в “османский период” при возведении стен помещения 3 использовали площадку, сооруженную вблизи башни № 8 еще в генуэзское время.

На участке квадрата 4 в слое 3 за южной стеной помещения 3 было раскрыто беспорядочное нагромождение каменных ядер (36 снарядов), вероятно, перемещенных сюда во время сооружения стен этого помещения. Раскопками также выявлены спонтанно встречающиеся следы горения в основании прискального слоя 4. На участках квадратов 3 и 4 мощность следов горения в отдельных местах достигала 1,5 см. Удаление слоев 1–4 позволило приступить к демонтажу стен помещения 3 и изучению каменных снарядов, служивших строительным материалом при возведении этих стен.

В результате демонтажа стен 7–9 и раскопок квадратов 2–4 было выявлено 200 метательных снарядов (табл. 1). Таким образом, в ходе раскопок участка Б возле башни № 8 оборонительных сооружений “консульского замка” обнаружен внушительный запас ядер, предназначенный для использования в случае нападения и осады крепости Чембало. В ходе раскопок средневековых памятников Крыма каменные ядра для баллистики встречаются достаточно часто (Карлов, 1997. С. 341–358; Мыш, 2002. С. 157). Однако снаряды для мощных метательных машин в таком количестве обнаружены впервые.

Очевидно, что вблизи башни № 8, за куртеной была оборудована площадка, на которой была установлена метательная машина типа требюше (*trebuchet*), способная доставлять ядра как раз в те места акватории бухты, где парусным и гребным судам приходилось выполнять сложные маневры, значительно замедляя ход. Машины этого типа применялись в Европе по меньшей мере до середины XV в. включительно (Уваров, 2001). Чембало располагало необходимыми техническими, сырьевыми и человеческими ресурсами для изготовления мощной метательной машины. Известно, что уже в XIV в. на местных верфях строились большие корабли навалы (Карпов, 1998. С. 10. ASG AS 3021 DF 1. № 60/85) – основной тип судов, предназначенных для транспортировки тяжелых грузов (Карпов, 1994. С. 20, 21). Таким образом, в крепости имелись материалы и специалисты плотники, способные изготовить метательную машину. Вблизи требюше, вероятно, был сосредоточен необходимый запас метательных снарядов. Покидая Чембало, генуэзцы, очевидно, сожгли машину.

Большинству снарядов придана сферическая форма, которая была идеальной для требюше, стрелявших по навесной траектории. Именно такие снаряды для метательных машин использовались в средневековых армиях от Франции до Китая. Известный китайский военачальник и чиновник XI–XII вв. Чэнь Гуй по этому поводу заметил: “Если вес снарядов одинаков, то их удары по предметам будут точными; если по форме они круглые, то будут лететь далеко” (Школяр, 1980. С. 154).

Наиболее многочисленными были снаряды, изготовленные из местного камня – мраморовидного известняка розового цвета (табл. 2). Этот необычайно плотный камень крайне плохо поддается обработке. Каменотес обрабатывал камень мелкими небрежными сколами, придавая ему грубую сферическую форму (рис. 4, 38, 104, 199). Добыча камня для изготовления снарядов в значительной мере осуществлялась, вероятно, на месте. Предполагается, что в седловине между двумя вершинами горы Кастрон находилась каменоломня (рис. 5), откуда камень поставлялся для строительных нужд крепости (Адаксина и др., 2004. С. 37). Некоторые камни были заглажены морем и, вероятно, доставлялись с берега.

В качестве метательных снарядов использовался также “морской камень” – диорит, идеально заглаженный и отполированный морем (табл. 1, 2). Большинство камней-снарядов из диорита имеют яйцевидную, а также шаровидную форму и не нуждались в дополнительной обработке (рис. 4, 69, 78). Диоритовые камни, обнаруженные среди “ядерного арсенала”, хорошо известны по каменным пляжам Восточного Крыма (район Судака и Феодосии). Не исключено, что эти камни генуэзские мореходы использовали в качестве балласта. После полной погрузки судна в Чембало бал-

Таблица 1. Метательные снаряды крепости Чембало (“консульский замок”, башня № 8, участок Б)

№ сна- ряда	Вес сна- ряда, кг	Форма снаряда	Диаметр, см	Окруж- ность, см	Камень	№ сна- ряда	Вес сна- ряда, кг	Форма снаряда	Диаметр, см	Окруж- ность, см	Камень
1	24.9	С	27	86	МИ	45	20.6	Э	26/21	84/75	МИ
2	56.7	С	33.5	111	МИ	46	34.9	С	29	96	»
3	34.9	Э	34/28.5	100/84	Диорит	47	35.7	С	39.5	93	»
4	28.5	С	27	89	МИ	48	15.7	Э	28/18	81/67	»
5	23.5	Э	24.5	91/82	»	49	13.6	Э	29/16	79/57	»
6	33.2	С	28	99	»	50	22.6	Э	31/28.5	85/74	»
7	36.8	С	32.5	102	»	51	28.8	С	27.5	86	»
8	30.1	С	28	91	»	52	21.8	С	35	107	»
9	29.2	С	28	88	»	53	70.1	С	37.5	120	»
10	17.6	С	26	80	»	54	43.8	С	38	102	»
11	42.5	С	32	102	»	55	35.7	С	30.5	95	»
12	22.8	Э	28/20	92/80	»	56	40.3	Э	34.5/28	104/91	»
13	68.8	Э	43/32	121/101	Диорит	57	10.2	Э	14.5/16	67/56	»
14	47.2	С	30	105	МИ	58	14.8	Э	26/18.5	77/65	»
15	34.7	С	28	96	»	59	31.4	С	30.5	95	Известняк
16	21	С	26.5	85	»	60	45.1	С	31.5	102	МИ
17	18.6	С	23	76	»	61	51	С	36	112	»
18	42.3	С	31.5	102	»	62	34	С	29	91	»
19	35.5	С	29	93	»	63	47	С	33	103	»
20	52.3	С	30	110	»	64	33.5	С	31	93	»
21	24.1	С	28.5	98	»	65	17.1	Э	26/17.5	80/68	»
22	22.3	С	25.5	82	»	66	31.2	Э	38/28	98/69	»
23	31.2	С	30	97	»	67	29.2	С	31	100	Известняк
24	31.2	С	26.5	93	»	68	29.6	С	31	97	МИ
25	30.6	С	28.5	93	»	69	41.3	Э	37/26	104/84	Диорит
26	12	Э	22/18.5	70/60	»	70	35.5	С	30	112	Известняк
27	46.8	С	32.5	104	»	71	22.9	С	26.5	87	МИ
28	26.1	С	26	86	»	72	25.8	С	27	98	Известняк
29	20.3	С	27	91	»	73	17.6	С	34	108	Известняк
30	53.3	С	34.5	110	»	74	31	С	34.5	92	МИ
31	28	С	27	88	»	75	26	С	28.5	88	МИ
32	22.1	С	24	81	»	76	28.7	С	30.5	99	Известняк
33	25	Э	33/21.5	91/75	»	77	31.3	С	29	94	МИ
34	32.7	С	30	96	»	78	32	С	30	93	Диорит
35	24.4	С	28	87	»	79	33.9	С	30	94	МИ
36	11.9	Э	29/14.5	73/61	»	80	39.9	С	30.5	113	Известняк
37	20.6	С	26	81	»	81	61.2	С	40	117	МИ
38	28	С	28	89	»	82	68.2	С	39.5	126	МИ
39	39.7	С	31.5	100	»	83	62.6	Э	42.5/31	120/102	Диорит
40	24.5	Э	29/22	87/80	»	84	53	С	38	122	Известняк
41	34.3	Э	31/24	98/86	»	85	21.3	Э	25/19	85/73	МИ
42	38.5	С	33	101	»	86	72.9	С	40	123	»
43	33.5	С	31.5	97	»	87	39.1	С	31	99	»
44	34.8	Э	32/22	97/88	»	88	61.7	С	34	108.5	Мрамор, колонна

Таблица 1. Продолжение

№ сна- ряда	Вес сна- ряда, кг	Форма снаряда	Диаметр, см	Окруж- ность, см	Камень	№ сна- ряда	Вес сна- ряда, кг	Форма снаряда	Диаметр, см	Окруж- ность, см	Камень
89	60.6	Э	39/28	118/102	Диорит	130	68.6	С	39.5	122	МИ
90	60.9	Э/С	39.5/34	118/102	Диорит	131	63.8	Э	44.5/30	119/97	Диорит
91	12.8	Э	27/17	77/63	МИ	132	62	С	30	117	МИ
92	35.8	С	30	94	Мрамор, колонна	133	66.7	С	38	119	»
93	71.9	С	37.5	122	МИ	134	35.5	С	31	97	»
94	41	Э	36/30	106/93	Диорит	135	76.6	С	38	118	»
95	14.5	С	26	82	Известняк	136	29.3	С	31	99	Известняк
96	55.7	Э	36/29	112/102	Диорит	137	25.2	С	25	86	МИ
97	64.3	С	36.5	110	Мрамор, колонна	138	20.4	Э	28/21	84/74	»
98	16.3	Э	26/18	78/71	МИ	139	22	С	25.5	80	»
99	52.5	Э/С	40/31	115/93	Диорит	140	29.1	С	28	89	»
100	67.6	С	34.5	113	Мрамор, колонна	141	11.9	С	21.5	68	»
101	32.9	С	28	92	МИ	142	24.6	С	27	87	»
102	32.9	С	31	92	»	143	50	Э	37/31.5	109/96	Диорит
103	49.9	С	36	109.5	»	144	45	С	33.5	105	МИ
104	39.6	С	30	86	»	145	25.3	С	30	97	Известняк
105	29.1	С	29	94	»	146	27.7	С	28.5	89	МИ
106	53.9	С	33	107	»	147	59.6	С	35.5	112	»
107	33.8	С	29.5	94	»	148	30.5	С	32	98	»
108	34.8	С	28	95	»	149	24	С	28	92	Известняк
109	10.3	Э	23	66	»	150	48	С	33	103	Известняк
110	29.9	С	29.5	92	»	151	23.1	Э	28.5/19	90/76	МИ
111	11.8	Э	29.5	77	»	152	36.6	С	30	100	»
112	16.7	С	27	80	»	153	36.6	С	34	102	»
113	113	Э	19.5/15	60/53	Диорит	154	31.6	С	32	102	Известняк
114	40.1	Э	29.5/25	102/87	Диорит	155	42.8	Э	36.5/25	113/101	МИ
115	32.7	С	30/26	96	МИ	156	42.8	С	32.5	103	»
116	19.9	С	22/21	78/77	»	157	26.4	Э	32/22.5	92/76	»
117	12.8	Э	23.5/18	74/60	»	158	32	С	30.5	95	»
118	29	Э	31/26	94/86	»	159	35.2	С	31	100	»
119	34.5	С	27	92	»	160	61	С	43/25	124/106	Диорит
120	32	С	30	95	»	161	43.5	С	35	113	Известняк
121	29.9	С	26	88	»	162	41.6	С	36/24	108/91	Диорит
122	46.4	С	36	112	Известняк	163	64.1	С	36	114.5	Мрамор, колонна
123	33.4	С	29.5	93	МИ	164	59.3	С	37	117	МИ
124	33	С	32	95	»	165	69.1	С	38.5	118	МИ
125	36.5	С	30.5	95	»	166	55.5	Э	42/26.5	120/95	Диорит
126	28.8	С	31.5	99	Известняк	167	69.2	Э	48/29	130/99	Диорит
127	19.7	С	28.5	95	Известняк	168	53.4	С	35	109	МИ
128	53	С	33.5	107	МИ	169	50.8	С	36	110	»
129	29.9	С	31	93	МИ	170	76.7	С	38.5	123	»

Таблица 1. Окончание

№ сна- ряда	Вес сна- ряда, кг	Форма снаряда	Диаметр, см	Окруж- ность, см	Камень	№ сна- ряда	Вес сна- ряда, кг	Форма снаряда	Диаметр, см	Окруж- ность, см	Камень
171	48	С	33	107	МИ	186	32.7	С	28.5	96	МИ
172	40.5	С	30.5	111	Известняк	187	34	С	28	94	»
173	35.1	С	30.5	97	МИ	188	31	С	31.5	91	»
174	15.7	Э	27.5/16	84/66	»	189	22.3	С	31	97	»
175	38	С	32.5	100	»	190	44.3	С	33.5	109	»
176	56.1	С	31.5	103.5	Мрамор, колонна	191	37.7	С	31.5	96	Диорит
177	50.2	С	33.5	109	МИ	192	44.5	С	33	103	МИ
178	56	С	34.5	111	МИ	193	16.5	С	34	103	Известняк
179	51.5	С	35.5	113	Диорит	194	50.6	Э	40.5/25	116/91	Диорит
180	50.5	С	39	113	Диорит	195	57	С	35.5	115	МИ
181	29.3	С	28.5	91	МИ	196	74.4	С	40	130	»
182	30.9	С	29.5	91	МИ	197	30.9	С	30	92	»
183	31.9	Э	30.5/23	95/84	Диорит	198	36.1	С	35	108	Известняк
184	21.7	С	30.5	92	Известняк	199	104.7	С	42.5	140	МИ
185	35	С	35	108	МИ	200	5.7	Э	21/15.5	60/52	Диорит

Сокращения: С – сферическая форма; Э – эллипс или эллипсоидная форма; МИ – мраморовидный известняк.

Таблица 2. Метательные снаряды крепости Чембало

Камень	До 20 кг	До 30 кг	До 40 кг	До 50 кг	До 60 кг	До 70 кг	До 80 кг	Свыше 100 кг	Всего
Мраморовидный известняк	24	38	44	16	12	7	5	1	147
Диорит (“морской камень”)	3		5	6	6	5			25
Известняк	4	8	6	3	1				22
Мрамор			1		1	4			6
Всего	31	46	56	25	20	16	5	1	200

ластный камень оставался в порту, и ему находили другое применение.

Правильную форму шара имеют ядра, изготовленные из мягкого известняка белого цвета (табл. 1, 2). Этот камень иногда называют “инкерманским” (рис. 4, 67). В целом выходы плит алевроитового известняка на Гераклейском полуострове хорошо известны с античной древности. Этот камень широко применялся в строительном деле античных и средневековых городов и поселений. Известняковые ядра хорошо обработаны, поверхность камня была заглажена, на многих снарядах сохранились следы скампеля.

Особый интерес представляют шесть снарядов, вытесанных из барабанов мраморных колонн (рис. 4, 88, 92, 97, 100, 163, 176). Обтеска барабана колонны производилась с плоских сторон, поэтому сохранились полированные ободки колонн, не тронутые каменотесом, что позволило достаточно точно установить их диаметр (табл. 1).

Пять снарядов вытесаны из колонн, изготовленных из крупнозернистого мрамора серого цвета (рис. 4, 92, 97, 100, 163, 176). Ядро № 88 изготовлено из фрагмента мраморной колонны желтоватого оттенка и по структуре камня заметно отличается от других мраморных ядер. Не исключено, что генуэзцы использовали руины большого сооружения античного или ранневизантийского времени, которое располагалось неподалеку (вероятно, на месте нынешней Балаклавы), в качестве даровой каменоломни, добывая здесь подходящие камни из мрамора и известняка.

Общий вес снарядов превысил 7.5 т (табл. 2). Как видно из материалов табл. 1 и 2, основную массу составляли снаряды весом от 20 до 70 кг с диаметром преимущественно 25–40 см. Заметным исключением является ядро № 199, изготовленное из мраморовидного известняка, вес которого составил 104.7 кг (рис. 4; 6). Снаряды, видимо, неоднократно перемещались, на их поверхности име-

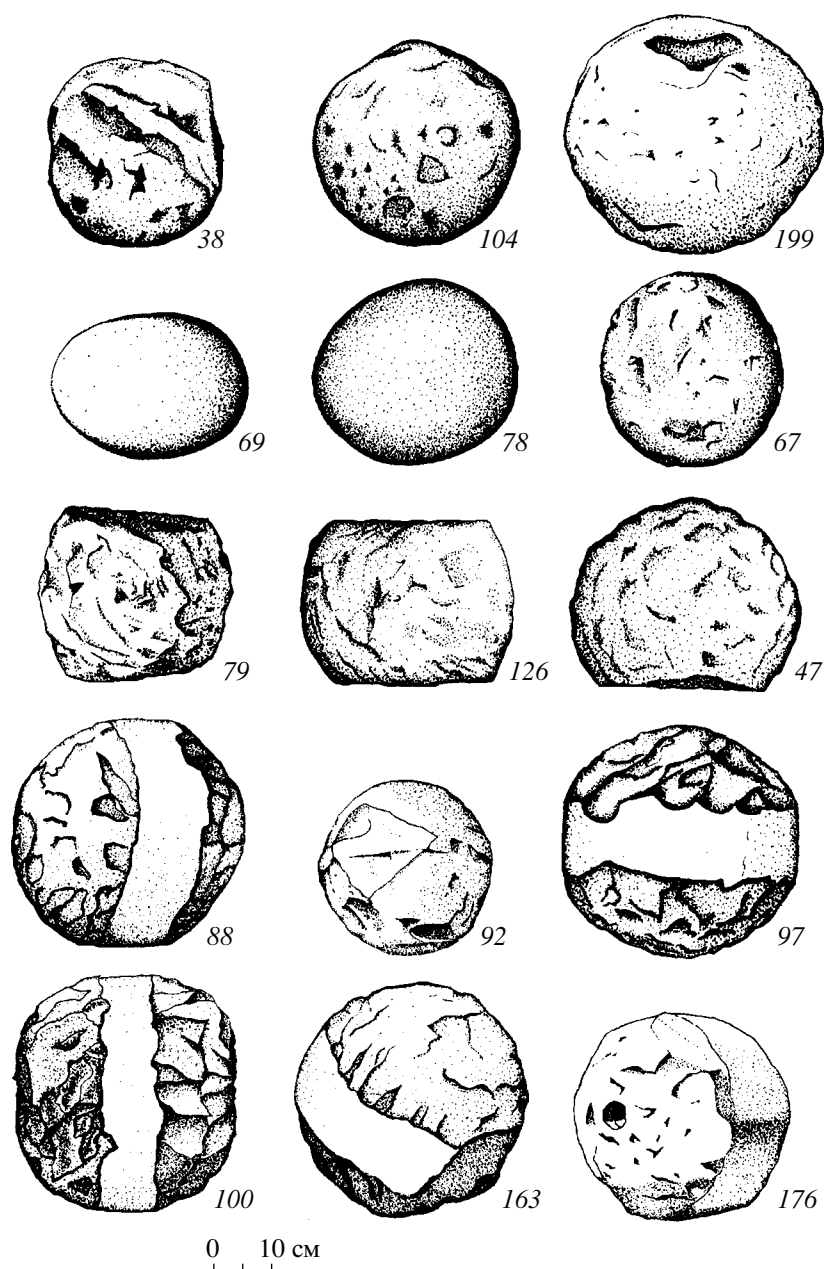

Рис. 4. Метательные снаряды крепости Чембало.

ются повреждения, многочисленные сколы, следы горения, 18 снарядов сохранились в крупных фрагментах. Следует подчеркнуть, что 65% снарядов шаровидной формы имели одну или две плоские площадки, специально выгесанные мастером (рис. 4, 79, 126, 47). Вероятно, такое “усовершенствование” снаряда было связано с более удобным размещением ядра в сумке пращи и ее перемещением по направляющему желобу метательной машины.

По мнению специалистов, достоинствами требюше были высокая точность и кучность в стрельбе снарядами 20–90 кг (Кирпичников, 1976. С. 76). Обычная дальность “выстрела” составляла около 150 м (Кирпичников, 1958. С. 39). Защитни-

ки средневековых крепостей использовали метательные машины для “контрорудийной” борьбы и разрушения осадных сооружений противника. Крепостные требюше устанавливались на специальных площадках (Школяр, 1980. С. 243) или башнях крепостных сооружений (Кирпичников, 1958. С. 28; Hansen, 1992. Fig. 4).

На этом участке крепости Чембало машина была установлена на высоте 57 м над уровнем моря, поэтому 50-кг снаряд, пущенный по навесной траектории, обладал, безусловно, огромной разрушительной силой, способной вывести из строя корабль противника (рис. 7). “Ядерный арсенал” из Чемба-

Рис. 5. Предполагаемая каменоломня.

Рис. 7. Действие метательной машины (реконструкция).

Рис. 6. Снаряд № 199.

ло свидетельствует об использовании генуэзцами в своих крымских крепостях средств активной обороны и нуждается в дальнейшем изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. // Матер. Южно-Крымской археол. экспедиции. Вып. III. СПб.; Симферополь, 2004.

Алексеев Н.А., Гинькут Н.В., Дьячков С.В. Отчет о раскопках площадки у башни № 8 (участок Б) “консульского замка” генуэзской крепости Чембало в 2005 г. // НА НЗХТ. 2005. Д. № 3793.

Дьячков С.В. Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000–2005 гг. // Древности 2005. Харьков, 2005.

Карлов С.В. Средневековая метательная артиллерия на Мангуп-Кале // Бахчисарайский историко-археологический сб. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.

Кирпичников А.Н. Метательная артиллерия Древней Руси // МИА. 1958. № 77.

Карпов С.П. Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994.

Карпов С.П. Регесты документов фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. М.; СПб., 1998.

Мыц В.Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50–70-е гг. XV в. // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.

Уваров Д. Средневековые метательные машины Западной Евразии // www.xlegio.ru. 2001.

Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования). М., 1980.

Hansen P.V. Experimental Reconstruction of a Medieval Trebuchet // Acta Archaeologica. 1992. V. 63.

An “arsenal” of projectiles from the Genoese fortress of Cembalo

S. V. Dyachkov

Summary

In 2006, the joint expedition of the Kharkov National University and the National Preserve of Tauric Chersonesos continued to excavate the fortifications of the “Consul’s Castle” in the Genoese fortress of Cembalo at Balaklava (the Crimea, Ukraine). Excavations of section B revealed premise 3 which was built during the Ottoman period of the history of Cembalo (15th–16th cc.). The walls were built of stone shots, predominantly spherical in shape. Two hundred shots were revealed, made of marbled limestone, diorite (“marine stone”), limestone and marble column drums, probably from the Classical period. The “arsenal” shows that at the end of the 14th c., powerful missile machines of trebuchet type were used at Cembalo for active defense. The missile machine was supposed to be placed on the northern slope of mountain Castron and was aimed for fighting the enemy ships trying to enter the Castle bay.

АККЕРМАНСКАЯ КЕРАМИКА СГРАФФИТО (по материалам раскопок 2004 г.)

© 2008 г. С. А. Беляева, Е. Е. Фиалко

Институт археологии НАН Украины, Киев

На протяжении шести лет (1999–2002, 2004, 2005 гг.) Международная Южная Средневековая археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины занимается исследованиями Портового двора средневековой крепости в г. Белгород-Днестровский (начальник экспедиции с украинской стороны – к.и.н. Светлана Беляева, с турецкой – проф. Бозкурт Ерсой). Как и в предыдущие годы, в полевом сезоне 2004 г. основные работы были направлены на исследование Хамама – турецкой бани, расположенной в центральной части Портового двора крепости. Полученные в ходе исследований материалы позволяют судить не только об архитектурных особенностях Хамама, но и о времени его сооружения и функционирования, смене направленности эксплуатации помещений на протяжении более чем четырех столетий (конец XV–XIX в.). Культурный слой на территории Портового двора формировался в течение длительного времени, содержит материалы разных хронологических периодов от времени существования античной Тиры до наших дней и фактически представляет переотложенные горизонты, образовавшиеся в процессе функционирования крепости. Кроме того, нарушения слоя имели место и в процессе археологических исследований. Как известно, первые раскопки на территории Портового двора проведены Э.Р. Штерном, который заложил здесь две траншеи между водяными воротами и берегом лимана. Было отмечено, что слои нарушены до скальной породы, эти нарушения отнесены к турецкому времени, после 1484 г. (Штерн, 1913. С. 92–101) и соответственно были обусловлены строительной деятельностью османов, что подтверждается и нашими раскопками. Шурфы на территории двора были заложены и во время проведения исследовательских работ 1969–1973 гг. (С.Д. Крыжицкий, И.Б. Клейман, А.А. Кравченко), и также было зафиксировано наличие культурного слоя османского периода, но целенаправленные исследования до работ нашей экспедиции не предпринимались (Беляева, Ерсой, 2002. С. 28–30; Беляева, 2003. С. 18–25; Беляева и др., 2003. С. 55; Беляева и др., 2005. С. 66, 67).

В развитие изучения стратиграфических особенностей на территории Портового двора Ак-

керманской крепости отметим, что группа находок, являющаяся темой настоящей статьи, относится к слою, нарушенному еще в период активной строительной деятельности османов. Вместе с тем, как показали раскопки другого известного города Северного Причерноморья, Очакова, проводившиеся нами в течение 15 лет, под слоем османского времени и переотложенных горизонтов позднего периода были найдены закрытые комплексы – ямы с керамикой сграффито, поэтому не исключена возможность фиксации закрытых комплексов в процессе последующих исследований и в Белгороде-Днестровском.

В многочисленном и разнообразном комплексе археологических материалов с территории Портового двора Аккерманской крепости керамические изделия составляют самую представительную группу. Здесь найдена (главным образом в разрозненных фрагментах) посуда и местного, и импортного производства, отличающаяся большим разнообразием форм и характера ornamentации. Основное место в этом комплексе занимает столовая поливная керамика. В данной работе мы остановимся на одной из ее разновидностей – керамике сграффито из коллекции находок 2004 г.

Исследуемая группа керамики включает 52 фрагмента, декорированных в технике сграффито. Все сосуды красноглиняные. Цвет черепка различной насыщенности красного цвета – от розовато-красного до кирпично-красного. Тесто большинства из них отличается высоким качеством – глина хорошо отмучена без отощительных добавок. В нескольких случаях в тесте присутствуют примеси толченого известняка, мелкого песка и слюды. Из такого теста сделаны главным образом миски на массивном кольцевом поддоне.

Посуда представлена различными, преимущественно открытыми, формами, традиционными для этого вида керамики. Поскольку все экземпляры в нашем случае фрагментированы, не всегда их форма определяется безошибочно. Тем не менее можно уверенно говорить о количественном преобладании мисок и чаш на кольцевом поддоне (в общей сложности 54%). Гораздо меньше тарелок и блюд (всего 30%). Прочие формы сосудов единичны. Среди них – пиаловидные чашечки небольших размеров (8%) и кубки на

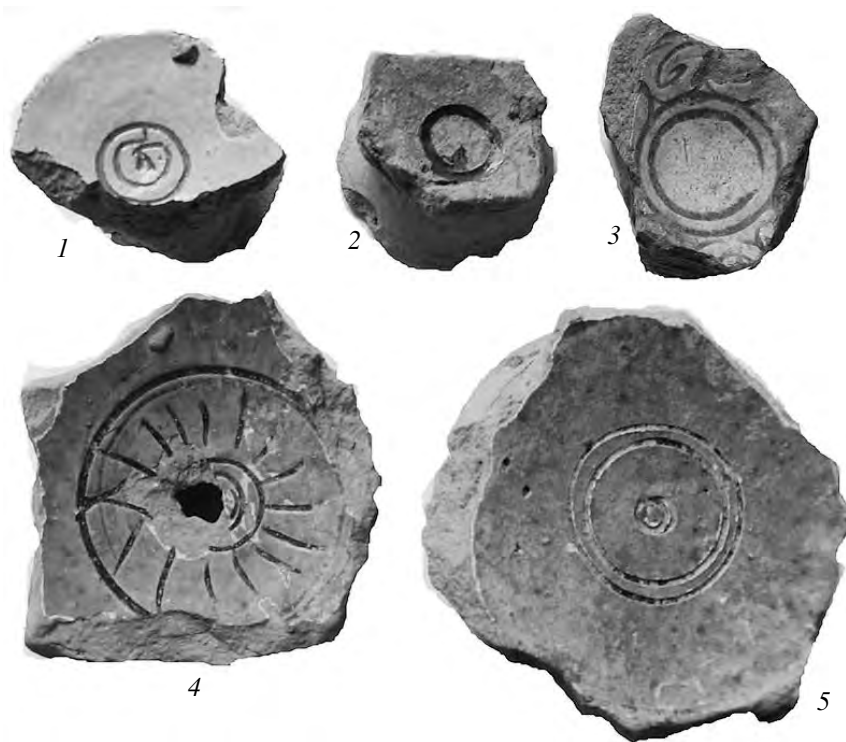

Рис. 1. Фрагменты керамики, украшенной в технике сграффито, с территории Портового двора Аккерманской крепости (1–5).

высоком коническом поддоне или на высокой ножке с широким плоским дном (6%). Кроме того, найдены два фрагмента крышек полусферической формы и ручка кувшина. Все виды этих изделий известны по исследованиям в Аккерманской крепости (Кравченко, 1986. С. 66–78). В процессе наших исследований последних лет представленный ассортимент поливной посуды сграффито и соотношение видов по функциональному назначению были аналогичными (рис. 1–7, рис. 8 – см. цветную вклейку № 4).

Вся посуда орнаментирована в одной технике. Вначале поверхность сосуда покрывалась слоем белого ангоба, затем по этому покрытию прочерчивался контурный рисунок, после чего наносилась полива. Лишь в одном случае (рис. 1, 2) дно чашечки с гравированным кольцом в центре как будто не ангобировано. Вполне возможно, что здесь дополнительно была применена техника резерва – соскабливания ангоба на определенных участках поверхности для усиления контрастности рисунка. Обычно ангобом покрывались вся внутренняя поверхность сосудов и узкая полоса под венчиком снаружи. Некоторые крупные блюда и тарелки покрывались ангобом и глазурью с двух сторон по всей поверхности. При этом с разных сторон полива может различаться по цвету. К примеру, в двух случаях снаружи она темная, травянисто-зеленая, в то время как внут-

ри в одном случае она темно-желтая, а в другом – светло-зеленая. Кубки и чаши с вертикальными бортиками орнаментированы с обеих сторон.

Прозрачная полива, покрывавшая сосуды, высококачественная свинцовая, различных, преимущественно светлых, оттенков желтого и зеленого цветов. Интенсивность цвета зависела от количества добавок.

Характерны два варианта художественного оформления гравированного рисунка. В одних случаях прочерченные линии оставались в цвете глины, тогда рисунок смотрелся светло-бежевым или светло-коричневым (в зависимости от цвета глины и глазури). Реже, преимущественно на блюдах, тарелках и мисках, отмечается дополнительное выделение гравированных линий с помощью краски. Благодаря этому рисунок становился гораздо ярче и выразительнее. Причем, как подчеркивает А.А. Кравченко, “характерной особенностью подглазурной росписи на белгородской керамике является ее согласованность с гравированными контурами рисунка. В редких случаях краска попадала неточно в контур рисунка или растекалась” (Кравченко, 1986. С. 69). На наших образцах подкраска особенно заметна на утолщенных линиях, в том числе на фрагменте блюда (рис. 7, 3). Благодаря этому отчетливо видно, что в данном случае мы имеем дело не с затеканием бесцветной глазури в глубокие бороздки прочер-

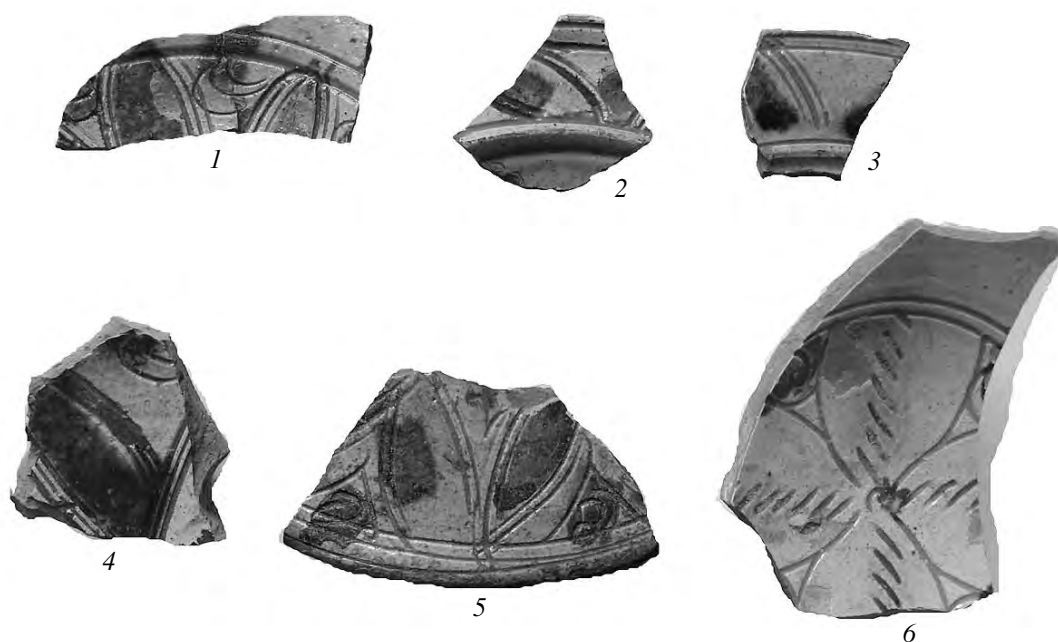

Рис. 2. Фрагменты сосудов, украшенные растительными орнаментальными мотивами (1–6).

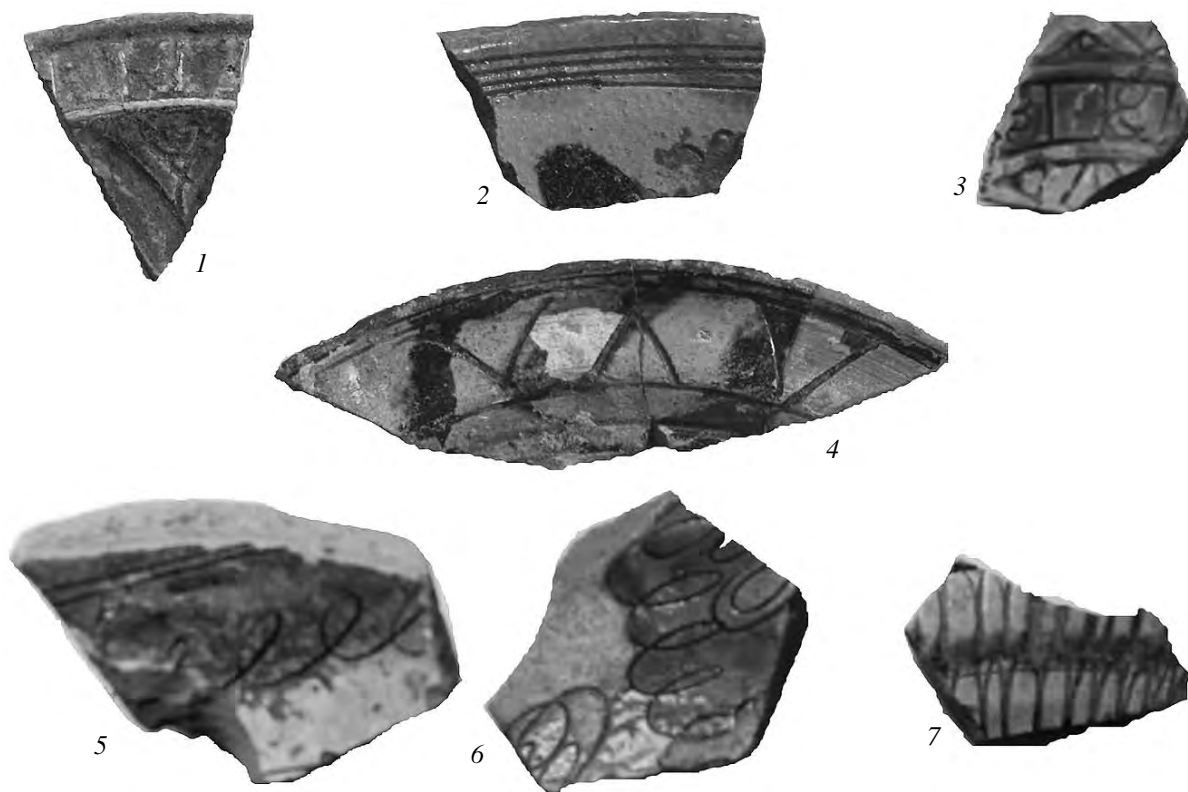

Рис. 3. Фрагменты поливных сосудов сграффито с растительным и геометрическим рисунком (1–7).

ченных линий, а именно с заполнением линий краской перед глазуровкой. Возможно, мы имеем дело с характерной особенностью белгородского производства керамики, на некоторые из них, в частности применение цветной подкраски, обращала внимание А.А. Кравченко (1986. С. 65).

По цветовому решению в нашей серии выделяется два вида керамики сграффито: монохромная и полихромная (при безусловном доминировании второго вида). Монохромная украшалась только гравировкой. К этому виду относятся два фрагмента мисок на кольцевых поддонах. На дне од-

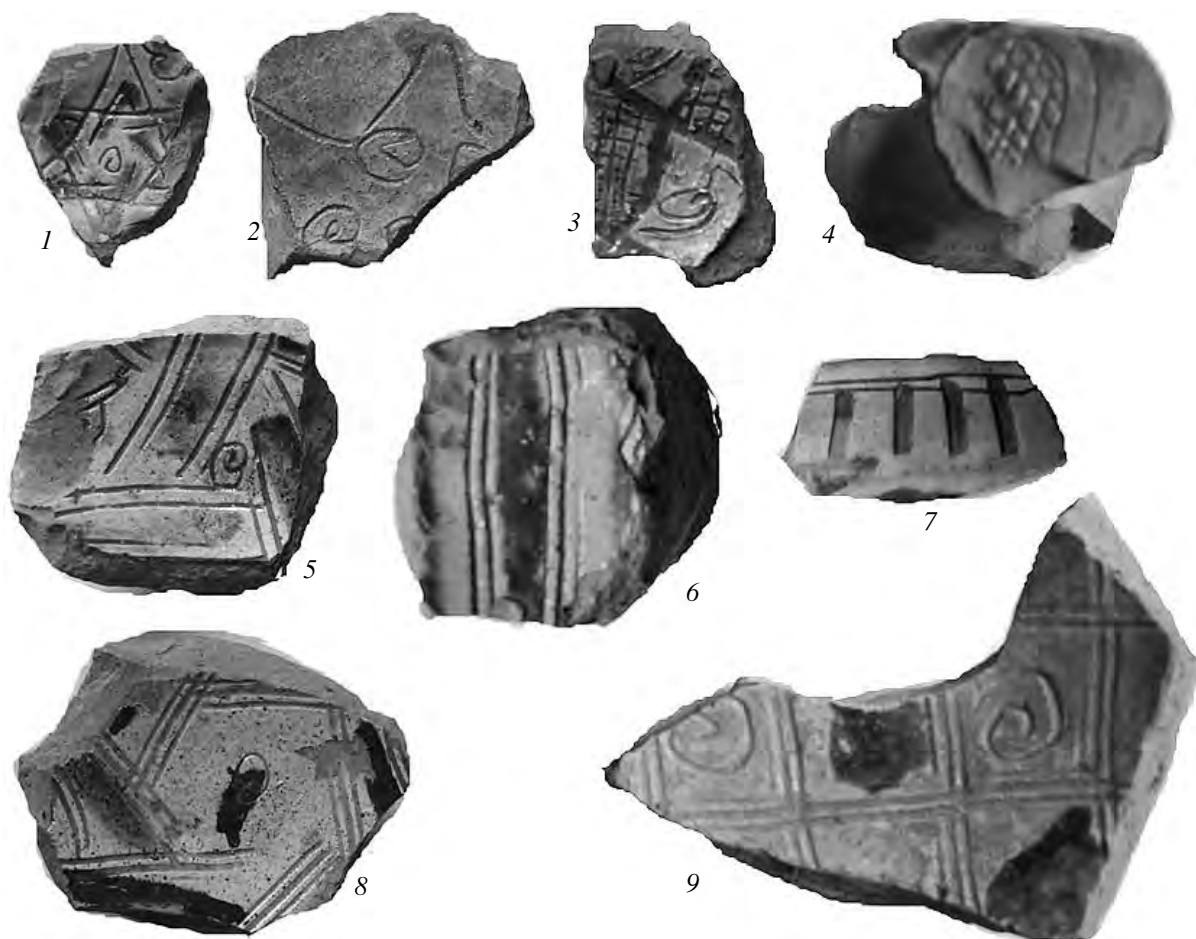

Рис. 4. Варианты геометрических и зооморфного (?) орнаментальных мотивов (1–9).

ной из них (рис. 1, 5) прочерчены три concentрических кружка небольшого диаметра. На дне второй (рис. 1, 4) – два двойных разновеликих кружка с косыми лучами между ними. Оба покрыты зеленой глазурью разных оттенков (соответственно травянисто-зеленой и темно-зеленой). Возможно, к этому виду относится и дно небольшого кубка (рис. 1, 1; 7, 2) с двумя concentрическими кружками и монограммой в центре внутренней поверхности, покрытое светлой желтоватой поливой.

Полихромная керамика кроме гравировки украшалась подглазурной подцветкой рисунка зелеными и коричневыми красками (оксиды железа и меди). Как правило, красками наносились точки, штрихи или широкие линии, изредка заполнявшие отдельные детали гравированного рисунка или повторявшие прочерченные линии, чаще разделявшие основное композиционное поле.

Относительно композиции и сюжетов орнамента керамики, украшенной в технике сграффито, можно отметить следующее. Обзор большой коллекции поливной керамики сграффито из раскопок средневекового Белгорода прежних лет

позволил А.А. Кравченко выделить три основных принципа построения композиции. Первый – concentрический, когда орнаментальное поле делится гравированными линиями на несколько горизонтальных поясов; второй – радиальный, когда гравированные линии (иногда пересекающиеся в центре) делят орнаментальное поле на вертикальные секторы; третий – свободный, когда рисунок размещается без каких-либо “ограничителей” (Кравченко, 1986. С. 66). В нашей серии безоговорочно преобладает concentрический принцип построения композиции (более двух третей фрагментов). С определенной долей сомнения можно предположить, что спиралевидный орнамент на одном из блюдец с зеленой поливой (рис. 3, 6) был размещен по принципу свободной композиции. При орнаментации остальных изделий применялся радиальный принцип.

На первый взгляд создается впечатление, что орнаментация сосудов сграффито отличается большим разнообразием. В действительности для керамики рассматриваемой группы отмечаются всего два типа декора: геометрический и стилизо-

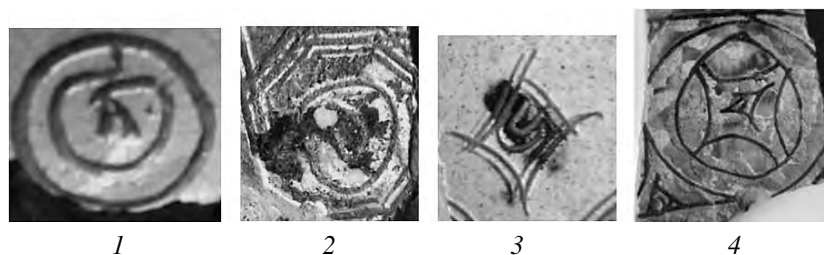

Рис. 5. Варианты оформления центральной части доньев сосудов (1–4).

ванный растительный. Безусловно, доминирует геометрический декор. Среди растительных наиболее характерны мотивы в виде четырех-шестилепестковых крупных цветков, размещенных в центральной части доньев мисок и чаш (рис. 2, 1, 4, 6). Практически полную аналогию рисунку четырехлепесткового цветка (по манере передачи прожилок лепестков косыми насечками и компоновки деталей) на одной из наших чаш (рис. 2, 6; 7, 6) находим на сосуде из раскопок храма Девы Марии в Сугдее конца XIV – первой половины XV в. (Баранов, Майко, 1998. Рис. 2, 2). В целом же орнаментальный мотив многолепесткового цветка в керамике сграффито широко распространен и известен на многих памятниках Северного и Западного Причерноморья. Популярны “фризы” в виде рядов развернутых друг к другу или в противоположные стороны крупных лепестков, подцвеченных зеленой и желто-коричневой красками. Их чаще всего размещали на краях тарелок и блюд (рис. 2, 2, 3) либо у края крышки (рис. 2, 5). Близкая аналогия такой крышке по форме (с выемкой для более плотного прилегания) и по орнаментации найдена в раскопках А.А. Кравченко (1986. С. 77, 78. Рис. 30, 2).

Для рассмотренной ранее керамики сграффито с территории Аккерманской крепости ведущим в ее орнаментации являлся прием сочетания геометрического и растительного мотивов (Кравченко, 1986. С. 66). Наша серия, возможно, ввиду того, что основная часть находок сильно фрагментирована, не дает оснований для таких выводов. Только пять фрагментов (три венчика и две стенки) украшены смешанным растительно-геометрическим рисунком (рис. 3, 1–4). Пожалуй, классические примеры сочетания растительного и геометрического орнаментов демонстрирует керамика из раскопок башни Орта-Куле в крепости Алустон (совр. Алушта). Фризы на краях поливных блюд составлены из лепестков, расположенных зигзагом, а внутреннюю часть сосудов покрывают разнообразные варианты многолучевого “сегнерова” колеса (Мыщ, 2002. Рис. 28–30). Думается, что ввиду плохой сохранности посуды в нашей серии реальная картина использованных

сюжетов росписи и их сочетаний оказывается несколько смазанной.

Геометрические узоры более вариабельны. Как и в предыдущем случае, набор элементов не особенно велик. Это прежде всего прямые или ломаные линии (одиночные, двойные или тройные), которые и образуют различные геометрические фигуры. Реже прочих встречаются небольшие одиночные или концентрические круги в центре сосуда (рис. 1, 1, 2, 4, 5), иногда дополненные спиралевидными завитками (рис. 1, 3). Спаренные и строенные пояски образуют широкие ленты. Иногда они прямые и длинные (рис. 4, 6). Чаще короткие полосы расположены в виде косых лучей, в зависимости от количества и угла наклона, образующих в центре композиции различные многоугольники (рис. 4, 5, 8) – вариации мотива многолучевого “сегнерова” колеса. Иногда ленты плавно изгибаются, составляя своеобразную плетенку. Как правило, уголки, треугольники и ромбы, образованные пересечением лент, дополнены завитками или спиралями (рис. 4, 5, 8, 9). Эти мотивы обычны для орнаментики керамики сграффито и в других памятниках. Аналогичные по композиции и деталям рисунка сосуды обнаружены в Белгороде, на ремесленном посаде Сугдейского городища, в Мангупской цитадели, крепости Алустон, Костештах, где они датируются в пределах конца XIII – первой половины XV в. (Кравченко, 1986. Рис. 25, 4, 16; 26, 5, 7; Джанов, 1998. Рис. 4, 3; Герцен, Науменко, 1998. Рис. 2, 2, 3; Мыщ, 2002. Рис. 26, 1, 4; 28–30; Полевой, 1969. Рис. 33, 5). Среди редких орнаментальных элементов можно назвать длинную растянутую или сжатую (рис. 3, 5–7) спираль. Подобным спиралевидным рисунком был украшен заготовленный под поливу сосуд из мастерской крепости Алустон, функционировавшей во второй половине XIV в. (Тесленко, 1998. Рис. 2, 1).

Дно одной из чашечек украшает шестиугольная звезда, составленная из двух наложенных один на другой треугольников (рис. 4, 1; 7, 1). Подобные орнаментальные мотивы хорошо известны на керамической и металлической посуде из памятников Персии, Закавказья, Византии IX–XIII вв. (Якобсон, 1950. С. 190; Rice, 1930. Р. 67).

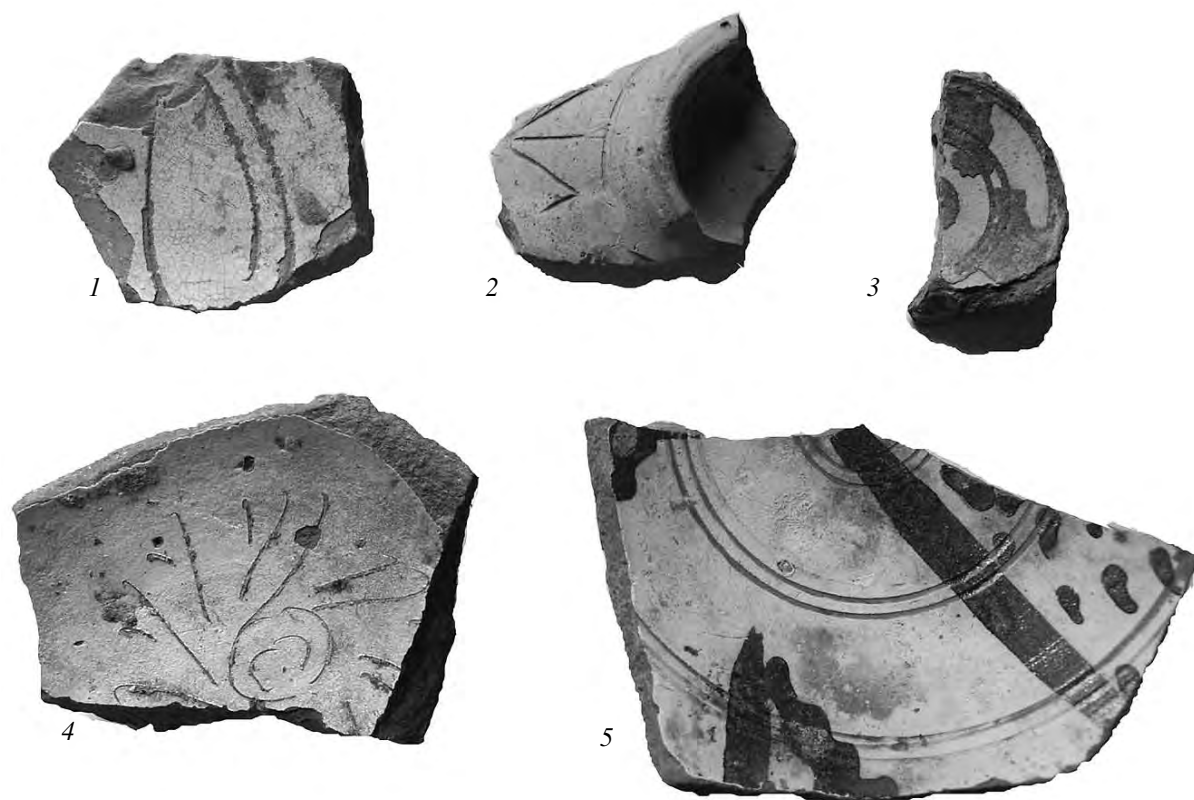

Рис. 6. Заготовки керамики сграффито под поливу с территории Портового двора Аккерманской крепости (1–5).

Посуда с аналогичным орнаментом уже встречалась ранее в Белгороде, Херсонесе и Южном Крыму, в генуэзской Лусте (Алустон) (Кравченко, 1986. Рис. 25, 3; Якобсон, 1950. Табл. 22, 84; Паршина, 1974. Рис. 10, 17; Мыц, 2002. Рис. 25, 4). В последнем случае материалы из заполнения башни Орта-Куле определяют дату сосуда третьей четвертью XV в. Позаимствованный с привозных экземпляров местными белгородскими гончарами, со временем этот символ, видимо, утратил свое первоначальное значение и превратился в элемент декора. Подтверждением этому вполне может послужить фрагмент небольшой чаши, дно которой украшает небрежное изображение шестиугольника с крупными завитками внутри (рис. 4, 2).

Еще одной разновидностью геометрического орнамента является шахматный. Вся внутренняя поверхность крупной миски на кольцевом поддоне (рис. 4, 9) разделена двойными пересекающимися линиями на крупные квадраты, часть из которых заполнена завитками, остальные свободны. Практически полное соответствие орнаменту находим на чаше из слоя третьей четверти XV в. заполнения башни Орта-Куле в Алустоне (Мыц, 2002. Рис. 27, 4). Иной вариант представлен на другой миске (рис. 4, 3; 7, 3) из раскопок Хамама.

Его отличают сетчатая гравировка не заполненных завитками квадратов и более насыщенный желтый цвет поливы. Миски и чаши, украшенные подобным образом, найдены в Азове и Феодосии, где датируются в пределах второй половины XIV в. (Бочаров, 1998. Рис. 1, 2). Близкий, но с иным заполнением клеток, орнамент встречался ранее и на белгородской посуде.

Следует отметить, что в рассматриваемой серии сосудов отсутствуют экземпляры с зооморфными и антропоморфными изображениями, хорошо известные среди материалов более ранних раскопок в Белгороде и многих других синхронных средневековых памятников (Кравченко, 1986. Рис. 29; Мыц, 2002. Рис. 15–18, 34, 35; Тесленко, 1998. Рис. 1; Новичихина, Новичихин, 1998. Рис. 1; Герцен, Науменко, 1998. Рис. 1; Баранов, Майко, 1998. Рис. 3; Адаксина, 1998. Рис. 1; Алексиев, 1998. Рис. 1–3). Вместе с тем среди наших находок прошлых лет из раскопок Хамама была чаша с изображением двух рыб, развернутых головами в противоположные стороны. Близкое по стилистике изображение рыб украшает чашу-миску с росписью кобальтом XII–XIII вв. из раскопок Самсата в Турции (Bulut, 2000. Res. 15). Это свидетельствует о сходстве орнаментальных сюжетов в керамике различной по

Рис. 8 (ст. Беляевой, Фиалко)

Рис. 2 (ст. Тесленко)

Рис. 3 (ст. Тесленко)

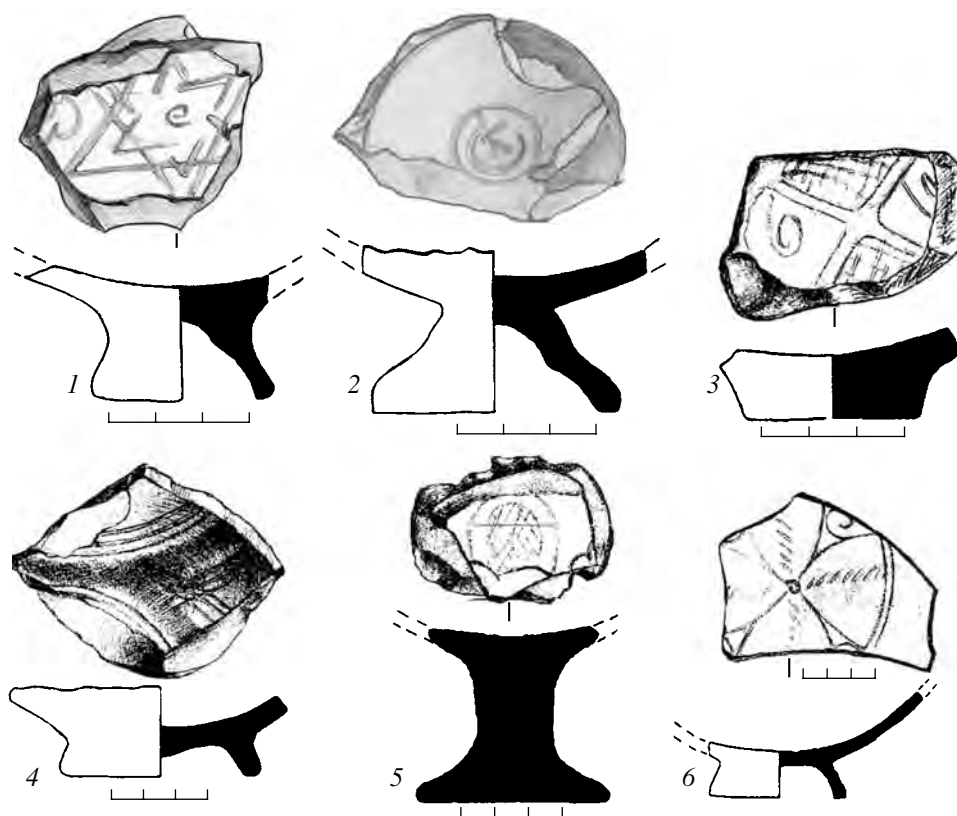

Рис. 7. Основные формы керамики сграффито с территории Портового двора (1–6).

технике исполнения и цветовой гамме росписи. Сюжеты с изображением рыб в керамике сграффито появляются в X–XII вв. и находят дальнейшее распространение и в Болгарии под влиянием византийских культурных традиций (Штерева, 1998. С. 194, 195).

В связи с зооморфными изображениями с большой оговоркой здесь можно упомянуть фрагмент дна кубка на высокой ножке (рис. 4, 4; 7, 5). В центре оббитого доньшка, в овальном кольце, сохранилась часть овала с сетчатой штриховкой. Асимметрия в построении композиции, а также форма и манера заполнения рисунка в определенной степени перекликаются с изображениями птиц на двух сосудах. На чаше из ранних раскопок Белгорода в такой же манере переданы лапы утки (Кравченко, 1986. Рис. 29, 1). На блюде, найденном при раскопках башни Орта-Куле в Лусте (слой пожара 1475 г.), таким же образом показаны лапы, часть хвоста голубя и полуовал, на котором стоит птица (Мыц, 2002. Рис. 34), поэтому можно осторожно предположить, что на нашем кубке сохранился фрагмент зооморфного рисунка.

В той же технике, что и орнамент, на некоторых сосудах (как правило, чаши и кубки небольших размеров) наносили монограммы. Монограмма состояла из одной или нескольких врезных букв, обозначенных лигатурой. В нашей

подборке есть уже упоминавшееся выше дно кубка на высокой ножке, на дне которого находится монограмма (рис. 1, 1; 7, 2). Монограмма представляет собой букву “К”, четко выгравированную крупным шрифтом в двойном кольце: внешнее сплошное, а внутреннее незамкнуто с загнутым вверх концом. На основе типологии Варненских монограмм, разработанной А. Кузевым (1974), А.А. Кравченко разделила белгородские монограммы на шесть групп (1986. С. 112, 113). Наша монограмма относится к четвертой группе (по Кравченко), наиболее многочисленной на белгородской керамике. Фрагменты доньев чаш с такими метками были обнаружены в Белгороде в 1975 г. при снятии пола средневекового помещения конца XIII–XIV в. (Кравченко, Столярик, 1983. С. 188).

По поводу интерпретации монограмм существует несколько версий. Их рассматривают как метки правителей династии Палеологов, почитаемых святых, именитых заказчиков, мастеров-керамистов или мастерских, поминальные дни и прочее (Кузев, 1974. С. 156). До сих пор единое объяснение не найдено. Думается, различия в размерах и форме, качестве и цвете поливы сосудов с одинаковыми монограммами делают сомнительным их определение как маркировки исполнителя или хозяина мастерской. При этом нельзя

исключить, что в разных городах одинаковые значки могли иметь разное значение. Единичные находки керамической эпиграфики в виде отдельных букв и монограмм, наносившихся на сосуды до обжига, известны в Херсонесе, Мангупе, Гурзуфе, Партените, Алуште, Фуне, Судаке, Кафе, Солхате. Подобные монограммы встречены среди материалов раскопок городов Византии, Болгарии и Молдовы. Дата их определяется XIV в. (Rice, 1930. P. 34; Кузев, 1974) или XIV–XV вв. (Мыц, 1998. С. 157).

Относительно места производства можно сказать следующее. Как установлено в процессе исследования средневекового Белгорода, местное производство поливной керамики отмечено уже в первой половине XIV в. (Кравченко, 1986. С. 64). Ремесленный район гончаров располагался на восточной окраине города, где зафиксирована большая концентрация гончарных горнов. В припортовой части крепости гончарные печи не обнаружены. Вместе с тем во время исследований 2004 г. на территории Хамама были найдены три фрагмента заготовок керамики сграффито под поливу. Все фрагменты относятся к типу открытых сосудов на кольцевых поддонах, несколько отличающихся друг от друга пропорциями и размерами. Внутренняя их поверхность покрыта ангобом, по которому процарапан рисунок. Орнамент крупной миски (рис. 6, 5) состоит из трех пар прочерченных концентрических кругов, дополненных вертикальными мазками зеленого лака, волнистыми линиями и частыми штрихами темно-коричневой краски, полива отсутствует. На второй миске (рис. 6, 4) в центре дна очень небрежно процарапан орнамент типа “сегнерова” колеса – от двух концентрических кружков в центре отходят косо расположенные лучи. Третий сосуд (рис. 6, 1) украшала, очевидно, растительная композиция, от которой сохранился крупный вертикальный лепесток. Возможно, к числу заготовок относятся и еще два фрагмента доньев аналогичных сосудов. Один из них, побывавший в огне, внутри орнаментирован разновеликими концентрическими кругами (рис. 6, 3). На фрагменте второго сосуда снаружи над кольцевым поддоном гравированная ломаная линия (рис. 6, 2). И формы всех упомянутых чаш, и характер их орнаментации типичны для белгородской керамики. Аналогичные заготовки изделий под покрытие поливой найдены А.А. Кравченко и в районе концентрации гончарных горнов (1986. С. 84). Близкие аналогии известны и на других памятниках Причерноморья, в том числе в крепости Алустан в Крыму (Тесленко, 2005. С. 324–348). Кроме того, в предшествующие годы исследований на этой же территории нами были найдены обломки треножных керамических подставок под керамику (печной припас). Находки заготовок керамики сграффито под поливу и треножных подставок свидетельствуют о

ее производстве, возможно, на этом участке территории крепости. Что касается гончарных печей, не исключено, что они могли быть разрушены в процессе застройки Портового двора османами, и сохранились лишь остатки гончарного производства – заготовки и треножные подставки. Учитывая, что становление функции этой территории как Портового двора и оборонительного узла крепости, вероятно, происходит в османский период, о чем свидетельствуют раскопки его объектов (баня, барбакан, фрагменты стен, дорога) и письменные источники, в доосманское время в периферийной части, каковой являлась эта территория (на северо-восточной стороне над лиманом) вполне могли иметь место производственные комплексы, в том числе и гончарное производство. Белгородские находки керамики сграффито прежних лет, а также аналогии (в том числе и приведенные выше) из памятников Северо-Западного Причерноморья, подтверждают хронологические рамки нашей серии: в пределах XIII – третьей четверти XV в. Находки в Портовом дворе Аккерманской крепости существенно дополняют коллекцию керамики сграффито, имевшей широкое распространение в циркумпонтийской зоне. Наряду с другими характерными признаками развития городских центров и городской культуры она является важной частью декоративно-прикладного искусства средневековья, объединившей страны Черноморского бассейна яркими и светлыми красками бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаксина С.Б. Изображение животных и птиц на средневековой керамике Крыма // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
- Алексиев Й. Тырновская керамика сграффито (форма и отделка) // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
- Біляєва С., Ерсой Б. Дослідження Карантинного двору Білгород-Дністровської фортеці // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 11. Київ, 2002.
- Біляєва С.О. Османський будівельний період у Північному Причорномор'ї // Східний світ. № 1. Київ, 2003.
- Біляєва С.О. Ерсой Б., Болтрик Ю.В. Дослідження міжнародної Південної Середньовічної експедиції у 2001–2002 рр. // АБУ 2001–2002 рр. Київ, 2003.
- Біляєва С.О., Ерсой Б., Фіалко О.Є. Дослідження міжнародної українсько-турецької експедиції у 2004 р. // АБУ 2003–2004 рр. Київ, 2005.
- Бочаров С.Г. Две группы поздне-византийских поливных чаш второй половины XIV – первой четверти XV в. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.

- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
- Джанов А.В. Гончарные печи XIV–XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
- Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев, 1986.
- Кравченко А.А., Столярик Е.С. Керамика византийского круга из Белгорода XIII–XIV вв. // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983.
- Кузев А. Средневековая сграффито керамика с монограммой от Варна // ИИМВ. 1974. № 10.
- Мыц В.Л. Историко-культурный контекст некоторых монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV–XV вв. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
- Мыц В.Л. Генуэзская Луста и капитанство Готии в 50–70 годы XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
- Новичихина Л.Ю., Новичихин А.М. Комплекс поливной керамики со дна Малой Анапской бухты // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
- Паришина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
- Полевой Л.Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969.
- Тесленко И.Б. К вопросу о производстве поливной керамики с орнаментом сграффито в крепости Алустан в XIV в. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
- Тесленко И.Б. Производство поливной керамики в крепости Алустан (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
- Штерн Э.Р. Раскопки в Аккермане летом 1912 г. // ЗООИД. 1913. № 31.
- Штерева И. Поливная посуда X–XII вв. из Южной Болгарии // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
- Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.
- Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Bulut Lale. Samsat Ortacag seramikleri (Lyster ve Siraltılar). Izmir, 2000.
- Rice D.T. Byzantine glazed Pottery. Oxford, 1930.

Akkerman's "sgraffito" ceramics (material of the 2004 excavations)

S. A. Belyayeva, E. E. Fialko

Summary

In the course of archeological excavation of the Turkish bath in the Port yard of the Akkerman fortress, a large group of 13th–15th cc. "sgraffito" ware was found. It includes locally-produced pottery, which has analogies in other sites within the area where "sgraffito" ceramics is encountered.

ИТАЛЬЯНСКАЯ МАЙОЛИКА В КРЫМУ ПЕРИОДА ТУРЕЦКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

© 2008 г. И. Б. Тесленко

Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Симферополь

Ассортимент и количество импортной керамики в Крыму периода Турецкого владычества (1475 г. – последняя четверть XVIII в.), а также направления и динамика ее поступления на полуостров – проблемы, которые к настоящему времени все еще довольно далеки от решения. В публикациях чаще всего упоминаются гончарные изделия, ввезенные с азиатской территории Османской империи. Очевидно, малоазийская керамика преобладала в общей массе поставляемой в Крым посуды, что объясняется объективными политическими и экономическими обстоятельствами – свободным перемещением товаров внутри одного государства и подконтрольных ему регионов. Некоторые детали таких экспортно-импортных операций получили отражение в “Реестре задолженностей по оплате налоговых пошлин Кефе за период 1487–1490 гг.” (Голенко, 2005. С. 502, 503). В результате анализа источника А. Голенко удалось установить, что Кефе (средневековая Кафа, современная Феодосия) служила рынком для гончарных изделий, изготавливаемых в Трабзоне. В частности, в город привозились значительные партии кувшинов (кузе) и больших горшков (дег). Через его порт осуществлялся также транзит партий пиал из Азака в район Стамбула. Кроме того в “Реестре...” упомянуты итальянские купцы и итальянский корабль некоего Лоренцо, участвовавшие в передвижении грузов керамики (Голенко, 2005. С. 502, 503).

Сведения письменных источников подтверждаются археологическими данными. На территории городищ и поселений Крыма в слоях конца XV–XVIII в. находки “заморской” турецкой посуды не редкость. Это красноглиняные *miletus ware* (Тесленко, 2005. С. 385–410), изникский и кутахинский фаянс (Штерн, 1906. Таб. IX; Айбабина, Бочаров, 1997. С. 16; Адаксина и др., 2004. С. 71. Рис. 88, 99; Герцен, Науменко, 2005. С. 264), тарные сосуды с горизонтальными ручками (Паршина, 1974. С. 63. Рис. 7; Тесленко, Лысенко, 2004. С. 269), а возможно и отдельные группы иных разновидностей столовой и кухонной керамики, выяснению происхождения которых пока никто не уделял должного внимания.

Что же касается импортных гончарных изделий из других регионов, то данные о них крайне

незначительны. Опубликовано одно иранское (?) псевдоселадановое блюдо XV–XVI вв., обнаруженное на территории ханского дворца в Бахчисарае (Коваль, Волошинов, 2005. С. 457–461). В трудах по истории черноморской торговли XVIII в. содержатся сведения о транзите европейских товаров через Стамбул в черноморские провинции, в их числе упоминается фаянс, поступающий из Марселя (Барабанов, 1993. С. 280). Однако какие-либо сведения о находках в Крыму керамики конца XV–XVIII в. из западноевропейских стран (в частности, Италии) в литературе обнаружить не удалось. Вероятно, это свидетельствует о незначительном количестве такого материала. Возможно также, что хранящиеся в фондовых коллекциях музеев и научных учреждений экземпляры остаются без должной атрибуции. В связи с этим представляется весьма актуальным ввод в научный оборот еще одной группы керамического импорта начального периода Турецкого владычества в Крыму – итальянской майолики эпохи Возрождения (*maiolica Rinascimentale*).

Термин “итальянская майолика” используют для обозначения глиняных изделий со светлым пористым черепком, покрытых непрозрачной оловянной глазурью и украшенных цветной росписью, которые происходят из различных производственных центров Италии эпохи Ренессанса (Фаенца, Кафаджиоло, Сиена, Урбино, Пезаро, Губио, Кастель-Дурант, Дерута, Монтелупо и пр.). Следует отметить, что библиография проблематики, связанной с различными аспектами изучения итальянской майолики, настолько обширна, что требует специального фундаментального исследования. С общими обзорами можно познакомиться, например, в англоязычных трудах Джулии Пул (Poole, 1997), Тимоти Вильсона (Wilson, 1987), в разделе *Renaissance Maiolica Bibliography* на сайте <http://www.chass.utoronto.ca> и пр. К сожалению, далеко не всегда труды зарубежных исследователей оказываются доступными. Однако их изобилие и разнообразие позволяет по крайней мере представить масштаб исследований и очертить перспективы дальнейших изысканий. Основные цвета итальянской майолики – синий (кобальт), зеленый (медь), фиолетовый и коричневый (марганец), желтый (сурьма), апельсин

(сурьма и железо) и белый (олово) (см., напр.: Кубе, 1923. С. 55–58; Wilson, 1987; Poole, 1997).

Традиция производства керамики с оловянной глазурью получает развитие на Ближнем Востоке еще в IX в. и распространяется со временем по всему исламскому миру, включая мавританскую Испанию, где достигает наивысшего подъема к рубежу XIII–XIV–XV в. Отсюда новые гончарные технологии проникают на территорию Италии, становясь основой развития различных местных школ и стилей.

Об особенностях изготовления майолики эпохи Ренессанса известно достаточно много (основные принципы см.: Кубе, 1923. С. 12–14). Этому в немалой степени способствуют сохранившиеся письменные источники, главенствующее место среди которых занимает рукопись *Tre Libre Dell'arte Del Vasio* – “Три книги искусства гончара”, написанная Киприано Пиколь Пассо (Cipriano Piccol Passo) из Кастель-Дуранте около 1557 г. по заказу кардинала Франсуа де Турнона (Francois de Tourmon) (Lightbown, Caiger-Smith, 1980). Книга богато иллюстрирована. В ней изложены основные принципы организации мастерской средних размеров, указан количественный и качественный состав работников (мастер или хозяин, два гончара, два или три маляра, один или два человека для обслуживания горна и несколько подмастерьев). Также описаны подробности производственного процесса от поиска и добычи глины до окончательного обжига готовых изделий. Кроме того, чрезвычайно важны новейшие естественнонаучные изыскания, позволяющие локализовать источники глиняного сырья для майолики с точностью до 10 км и определять тем самым центры изготовления керамики с оловянной глазурью (см., напр.: Gaimster, 1999; Blake, Hughes, 2003).

Этимология слова “майолика” прозрачна. Происходит оно от наименования острова Балеарского архипелага Майорки, расположенного у восточного побережья Испании, через который в XIII–XV вв. осуществлялась транзитная торговля испано-мавританским люстром с европейскими странами, в том числе с Италией. Первоначально название относилось именно к импортной керамике, а затем, уже к XVI в., использовалось более широко, для обозначения итальянских изделий с оловянной глазурью. В этот же период по отношению к продукции мастерских Фаенцы начинают применять термин “фаянс” (см., напр.: Кубе, 1923. С. 55, 56, 67; Фаянс, 1936. С. 716, 717).

Расцвет майоличного производства в Италии приходится на последние десятилетия XV – первую половину XVI в. Именно в этот период майолика, ассортимент которой составляли как утилитарные, так и высокохудожественные изделия с фигурной и пейзажной живописью, наводняет рынки Западной Европы и доминирует на

них последующие 200 лет, вплоть до начала расцвета европейского производства фарфора в XVIII в. Со временем, во многом благодаря миграциям итальянских, а также испанских мастеров, производство керамики с оловянной глазурью утверждается в других частях Старого и Нового света. Часто, на ранних этапах, продукция многих новых мастерских визуально практически не отличается от итальянских образцов (Кубе, 1923. С. 76; Blake, Hughes, 2003. Р. 447–453) и лишь со временем приобретает ярко выраженное своеобразие. Например, в Голландии развивается местное производство майолики с сине-белой росписью, подражающей восточному фарфору, получившей название “дельфтской” (*delftware*). В направлении к востоку и юго-востоку количество итальянского керамического импорта сокращается. Крайними северо-восточными пунктами его распространения остаются пока Москва и Новгород, где в слоях XV–XVII вв. встречаются отдельные фрагменты итальянских красноглиняных *marbled ware* (Коваль, 1998. С. 125). Музейные коллекции высокохудожественных произведений в данном контексте не показательны, так как процесс их накопления не отражает динамику естественного торгового обмена эпохи (Прикладное искусство..., 1988. С. 12).

На территории, подконтрольной Османской империи, археологические находки итальянской керамики вообще и майолики в частности не редкость (Hayes, 1992. Р. 265; Vroom, 2003. Р. 170–173; Gelichi, Guštin, 2005. Р. 69–73).

В отношении материалов из раскопок крымских памятников следует отметить, что керамика из отложений турецкого периода не подвергалась до настоящего времени комплексному профессиональному анализу. В связи с этим объективно оценить количественный и качественный состав присутствующего в ней итальянского импорта в целом и майолики в частности не представляется возможным. В настоящее время с уверенностью можно говорить о находках в трех пунктах (Судак, Алушта и Малый Маяк) (рис. 1) обломков 4 светлоглиняных кувшинов с оловянной глазурью и полихромной росписью, форму одного из которых удалось реконструировать (рис. 2, 3). Все сосуды небольших размеров, с округлым туловом, на дисковидном поддоне, скорее всего, одноручные. Черепок белый с желтоватым оттенком, довольно плотный, в одном случае немного мылится. Глина тонкодисперсная, в ее структуре видны включения незначительного количества мелкозернистого песка, рыхлых частиц белого цвета (известь?), мелких белых блесков. Сосуды изготовлены на гончарном круге, этап – РФК 7. Полив опаковая, белая, покрывает изделия внутри и снаружи. С внешней стороны она служит основой для росписи, причем акцент делается на украшении лицевой поверхности тулова – под сливом, со

Рис. 1. Местоположение пунктов находок итальянской майолики в Крыму.

стороны, противоположной креплению ручки. По особенностям декоративного оформления (цветовой гамме росписи и характерным элементам орнамента) сосуды можно соотнести с двумя стилистически и хронологически различными группами майолики.

К первой группе относятся обломки 3 изделий с двухцветной росписью (рис. 2).

1. Три фрагмента лицевой части тулова кувшина (рис. 2, 1, 2). Тулово сферической формы. Роспись нанесена по сырой необожженной глазури. Основные элементы рисунка выполнены синей (кобальтовой) краской. В центре композиции – медальон, контур которого образуют четыре линейные окружности. Промежуток между двумя из них (средними) заполнен прямой штриховкой, так называемый *ladder medallion design*. Поле медальона разделено горизонтальными линиями на разновеликие участки. В одном из участков, на уровне диаметральной оси помещена однострочная надпись, выполненная латинскими литерами. На обломках видны три из них: первая – О и две последние – ІА. Высота букв соответственно – 1.25; 0.95 и 1.1 см, ширина – 1.7; 0.6 и 1.7 см. Утрачено 2–3 литеры. Реконструировать надпись, к сожалению, не удалось. У донной части сосуда в границах медальона темно-оранжевой краской нанесена широкая полоса. Реконструируемый диаметр тулова кувшина – около 17, дна – около 11 см.

2. Обломок придонной части подобного кувшина (рис. 2, 3, 4). На поверхности виден только участок обода темно-синего “лестничного” медальона, дополненного темно-оранжевой полосой. Размер фрагмента – 2.7 × 4.9 см, реконструируемый диаметр дна – около 11 см.

Фрагменты обоих кувшинов найдены в 1992 г. в крепости Алустан при раскопках мусорной

свалки (зольника), образовавшейся на руинах квадратной башни Орта-Куле. Авторы исследований – В.Л. Мыц, С.Б. Адаксина, В.П. Кирилко. Период функционирования фортификационного сооружения ограничивается третьей четвертью XV в. (Мыц, 2002. С. 139–189). Свалка начала формироваться вскоре после частичного разрушения башни, ставшего следствием катастрофических событий 1475 г., и накапливалась вплоть до последней декады XX в. (Мыц, 2002. С. 149, 150). Фрагмент одного из сосудов (№ 2) обнаружен в верхней части зольника с материалом XVIII–XIX вв. и, видимо, переотложен. Обломки второго кувшина (№ 1) располагались в слое светло-серого рыхлого золистого грунта с угольками, образующего основание зольника. Нижняя дата этих отложений определяется периодом частичного разрушения башни, то есть последней четвертью XV в. Завершающий этап формирования слоя датируется пятью монетами Крымского ханства номинала акче: одна Сахиб-Гирея I (1532–1550) чекана Кырк-Ера, две Девлет-Гирея I (1550–1577) чекана г. Крыма, одна Девлет-Гирея I (1550–1577) чекана Кырк-Ера, две Мухамад-Гирея II (1577–1584) чекана Кырк-Ера (Мыц, 2002. С. 150). Следовательно, археологизация сосуда произошла между 80–90-ми годами XV в. и последними десятилетиями XVI в.

3. Обломок придонной части подобного кувшина (рис. 2, 5, 6). На поверхности сохранился фрагмент орнамента в виде обода “лестничного” медальона с элементами растительного декора с его внешней стороны, выполненного темно-синей краской. Размер фрагмента – 4.3 × 4.6 см. Реконструируемый диаметр дна – около 11 см.

Фрагмент обнаружен при исследовании Судакской крепости в 1972 г., на “посаде 2”. Автор раскопок – М.А. Фронджуло. Контекст находки

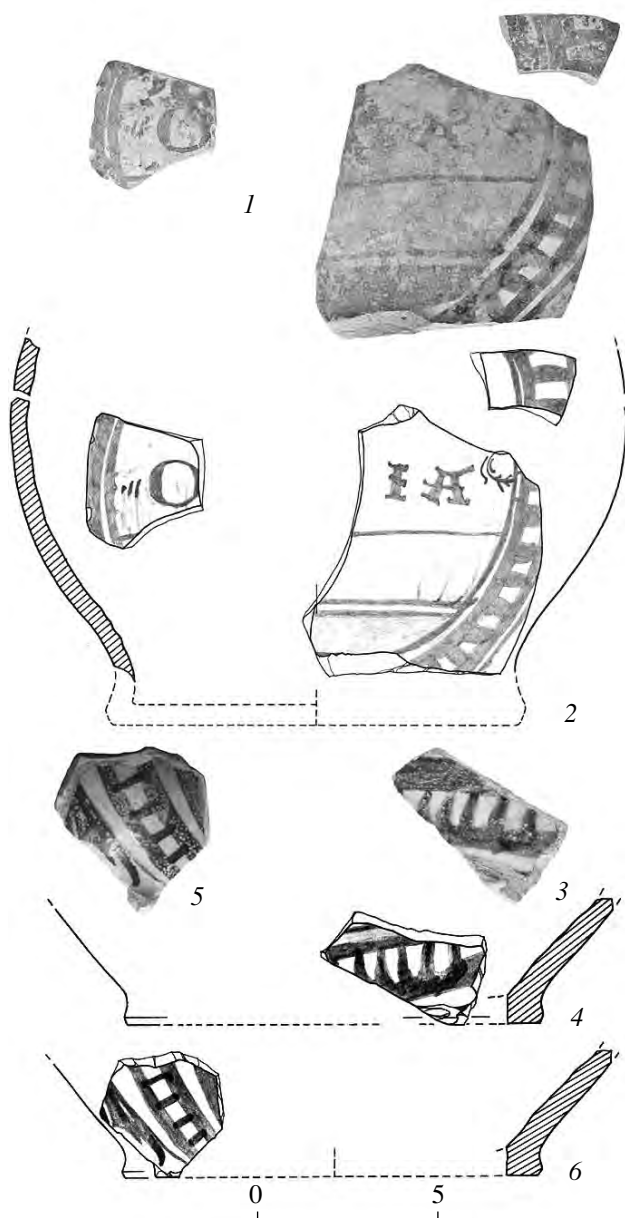

Рис. 2. Фрагменты кувшинов “строгого стиля” (*stile severo*), последние десятилетия XV – начало XVI в.: 1–4 – из раскопок укрепления Алустан; 5, 6 – из раскопок Судакской крепости (см. цветную вклейку № 4).

установить не удалось. В настоящее время она хранится в фондах Национального заповедника “София Киевская”, шифр – СМКП–2157.

Круг аналогий представленных изделий довольно широк. Помимо самой Италии (см., напр.: Gelichi, 1984. P. 181. Fig. 5, 2–4; 1991. P. 28) подобные сосуды известны на территории современных Греции (Vroom, 2003. P. 172, 173; Wartburg, 2002. P. 513. Fig. 12), Сербии и Черногории (Gelichi, Guštin, 2005. P. 69), Франции (Richez, 1993. P. 50, 51), Великобритании (Blake, Hughes, 2003.

P. 450. Fig. 8). Орнаментальные особенности (“лестничный” обод медальона) и цветовая гамма (синяя и темно-оранжевая краски) декора характерны для итальянских майоликовых кувшинов так называемого строгого стиля (*stile severo*), датирующихся последними десятилетиями XV – началом XVI в. (см., напр.: Vroom, 2003. P. 172, 173; Gelichi, 1988. P. 66; Gelichi, Guštin, 2005. P. 69). По мнению проф. С. Геличи, местом производства сосудов из Крыма предположительно следует считать север (Romagna) или центр (Marche) Италии.

Вторая группа представлена одним фрагментированным сосудом с полихромной росписью (рис. 3).

4. Кувшин одноручный – форма частично реконструируется из 51 мелкого обломка. Тулово округлое. Днище массивное, профилировано в форме диска, внешний край которого срезан под углом около 65°. Опорная плоскость слегка вогнута, на ней видны отпечатки нити, при помощи которой изделие отделялось от круга. Горло невысокое, раструбом, со сливом в виде прогиба венчика. Край без специальной профилировки, скруглен. Рисунок выполнен синей, голубой, желтой, оранжевой, зеленой и черной (темно-фиолетовой?) красками. В основе композиции – медальон в трехцветном обрамлении, расположенный на корпусе под сливом. Поле медальона по белому фону заполнено парами синих и зеленых вертикальных и горизонтальных полос, разделенных тонкими черными (?) линиями (шаг между парами – около 0.4 см). Остальная поверхность, за исключением тыльной части сосуда, оформлена элементами растительного декора, нанесенного темно-синей краской на голубом фоне. Из-за фрагментарности изделия восстановить все детали росписи довольно сложно.

Реконструируемые параметры кувшина: общая высота – 16 см; высота горла – 3.6; размер горла – 7.7 × 7.9 см; диаметр тулова – около 12; диаметр дна – 8.5 см.

Сосуд обнаружен при раскопках средневекового христианского храма на южной окраине с. Малый Маяк, в 7.5 км к ЮЗ от Алушты. Большая часть обломков кувшина залегала компактно, на площади около 1.5 м², в районе СВ части детского погребального комплекса № 26 (как снаружи могилы, так и в ее заполнении), расположенного в 1 м от СЗ стены храма. Отдельные фрагменты зафиксированы на расстоянии до 3 м к ЮЗ от основного скопления обломков в более поздних отложениях. Это, видимо, связано с интенсивным перемещением культурных остатков (как по вертикали, так и по горизонтали) в процессе функционирования комплекса (Тесленко, Лысенко, 2004. С. 269). В этом же стратиграфическом горизонте найдено 6 монет. Точно удалось определить три из них (определение монет произ-

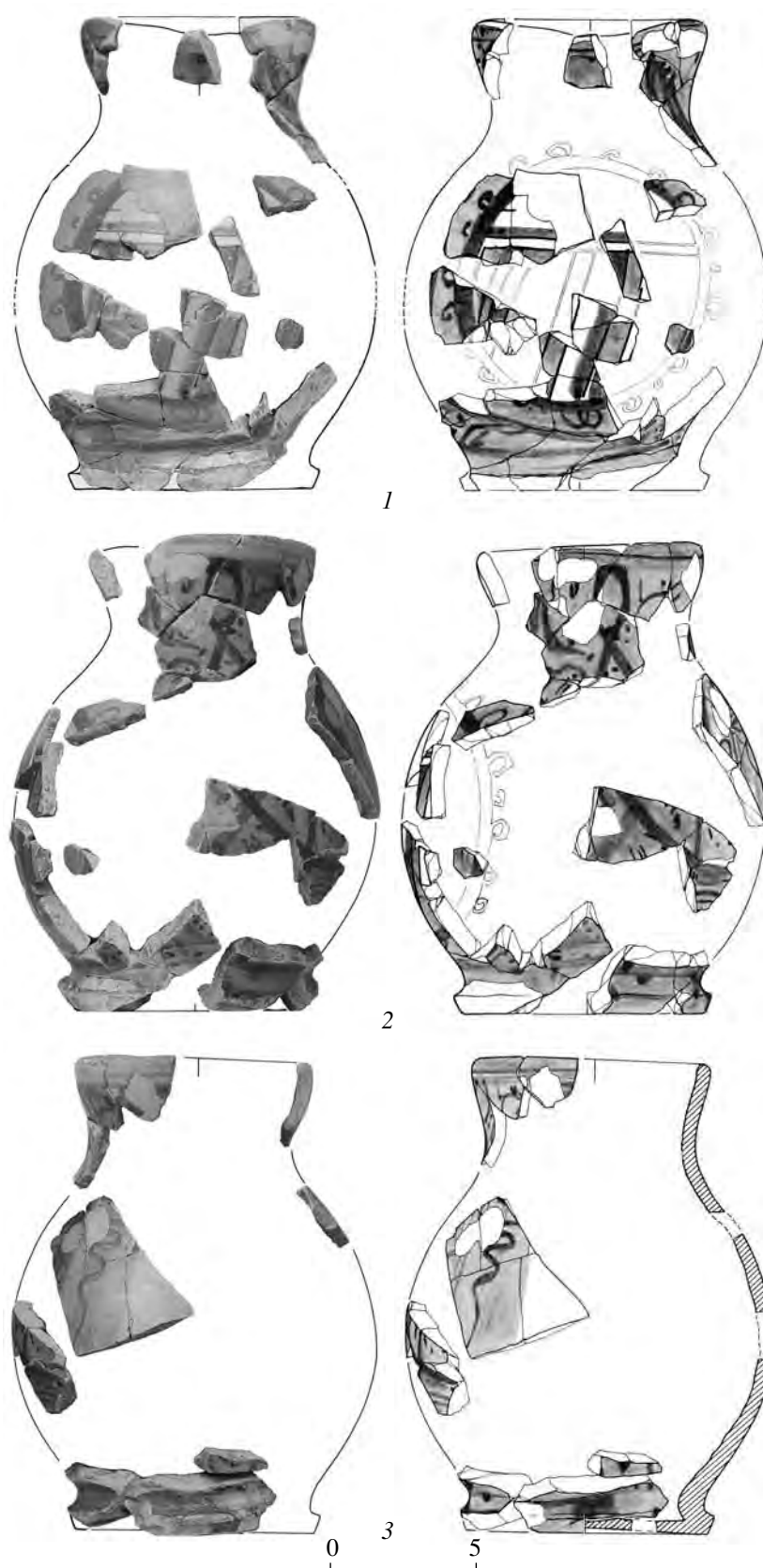

Рис. 3. Реконструкция кувшина “красивого стиля” (*stile bello*), середина – вторая половина XVI в., из раскопок христианского храма на южной окраине с. Малый Маяк (см. цветную вклейку № 4).

вел к.и.н. Г.А. Козубовский): Московского государства периода правления Иоанна IV Грозного (1533–1584), Крымского ханства периода правления Сахиб Гирея (1532–1550) и Мухаммед Гирея IV (1654–1666). Еще 3, предположительно Османской империи и Крымского ханства, датированы в рамках XV–XVII вв. (Тесленко и др., 2006. С. 21).

Кувшин скорее всего был использован в обрядовых действиях поминального характера, связанных с погребением в могиле № 26. Использование керамических сосудов в погребальной обрядности, в частности при совершении детских захоронений, является характерной особенностью исследованного некрополя (Тесленко, Лысенко, 2004. С. 267). Примечательно, что возраст сосуда ко времени совершения этих действий составлял более полувека. Учитывая единичность подобных находок для Крыма в целом, можно предположить, что кувшин занимал особое место в вещевом комплексе его обладателей. Вероятно, к нему относились особенно бережно, возможно, он представлял ценность как семейная реликвия, только в особых случаях мог использоваться по своему прямому назначению и служил скорее всего украшением интерьера жилища. По всей видимости, лишь большая утрата – смерть ребенка – подвигла семью пожертвовать значимым предметом, выражая тем самым глубину своей скорби.

По определению проф. С. Геличи, кувшин представляет собой образец итальянской майолики *stile bello* (буквально – “красивый стиль”), происходит из Северной Италии (предположительно Фаенсы или Римини) и датируется в рамках середины – второй половины XVI в.

Подводя итог, следует обратить внимание на то, что представленный материал малочислен и не отражает целостной картины импорта итальянской посуды в Крым, однако предпринятое исследование все же позволяет сформулировать некоторые выводы.

1. После подчинения Османами северного побережья Черного моря итальянские купцы и даже судовладельцы продолжали осуществлять торговые операции на Черном море, ставшем практически “внутренним морем” Порты, хотя, безусловно, в значительно меньших масштабах, чем в более раннее время и, видимо, на каких-то особых условиях.

2. Итальянская керамика также продолжает поступать в северопричерноморский регион, хотя импорт ее можно назвать скорее эпизодическим, чем массовым. При этом ассортимент, по всей видимости, не ограничивается майоликой. Из Белгорода-Аккермана, например, происходят фрагменты блюд с погрудными портретными изображениями, выполненными в технике сграффито с полихромной подцветкой – *graffita policroma rinascimentale* (Кравченко, 2005. С. 411–413).

3. Основной причиной небольшого объема этого импорта была, вероятно, протекционистская политика Турции по отношению к собственному производителю, направленная на развитие внутреннего рынка гончарных изделий.

4. Майолика, аналогичная найденной в Крыму, представляет собой утилитарные сосуды массового производства, широко экспортируемые за пределы Италии. Однако на полуострове такие изделия, по всей видимости, относятся к категории редких находок, их нельзя назвать типичными для археологических керамических комплексов XV–XVII вв. Вероятно, длительный период обращения кувшина группы 2 (не менее 50 лет) объясняется особо бережным отношением к сосуду как к неординарному предмету быта.

5. Учитывая датировки крымских находок первой и второй групп, с высокой долей вероятности можно предположить, что поступили они на побережье полуострова с перерывом минимум – 25, максимум – 100 лет.

Выражаю глубокую признательность и благодарность проф. Сауро Геличи за ценные консультации и помощь в атрибуции находок; В.Л. Мыцу за любезно предоставленную возможность работы с материалом его раскопок; сотрудникам фондов НЗ “София Киевская” за содействие, оказанное при работе с музейными коллекциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. // Матер. Южно-Крымской археол. экспедиции. Вып. III. СПб.; Симферополь, 2004.
- Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Раскопки в Феодосии // АИК 1994. год. Симферополь, 1997.
- Барабанов О.Н. Товарооборот Черноморской торговли в XVIII в. (Крым, Запорожье, Турция, Россия) // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангула // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
- Голенко А. Гончарное производство и торговля в османской провинции Кефе // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
- Коваль В.Ю., Волошинов А.А. Псевдоселадон из Бахчисарая // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
- Коваль В.Ю. Средневековая керамика Испании и Италии в Восточной Европе // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
- Кравченко А.А. Венецианская поливная керамика XVI в. из Белгорода-Днестровского // Поливная ке-

- радика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
- Кубе А.Н. История фаянса. Берлин, 1923.
- Мыц В.Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50–70-е гг. XV в. // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
- Паришина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
- Прикладное искусство Италии в собраниях Эрмитажа. Каталог выставки. Л., 1988.
- Тесленко И.Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // “О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических”. Киев, 2004.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В., Турова Н.П. Отчет о раскопках средневекового христианского храма на южной окраине с. Малый Маяк в 2003 г. Ч. 1. // Архив КФ ИА НАНУ. 2006.
- Фаянс // БСЭ. 1936. Т. 56.
- Штерн Э.Р. Феодосия и ее керамика // Музей Императорского Одесского общества истории и древностей. Вып. III. Одесса, 1906.
- Blake H., Hughes M.J. The introduction of tin-glazed ceramics in North-Western Europe: new data from the British museum neutron activation analysis programme // VII Congrès International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée. Actes. Athènes, 2003.
- Gaimster D. Maiolica in the North: The Archaeology of Tin-Glazed Earthenware in north-west Europe c. 1500–1600 // British Museum Occasional Paper. № 122. L., 1999.
- Gelichi S. Studi Sulla Ceramica Medievale Riminese la “Grafita Arcaica” // Archeologia Medievale. Cultura materiale. Inselementi. Territorio. 1984. XI.
- Gelichi S. La maiolica Italiana della prima metà del XV secolo. La produzione in Emilia Romagna e problemi della cronologia // Archeologia Medievale. Cultura materiale. Inselementi. Territorio. 1988. XV.
- Gelichi S. La maiolica a Bologna nel XV secolo: nuovi dati archeologici // Atti XXIV convegno internazionale della ceramica “Della maiolica arcaica alla maiolica del primo Rinascimento”. Albisola, 1991.
- Gelichi S., Guštin M. Stari Bar. The Archaeological Project 2004. All’Insegna del Giglio, 2005.
- Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. The pottery. V. 2. Princeton, 1992.
- Lighthown R., Caiger-Smith A. The Three Books of the Potter’s Art. Scholar Press, 1980.
- Poole J.E. Italian Maiolica. Cambridge; N.Y.; Melbourne, 1997.
- Riches F. La vaisselle conventuelle de l’épave du Brocciu // Un gout d’Italie. Céramiques et céramistes Italiens en Provence du moyen âge au XXème siècle. Argilla, 1993.
- Vroom J. Ceramics and society in the Aegean from the 7th to the 20th c. A.C. A case study from Boeotia, Central Greece. Leiden, 2003.
- Wartburg M.-L. Venice and Cyprus. The archaeology of cultural and economic relations // Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII–XV secolo). Venezia, 2002.
- Wilson T. Ceramic Art of the Italian Renaissance. L., 1987.

Italian majolica in the Crimea during the period of Turkish rule

I. B. Teslenko

Summary

The article presents Italian Renaissance majolica items found in the Crimea. These are bicolor and polychrome single-handled jugs decorated in *severo* and *bello* styles, widely exported outside Italy. They may be considered to be rare finds in 15th–17th cc. archeological complexes in the Crimea. The analysis of archeological material and written sources allows to conclude that Italian ceramics, majolica included, occasionally still found its way into the Northern Black Sea area after the beginning of Ottoman rule.

ДИЧНЕВСКИЙ КЛАД – КОМПЛЕКС ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ РУССКО-ОРДЫНСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в. ИЗ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2008 г. А. Г. Шпилев

Курский государственный областной музей археологии

Весной 1998 г. в окрестностях с. Дичня (Курчатовский район Курской области) на левом берегу притока Сейма р. Дичня, в осыпи размытого весенним половодьем берега был обнаружен небольшой вещевой клад (рис. 1, I). Весной 2007 г. большая часть клада, кроме № 3 и 5, поступила в фонды Курского государственного областного музея археологии.

Всего в состав клада входит пять предметов (рис. 1, II):

№ 1. Фрагмент украшения из чередующихся рядов стеклянных бус и бронзовых пуговиц, нанизанных на перекрещивающиеся нити. Длина сохранившегося фрагмента – 8, ширина – 4 см. Нитяная основа украшения сохранилась благодаря большому количеству бронзовых пуговиц. Их окислы пропитали нитки и, сохранив от гниения, позволили проследить конструктивные особенности украшения.

Его основа – вертикальные ряды маленьких (ширина пуговицы – 8, общая высота – 10, внешний диаметр дужки – 6 × 5 мм) бронзовых пуговичек (28 экз.). Каждая пуговка у основания дужки (при этом внутреннее отверстие дужки остается свободным) в несколько оборотов обвязана шелковой (?) ниткой светло-серого цвета и зафиксирована узелком (рис. 2, II). В самой длинной вертикальной низке насчитывается шесть пуговичек, всего же в сохранившейся части имеется пять подбных низок.

В оставшиеся свободными после обвязывания пуговичек дужки (внутренний диаметр 2 мм) продето по 4 нитки, которые соединяют эти низки в единое целое (рис. 2, V). Свободное пространство между пуговичками занимают нанизанные на горизонтальные нити стеклянные бусы семи типов (рис. 2, IV). 1 – Эллипсоидные (длина – 13, ширина – 8,5, толщина – 7 мм), полупрозрачные (виден канал шириной 1 мм), бледно-зеленого цвета, слегка приплюснутые, с сильно сглаженными гранями (10 экз.). 2 – Бочонковидные (длина и толщина – 7 мм) непрозрачные, светло-синего цвета, диаметр отверстия – 1,5 мм (4 экз.). 3 – Шаровидные, слегка уплощенные по бокам, белые, непрозрачные, разного размера (6 экз.). Три

крупные (высота – 7,5 и 7, ширина – 6 мм) и 3 мелких (высота – 5, ширина – 6 мм). 4 – Шаровидные, слегка уплощенные по бокам (ширина – 6,5, высота – 7, ширина канала – 1 мм), из прозрачного стекла зеленого цвета, украшенные широким поясом бордового цвета, прорезаемым в нескольких местах двумя белыми и одной черной узкими полосами (7 экз.). 5 – Бочонкообразные (ширина – 7, высота – 8 мм; одна бракованная) из белого стекла, украшенные широкой черной полосой, в трех местах прорезанной белыми полосами (2 экз.). 6 – Круглая, слегка уплощенная по бокам (ширина – 6, высота – 8 мм), покрытая чередующимися черно-зелеными полосками (как у арбуза). Вокруг отверстий идет красный зубчатый узор, окантованный белым бордюром (1 экз.). 7 – Круглая, с немного уплощенными боками (ширина – 6, высота – 8 мм), белого цвета, расстеклованная (1 экз.).

Размер и конструктивные особенности данного фрагмента позволяют предположить, что он является частью шейного женского украшения, аналогичного известным в более позднем (XIX – начало XX в.) комплексе русского женского костюма “подгорлику” или “нашейнику”, при изготовлении которых также зачастую использовались нанизываемые на сетчатую нитяную основу пуговицы, бисер и бусы (Русский..., 1984. Рис. 59, 171) (рис. 2, I, II).

№ 2. Браслет бронзовый ложновитой, с расширяющимися плоскими окончаниями округлой формы (рис. 1, II–I; 3, I). Толщина проволоки 4,5–5, ширина по внешнему диаметру – 65, высота по внешнему диаметру – 50 мм. Длина плоского окончания – 15, высота – 10, ширина – 1 мм. Браслет был разломан на две части. Вес 16,6 г.

№ 3. Щиток серебряного перстня (высота – 8,5, ширина – 12,5 мм) со стеклянной непрозрачной вставкой синего цвета круглой формы (диаметр – 9 мм), украшенный по бокам филигранным узором в виде петель из серебряной проволоки толщиной 0,5 мм (рис. 3, 2). Вес – 4,4 г. На верхней части щитка находятся четыре каплеобразных выступа (диаметр – 2 мм), которые служат навершиями небольшим цилиндрикам (высота – 3–4, тол-

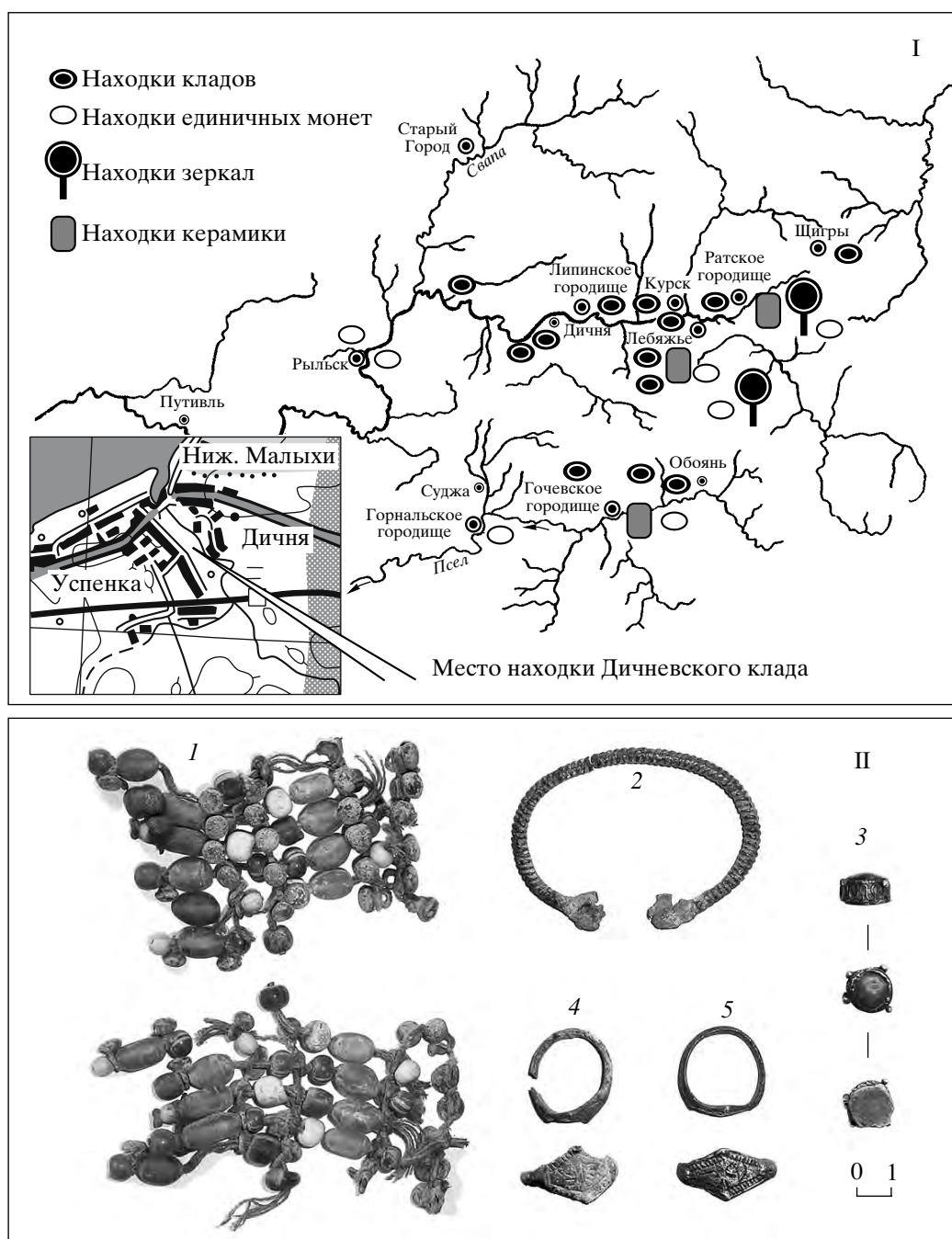

Рис. 1. I – распространение предметов, монет и кладов ордынского времени на территории Курской обл.; II – Дичневский клад (с. Дичня Курчатовского р-на Курской обл.).

щина – 2 мм), свернутых из серебряной проволоки (толщина – 0.5 мм) в виде пружин. Под одним выступом цилиндрок отсутствует. На тыльной стороне щитка видны зашлифованные следы отломанного кольца. Это может свидетельствовать о том, что после поломки кольца щиток вторично использовался в качестве элемента какого-то украшения.

№ 4. Перстень бронзовый (ширина кольца – 23.5, высота – 22.5 мм), с орнаментированным

щитком ромбической формы, верхняя и нижняя части которого имеют каплеобразные выступы (рис. 3, III–I). Высота щитка – 14, ширина – 20 мм. Ширина обруча – 3, толщина – 2 мм, имеются зашлифованные следы литейного стержня, часть кольца (5 мм) разрушена. Вес – 2.8 г. Перстень покрыт плотной патиной светло-зеленого цвета.

№ 5. Перстень бронзовый (ширина кольца – 23.5, высота – 22 мм), с орнаментированным щит-

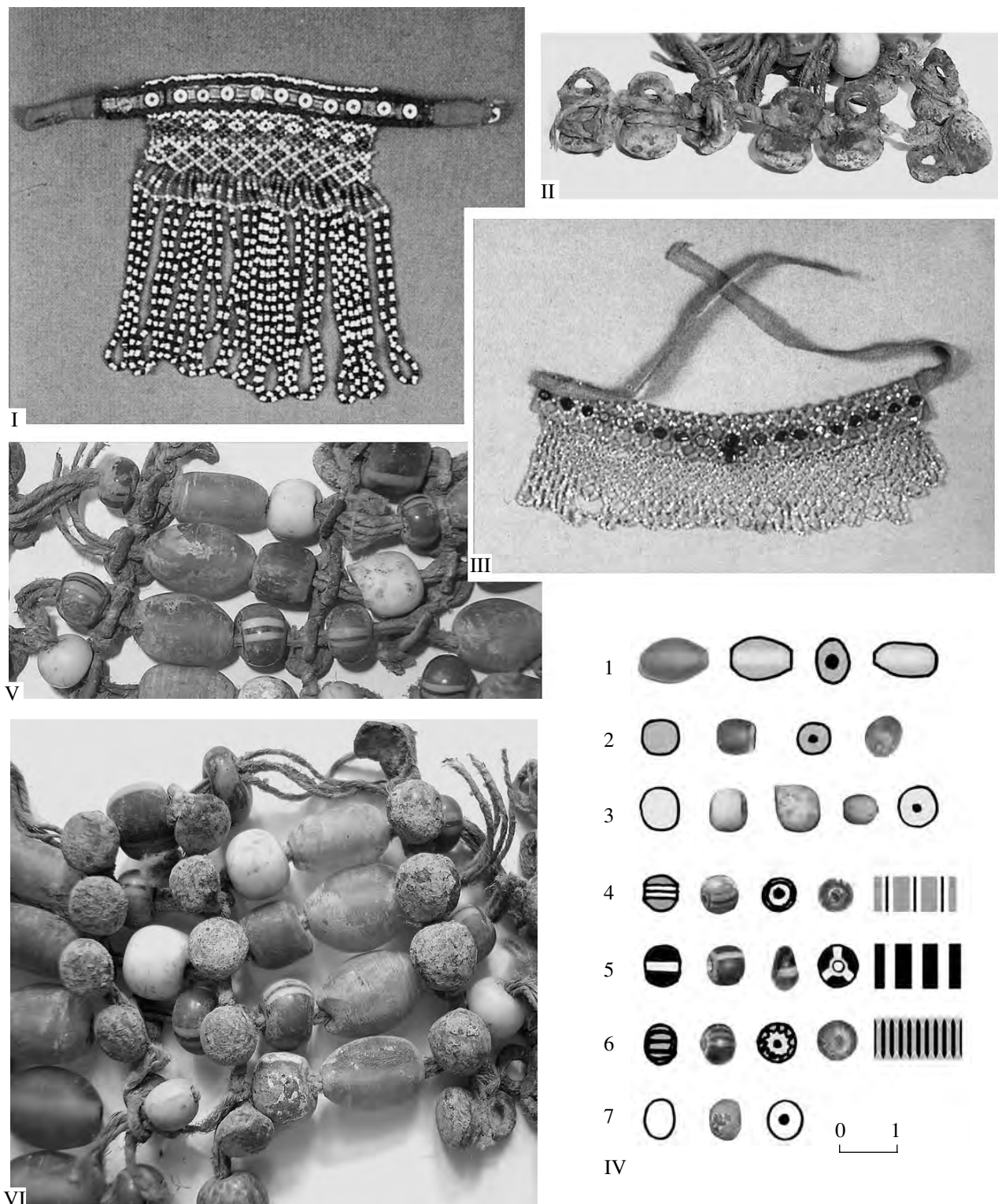

Рис. 2. I – “нашейник”, конец XIX в., Рязанская губ. (длина – 22, ширина – 33 см); II – способ крепления бус в вертикальной связке (Дичневский клад); III – шейное украшение, XIX – начало XX в., Европейская Россия (длина – 72, ширина – 9 см); IV – типы бус Дичневского клада; V, VI – крепление бус и пуговиц: вид сзади и спереди (см. цветную вклейку № 2).

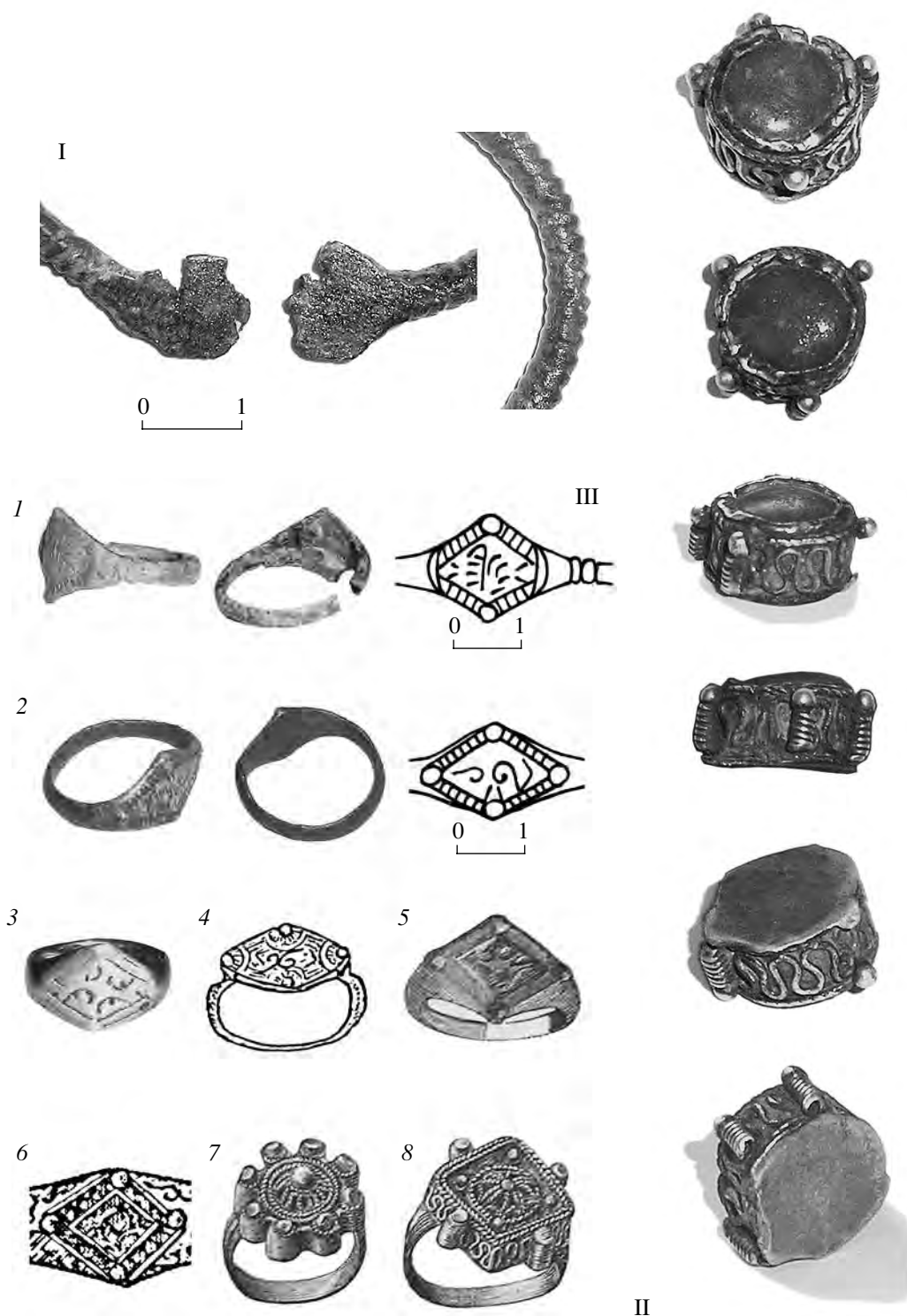

Рис. 3. I – браслет, окончания и дрот, бронза; II – напершие перстня, серебро, стекло, без масштаба; III: 1, 2 – перстни № 4 и 5 (Дичневский клад), бронза, без масштаба; 3 – с. Картамышево, Обоянский р-н; 4 – д. Шмырева, Обоянский р-н; 5, 7, 8 – Гагинский могильник, Нижегородская губ.; 6 – Новгород (см. цветную вклейку № 2).

ком ромбической формы с четырьмя каплеобразными выступами (рис. 3, III-2). Высота щитка – 12, ширина – 20.5 мм. Ширина обруча – 4, толщина – 2 мм. Вес – 3.45 г. Пatina отсутствует.

На территории Курской области перстни, аналогичные украшениям № 4 и 5, были найдены у д. Шмыревой Обоянского уезда (Дневник..., 1915. С. 4; Атлас..., 1915. Табл. Ia, 17) и у с. Кар-

тамышево Обоянского района (случайная находка) (рис. 3, III–3, 4). Датировать курские находки помогают три ромбоштитковых перстня из Новгорода, обнаруженные в слоях второй половины XIV в. (Седова, 1981. С. 136. Рис. 47, 21) (рис. 3, III–6).

Еще один перстень – “серебряный с ромбической позолоченной наставкой, заключающий в себе неясное изображение какого-то животного” – был обнаружен В.А. Снежневским осенью 1894 г. в захоронении мордовского могильника у с. Гагина (Нижегородская губ.), время функционирования которого определяется джучидскими монетами 1316, 1345, 1351, 1352, 1356, 1357, 1361 и 1363 гг., входившими в состав погребального инвентаря трех захоронений (Гагинский могильник, 1896. С. 148, 153. Рис. 235) (рис. 3, III–5). В погребальном инвентаре Гагинского могильника присутствовали и перстни со щитками, похожими на украшение № 3 Дичневского клада. Среди найденных в Гагино перстней – “особенно выдаются пластинчатые серебряные перстни отличной работы с большими круглыми щитками, украшенными по краю 8 цилиндриками, а посередине филигранным шатерком или же стеклянной наставкой; разновидности таких перстней представляют перстни с четырехугольным щитком, украшенным с боку филигранью в виде петель” (Гагинский могильник, 1896. С. 151, 152. Рис. 231, 232) (рис. 3, III–7, 8).

Однотипность украшений (перстни с плоским ромбическим щитком с каплеобразными выступами) и присутствие на одной из разновидностей мордовских перстней тех же самых элементов, что и на изделии № 3 (стеклянные вставки, каплеобразные выступы, цилиндрики и петлеобразный узор по бокам), позволяют сделать предположение об одновременности бытования комплекса украшений Дичневского клада и Гагинского могильника. Интересно отметить, что среди бус Гагинского могильника присутствовали “крупные плоские круглой формы, грязно-зеленого цвета, небрежной работы” (Гагинский могильник, 1896. С. 149), предположительно схожие с бусами 1 типа Дичневского клада.

Достаточно четкое хронологическое определение периода бытования аналогичных типов украшений из Гагино (середина – вторая половина XIV в.) и Новгорода (вторая половина XIV в.) позволяет нам отнести время укрытия Дичневского клада ко второй половине XIV столетия, а рассмотрение политической ситуации, сложившейся на территории Курского края в середине – второй половине XIV в., может помочь в еще более точном определении даты его выпадения.

Общеизвестно, что с середины XIV в. Великое княжество Литовское начинает проводить все более энергичную политику по завоеванию территорий, расположенных на северо-западных рубе-

жах Золотой Орды. В 1356 г. великий князь Ольгерд присоединяет Брянск, ставший центром Черниговского княжества после перенесения туда великокняжеского стола. В 1362 г., после сокрушительного разгрома в битве на р. Синие Воды (приток Буга) объединенной армии западных владетелей Улуса Джучи, он захватывает “Белую Церковь, Звиногород и вси поля аж за Очаков, от Киева, а от Путивля аж до устья Дону от татаров волно учинили и отстрашили аж до Волги”, а около 1365 г. берет под свою власть Киевскую землю, в которую входило и все Заднепровье, составившее прежде Переяславское княжество.

Черниговщина и основная часть Северной земли были присоединены к державе Ольгерда позднее, в период между 1368 и 1372 гг. Согласно современному литовскому историку Э. Гудавичюсу, именно “в начале семидесятых годов (если это не произошло в конце шестидесятых) к Великому княжеству Литовскому были присоединены Чернигов, Новгород-Северский (их получил сын Ольгерда Корибут), Стародуб, Рыльск (доставшиеся Патрикею Наримонтовичу) и Трубчевск (которым стал управлять ранее утвердившийся в Брянске сын Ольгерда Дмитрий)” (Гудавичюс, 2005. С. 142).

Вероятно, одновременно со всеми южными северскими землями под власть Литвы попадает и Курский край, северо-западную часть которого занимали полунезависимые русские княжества: Липовеческое (конец XIII в.), Воргольское (конец XIII в.) и Рыльское, а земли на юге и востоке входили в состав Золотой Орды, составляя административную единицу *Курская тьма*, центром которой в 40–50 гг. XIV в. выступает находившееся недалеко от Курска поселение на р. Рать (Зорин и др., 1999. С. 106–113, 122–128; Шпилев, 2005. С. 43, 44).

События этого периода находят свое отражение в группе курских кладов (Петровы Буды, Шеховцово, Нижнее Солотино, Ястребовка), младшие монеты которых были отчеканены в 1360-х годах. В Солотинском кладе это был данг хана Науруз-бека (1359–1360 гг.), в трех других – данги хана Абдаллаха (1362–1368 гг.). В двух кладах (Петровы Буды и Нижнее Солотино) наряду с джучидскими дангами присутствовали серебряные гривны новгородского типа (Шпилев, 2001. С. 58–62). О вероятном русском происхождении владельца по крайней мере одного из этих кладов могут свидетельствовать 27 полтин из Солотина, с вырезанными на них русскими словами (чаще всего имена личные, типа “Лясты”, “Ониси”), слогами и буквами (Шпилев, 2001. С. 61). Возможно, к русскому населению Курской тьмы принадлежала и хозяйка Дичневского клада, о чем говорит характер украшений, часть из которых находит прямые параллели в русском этнографическом костюме.

В Курском Посеймье наиболее западным местом нахождения ордынских кладов, имеющих четкую локализацию места находки, является обнаруженный в начале XX в. клад из урочища Пыхтино (Данилевич, 1911. С. 133). (На карте 2005 г. Пыхтинский клад помещен автором на правом берегу Сейма. Отметим, что урочище у д. Пыхтино (Курчатовский район), вероятно, располагалось на левом берегу Сейма и сейчас входит в зону Курского водохранилища.) Определение входивших в состав клада “нескольких фунтов татарских монет” произведено не было, в связи с чем связывать его укрытие с походами Ольгерда мы можем только гипотетически. Однако этот клад и рассматриваемый клад из Дични достаточно точно маркируют границу Курской тьмы, которая на этом участке проходила как раз в районе устья притока Сейма р. Реут (подробнее см.: Зорин, Шпилев, в печати). Интересно отметить, что в занимаемых русскими княжествами северо-западных районах современной Курской области денежных и вещевых кладов 60–70-х годов XIV в. пока неизвестно, что может свидетельствовать о достаточно мирном характере перехода этих земель под власть Литвы.

Опираясь на результаты проведенного анализа, мы можем достаточно уверенно датировать украшения Дичневского клада второй половиной XIV в., с предположительным сужением времени его выпадения второй половиной 1360 – началом 1370-х годов – периодом присоединения территории Курского края к Великому княжеству Литовскому. Входящие в состав Дичневского клада вещи (“нашейник”, браслет, перстни) достаточно полно представляют комплекс женских украшений русско-ордынского пограничья середины – второй половины XIV в., а уникальная сохранность одного из предметов (№ 1) позволяет про-

следить конструктивные особенности шейного украшения, имеющего прямые параллели в русском этнографическом костюме более позднего времени.

Автор благодарит Р.И. Тарасова и А.В. Сотникова за помощь в работе над статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атлас Гочевских древностей. М., 1915.
- Гагинский могильник // Отчет ИАК 1894. СПб., 1896
- Гудавичюс Э. История Литвы. Т. I. С древнейших времен до 1569 года. М., 2005.
- Данилевич В.Е. Материалы для археологической карты Курского уезда // Тр. Курской губернской уч. архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911.
- Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда, Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915.
- Зорин А.В., Раздорский А.И., Шавелев С.П. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века // Курский край. Т. IV. Курск, 1999.
- Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курское городище, Городенское городище и Гусин брод (историческая топография и курско-рыльское пограничье в XIV–XV вв.). В печати.
- Русский народный костюм. Из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. Л., 1984.
- Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Шпилев А.Г. Курские клады джучидских монет // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001.
- Шпилев А.Г. Находки предметов ордынского времени на территории Курского края // Тр. междунар. нумизматической конф. “Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв”. III МНК. Старый Крым, 2004. М., 2005.

The Dichnya hoard: an assemblage of woman's ornaments from the Rus – Horde border (Kursk oblast', second half of the 14th c.)

A. G. Shpilev

Summary

In spring 1998, a small hoard consisting of 5 items was discovered near Dichnya village in the Kurchatovsky region of Kursk oblast'. Analysis allowed to date it to the second half of the 13th century, with the time of its deposition presumably narrowed to the second half of the 1360-s – beginning of the 1370-s, when the territory of the Kursk oblast' was adjoined to the Great Principality of Lithuania. The artifacts from the Dichnya hoard (neck ornament, bracelet, rings) are a fairly complete representation of the complex of woman's ornaments from the Rus – Horde border of the middle – second half of the 14th c. The unique state of preservation of one of the artifacts allows to trace the design features of neck decorations which have direct parallels in Russian ethnographical costume of later periods.

ПАМЯТНАЯ ПЛИТА ИВАНА МИРОСЛАВИЧА (МУРЗЫ ХОРОСМИРА) В РЯЗАНСКОМ СОЛОТЧИНСКОМ МОНАСТЫРЕ

© 2008 г. Ю. В. Гераськин, В. П. Нагорнов

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Темой нашего сообщения является памятная надгробная плита с текстом уникального содержания, рассказывающим о переносе, после примерно 150-летнего перерыва, останков одного из персонажей истории Рязанского княжества – мурзы Хоромира (Салахмира?), в крещении Ивана Мирославича (или Мирославовича)¹.

Эта массивная каменная плита обнаружена на территории монастыря (ныне женский Рождества Богородицы, в прошлом Покровский мужской) в поселке Солотча (г. Рязань), при прокладке траншеи под водопровод (2003–2004 гг.) у правого южного угла монастырской трапезной, прежде настоятельский корпус XVII в. (рис. 1). Здесь в советскую эпоху располагался филиал Рязанского областного краеведческого музея (Михайловский, Ильенко, 1969. С. 158). Плита лежала на глубине 2 м в строго горизонтальном положении по оси запад–восток (что позволяло предположить под ней захоронение), но с отклонением на 45°. Плита была сильно загрязнена, но, промыв ее мыльным раствором, монахи увидели ровные ряды врезанных строк древнерусского текста (рис. 2)².

Нам удалось увидеть найденную плиту только летом 2006 г. Она сделана из известняка плотной структуры и имеет форму почти равнобедренной трапеции (расширение в “изголовье”; левая боковая сторона – 825 мм, правая – 820 мм; основания – 535 и 430 мм; наибольшая толщина по краям – 95 мм). Лицевая грань плиты почти плоская, задняя слегка вогнута (по оси толщина плиты – ок. 80 мм); верхний торец трапециевидный, нижний повторяет выгиб изнанки (рис. 3, 4). Возможно, это говорит о настенном, вертикальном креплении плиты, подтесанной для лучшего прилегания к округлой апсиде. Передняя грань с текстом чуть шероховатая, задняя грань со следами тески; боковые гладкие, слегка зашлифованы. Следов раствора не обнаружено.

¹ Выражаем глубокую признательность Л.А. Беляеву за детальную проработку с нами этой статьи.

² Инокниги попытались продолжить поиски и спустились в подвал трапезной, где увидели в основании фундамента здания массивный валун. Было высказано предположение, что трапезная построена на сохранившейся части фундамента ц. Покрова Пресвятой Богородицы (заложена в 1390 г. князем Олегом Ивановичем Рязанским), причем сохранилась именно алтарная часть фундамента.

Текст состоит из 11 строк; высота букв – 50 мм (нижняя дополнительная строка – 12 мм); междустрочные промежутки (от первой строки вниз): 27, 27, 23, 25, 22, 20 мм). В конце дополнительной строки – завершающая крестообразная четырехлепестковая (крестообразная) виньетка с отростками. Надпись выполнена неловкой, но вычурной вязью. Читается³:

ЛЕТА 7051го (1543) ГОДУ АПРЕЛЯ ВЪ · 23 ·
ДЕНЬ КАК ПОИЧЕТА СТ[р]ОИТ[ь] КАМЕН-
НАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ПОКРОВА ПРЕ-
СВЯТЫИ БОГОРОДИЦЫ ІС ТОГО МЕСТА
ПЕРЕНЕСЕНО ТЕПЛО ЗЯТЯ ВЕЛИКОГО
КНЯЗЯ ОЛГА ІІВАНОВИЧА ИВАНА СМІРО-
СЛАВОВИЧА ІІ ХОРОСМИРА ВО ИНОЦЕХ
СКИМНИКА ІІОСИФА ПО УПРОШЕНИЮ
РОДСТВЕННИКОВ ЕВО ДЛЯ ТОГО ЧТО
ПРИЛУЧИЛОС[ь] БЫСТ[ь] ІІ ПОД ОЛТАР-
НУЮ СТЕНОЮ А ПЕРЕНОСИЛ ЕПИС[коп]//КОП
ФЕОДОСИЙ КОЛОМЕНСКИЙ СО АРХИ-
МАНІІДРИТОМЪ ХРИСАНѦОМЪ (крестообразная
виньетка).

Назначение плиты мемориальное: она фиксирует факт переноса останков давно погребенного военного и государственного деятеля Великого княжества Рязанского, близкого родственника князя Олега Ивановича, принявшего схиму в том же монастыре. Перенос пришлось предпринять из-за постройки или перестройки ц. Покрова Пресвятой Богородицы, чья апсида попала на фундамент на место древнего захоронения. Перенос состоялся “по упрощению родственников” (сегодня сказали бы: потомков). Его осуществили епископ Коломенский Феодосий и архимандрит Хрисанф. Останки, видимо, перезахоронили (возможно, вблизи апсиды, на которой плиту могли укрепить). Попутно мы узнаем время постройки первой каменной церкви Покрова (1543 г.), ранее неизвестное.

Текст упоминает четырех исторических персонажей. Их следует охарактеризовать. Начнем со священнослужителей. Первоначально Солотчинским монастырем управляли игумены, а с 1483 г. –

³ Приносим благодарность за помощь в прочтении плиты Елене Васильевне Шапиловой, научному сотруднику Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

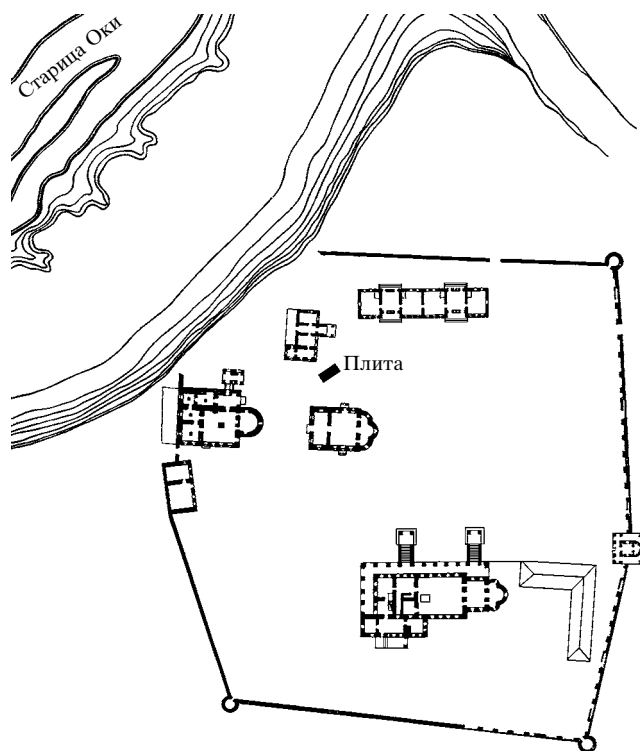

Рис. 1. Схематический план Солотчинского монастыря с указанием места находки плиты.

архимандриты (начиная с архимандрита Ефрема: Македоний, 1886. С. 19). Епископ Коломенский Феодосий (ум. 18.11.1560) находился на покое в Солотчинском монастыре; он дал в него значительный вклад и был там же погребен. Об этом можно узнать из приходно-расходной книги монастыря, где учтены его вклады: «денег 980 р. асс. (*sic!*), жемчугу на 50 р., риз и стихаря камчатых постных, данных в Солотчинский монастырь Феодосием Епископом Коломенским, бывшем на покое в Солотчинском монастыре, скончавшимся и погребенным в оном 1560 года в Ноябре в 18 день, для поминовения по себе и по своих родителей, да на Покров Святей Богородице на надгробную церковь, да на колокол, да на церковь Алексия Чудотворца с трапезою каменною, да на покупку села в дом Пресвятыя Богородицы 400 р., в том же счету и на корм братии» (Иероним, 1891. С. 31; там же: «Сверх того 1560 г. ноября 18 преставился и погребен тут Феодосий епископ Коломенский; дано по нем вкладу на разные потребности 930 руб. Жемчугу к образам на 50 р.»). В той же книге отмечен архимандрит Хрисанф. При нем из церкви украли деньги, вложенные епископом (Македоний, 1886. С. 24); следовательно, он прожил дольше, что подтверждается его упоминанием в судной правой грамоте Ивана III Васильевича на село Чешуево с деревнями 1564 г. (Македоний, 1886. С. 25).

Рис. 2. Надпись на лицевой стороне плиты.

Третье лицо, упомянутое на плите, — князь Олег Иванович Рязанский. Его роль в истории высоко оценивали некоторые исследователи, например Бестужев-Рюмин: «В Олеге нельзя не признать значительной энергии и умения держаться, насколько позволяли силы, между враждующими сильными князьями; стремление противодействовать их усилению составляет характеристическую черту его деятельности» (1872. С. 429). Его имя было почитаемо в народе, он представал значительной и любимой фигурой: традиционно считается, что на «гербе Рязанской губернии ... в золотом поле... в порфире и княжеской короне, с обнаженным мечем в правой руке» изображен именно Олег Рязанский (Внуков, 1862. С. 402). До сих пор широко распространено историческое предание о дипломатической миссии в Рязань преподобного Сергия Радонежского для примирения Олега Рязанского с Дмитрием Донским.

Для нашего сюжета важно, что по основании Солотчинского монастыря (1390 г.?) Олег Иванович Рязанский именно здесь был пострижен епископом Рязанским Феогностом в монашество (под именем Иона), а в 1402 г. — в великую схиму (под именем Иоаким). 5 июня 1402 г., в возрасте около

64 лет, князь-монах скончался и был погребен в основанной им Покровской церкви. Рядом с ним позже похоронили его жену Евфросинью (в схиме Евпраксию, ум. 5.12.1406 г.).

Покровская церковь погибла в конце 1760-х годов или в 1770 г. По одним сведениям, она обрушилась в 1768 г. и была разобрана по указу Святейшего Синода (№ 1955 от 06.10.1769); по другим – упала под гору из-за песчаной осыпи, причем вместе с церковью свалилась к реке гробница с останками Олега Рязанского и его жены Евфросиньи (03.05.1770). По указу Святейшего Синода (04.06.1770) епископ Рязанский Палладий перенес останки Олега и Евфросиньи в соборную ц. Рождества Богородицы (Добролюбов, 1884. С. 122–132), где их положили во вновь устроенную гробницу на левой стороне храма⁴.

Обратимся, наконец, к главному персонажу публикуемой надписи. Прежде всего отметим, что на Руси перезахоронение останков через 150 лет после смерти погребенного – акт исключительный, поскольку традиция не предполагает таких переносов (за исключением мощей святых и высшего духовенства, правителей государства и их семей). Древнерусские плиты с похожими текстами можно пересчитать по пальцам – это памятные надгробия основательниц московского Зачатьевского монастыря; надпись об обретении мощей князя Даниила Московского в Даниловом монастыре; возможно, плита из Ферапонтова с упоминанием мощей Ивщи Ободеава (Беляев, 1993. С. 211–226).

Что же заставило столь внимательно отнестись к останкам схимника Иосифа, в миру Ивана Мирославича? И вообще – кто такой этот зять Олега Рязанского? В истории Рязани, действительно, известен зять князя Олега по имени Иван Мирославич. Он упомянут в жалованных грамотах князя Олега, причем в устойчивой формуле: “поговоря с зятем

⁴ С восточной стороны гробницы были выбита надпись: “зде положены мощи благоверного великого князя Олга Иоановича рязанского во святом крещении нареченнаго Иаковом, а во иноцех Ионою, и великия его супруги княгини Евфросинии, въ монахинях же нареченныя Евпраксии; они старанием и иждивением соорудили Солотчинский монастырь в лето от создания мира 6896, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1390, при бытности на сем месте двух игуменов Василия и Евфимия, напоследок благоверный князь постригся в монахи в сем Солотчинском монастыре, и житие препроводил лет двенадцат, а княгиня Евфросиния жителство имела в девичьем монастыре, неизвестно каком, только сказывают, что она соорудила при Солотчинском селе особый девичий монастырь, и так окончила жизнь свою” (“Чтобы...”, 1995. С. 150, 151). В советское время мощи св. благоверного князя Олега Рязанского находились в фондах Рязанского областного краеведческого музея; 13.07.1990 г. их перенесли в Свято-Иоанно-Богословский монастырь, а летом 1998 г. в сопровождении процессии во главе с архиепископом Рязанским и Касимовским Симоном, особо почитавшим св. князя Олега (Симон, 1998. С. 121) возвращены в исконное место погребения, Солотчинский монастырь. Сейчас рака с мощами Св. Олега Рязанского находится в ц. Св. Духа.

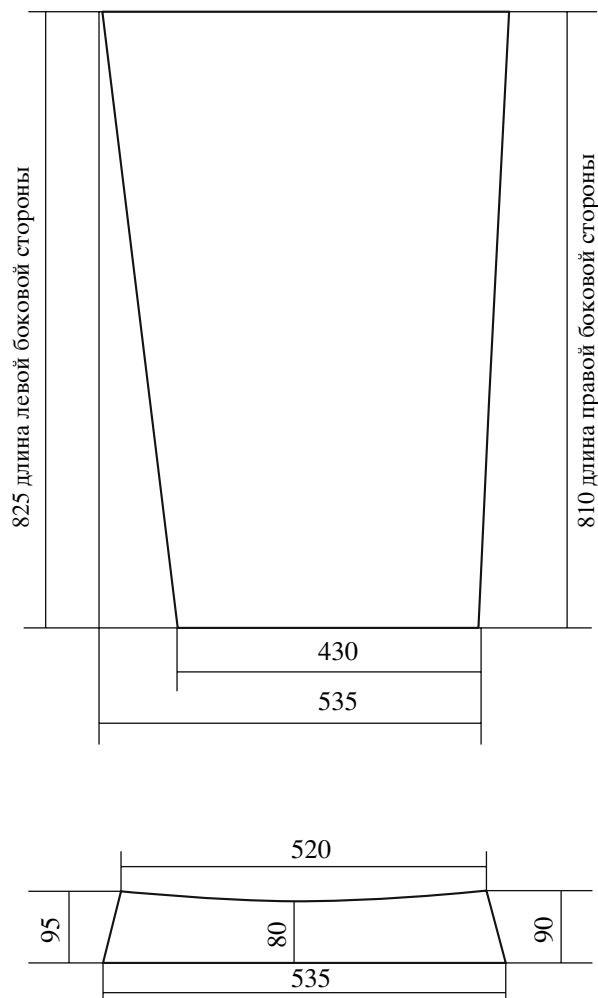

Рис. 3. Обмер плиты.

своим с Иваном Мирославовичем” (Древние..., 1854. С. 4; ср.: “Се язъ Князь Великий Олгъ Иванович, поговоря с зятемъ своимъ съ Иваномъ съ Мирославичемъ...” – Акты..., 1841. С. 23), которая повторяется позже применительно к сыну Ивана Мирославича, Григорию, служившему внуку Олега Рязанского, Ивану Федоровичу: “поговоря с дядею своим с Григорьем с Ивановичем” (Иловайский, 1884. С. 132).

На основе неизвестных нам источников (вероятно, позднесредневековых родословцев) Д.И. Иловайский и вслед за ним авторы XIX в. (Семенов, 1902. С. 163, 395, 397, 400, 404, 405, 487, 554) называют Ивана Мирославича также и другим, неправомерным, именем: “мурза Салахмир”. Сведения о нем, за пределами вышеупомянутых грамот, отрывочны, противоречивы и восходят к ненадежным источникам. Иловайский реконструировал его историю следующим образом: мурза Салахмир, придя с сильной дружиной из Золотой Орды, вступил в службу Рязанского князя и принял кре-

Рис. 4. Верхний торец плиты с обратной вытеской.

щение под именем Иоанн; Олег полюбил его, оказывал ему почет и явное предпочтение перед другими боярами; выдал за него сестру Анастасию и пожаловал ему вотчины Верхдеревъ, Веневу, Растовець, Веркошу, Михайлово поле и Безпуцкий стан (Иловайский, 1884. С. 132). Предполагается, что Олег Иванович опирался на конную дружину мурзы Салахмира в борьбе с Дмитрием Ивановичем Донским и Владимиром Дмитриевичем Пронским (Олег потерпел от них в 1371 г. поражение под Скорнищевым, вынужден был бежать из Переславля Рязанского, но затем изгнал оттуда князя Владимира).

Имя мурзы всегда воспроизводится источниками как близкое к “Салахмир”. В Гербовнике он назван “Солохмир” (в родословной Апраксиных, см.: Цепков, 1994. С. 479); Зимин нашел версию “Салхомир” (1973. С. 124–142; 1988. С. 267). В росписи “500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения” под № 30 стоит “Салахмир” (расшифрован как “Солых эмир”). Откуда взялось славянское отчество Иоанна, Мирославич (Мирославович), не ясно, И.Ж. Рындин (2006. С. 61, 62) полагает, что “отец Салахмира – Мирослав, русский боярин или князь – сам когда-то выехал из Руси в Орду и стал татарским мурзой, что соответствует званию русского боярина”; имя “Салахмир” он раскрывает как “Салах-темир”.

Ни один из архивных источников не называет Салахмира – (С)Хоросмиром, как на плите, но Салахмир документов и (С)Хоросмир надгробия, конечно, одно лицо. Об этом говорит одинаковое крестильное имя и отчество, а также семейная связь с Олегом Рязанским. По-видимому, предание успело исказить исламское имя и оно передается неверно (в родословцах, на плите или в обоих случаях). Ясный пример того, как происходили такие искажения, дает сама плита: отчество Ивана здесь воспроизведено как “Смирославич”, что сразу заставляет вспомнить формулу “поговоря с зятем своимъ съ Иваномъ съ Мирославичемъ...” (Акты..., 1841. С. 23). Мы наблюдаем здесь типичную ошибку чтения, состоящую в неверном делении букв

древнерусского текста на слова: из “съ Мирославичемъ” получилось “съ Иваном Смирославичем”. Как из “Салахмира” получился “Схоросмир” трудно сказать, не обращаясь к подлинникам текстов, но учитывая совпадение в обоих случаях первой буквы и второй половины имени, тут нет ничего невозможного.

Итак, надпись предлагает ряд новых сведений, отсутствующих в актовом материале. Во-первых, приведена иная версия его имени. Затем, мы узнаем, что (С)Хоросмир/Салахмир/Иван принял схиму с именем Иосифа и был погребен в Солотчинском монастыре (там же, где его родич князь Олег с женой Ефросиньей). Наконец, утверждается, что останки Хоросмира лежали вблизи Покровской церкви до 1543 г., когда при отстройке ее в камне были перенесены по просьбе родственников.

Насколько эти сведения достоверны – зависит от атрибуции самой плиты, к которой и перейдем. Ее внешний облик характерен для строительных надписей в честь закладки и освящения храмов, а не надгробий: полное отсутствие декора и даже рамки нетипично для могильных плит, но встречается в мемориальных, особенно второй половины XVII в. (Авдеев, 2005. С. 201). Близки и размеры: плита больше обычной стеной надгробной таблицы, но меньше могильной.

Палеографически надпись трудно поместить внутри XVI в., особенно если речь идет о 1540-х годах: для первой половины века такая “кудрявая” вязь мало характерна. Не исключено, что она более поздняя, в пределах второй половины XVI–XVII в. Лапидарная эпиграфика дает близкие в целом примеры вязи не ранее конца XVI в. – надпись Соломонии Матвеевой жены житника (ум. 1594 г.) из московского Данилова монастыря (Беляев, 1993, фото 8). Следует заметить, что такие декоративные элементы, как “бусины” на мачтах *йоты*, *твердо* и средних мачтах *живете* и *мыслете*; “ромбы” вместо перекладин у *наши* и т.п. свойственны эпитафиям только в обронном исполнении и распространены со второй трети XVII столетия (Беляев, 1993. Плиты: Дм № 9, 1632; СК № 3,

1640 г.; Бм № 27, 1538 г.; ВПм № 41, 1643 г.; ВПм № 42, 1644 г.; Русское..., 2006. Плиты: СВ-6, 1658 г. С. 40. Ил. 9 и Зм-21, середина XVII в.; С. 49. Ил. 8). Для надгробий того же времени характерны тройные отточия, завершающие текст (Беляев, 1993. Плиты: ВПм № 41 и 45). Растительные виньетки распространяются с конца XVII – первой трети XVIII в. (Беляев, 1993. Плита СК № 2; Русское..., 2006. С. 237. Ил. 54 (1693 г.); С. 238; Ил. 56 (1696 г.); С. 241. Ил. 60 (1699 г.); С. 242. Ил. 61 (1701 г.); С. 243. Ил. 63 (1725 г.) – все эти плиты из Кирилло-Белозерского монастыря).

Отметим, что в надписи есть три случая дробления (для сочетания *ни*), в вещевой палеографии до XVII в. встречающиеся, но крайне редко (см. плиту В.Д. Ушекова (ум. 1551 г.) из московского Зачатьевского монастыря (Русское..., 2006. Цв. ил. VI, Зм-3). Вытянутые над строкой и замысловато закругленные верхние петли у *веди* и *рицы* встречены только с конца XVII в. (на плитах из Кирилло-Белозерского монастыря 1677 и 1690 гг. и др.; Русское..., 2006. Ил. 45, 50. С. 230, 234). Решительным аргументом в пользу поздней даты можно считать присутствие штабманных букв, таких как шестигранные *он* и *фита*, как будто взятые из “Азбуки” Кариона Истомина и явно копирующие парадную орнаментальную вязь заголовков печатных книг (в лапидарной эпиграфике аналогов не найдено).

Хотя полностью исключить принадлежность плиты XVI веку нельзя, эти точные аналоги в надписях второй половины XVII и архаизирующих написаниях начала XVIII в. говорят о ее позднем, по отношению к событию, происхождении. Текстологический анализ также показывает, что составители надписи уже пользовались каким-то документом (запись в синодике, кормовой книге и т.п.) или копировали надпись с более ранней доски. Интерес к предкам, построению генеалогии, в целом характерный для позднего средневековья, во второй половине XVII в., как известно, вспыхнул с особой силой. Память о прошлом все чаще материализуют в специальных текстах: составляют мемориальные записи о давно прошедших событиях; усложняют надписи надгробий; выносят на них литературные эпитафии и т.п. Именно к концу XVII в. становятся более многочисленными тексты с описаниями перезахоронений в связи с постройкой новых церквей. Пример – пространная “летопись” о дочери Ивана Грозного, Анны, умершей в 1550 и перезахороненной в 1685 г. в подклете собора Новодевичьего монастыря “в прежней каменной гробнице и с надписанной прежнею доской... под алтарем” (Трубникова, 1991. С. 121. Прим. 4). Поэтому стремление семей, возводивших себя к известному из документов Ивану Мирославицу, увековечить память о переносе его останков, напомнить о его связи с почитаемым монастырем и утвердить этим свой статус – не вызывает особого удивления.

Ссылка в тексте на просьбу “родственников” особенно интересна, но, к сожалению, они упомянуты только обобщенно. От Хоросмира/Салахмира выводили род многие дворяне Рязанской губернии и всей России: Вердеревские, Апраксины, Апраксины-Вердеревские, Ханьковы, Крюковы (Савелов, 1900. С. 373), Шишкины, Дувановы, Ратаевы, Пороватые. Именно они в значительной степени составили верхушку рязанского боярства (Цепков, 2006. С. 43). Сколько известно, у Салахмира был только один сын, Григорий Иванович, у которого в свою очередь четверо сыновей (Михаил, Григорий, Иван, Константин)⁵. Григорий Григорьевич стал родоначальником рода Вердеревских. От представителей следующего (четвертого) поколения, Андрея Ивановича Апраксы и Тимофея Константиновича Ханька, пошли Апраксины, Апраксины-Вердеревские и Ханьковы, продолжавшие жить в Рязанском княжестве. Просить в 1540-х годах о переносе останков правнуки Салахмира, конечно, уже не могли – разве что кто-то из их детей и внуков, пра-правнуков или пра-пра-правнуков Салахмира.

Напомнить о своем происхождении от выходца из Орды считалось не менее престижным, и о выездах ордынцев на службу к русским князьям в конце XIV в. родословцы упоминают достаточно часто. Считалось, что к Олегу Рязанскому пришел из Золотой Орды на службу брат Салахмира, Едухан по прозвищу Сильнохитр (Савелов, 1900. С. 373; Цепков, 1994. С. 479), в крещении нареченный Андреем. От Едухана шел дворянский род Хитрово; его вотчиной было рязанское село Храпово. То, что брат Салахмира, Едухан, носил титул хана, свидетельствует, что он по происхождению был Чингизидом; Чингизидом мог быть и его брат Салахмир (Урусов, 1993. С. 49). Согласно монгольской традиции ханом Золотой Орды мог быть только Чингизид; монгол иного происхождения мог стать эмиром, темником или беком; так, эмирами были Мамай и Тимур (Жевняк, 2000. С. 209).

К выехавшему из Большой Орды к Федору Ольговичу Рязанскому Мурзе-Батуру (в крещении Мефодию) возводил происхождение дворянский род Петрово-Соловово (сын мурзы, Глеб, был у рязанского князя Ивана Федоровича в боярах: Савелов, 1900. С. 373). От Кичибея, выехавшего из Большой Орды к Федору Ольговичу (в крещении Василий или Селиван), считали происхождение Коробьины (Савелов, 1900. С. 373, 374). От выехавшего к князю Олегу Рязанскому из Золотой Орды Таптыка (в крещении Даниил) происходят Таптыковы (его сыновья Давыд и Федор Данило-

⁵ Описывая генеалогию первых поколений рода Салахмира, часто делают ошибки: в биографическом указателе рода Апраксиных у Салахмира указаны три сына: Григорий, Иван и Михаил, а сыном Ивана, внуком Салахмира, назван Андрей Иванович Апракса – родоначальник дворянского рода Апраксиных (см.: www.hrono.ru).

вичи служили у князя Федора Олеговича в боярах: Савелов, 1900. С. 374; Цепков, 2006. С. 480). Род Мертвого произошел от царевича Золотой Орды Благодена, выехавшего к Олегу Рязанскому (Савелов, 1900. С. 374). Потомки Благодена также назывались этим именем, один из них умер во времена Ивана Грозного, и царь повелел сирот называть детьми Мертвого. Неблагозвучная фамилия держалась несколько столетий и лишь в начале XIX в. с разрешения царя изменена на Мертвого (Гудков, Гудкова, 1991. С. 28).

Олег Рязанский явно пользовался известностью и уважением в Орде. Выезд оттуда представителей знати на Русь усилился в период “замятни” и правления эмира Мамая: Чингизиды постоянно сменяли друг друга на престоле, что вызывало у ордынской знати серьезные опасения за жизнь свою и близких. Поступление на службу к русским князьям, даже с переходом в православие, стало для многих желанным исходом. Отдаленное эхо этих событий XIV в. – надпись на плите из Солотчинского монастыря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841.
- Бестужев-Рюмин К. Русская история. Т. I. СПб., 1872.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М., 1993.
- Внуков П.М. Могила схимонаха Ионы (В. князя рязанского Олега Иоанновича) в Солотчинском монастыре // Странник. 1862. № 9.
- Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа, 1991.
- Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. I. За-райск, 1884.
- Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А.И. Пискаревым. СПб., 1854.
- Иероним. Дополнительные о Рязанской епархии сведения. Рязань, 1891.
- Иловыйский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1884.
- Жевняк А.В. Хроника Руси и Рязанского княжества. Рязань, 2000.
- Зимин А.А. Феодалная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. // История СССР. 1973. № 3.
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV в. – первой трети XVI в. М., 1988.
- Македоний. Солотчинский монастырь. Историческое описание Солотчинского монастыря // Календарь Рязанской губернии на 1886 год. Рязань, 1886.
- Михайловский Е., Ильенко И. Рязань. Касимов. М., 1969.
- Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду / Ред. Л.А. Беляев. Вып. 1. М., 2006.
- Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 1. Абаза-Бюллеры // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10. Рязань, 2006.
- Савелов Л. Древние Рязанские дворянские роды, коих гербы помещены в первых 10 тт. Общего Гербовника // Тр. Рязанской Ученой Архивной Комиссии. 1899. Т. XIV. Вып. 3. Рязань, 1900.
- Семенов В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. Среднерусская черноземная область. СПб., 1902.
- Симон, архиепископ Рязанский и Касимовский. Труды, Послания, Слова и Речи. Рязань, 1998.
- Трубникова О.А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е годы XVI в. – 30-е годы XX в.) // Московский некрополь. История, археология, искусство, охрана. М., 1991.
- Урусов К.С.-Б. К истории рода Урусовых. М., 1993.
- Цепков А.И. Материалы к истории рязанского боярства // “И были полки Ольговы...” М., 1994.
- Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. Т. I. М., 2006.
- “Чтобы не престала память родителей наших и наша, свеча не погасла”. Изборник: были и предания Рязанского края. Рязань, 1995.

Memorial stone of Ivan Miroslavich (Murza Khorosmir) at the Solotcha monastery near Ryazan

Yu. V. Geras'kin, V. P. Nagornov

Summary

The article tells of a stone slab found on the territory of the Solotcha monastery of the Nativity of the Blessed Virgin (Solotcha village near Ryazan). The inscription on the slab reads that the body of Boyar Ivan Miroslavich was re-interred at the request of his relatives during the construction of the Church of the Protection of the Blessed Virgin at the Solotcha monastery. In the 1370-s the Boyar was known as Murza Salakhmir, a native of the Golden Horde and son-in-law of Oleg Ivanovich, Prince of Ryazan, and was baptized as Ivan. Salakhmir received substantial gifts of land from the Prince, and many families of the Russian nobility descend from him. The inscription on the slab gives his name as Khorosmir, which differs from the version in written sources; it also says that he took the schema and was buried, together with his relative, Oleg of Ryazan, and the latter's wife Yefrosinia in the Solotcha monastery which they had founded. Paleographical data makes it possible to date the memorial slab to the end of the 15th–16th cc.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

К 60-ЛЕТИЮ Л.А. БЕЛЯЕВА

© 2008 г. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Н. А. Кренке

Институт археологии РАН, Москва

17 марта 2008 г. исполнилось 60 лет главному редактору журнала “Российская археология”, доктору исторических наук, заведующему сектором археологии Москвы ИА РАН, Леониду Андреевичу Беляеву. Л.А. Беляев широко известен как один из ведущих отечественных специалистов по средневековой археологии и древнерусской архитектуре, как первооткрыватель многих новых направлений в исследовании культуры средневековья, без работ которого невозможно представить историографию христианских древностей, позднесредневекового русского города, московских храмов и монастырей, культурных связей средневекового Запада и Востока. Как ученый он сочетает в себе широкого эрудита, обладающего обширными познаниями в различных областях археологии и истории искусства, и увлеченного полевого исследователя: его раскопки сделали возможным новое, более точное прочтение истории многих выдающихся памятников средневекового зодчества и градостроительства. В качестве главного редактора “Российской археологии” Леонид Андреевич много делает для развития и обновления журнала как центрального периодического издания по археологии в России, задающего высокие стандарты обсуждения фундаментальных проблем современной археологической науки.

Л.А. Беляев – москвич, выпускник исторического факультета МГУ. Годы обучения на кафедре археологии (1967–1971) и в ее аспирантуре (1971–1974) дали ему, как и многим другим археологам его поколения, возможность, участвуя в работе различных экспедиций, познакомиться с разнообразием археологических памятников и культур на территории СССР, приобщиться к исследованию древностей Средней Азии, Крыма и Европейской России и определить главное направление собственных научных интересов – архитектурную археологию и изучение религиозных, прежде всего христианских, древностей. Его первая статья, изданная в аспирантском сборнике МГУ, была посвящена знакам и клеймам на древнерусских кирпичах. В 1974 г. на кафедре археологии Л.А. Беляев защитил кандидатскую диссертацию “Архитектура Древней Руси X – начала XIII в. по данным археологии”. Его научным руководителем был академик Б.А. Рыбаков.

Последующие полтора десятилетия исследовательской работы Л.А. Беляева (1976–1989) оказались связаны с институтом “Спецпроектреставрация”, где он, отвечая за археологическое сопровождение реставрационных проектов, прошел все служебные ступени от научного сотрудника до руководителя мастерской. Это было время, когда реставрационные работы на памятниках древнерусского зодчества получили необычайно широкий размах и сопровождались серьезными натурными исследованиями. Перед Л.А. Беляевым открылась счастливая возможность развернуть раскопки на территории выдающихся архитектурных комплексов, потенциал которых как археологических памятников в то время недооценивался. Им были проведены исследования в Даниловом, Высокопетровском и Богоявленском монастырях в Москве, на памятниках села Коломенского, в Спасском монастыре на Усть-Угры, в Ферапонтовом монастыре, на архитектурных па-

мятников Болгарского городища и Старого Крыма. В ходе этих работ, в процессе общения с архитекторами, реставраторами и историками формировались новые методы комплексного изучения сложных историко-архитектурных и археологических комплексов и постепенно осознавалась важность археологии для изучения памятников позднего средневековья и раннего нового времени. Собранные в эти годы материалы стали основой для многих последующих трудов исследователя.

Перейдя в 1989 г. на работу в Институт археологии АН СССР, Л.А. Беляев сосредоточился на крупных научных проблемах, обобщая наблюдения, сделанные в ходе натурных архитектурно-археологических работ. В монографии «Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV в.) по данным археологии» (1994) исследователь поставил проблему не только реконструкции конкретной истории ранних монастырей на основе археологических материалов, но и формирования представления о монастыре как об особом типе археологического памятника, раскрытия функций монастырей и характера монастырской жизни через материальные остатки, сохраняющиеся в культурном слое. В этой книге впервые проанализирована роль монастырей в социально-экономической, политической и духовной жизни ранней Москвы, принципы их размещения, первоначальная история земельных участков, на которых возникли обители, особенности их материально-художественной культуры.

Книга Л.А. Беляева о монастырях как архитектурно-археологических комплексах имела новаторский характер. Традиционная рубрикация памятников средневековой русской археологии включала города, городища, селища, могильники, наконец, храмы, но монастыри при этом оставались как бы вынесенными за скобки. Между тем структурообразующая роль монастырей в средневековом обществе совершенно очевидна. Работы Л.А. Беляева положили начало новому этапу развития русской церковной археологии, заполнили важный пробел в архитектурно-археологических исследованиях. Труд о московских монастырях в 1997 г. был удостоен премии памяти митрополита Макария (Булгакова). Древнейшие монастыри Москвы стали темой докторской диссертации Л.А. Беляева, защищенной в 1994 г.

Другим направлением исследований Л.А. Беляева стало изучение средневековых надгробий как особой категории артефактов, раскрывающих существенные черты культуры Московской Руси, ее ремесленно-художественных традиций и религиозных представлений. Интерес к белокаменным надгробиям долгое время был весьма ограниченным – фиксировались и исследовались лишь надписи на плитах. Л.А. Беляев не только составил первый каталог выявленных к началу

Ферапонтово. 1982. На обследовании памятников архитектуры.

1990-х годов белокаменных плит Москвы и Северо-Восточной Руси, включающий сведения более чем о 1000 памятников. Он предложил новые подходы к их изучению, сочетающие формально-типологический анализ плит; текстуальный и палеографический анализ эпиграфики; археологическое датирование, основанное на стратиграфическом положении надгробий в некрополях. Происхождение и история развития белокаменных надгробий Московской Руси подробно рассмотрены в монографии «Русское средневековое надгробие» (1996). Выявленные в ней культурно-исторические и художественные связи между древнерусскими надгробиями и погребальными памятниками различных областей средневековой Европы стали подлинным открытием в области иконографического анализа. Непосредственным продолжением исследования и публикации корпуса памятников стал вышедший 10 лет спустя новый том материалов к своду надгробий, включающий сведения более чем о 500 белокаменных плитах и валунных надгробиях из некрополей Москвы, городов и монастырей центральных областей Руси, Русского Севера. К составлению этого каталога Л.А. Беляев привлек более двух десятков исследователей из различных научных учреждений.

Возглавив в 1993 г. сектор археологии Москвы, Л.А. Беляев много сделал как для организации спасательных раскопок в бурно развивающемся городе, так и для изучения археологических древностей Москвы и ее ближайшей округи как особого культурного феномена, исключительно важного в общем контексте российской истории и археологии. В условиях стремительного строительства, затрагивающего исторический центр города, проблема сохранения археологического наследия стоит в Москве значительно острее, чем во многих других городах. Знаковым событием в развитии охранных раскопок стали исследования остатков снесенного в 1936 г. Казанского собора и окружающих его участков Красной площади. Уже привыкнув к восстановленному зданию Казанского собора, мы редко вспоминаем, что основой для его воссоздания стали тщательные архитектурно-археологические исследования, выполненные в 1989–1992 гг. под руководством Л.А. Беляева. Итоги историко-археологического изучения Казанского собора подведены в небольшой книге “Казанский собор на Красной площади” (1993), написанной Л.А. Беляевым совместно с Г.А. Павловичем. В 1990–2000-х годах сектор археологии Москвы, выполняя часть общего объема спасательных работ, развернувшихся в столице, неизменно получал яркие материалы, становившиеся ключом к решению проблем московской археологии. Примером таких проектов можно считать новые раскопки в Коломенском, на территории Данилова и других монастырей (особенно широкие исследования в Зачатьевском монастыре, при которых вскрыты остатки четырех каменных храмов, жилые постройки XIV–XVI вв. и некрополь) и только что завершившиеся исследования на территории Подола Московского Кремля, где Л.А. Беляев работал вместе с коллегами из Института археологии РАН и Музеев Московского Кремля. Материалы новейших раскопок в Москве, проведенных сотрудниками сектора археологии Москвы и самим Л.А. Беляевым, стали важным источником для создания обобщающих трудов по истории города (“История Москвы с древнейших времен до наших дней”, 1997).

Именно Л.А. Беляеву принадлежит честь открытия древнейшего пока славянского поселения на территории Москвы (в Даниловом монастыре) и одного из древнейших белокаменных храмов (в Богоявленском монастыре). Оперативное введение этих и других новых материалов в научный оборот фактически подняло московскую археологию на новый уровень. Раскопки в Москве требуют соединенных усилий трех базовых наук — археологии, истории и архитектуры. Пока лишь Л.А. Беляеву удается сочетать их в одном лице на одинаково высоком уровне компетентности, и в этом “секрет” его неизменной удачи. “Путь к

звездам” московской археологии пролегает через тернии позднейших наслоений, причем результат достигается не только кропотливым трудом, но и верной постановкой исследовательской задачи. Ясность в ответах на вопрос “что и для чего мы делаем?”, разносторонность, взгляд на проблему в широком общекультурном, общемировом контексте, ну и, конечно, интуиция — вот творческий почерк Л.А. Беляева.

Деятельность Л.А. Беляева как руководителя сектора не сводится только к его собственным высокопрофессиональным исследованиям. Он активно поддерживает перспективные работы своих сотрудников по изучению исторической географии, топографии, ландшафтоведения на территории Москвы и ближнего Подмосковья; их результаты широко публикуются. Сотрудниками сектора составлены подробные археологические карты города, внесен весомый вклад в вещеведение: в изучение керамики, строительных материалов, текстиля, цветного металла.

Как и в начале своей деятельности, Л.А. Беляев не ограничивается изучением исключительно московских памятников. В 1999–2004 гг. он принял исследование руин Борисоглебского собора Старой Рязани. Памятник был серьезно поврежден несовершенными раскопками первой половины XIX в., постройкой нового храма в начале XX в.; его раскапывали в 1926 г. В.А. Городцов, а в послевоенное время — А.Л. Монгайт. Казалось, раскопки собора не обещали быть результативными. Однако Л.А. Беляеву удалось вскрыть значительные участки сохранной кладки, найти ряд склепов и погребений, а главное — внести существенные поправки в представления о плане и датировке сооружения. В настоящее время под руководством Л.А. Беляева начаты значительные работы в Костроме.

Научные интересы Л.А. Беляева ни в коей мере не ограничены позднесредневековыми русскими древностями. Стремление проследить истоки культурных и художественных традиций, складывавшихся в средневековой Руси, раскрыть общий контекст становления древнерусской христианской культуры естественным образом подвело ученого к исследованию раннехристианских памятников, церковных древностей Востока и Запада, религиозной археологии дохристианского периода в Средиземноморье. В 1994–1996 гг. Л.А. Беляев совместно с А.В. Чернецовым выступили в Российском православном университете с курсом лекций “Русские церковные древности (археология христианских древностей средневековой Руси)”. В 1996 г. ими было опубликовано учебно-методическое пособие, первое в своем роде в нашей стране после весьма длительного перерыва. Пособие привлекло внимание отече-

ственных и зарубежных специалистов и было опубликовано в переводе на японский язык.

Программа изучения христианских памятников как единой культурной зоны была в полной мере реализована в книге «Христианские древности. Введение в сравнительное изучение» (1998), представляющей обзор истории открытия и исследования древностей христианской цивилизации от ее зарождения в эпоху поздней античности до позднесредневекового периода в Европе, Азии и Северной Африке. Эта яркая книга совмещает рассказ об изучении отдельных памятников, сведения о важнейших архитектурных и археологических объектах христианской культуры и категориях христианских древностей и, наконец, обзор основных проблем христианской археологии как особой научной дисциплины.

Л.А. Беляев свободно ориентируется в новейших тенденциях современной зарубежной науки, поддерживает постоянные контакты с археологами и историками западноевропейских стран и США. Существенную роль в развитии этих контактов и в расширении научного кругозора исследователя сыграли многочисленные и долгосрочные лекционные и исследовательские поездки в лучшие университеты США, Италии и Германии (1994 г. – Стэнфордский университет, Калифорния; 1996–1997 гг. – Институт развития науки, Принстон, Нью-Джерси; 1998 г. – фонд Рокфеллера, Белладжio, Италия; 2000 г. – фонд Больяско, Генуя, Италия; 2000–2001 гг. – Университет Чикаго; 2002–2003 гг. – Гуманитарный институт, Мэдисон, Висконсин; 2003 г. – Исследовательский институт Гетти, Лос-Анджелес, и др.). Справедливо полагая, что ключевые научные труды зарубежных авторов должны публиковаться в русском переводе, Л.А. Беляев сам активно претворяет эту идею в жизнь. Среди наиболее значительных научных работ англоязычных исследователей, опубликованных в переводе и по инициативе Л.А. Беляева, – классический труд Р. Краутхаймера (2000) и фундаментальная монография Р. Оустерхута «Византийские строители» (2005).

Наконец, Л.А. Беляев не пренебрегает научно-популярным жанром. Очень важной стороной его деятельности является работа в жанре исторических эссе и обзоров московской археологии, публикуемых в зарубежных изданиях. Ему принадлежат увлекательные, богато иллюстрированные книги, адресованные старшеклассникам, и живо написанные пособия для студентов («Московская Русь: от средневековья к Новому времени» (2005); «Московская Русь» (2001)). Он обладает редким умением сочетать в одной работе просветительскую и исследовательскую направленность: многие статьи для «Православной энциклопедии» (которых им написано уже более 100) – не что иное, как готовый материал для будущих монографий. Его усилия в области просве-

щения высоко оценены Церковью: в 2004 г. Л.А. Беляев награжден орденом митрополита Макария, в 2007 г. – орденом Даниила, князя Московского.

В 2001 г. Л.А. Беляев был утвержден главным редактором журнала «Российская археология». Работа в журнале хорошо знакома Леониду Андреевичу; с 1989 г. он – член редколлегии «Российской археологии», а с 1991 г. – заместитель главного редактора. Сохраняя общую концепцию журнала как фундаментального периодического издания по археологии, продолжая сложившиеся традиции работы редколлегии, Л.А. Беляев принес в журнал немало нового, способствуя привлечению новых авторов, расширению тематики публикаций, обсуждению разнообразных аспектов взаимоотношений археологической науки и общества, современных вызовов и угроз археологическому наследию. Как разносторонний ученый, хорошо ориентирующийся в различных областях археологической науки, Л.А. Беляев сумел обеспечить в журнале свойственную ему полноту хронологического и географического охвата древности, поступление статей, представляющих результаты наиболее значимых археологических проектов последних лет. К числу его достижений следует отнести подготовку ряда тематических выпусков журнала и серии номеров, составленных к пятидесятилетию «Российской археологии».

Все, кто работал с Леонидом Андреевичем на раскопках, был участником общих научных проектов, встречался с ним на конференциях и семинарах, смогли оценить его замечательные человеческие качества, доброжелательность, удивительную легкость в общении, способность находить общий язык с разными людьми и притягивать к себе молодежь. Гостеприимная квартира Беляевых на Цветном бульваре была (и остается) местом шумных археологических собраний, открытым для друзей и коллег.

Л.А. Беляев встречает свое шестидесятилетие в расцвете творческих сил, полный разнообразных научных планов. Пожелаем ему здоровья, удачи, новых книг и новых полевых открытий.

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Л.А. БЕЛЯЕВА¹

1. Проведение археологических исследований при реставрации памятников истории и культуры. М., 1986 (2-е изд. 1991). 50 с.
2. Белокаменное надгробие из Ферапонтова монастыря (К вопросу о семантике изображений на белокаменных надгробиях XIV–XVI вв.) // Ферапонтовский сб. Вып. 2. М., 1988. С. 145–147.
3. Реставрация архитектурных памятников. Учебное пособие для вузов. М., 1988 (2-е изд. 2000). 288 с. (в со-

¹ Общий список работ Л.А. Беляева насчитывает более 350 названий и будет опубликован в специальном сборнике.

- авт. с С.С. Подъяпольским, Г.В. Бессоновым, Т.М. Постниковой).
4. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // *Московская керамика. Новые данные по хронологии*. М., 1991. С. 43–49.
5. Der Grabstein Caspars von Elverfeld und der älteste Ausländerfriedhof in Moskau // *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. Bd. 39. Hft. 4. Stuttgart, 1991. S. 481–494.
6. Археология церкви Вознесения в Коломенском // *Коломенское. Матер. и исслед. Вып. 3*. М., 1992. С. 34–55.
7. Казанский собор на Красной площади. М., 1993 (в соавт. с Г.А. Павловичем). 98 с.
8. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994. (2-е изд. 2000). 458 с.
9. О природе интереса к древностям // *Родина*. 1994. № 2. С. 74–76.
10. Русские церковные древности: археология христианских древностей средневековой Руси. М., 1996 (в соавт. с А.В. Чернецовым). 88 с.
11. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. 568 с.
12. История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1997. (в соавт. с Н.А. Кренке, С.З. Черновым и др.). 400 с., карты.
13. *Mystery Monasteries* // *Archaeology*. № 4. N.Y., 1997. P. 36–38.
14. Moscow: a Modern City or an Archaeological Monument? // *Athena Review*. № 3. Naples (FL), 1997. P. 85–93.
15. Московские литики // *Культура славян и Русь*. М., 1998. С. 316–327.
16. Некоторые проблемы топографии средневекового русского города // *Сакральная топография средневекового города*. М., 1998. С. 13–22 (в соавт. с А.Л. Баталовым).
17. “Семихолмная Москва” как исторический феномен // *Сакральная топография средневекового города*. М., 1998. С. 64–73.
18. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М., 1998. (2-е изд. 2000). 576 с.
19. Russian pilgrims art from the 12th to the 15th c. – archaeological elements and problems of Romanesque influence // *J. British Archaeological Association*. V. 151. L., 1998. P. 203–219.
20. Древняя Русь в кругу средневековых цивилизаций и культур // *Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования*. М., 1999. С. 40–47.
21. *Archaeology: Near Eastern monasteries; Russian Monasteries* // *Monastic Encyclopedia*. Chicago, 1999. P. 44–52.
22. The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture // *Muqarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*. V. 16. Leiden, 1999. P. 97–124 (в соавт. с А.А. Чернецовым).
23. Архитектурный образ как реликвия. О древнерусских каменных иконках с изображением “Гроба Господня” // *Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира*. М., 2000. С. 78–81.
24. Гроб Господень и реликвии Святой Земли // *Христианские реликвии в Московском Кремле*. М., 2000. С. 94–110.
25. Общеευропейские элементы в древнерусском искусстве X–XIII вв. // *Из истории русской культуры*. Т. I. Древняя Русь. М., 2000. С. 732–755.
26. *Краутхаймер Р.* Три христианские столицы: топография и политика. СПб.; М., 2000. (Послесловие. Пер. в соавт. с А. Беляевой). 90 с.
27. Археология. Археология библейская (в соавт. С. Н.Я. Мерпертом). Археология христианская // *Православная энциклопедия*. Т. III. М., 2001. С. 503–528.
28. Малый городок как памятник архитектуры и строительства Великого Болгара XIV в. // *Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство*. М., 2001. С. 261–284.
29. *Московская Русь*. М., 2001. 50 с.
30. Элемент романской иконографии XII в. в древнерусских изображениях Гроба Господня // *Древнерусское искусство*. СПб., 2002. С. 539–553.
31. Пространство как реликвия: о назначении и символике каменных иконок Гроба Господня // *Восточнохристианские реликвии*. М., 2003. С. 482–512.
32. Византизм: Византийская археология // *Православная энциклопедия*. Т. VIII. М., 2004. С. 232–252.
33. “Индекс христианского искусства” и новгородские каменные иконки // *РА*. 2004. № 1. С. 55–63.
34. Борисоглебский храм: новые исследования (1999–2004 гг.) // *Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы*. М., 2005. С. 105–153.
35. География библейская // *Православная энциклопедия*. Т. X. М., 2005. С. 649–652.
36. Деревянный дворец конца XVII в. в Коломенском: опыт археологической локализации // *РА*. 2005. № 4. С. 176–188 (в соавт. с Н.А. Кренке).
37. Крепости и вооружение Восточной Европы. Альбом. М., 2005. 192 с.
38. *Московская Русь: от Средневековья к Новому времени*. М., 2005. 256 с.
39. Сакральная топография Москвы: храм–кладбище–город. К постановке вопроса // *Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты*. Т. III. М., 2005. С. 29–41.
40. От Ивана III к Петру Великому: “московская культурная модель” в эпоху ранней глобализации (архитектурно-археологическая версия) // *Вестн. истории, литературы, искусства*. Т. I. М., 2005. С. 185–197.
41. *Оустерхаут Р.* Византийские строители. Киев; М., 2005 (пер., предисловие, комментарии). 332 с.
42. Гроб Господень (в соавт. с А.Л. Баталовым); Гроба Господня храм в Иерусалиме // *Православная энциклопедия*. Т. XIII. М., 2006. С. 124–148.
43. Маркировка древнерусского кирпича как культурно-историческое явление // *София. Сб. статей к 70-летию А.И. Комеча*. М., 2006. С. 67–88.
44. Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Матер. к своду. Вып. 1. М., 2006. 360 с.
45. “Бачини”: бытовая глазурованная керамика в архитектуре поздневизантийского периода // *РА*. 2007. № 3. С. 133–140.
46. От библейских древностей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства. М., 2007. 392 с. (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ ДЯКОВА ГОРОДИЩА

© 2008 г. Н. А. Кренке, О. С. Румянцева

Институт археологии РАН, Москва

Статья посвящена изучению находок стеклянных бус из раскопок Дьякова городища 1981–1987 гг. Она продолжает серию публикаций материалов этого памятника (Кренке, 1989; 2004; Кренке, Тавлинцева, 2002)¹. Цель нашей работы – ввести в научный оборот собранную в ходе раскопок коллекцию. При этом основной задачей нам представляется хронологический анализ стеклянных изделий и, более широко, рассмотрение хронологии памятника в целом в свете результатов, полученных в ходе исследования данной категории находок.

“Эталонность” Дьякова городища обусловлена мощностью стратифицированных напластований культурного слоя, уникальной для памятников этого типа, а также возможностью сопоставления датировок, определенных по вещам и керамике, с детально разработанной шкалой радиоуглеродных дат, общее число которых превышает 120 (Кренке, Сулержицкий, 2006).

Датирующие возможности изучаемых бус определяются тем, что в рассматриваемое время (вторая половина I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.) производство стеклянных изделий было ограничено центрами Восточного Средиземноморья и ближневосточной Месопотамии, а также провинциально-римскими мастерскими, поэтому на территории лесной зоны они являются южными или юго-западными импортами. Данное обстоятельство позволяет сопоставить датировки рассматриваемых изделий, полученные на основе хронологии и стратиграфии изучаемого нами городища, с находками бус из Центральной и юга Восточной Европы. При этом возможно, что в различных регионах одни и те же типы бус могли бытовать в разные периоды времени. Чтобы проследить динамику их поступления в лесную зону, необходимо привлечение аналогий с сопредельных территорий. С этой целью при работе с находками первой половины – середины I тыс. н.э. нами были использованы материалы рязано-окских могильников: Кошибеевского, расположенного в бассейне Цны и отражающего наиболее ранний этап формирования культуры, начиная со второй половины I в. (Ахмедов, Белоцерковская, 1999) и “классических” памятников Среднего Поочья III – первой

половины VII в. (Белоцерковская. В печати). Эти материалы по большей части синхронны поздне-дьяковским.

В последние десятилетия параллельно работы велись в двух направлениях: уточнение хронологии и периодизации древностей рязано-окских могильников (Шитов, 1988; Ахмедов, Белоцерковская, 1998; 1999) и разработка хронологии памятников “дьякова типа” (Дубынин, 1974; Кренке, 1987; Смирнов, 1974; Розенфельдт, 1982; Энговатова, 2004). При этом дьяковская культура изучалась по материалам многочисленных, в том числе стратифицированных, поселений, а рязано-окская – по материалам могильников с погребениями, богатыми инвентарем. Наличие общих элементов в вещевых комплексах двух археологических культур позволяет сопоставить между собой полученные хронологические системы, созданные с использованием разнотипных источников и методов. Начало этой работе положено И.В. Белоцерковской, которая выделила ряд украшений в погребениях рязано-окских могильников, дающих основания для синхронизации дьяковских и рязано-окских древностей (Белоцерковская, 2000).

Хронология бус, разработанная на материалах могильников Среднего Поочья, где они являются самым массовым импортом (Румянцева, 2005; В печати), позволяет привлекать их при работе со стеклянными изделиями, происходящими с городищ дьякова типа.

Площадь раскопов на Дьяковом городище, без учета разреза вала, составила 274 м². План памятника и детальное описание стратиграфии опубликованы (Кренке, 2004; Кренке, Тавлинцева, 2002). Общее число бусин в материалах раскопов 1981–1987 гг. составляет 261 экз., из них – 48 стеклянных, 202 глиняных, 7 бронзовых и 4 костяных. Это количество сопоставимо с размерами коллекций бус с городищ, раскопанных полностью. На Щербинском городище были найдены 41 стеклянная и 31 глиняная бусины (Дубынин, 1974. С. 242), на Троицком – 30 стеклянных и 100 – глиняных (Дубынин, 1970. С. 45, 46).

Стратиграфическое распределение бус представлено на диаграммах 1–3 (рис. 1–3), а также на совмещенном профиле восточных бортов раскопа, на который были спроецированы находки стеклянных изделий (рис. 4), а планиграфическое –

¹ Выражаем благодарность заведующей отделом археологии Музея истории Москвы Т.В. Скоробогатовой.

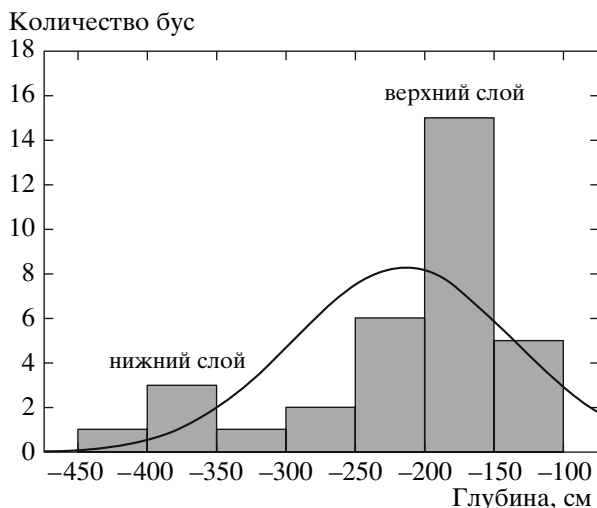

Рис. 1. Диаграмма 1. Стратиграфическое распределение стеклянных бус Дьякова городища.

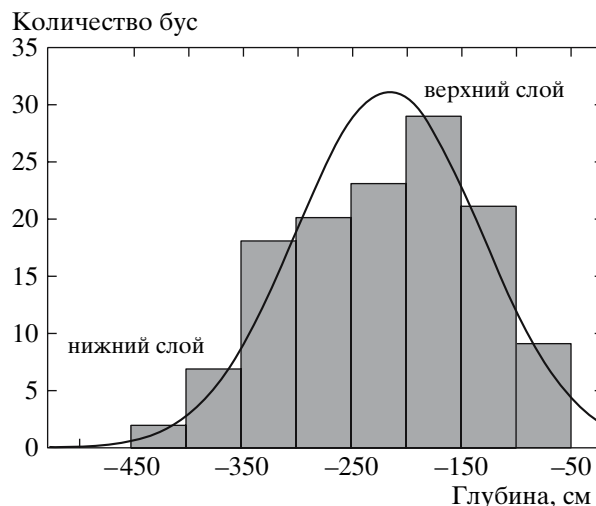

Рис. 2. Диаграмма 2. Стратиграфическое распределение глиняных, костяных и металлических бус Дьякова городища.

на рис. 5. При совмещении профилей учитывалось, что площадка городища имеет слабый уклон к северу, поэтому профили совмещались не по абсолютным отметкам, а по стратиграфическому уровню поверхности погребенного дерна XIX в.

Бусы присутствуют во всех горизонтах культурного слоя, однако их распределение неравномерное. В нижнем слое они представлены единичными находками; количество бус начинает возрастать на уровне –250...–200 см, а максимальное число находок приходится на средний и верхний горизонты верхнего слоя: –200...–150 см (рис. 1, 3). Особенно характерно это для стеклянных изделий (рис. 1; 3). Кроме того, большая часть нестратифицированных находок бус происходит именно из нарушенной перекопами верхней части культурного слоя.

Описание стеклянных бус. Среди стеклянных бус встречены полихромные (3 экз.), монохромные (22 экз.) и золотостеклянные (23 экз.) бусы (рис. 6, 7).

Полихромные изделия представлены находками двух глазчатых (рис. 6, 20, 36) и одной мозаичной бусины (миллефиори) (рис. 6, 21).

Основа глазчатых бус (рис. 6, 20, 36) изготовлена из темно-синего прозрачного стекла; глазки плоские, двуслойные, слоисто-щитковые, белого глухого и темно-синего прозрачного стекла. Изделия тщательно обкатаны, основания канала заглажены. Это не позволяет точно определить технологию изготовления их основы. Скорее всего они выполнены в технике навивки² (Алексеева, 1978. С. 61, 62. Рис. 15, 1, 4).

² Определение технологии изготовления бус из коллекции Дьякова городища проведено по системе З.А. Львовой (1979; 1980).

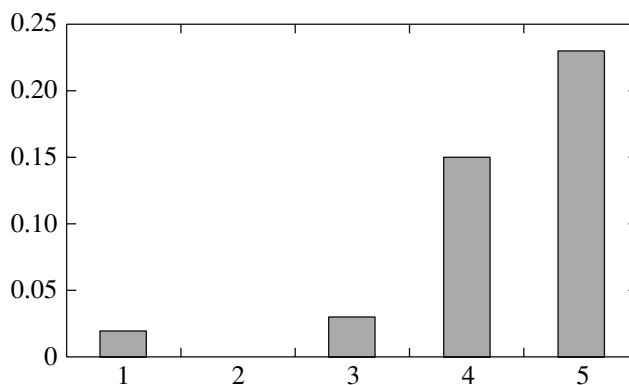
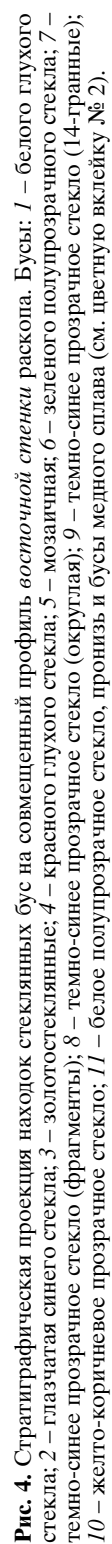

Рис. 3. Диаграмма 3. Концентрация стеклянных бус в культурном слое Дьякова городища (ед./м³). 1 – нижний слой (–350...–400 см); 2 – верхний слой (–260...–310 см); 3 – верхний слой (–210...–260 см); 4 – верхний слой (–160...–210 см); 5 – верхний слой (–110...–160 см).

Цветовую гамму стекла бусины-миллефиори (рис. 6, 21) сложно определить из-за сильной степени иризации. В ней присутствуют элементы белого, синего и бирюзового глухого стекла; один цвет не определяется. Из-за плохой сохранности точно не определяется и технология изготовления основы. Возможно, бусина была выполнена путем однократного обертывания ленты-миллефиори вокруг инструмента или изготовлена методом сварки различных элементов, выполненных в мозаичной технике (Львова, 2000. С. 259, 260).

Практически все золотостеклянные бусы представлены изделиями округлой в поперечном сечении формы, изготовленными из отрезков тянутых трубочек, среди которых: крупные одночастные бусы диаметром 11.5–12 мм (рис. 6, 10, 11); более

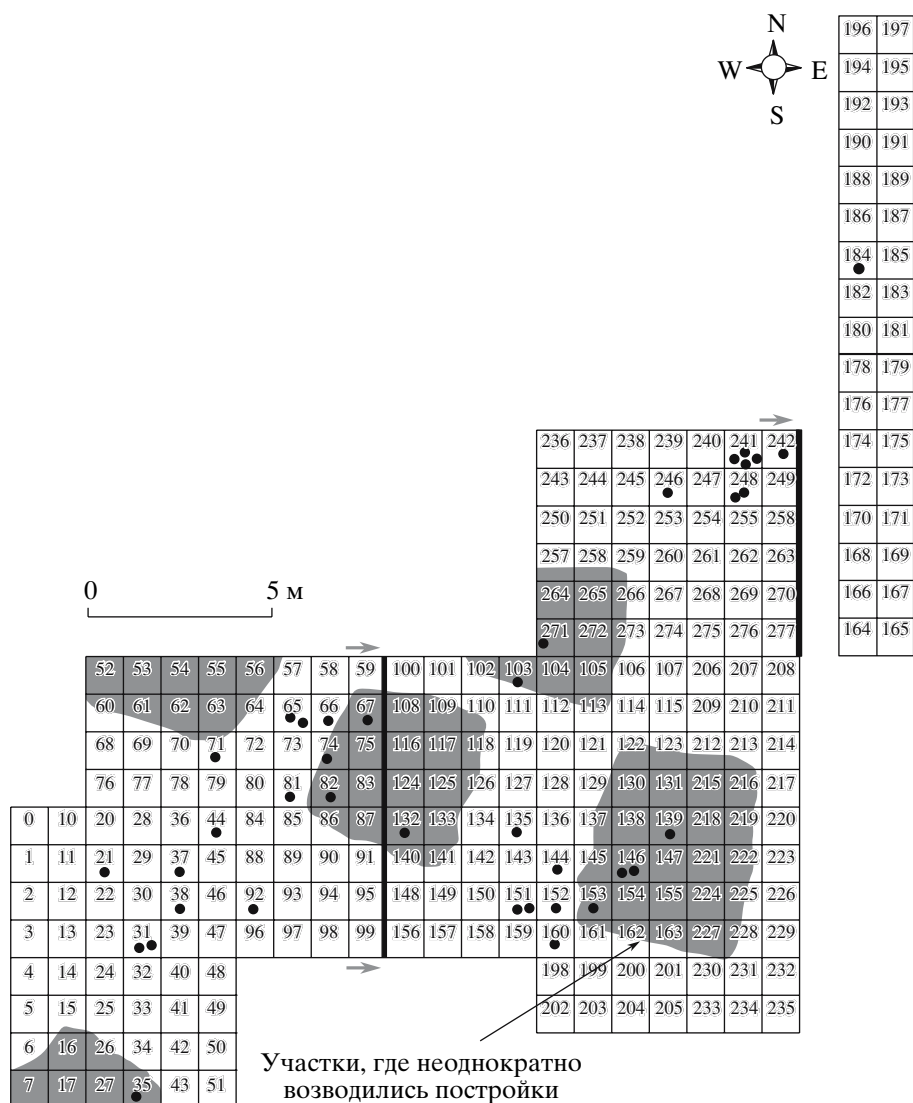

Рис. 5. Планиграфическое распределение стеклянных бус Дьякова городища.

мелкие диаметром 7–8,5 мм (рис. 6, 2, 4, 26); двух- и трехчастные бусы и пронизы и их фрагменты диаметром до 8 мм (рис. 6, 1, 3, 6, 9, 12–17, 30).

Для золотостеклянных бус характерна разная обработка оснований канала. Среди них встречаются как изделия с шейками-закраинами, свидетельствующими об использовании щипцов при делении трубочки на части, так и без технологических признаков. Возможно, в некоторых случаях основания канала были заглажены.

Одна золотостеклянная бусина изготовлена, предположительно, из отрезка тянутой палочки, о чем свидетельствует цилиндрическая форма канала (рис. 7, 17).

Большая часть монохромных изделий имеет округлую в сечении форму. Они представлены: бусами, изготовленными из тянутых палочек: крупной, диаметром 14 мм, бусиной красного глухого

стекла (рис. 6, 19; 7, 5) и более мелкими (диаметром до 10 мм) изделиями темно-синего прозрачного (рис. 7, 2), черного непрозрачного (рис. 7, 1) и белого глухого стекла (рис. 6, 24, 38–41; 7, 12–16). Одной бусине белого глухого стекла (рис. 6, 39; 7, 16) путем обкатки придана цилиндрическая форма.

Некрупными изделиями, изготовленными из тянутых трубочек (до 10 мм в диаметре): а) без следов использования щипцов: белого глухого (рис. 6, 37; 7, 10), красного глухого (рис. 6, 15; 7, 6) и зеленого прозрачного стекла (рис. 6, 32, 33; 7, 8, 9); бусами белого полупрозрачного стекла, найденными в комплекте с бронзовыми спиральной пронизью и бусами (рис. 6, 8); б) со следами использования щипцов: бусиной желто-коричневого прозрачного стекла (рис. 6, 42; 7, 7) и четырехчастной пронизью бесцветного прозрачного стекла (рис. 7, 11).

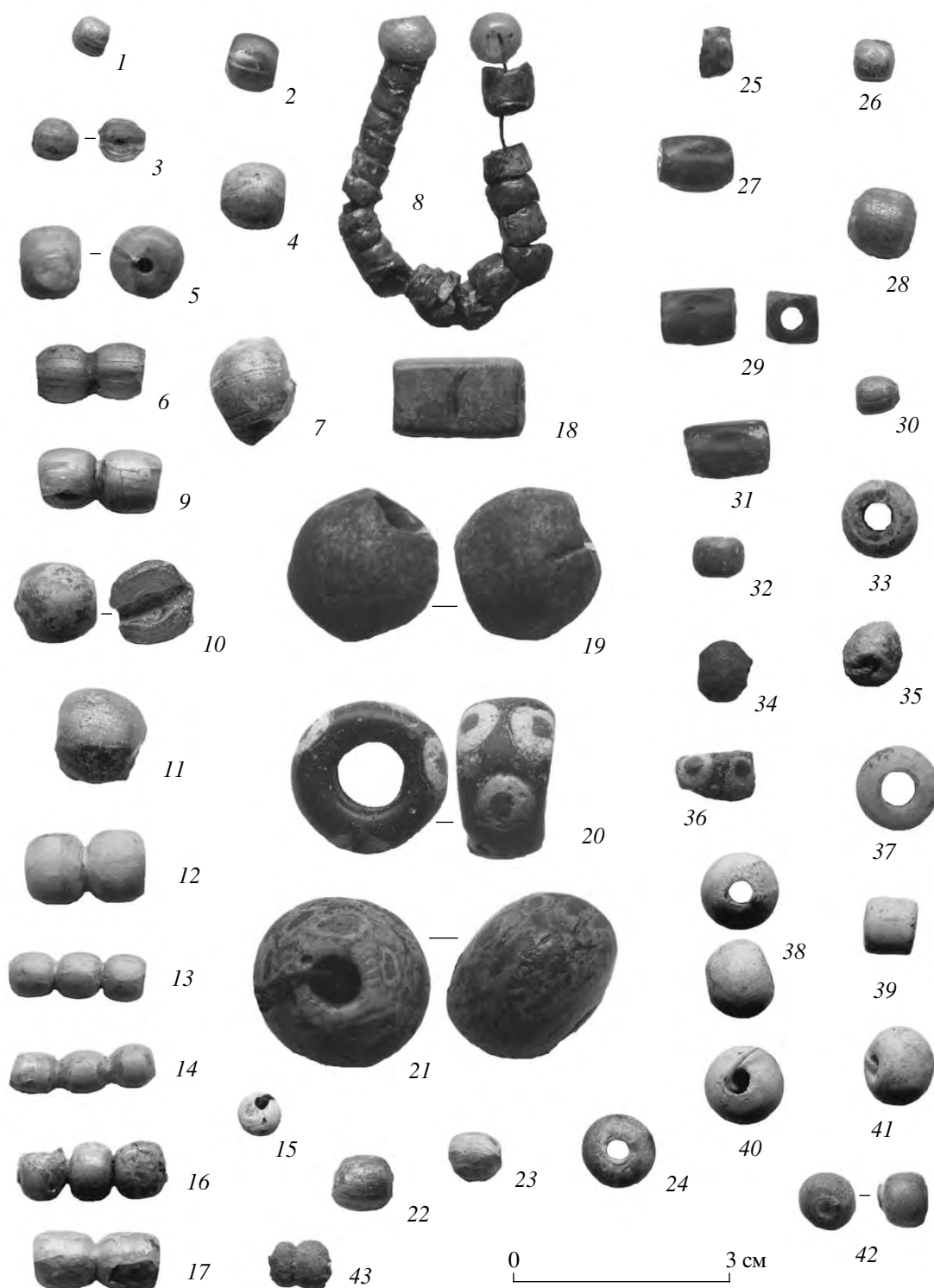

Рис. 6. Фотографии бус из раскопов 1981–1987 гг. на городище Дьяково. Нижний слой: 20 – (82–227); 38 – (82–272); 39 – (82–287); 40 – (82–274); 41 – (82–275). Верхний слой: 1 – (81–65); 2 – (83–450); 5 – (82–93); 7 – (82–120); 8 – (84–717); 9 – (83–423); 10 – (83–274); 12 – (83–494); 14 – (83–343); 15 – (87–1461); 18 – (83–442); 19 – (83–479); 21 – (87–1410); 22 – (82–306); 23 – (82–113); 25 – (87–1446); 27 – (87–1451); 28 – (83–296); 29 – (87–1420); 30 – (81–358); 31 – (87–1460); 33 – (83–328); 34 – (87–1448); 35 – (87–1444); 42 – (81–54); 43 – (83–558). Не стратифицированы: 3 – (84–1121); 4 – (83–585); 6 – (81–33); 11 – (81–247); 13 – (84–728); 16 – (83–45); 17 – (81–153); 24 – (82–366); 26 – (84–843); 32 – (82–25736 – (82–98); 37 – (82–269). 1–7, 9–14, 16, 17, 22, 23, 26, 28, 30 – золотостеклянные; 8 – белое полупрозрачное стекло, пронизь и бусы медного сплава; 15, 18, 19 – красное глухое стекло; 20, 36 – глазчатые, темно-синее прозрачное, белое глухое стекло; 21 – миллефиори; 24, 37, 38–41 – белое глухое стекло; 25, 27–29, 31 – темно-синее прозрачное стекло; 32, 33 – зеленое полупрозрачное стекло; 42 – желто-коричневое прозрачное стекло. 34, 35 – кость (?), 43 – глина (см. цветную вклейку № 1).

Рис. 6

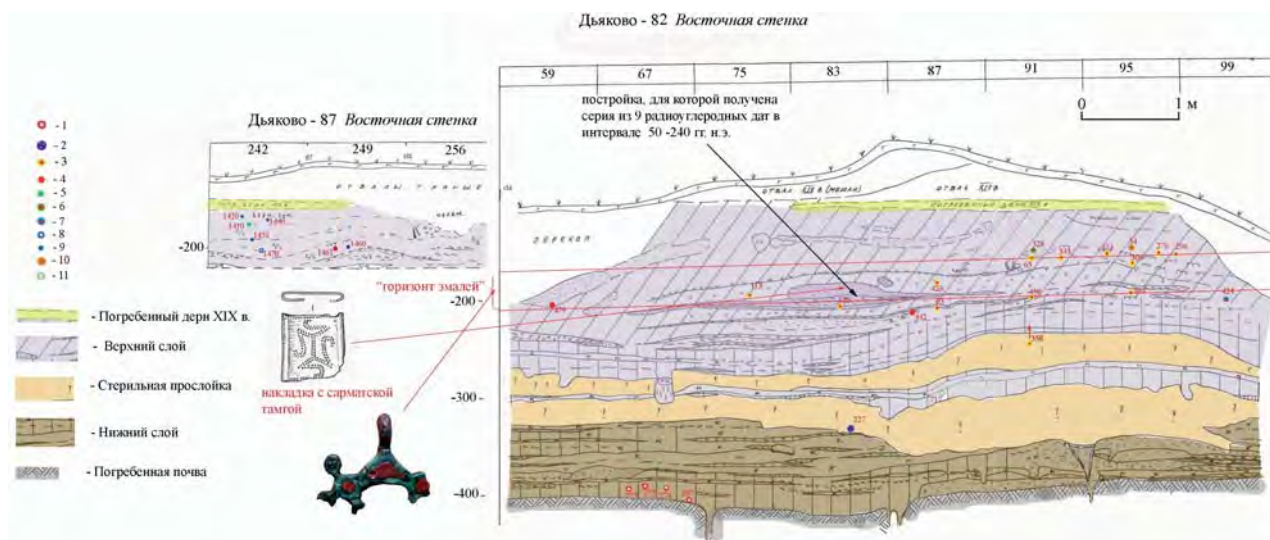

Рис. 2 (ст. Кренке, Румянцевой)

Рис. 2 (ст. Шпилева)

Рис. 3 (ст. Шпилева)

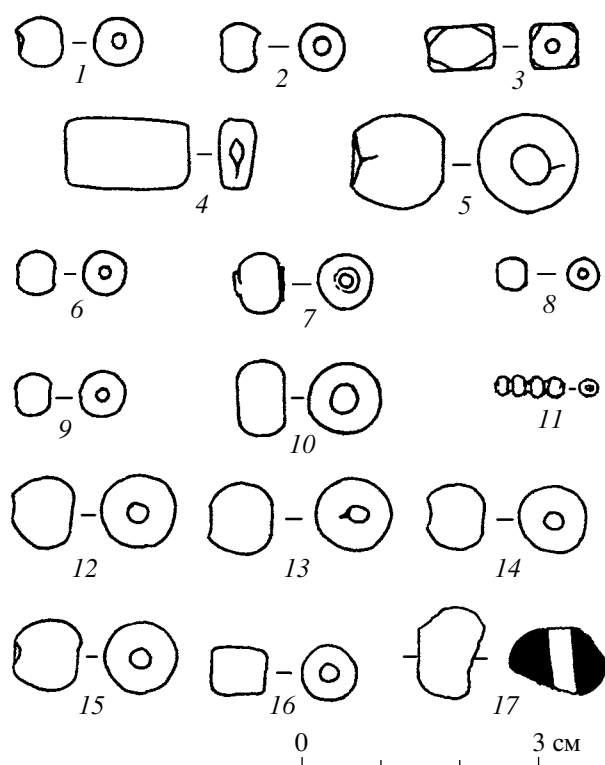

Рис. 7. Монохромные и золотостеклянные бусы Дьякова городища. Стекло: 1 – черное непрозрачное (85–1217), 2, 3 – темно-синее прозрачное (87–1470; 87–1420), 4–6 – красное глухое (83–442, 479; 87–1461); 7 – желто-коричневое прозрачное (81–54); 8, 9 – зеленое полупрозрачное (83–328; 82–257); 10, 12–16 – белое глухое (82–269, 275, 274, 366, 272, 287); 11 – бесцветное прозрачное (87–1515 (полевой)). 17 – золотостеклянная бусина (82–120). 1–5, 12–16, 17(?) – тянутая палочка; 6–11 – тянутая трубочка.

Все граненые бусы изготовлены из отрезков тянутых палочек. Среди них: бусина красного стекла призматической уплощенной формы (“кирпичик”, по терминологии И.Г. Розенфельдт (1982. С. 62, 63)) (рис. 6, 18; 7, 4); 14-гранные бусы темно-синего прозрачного стекла вытянутой формы (длина изделия вдоль канала больше ширины грани) (рис. 6, 25³, 27, 29, 31; 7, 3). Грани разной четкости получены путем прессования на плоскость без дополнительной обработки шлифовкой.

Одна бусина темно-синего прозрачного стекла представлена фрагментами, не позволяющими определить ее форму и технологию изготовления.

Из нижнего слоя Дьякова городища происходит пять бусин: одна полихромная глазчатая и четыре – монохромных белого глухого стекла.

Синяя глазчатая бусина (рис. 6, 20) обнаружена в самой верхней части нижнего слоя, на границе со стерильной прослойкой (рис. 4). В целом этот тип бус имеет достаточно широкую датировку: VI в. до

н.э. – I/II вв. н.э. (Алексеева, 1978. С. 61, 62. Рис. 5. Табл. 15, 1. Тип 33А). Однако характер изготовления двухцветных слоисто-щитковых глазков, крупный размер, а также большой (8 мм) диаметр канала позволяют датировать аналогичные изделия, найденные на античных памятниках Северного Причерноморья, скорее VI–III вв. до н.э. (Алексеева, 1978. С. 55, 56).

Глазчатые синие бусы хорошо известны по материалам городищ лесной и лесостепной зоны Восточной Европы скифского времени (Мельниковская, 1967. С. 94; Пряхин, Разуваев, 1995. С. 65). На поселениях дьякова типа они относительно редки и встречаются в комплексе с находками, ориентировочно указывающими на середину I тыс. до н.э. Опубликованы глазчатые бусы с городищ Старшее Каширское, Мутёнковское, Круглица, Боршева, Щербинское (Дубынин, 1974. С. 242; Крис, Черная, 1980. С. 80; Сидоров, 2004. С. 123). Исследователи обычно датируют их IV–III вв. до н.э.

Точных хорошо датированных аналогов бусам белого глухого стекла (рис. 6, 38–41) найти не удалось.

Датировка глазчатых бус не противоречит результатам радиоуглеродного анализа. Возраст образцов из нижнего слоя при калибровке попадает в интервал V–II вв. до н.э. (Кренке, 2004).

Из верхнего слоя происходит 27 экземпляров стеклянных бус. Большая их часть представлена тремя сериями изделий: золотостеклянными (13 экз.) (рис. 6, 1, 2, 5, 7, 9, 10, 12, 14, 22, 23, 28, 30), красного глухого стекла (3 экз.) (рис. 6, 15, 18, 19; 7, 4–6) и 14-гранными синего стекла (4 экз.) (рис. 6, 25, 27, 29, 31; 7, 3). Здесь также найдены мозаичная (рис. 6, 21) и единичные монохромные бусы (рис. 4, 7; 6, 8, 32, 33, 42; 7, 11).

Основная масса стеклянных бус была обнаружена в среднем и верхнем горизонтах верхнего слоя, в интервале условных нивелировочных отметок от –150 до –214 см (рис. 4), что соответствует глубине 0.1–1.1 м от поверхности городища, существовавшей до начала археологических раскопок 1875 г. Из нижнего горизонта верхнего слоя происходит лишь две бусины белого полупрозрачного стекла (рис. 6, 8).

Набор бус Дьякова городища из верхнего слоя типичен для позднедьяковских памятников московцевской группы. Основу коллекции Троицкого городища также составляют золотостеклянные, красные непрозрачные (в том числе призматические) и синие 14-гранные бусы; почти все они относятся к верхнему слою (Дубынин, 1970. С. 45, 46. Рис. 16). Находки двух последних категорий бус связаны с верхним слоем Щербинского городища (Дубынин, 1974. С. 242); И.Г. Розенфельдт относил их к наиболее позднему этапу существования дьяковских городищ (1982. С. 62, 63. Рис. 14).

Средний горизонт верхнего слоя. В этом горизонте, на глубине 0.5–1 м от поверхности погреб-

³ Изделие представлено фрагментом.

бенного дерна XIX в., концентрируются золотостеклянные бусы, наиболее многочисленные на памятнике. Бусы залегали в слое разрозненно, по преимуществу вне построек (рис. 5).

Е.М. Алексеева датировала золотостеклянные бусы из античных некрополей, имеющие шейки-закраины у оснований канала, первыми веками нашей эры, а изделия с гладкими краями – более широко: эллинистическим и римским временем (1978. С. 29). Среди бус Дьякова городища встречены изделия обоих типов. Учитывая, что все они происходят из одного горизонта, по аналогии с памятниками Северного Причерноморья их можно датировать первыми веками нашей эры.

Аналогии, наиболее близкие территориально, происходят из Кошибеевского могильника (Спицын, 1901; Шитов, 1988). Находки золотостеклянных бус, аналогичных дьяковским (тип ЗАП), характерны для наиболее раннего горизонта Кошибеевского могильника конца I – начала II – первой половины IV в. (группы бус K1, K2) (Румянцева. В печати).

Золотостеклянные бусы известны также по материалам впускных погребений Андреевского кургана (Гришаков, 1998. С. 34), нижняя дата которых определяется как вторая половина I в. н.э. (Ахмедов, Белоцерковская, 1999. С. 58).

Монохромные бусы среднего горизонта представлены пятью изделиями: зеленого (рис. 6, 32; 7, 8), желто-коричневого (рис. 6, 42; 7, 7), красного (рис. 6, 18, 19; 7, 4, 5) и темно-синего прозрачного стекла (рис. 4, 8).

В Центральной Европе большинство монохромных округлых бус имеет широкие датировки: они известны на протяжении всего римского времени и эпохи Великого переселения народов (Tempermann-Mączyńska, 1985. S. 18, 95. Taf. 1, 1–12). В Восточной Европе основная их часть известна по материалам Северного Причерноморья преимущественно I–IV вв. н.э. (Алексеева, 1978. С. 63–65). Однако они также были распространены в эпоху раннего средневековья (Ковалевская, 2000. С. 6, 7, 89 – МЕР 90; Мастыкова, 2001. С. 63, 64, 71).

Призматические бусы-“кирпичики” красного глухого стекла (рис. 6, 18) в Центральной Европе распространения не получили. В Северном Причерноморье они наиболее характерны для II–III вв. н.э. (Тип 104; Алексеева, 1978. С. 69).

Аналогии находкам с Дьякова городища, имеющие наиболее узкие датировки, – это бусы красного глухого стекла из рязано-окских могильников. В материалах Кошибеевского могильника подобные изделия появляются не позже конца II – рубежа II–III вв. С начала III в. они повсеместно распространяются в Среднем Поочье. Крупные бусы диаметром от 12 мм (тип КАП1), изготовленные из отрезков тянутой палочки (рис. 6, 19; 7, 5), являются хронологическим индикатором и датируются

временем не позднее рубежа IV/V вв. (Румянцева. В печати).

Бусам призматической формы (рис. 6, 18; 7, 4) в рязано-окских могильниках известны лишь единичные аналогии. Две из них происходят из Кошибеевского могильника (погребения 70, 80), из наборов бус групп K2 и K3, которые датируются концом II (или рубежом II/III) – рубежом IV/V вв. (Румянцева. В печати). Они найдены также в ряде могильников III–IV вв. в Окско-Сурско-Цнинского междуречья – Польно-Ялтуновском (погребение 1, содержащее вещевой комплекс ранней стадии рязано-окских могильников: Алихова, 1958. Рис. 7, 2, 3; 8, 5, 6, 13), Тезиковском (погребение 41, содержащее ромбовидную подвеску с эмалью: Гришаков, 2004. Рис. 1, 11; Обломский, 2002. С. 13) и Селикса-Трофимовском.

Наконец серия бус-“кирпичиков” происходит из мощинскогоклада, датированного А.М. Обломским и Е.Л. Гороховским (1986) III – началом IV в. н.э.

Перечисленные аналогии говорят о том, что эти бусы характерны для III – первой половины IV в. Нам известна лишь одна подобная находка более позднего времени. Она происходит из погребения 33 могильника Заречье 4, вещевой комплекс которого (Белоцерковская В печати), в том числе и бусы (Румянцева. В печати), датируются V в.

И.Г. Розенфельдт ссылается на наличие бус в форме “кирпичиков” в Армиевском могильнике (1982. С. 62). Однако при изучении коллекции бус Армиевского могильника точные аналогии им зафиксированы не были.

Крайне важно для датировки Дьякова городища отметить отсутствие здесь более поздних типов бус, которые в рязано-окских могильниках массово распространены в V – первой половине VII в.: изготовленные в технике навивки; некрупные, диаметром до 12 мм, изготовленные из тянутой палочки и в технике однократного обертывания; рубленый бисер, изготовленный из отрезков тянутых трубочек; бисер и одно-двухчастные пронизи, изготовленные из тянутых трубочек при помощи щипцов (всегда с закраинами у оснований каналов) и имеющие выраженные коричневые прожилки на тулове.

Датировка слоя на основе сочетания золотостеклянных и красных бус представляется наиболее точной. В материалах Кошибеевского могильника горизонт с золотостеклянными бусами датируется временем, более ранним (конец I – первая половина IV в.), чем тот, из которого происходят бусы красного стекла (конец II/начало III – конец IV/начало V в.). На Дьяковом городище эти серии представляют собой единый горизонт: судя по стратиграфии (рис. 4), они появляются и бытуют одновременно. Наборы, в которых сочетаются золотостеклянные и красные бусы, в Кошибеевском

могильнике были выделены в группу K2. Наиболее ранние из них происходят из погребений 24 и 80 из раскопок В.Н. Глазова (Шитов, 1988. С. 22, 23, 27. Табл. VII. XI, 4–9), которые содержат инвентарь II – первой половины III в.: в них преобладают еще вещи андреевско-писеральского круга, время бытования которых в рязано-окских могильниках определяется как конец I – первая половина III в. (Ахмедов, Белоцерковская, 1999; Белоцерковская. В печати). Однако в целом сочетание красных и крупных золотостеклянных бус характерно для погребений с находками горизонта III – первой половины IV в. (Румянцева. В печати).

Таким образом, на основании бус нижнюю дату среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища, по аналогии с Кошибеевским могильником, можно датировать концом II – рубежом II–III в. Верхняя хронологическая граница определяется как середина IV в. Учитывая преобладание золотостеклянных бус над красными, можно предположить, что данный горизонт относится скорее к ранней части этого периода.

Сравним выводы о хронологии рассматриваемого горизонта верхнего слоя, полученные независимо друг от друга: датировки на основании бус, изделий из металла, а также данные радиоуглеродного анализа.

Уровень, выше которого верхний слой насыщен бусами, соответствует горизонту сгоревшей постройки. Это наиболее надежный “реперный” комплекс для верхнего слоя памятника: для него получено девять радиоуглеродных датировок, калиброванные значения которых укладываются в хронологический интервал 50–240 гг. н.э. При этом нужно учитывать, что радиоуглеродный метод определяет время выхода материала образца (в данном случае – древесины) из обменного цикла. От этой точки отсчета, безусловно, прошло какое-то время до момента формирования культурного слоя, вмещавшего датированное сооружение. Образец, состоявший из сгоревших зерен ячменя, не имевших “собственного возраста”, датирован 1810 ± 30 (ГИН-3677), что при калибровке указывает на интервал 130–250 гг. н.э.

Из археологических датированных находок среднего горизонта следует отметить вещи с эмалью. Согласно современным представлениям, они получили распространение во второй половине II–III в. н.э. (Обломский, 2002. С. 13). В этом же горизонте была найдена бронзовая накладка с тамгой сарматского типа. На городищах Дьяково и Луковня известны три почти тождественные вещи с одинаковыми изображениями. Датированы комплексы с тамгами данного типа I – первой половиной II в. н.э. (Емец, 2005. С. 207; Марковин, 2006. С. 175; Яценко, 2001. С. 48).

Находки ложнозерненных накладок-бантиков, происходящих из среднего горизонта верхнего

слоя, не противоречат полученным датам. Они встречаются в материалах рязано-окских могильников наиболее раннего периода, дата которого определена И.В. Белоцерковской как III в. (Белоцерковская, 2000. В печати). На северо-западе ареал бантиковидных накладок достигает Эстонии – могильник Ябара (Смирнов, 1974. С. 54) и южной Финляндии – могильник Кетохакка 2 (Hirviluoto, 1991). Датировка этих памятников также включает III в. н.э.

Таким образом, мы располагаем независимыми друг от друга данными о датировке среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища. Совмещение в одном достаточно узком стратиграфическом горизонте украшений с выемчатыми эмальями и ряда других металлических изделий, перечисленных выше, а также найденных здесь бус убеждают в том, что время формирования данного горизонта близко радиоуглеродным датам, указывающим на II–III вв. Массовый материал стеклянных изделий существенно укрепляет надежность хронологического вывода.

В верхнем горизонте верхнего слоя (верхние 50 см культурного слоя), выделяется компактное скопление бус в северной части раскопа, найденных возле мощного зольного пятна (рис. 5). Они образуют отдельную, наиболее позднюю стратиграфическую группу. Именно здесь встречены все 14-гранные бусы. Можно с определенной долей осторожности (так как для достоверных выводов находок мало) предполагать, что эти бусы моложе золотостеклянных, которые уже не встречаются в данном горизонте. Аналогична стратиграфическая позиция 14-гранных синих бус Троицкого городища, также происходящих из верхнего горизонта верхнего слоя (Дубынин, 1970. С. 45). На одном уровне с 14-гранными были также обнаружены бусы красного глухого стекла (рис. 6, 15; 7, 6), округлая синяя (рис. 7, 2) и мозаичная (рис. 6, 21).

Точно датировать 14-гранные синие бусы сложно. В Центральной Европе они характерны для периодов C1-D (т.е. 160/180–480/490 гг.) (Tempelmann-Maczyńska, 1985. S. 37. Taf. 2, 126). В Северном Причерноморье время их бытования определено Е.М. Алексеевой II–IV вв. (1978. С. 70, 71. Табл. 33, 39–42), однако в ее сводке нет данных о материалах эпохи Великого переселения народов. В некрополях Виминациума и Сингидунума на Среднем Дунае подобные бусы характерны для наборов групп I–II (периоды D2 (380/400–440/450) и D2/D3 (430/440–480/490), по хронологии Я. Тейрала (Tejral, 1997)) (Ivanišević et al., 2006. P. 101, 102. Fig. 71–73). Наиболее поздние находки этих бус происходят с Северо-Запада России (Съезжее, Юрьевская горка, Ратьковский могильник), где они датируются V–VI вв., а также из Абхазии, где

Таблица 1. Результаты эмиссионно-спектрального анализа стеклянных бус Дьяковского городища (Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН, аналитик – А.Н. Егорьков)

№ п/п	1	2	3	4	5	6	7
шифр лабораторный	714-36	714-37	714-38	714-39	801-28	801-29	801-30
инв. №	Д-81/247	Д-81/36	Д-82/98	Д-87/1446	Д-83/274	Д-82/120	Д-82/113
Na ₂ O	14	13	11	12	16	18	18
K ₂ O	–	–	2.5	–	1.3	1.0	–
CaO	6.8	8.6	10	10	8.7	6.3	6.0
MgO	1.2	1.6	0.8	1.8	1.7	0.4	0.3
Al ₂ O ₃	1.3	1.6	1.0	1.9	3.3	1.4	1.2
Fe ₂ O ₃	0.7	0.8	1.0	1.0	0.9	0.5	0.6
MnO	0.04	0.05	0.5	1.0	0.2	0.01	0.01
Sb ₂ O ₅	0.6	0.5	–	1.0	1.0	0.5	0.7
PbO	–	–	–	–	–	–	–
CuO	–	–	1.0	–	–	–	–
CoO	–	–	0.1	0.06	–	–	–
TiO ₂	0.06	0.1	0.1	0.1	0.2	0.2	0.1
SnO ₂	–	–	–	0.02	–	–	–
Ag ₂ O	0.03	0.02	–	–	0.04	0.03	0.01

Примечание: бусины 1, 2, 5–7 – золотостеклянные (бесцветное прозрачное стекло), 3 – глазчатая (основа темно-синего прозрачного стекла), 4 – 14-гранная темно-синего прозрачного стекла; SiO₂ основной во всех образцах.

они исчезают не ранее середины VI в. (полную сводку см.: Ivanišević et al., 2006. Р. 80, 81).

Четырнадцатигранная бусина вытянутых пропорций, аналогичная дьяковским, происходит из погребения 31 Кошибеевского могильника (Спицын, 1901. С. 61. Табл. VI, 10). Для более поздних 14-гранных синих бус в рязано-окских могильниках V–VII вв. характерны иные пропорции: они имеют форму, приближенную к кубу со срезанными углами (Румянцева, 2005. С. 133, 138, 139. Рис. 4, II, 4).

Найденная в верхнем горизонте округлая бусина синего стекла не имеет узкой датировки.

Хронологическим индикатором для верхнего горизонта может служить бусина красного глухого стекла (рис. 6, 15), найденная на одном уровне с 14-гранными (рис. 4). Она изготовлена из отрезка тянутой трубочки, без следов использования щипцов у оснований канала (тип КАІb2). По аналогии с рязано-окскими материалами последний признак говорит о датировке не позже конца IV – начала V в. (Румянцева. В печати). Датировка данных изделий в античных некрополях не противоречит этому заключению. В Северном Причерноморье округлые бусы красного глухого стекла получают наибольшее распространение в I–III вв. н.э.; изделия, изготовленные из тянутых трубочек,

связаны с комплексами только первых вв.н.э. (Алексеева, 1978. С. 63).

Исходя из того, что синие и красная стеклянные бусы представляют одно скопление, их дата также, видимо, не выходит за рамки рубежа IV–V вв. Однако для достоверных выводов материала недостаточно.

Визуально близкие аналогии мозаичной бусине, изготовленные путем сварки заготовок-миллефиори, происходят из комплексов II и III вв. (Алексеева, 1982. С. 43. Табл. 49, 55–57. Тип 497). Однако бусы с подобным декором, но отличные по технологии изготовления характерны и для эпохи средневековья (Алексеева, 1982. С. 37).

Химический состав стекла

Для семи образцов бус из коллекции Дьякова городища был проведен эмиссионно-спектральный анализ (аналитик – А.Н. Егорьков; табл. 1)⁴. Шесть из них представлены изделиями, происходящими из верхнего слоя (пять – золотостеклянными бусами, один – 14-гранной бусиной синего стекла) и одно – синей глазчатой бусиной, найденной в слое перекопа. Результаты проанализированы по системе В.А. Галибина (2001).

⁴ Авторы благодарят И.Н. Кузину и Подмосковную экспедицию ИА РАН за предоставленные данные анализов (№ 1–4).

Таблица 2. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа металлической прокладки золотостеклянной бусины (Почвенный институт им. В.В. Докучаева РАСХ, аналитик – Е.И. Александровская)

№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
инв. №	Fe ₂ O ₃	K ₂ O	CaO	Al ₂ O ₃	TiO ₂	Mn	Cu	Zn	As	Pb	Sr	Au	Sb
Д83/296	1.2	2.0	4.7	1.5	0.5	400	25	80	5	300	700	15 300	6.5

Примечание. Содержание макроэлементов (1–5) указано в %, микроэлементов (6–13) – в мг/кг.

Стекло золотостеклянных бус относится к подтипам Na–Ca(Mg) (табл. 1, 1, 2, 5, 6) и Na–Ca (табл. 1, 7) (Галибин, 2001. С. 69). Оно сварено на основе природной соды и, видимо, происходит из центров Восточного Средиземноморья. Учитывая особенности производства этих бус (необходимость наложения верхнего предохранительного слоя жидкого стекла на металлическую прокладку), можно говорить о том, что они изготавливались в той же мастерской, где варилось стекло, а не из полуфабрикатов бус (Львова, 2000. С. 258). В качестве обесцвечивателя использована сурьма, что характерно для содовых стекол (Галибин, 2001. С. 88. Табл. 36, 3). По составу данные образцы близки золотостеклянным изделиям, происходящим из рязано-окских могильников. Это позволяет предположить, что все они были изготовлены в одних и тех же производственных центрах. Для золотостеклянной бусины с утраченным верхним слоем был проведен рентгенофлуоресцентный анализ (аналитик – Е.И. Александровская), позволивший определить, что основу металлической прокладки составляло золото (табл. 2). Серебро, незначительное количество которого было зафиксировано в золотостеклянных бусах (табл. 1, 1–2, 5–7), также могло входить в ее состав (Галибин, 2001. С. 50).

Четырнадцатигранная бусина синего стекла (табл. 1, 4) относится к подтипу Na–Ca(Mg) (Галибин, 2001. С. 69) и изготовлена, видимо, на природной соде. Она окрашена кобальтом. Высокое содержание марганца в данном стекле обусловлено скорее всего характером кобальтового сырья: подобный краситель типичен для стекла восточно-средиземноморского (Галибин, 2001. С. 37) и, возможно, провинциально-римского производства. Специфический состав микропримесей (в частности, сочетание в составе олова и сурьмы при отсутствии свинца) отличает данный образец от кобальтовых бус, происходящих из среднедунайских некрополей Виминациума и Сингидунума эпохи переселения народов (Egor'kov, 2006. Р. 106–117). Можно предположить, что данные стекла имеют разное происхождение. Однако делать выводы по результатам одного анализа невозможно, так как состав однотипных изделий в рассматриваемую нами эпоху может быть достаточно разнородным (Румянцева, 2006).

Стекло синей глазчатой бусины (табл. 1, 3) относится к подтипу Na(K)–Ca (Галибин, 2001. С. 69). По соотношению натрия и калия оно соответствует изделиям, сваренным на основе золы солончаковых растений по восточному рецепту, однако столь низкое содержание магния обычно не характерно для зольных стекол. Стекло окрашено кобальтом, возможно, в сочетании с медью (Egor'kov, 2006. Р. 108–110).

Подводя итог проведенной работе, нужно отметить, что надежное определение хронологической позиции средней части верхнего слоя Дьякова городища в рамках II–III вв. имеет принципиальное значение. Видимо, именно с этим слоем связан “пик” в развитии культуры москворецких городищ. Об этом можно судить по ряду признаков: возросшему числу памятников, показателям антропогенного воздействия на растительность (Кренке, 2007), а также по широкому распространению “москворецких” вещей за пределами бассейна Москвы-реки. Это происходит на фоне интенсивных этнокультурных изменений, в частности активных миграционных процессов, которые фиксируются в это время в различных регионах лесной и лесостепной зоны. В начале III в. носители культуры рязано-окских могильников расселяются по всему рязанскому течению Оки. В то же время в середине III в. исчезает ряд позднескифских памятников в Верхнем Подонье (Разуваев, 1998). Не позже начала III в. (возможно, во второй половине II в.) начинается расселение древнемордовских племен в верховьях Мокши и Суры (Вихляев, 1977. С. 59; Гришаков, 2005. С. 59). Этот период характеризуется также значительным притоком “западных” инокультурных элементов в среду финского населения, что привело к существенному изменению облика культуры рязано-окских (Шитов, 1988; Ахмедов, Белоцерковская. В печати), а возможно, и ряда пензенских могильников (Гришаков, 2005. С. 59). Именно в это время у финских племен формируется новый тип ожерелья, в котором сочетаются красные и “золотые” бусы.

Важно подчеркнуть, что импортные стеклянные бусы, прочно вошедшие в обиход дьяковского населения не позже рубежа II–III вв., стали важным компонентом “аборигенной” культуры. Об этом свидетельствуют резкое возрастание числа глиняных бус в верхнем слое, по сравнению с более ранним временем, а также находки подража-

ний из глины. Два из них – это глиняные бусы-кирпичики, найденные в перекопанном слое, возраст которого можно лишь приблизительно соотнести с первой половиной I тыс. н.э. Третье (происходит из основания горизонта с золостеклянными бусами) имитирует двухчастную стеклянную бусину (рис. 6, 43).

Средний горизонт верхнего культурного слоя Дьякова городища II–III вв. н.э. синхронизируется с ранним этапом культуры рязано-окских могильников (стадии B1-B2 Кошибеевского могильника (Ахмедов, Белоцерковская, 1999), периоды 1 – начало 2а “классических” могильников Средней Оки, по И.В. Белоцерковской (В печати). При этом необходимо отметить, что идентичные по составу наборы бус Дьякова городища и Кошибеевского могильника практически не находят аналогий ни в “классических” рязано-окских памятниках Среднего Поочья, ни в могильниках Окско-Сурско-Цнинского междуречья, где находки крупных золостеклянных бус представлены единичными экземплярами. Эти различия в наборах бус Дьякова городища и Кошибеевского могильника, с одной стороны, и рязано-окских могильников – с другой не могут быть объяснены лишь хронологическим несоответствием (очевидно эти памятники сосуществовали в III в.). Вероятно, они обусловлены механизмами поступления и распространения бус в лесной зоне, особенностями и направлениями культурных контактов финского населения леса и лесостепи. Однако этот вопрос нуждается в специальном изучении.

Находки V–VII вв. на Дьяковом городище безусловно есть. Это комплекс литейных форм (Кренке, Тавлинцева, 2002), накладка, выполненная в геральдическом стиле (Кренке, 2004. Рис. 7), трапезиевидные привески на эсовидных переходниках, аналогичные материалам из развитых рязано-окских могильников, привески-бубенчики в виде шляпок с полями, имеющие прибалтийские аналогии. Перечисленные находки обнаружены в одном стратиграфическом горизонте с 14-гранными синими бусами, которые сами по себе не могут служить надежным хронологическим индикатором. В дальнейшем важно выяснить, насколько полноценно представлены материалы IV–V вв. на Дьяковом городище и других однотипных памятниках Москворечья сравнительно с древностями предшествующего и последующего времени.

Статья подготовлена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям” и РФФИ, проект № 05-06-80337.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г 1–12.
- Алихова А.Е. Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново // КСИИМК. 1958. Вып. 72.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников // Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. К реконструкции исторических процессов // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. В печати.
- Белоцерковская И.В. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тр. ГИМ. Вып. 122. М., 2000.
- Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в сер. I тыс. н.э. В печати.
- Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977.
- Галибин В.А. Состав стекла как исторический источник. СПб., 2001.
- Гришаков В.В. Некоторые аспекты датирования Андреевского кургана в Нижнем Посурье // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск, 1998.
- Гришаков В.В. Ранняя стадия армиевского периода пензенских могильников (к проблеме соотношения тезиковских и армиевских комплексов) // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации. Саранск, 2004.
- Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск, 2005.
- Гуцина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Тр. ГИМ. Вып. 54. М., 1982.
- Дубынин А.Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмоскovie. МИА. 1970. № 156.
- Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
- Емец И.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М., 2005.
- Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000.
- Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- Кренке Н.А. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмоскovie // СА. 1989. № 2.
- Кренке Н.А. Дьяково городище: методы исследований // Восточная Европа в средневековье. М., 2004.
- Кренке Н.А. Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к средневековью // РА. 2007. № 1.
- Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Хронология городищ “дьякова типа” в бассейне Москвы-реки в свете ре-

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г 1–12.

- зультатов радиоуглеродного датирования // РА. 2006. № 2.
- Кренке Н.А., Тавлицева Е.А. Литейные формочки с Дьякова городища // РА. 2002. № 4.
- Крис Х.И., Чернай И.Л. Городища Дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. 1980. Вып. 162.
- Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. 1979. Вып. 20.
- Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. 1980. Вып. 21.
- Львова З.А. Технология изготовления северокавказских бус второй половины I тыс. н.э. // Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых могильников Евразии. М., 2000.
- Марковин В.И. Наскальные изображения предгорий Дагестана. М., 2006.
- Мастыкова А.В. Раннесредневековые бусы северокавказского могильника Клинь-Яр III (по раскопкам В.С. Флерова) // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.
- Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
- Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гунское время. М., 2002.
- Обломский А.М., Гороховский Е.Л. О дате мощинского и межигорского кладов // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья. Калуга, 1986.
- Прахин А.Д., Разуваев Ю.Д. Семилукское городище поздне скифского времени на р. Дон // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань, 1995.
- Разуваев Ю.Д. Иштугинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж, 1998.
- Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М., 1982.
- Румянцева О.С. Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // Городцовские чтения. Тр. ГИМ. Вып. 145. М., 2005.
- Румянцева О.С. Бусы Никитинского могильника // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник. Публикация материалов 1977–1978 гг. М., 2005.
- Румянцева О.С. Бусы населения Средней Оки эпохи великого переселения народов как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Румянцева О.С. Бусы массовых типов // Восточная Европа в сер. I тыс. н.э. В печати.
- Сидоров В.В. Мутёнковское городище // Археология Подмосковья. М., 2004.
- Смирнов К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
- Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. Вып. 25. Рязань, 1901.
- Шитов В.Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 93. Саратов, 1988.
- Энговатова А.В. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосковья. М., 2004.
- Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Egorkov A. L'analyse des perles de Singidunum et de Viminacium par la spectrographie optique d'émission // Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium a l'époque des grandes migrations. Saint-Just-la-Pendue, 2006.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium a l'époque des grandes migrations. Saint-Just-la-Pendue, 2006.
- Hirviluoto A.-L. Salon esihistoria. Salo, 1991.
- Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum. Brno, 1997.
- Tempelmann-Maczyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein, 1985.

Glass beads from D'yakovo hillfort

N. A. Krenke, O. S. Rumiantseva

Summary

The article is devoted to the study of glass beads found during the excavations at the D'yakovo hillfort. A morphological and technological description of the beads is given, and their stratigraphical location is noted. On the basis of beads assemblage, – gold foil beads and red opaque glass, – and metal items and radiocarbon dating, the middle horizon of the upper D'yakovo stratum is dated to the 2nd–3d cc. BC. This is the “peak” time for the culture of D'yakovo type hillforts in the basin of Moskva river. The article puts forward the hypothesis that differences between beads assemblages existed in the forest zone of the Oka basin and were caused by cultural influences.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

НЕКРОПОЛЬ ЦЕРКВИ СПАСА НА БЕРЕСТОВЕ В КИЕВЕ И “ПОГРЕБЕНИЕ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО”

© 2008 г. Г. Ю. Ивакин

Институт археологии НАН Украины, Киев

Начиная с момента зарождения интереса к древнерусским церковным памятникам, и особенно с конца 1940-х годов, в истории церкви Спаса на Берестове усиленно выделяют один эпизод, ставший причиной слухов и ложных сенсаций. Это погребение князя Юрия Долгорукого. За последние годы история его поисков обрела скандальную известность. Важнейшие составляющие, конечно, идеологические, политические и административные, но свою долю вносят и отсутствие публикаций конкретных материалов, сопровождаемых анализом источников. Наша статья позволит устранить этот пробел и даст ученым (в том числе исследователям истории Москвы) объективную оценку информации о храме на Берестове, его некрополе и погребениях, открытых там во второй половине XX в.

Церковь Спаса на Берестове в Киеве – одна из самых известных в истории древнерусского зодчества (рис. 1–3). Она принадлежит к весьма малому числу зданий домонгольской эпохи, дошедших, пусть в перестроенном виде, до наших дней, сохранив драгоценные сведения о древней архитектуре, технологии, монументальной живописи. В зодчестве второй половины XI – второй половины XII в. церковь Спаса стоит особняком: оригинальность решения не позволяет уверенно указать ее аналоги. Структура основного объема тяготеет к решениям, известным в княжеском строительстве, но близка и храмам, строившимся по заказу духовенства (Булкин, 1995. С. 140). В истории строительной техники Древней Руси храм занимает положение рубежного объекта: его зодчий уже отказался от кладки *opus mixtum* с утопленным рядом в ее чистом виде, но еще не перешел к столь же чистой *opus isidos*, порядовой кладке; утопленный ряд сохранился, но бутового камня в фасадной кладке стен уже нет.

Впервые урочище Берестово летопись упоминает в статье 980 г. как сельцо, где жили наложницы Владимира Святославовича (“а 200 на Берестовемъ в сельци, еже зють ныне Берестовое”; Лаврентьевская летопись, 1926. Стлб. 80). Это, конечно, не обычное село в системе киевской городской агломерации, а загородная великокняжеская резиденция, окруженная обширными земельными владениями (на их части в XI в. основан Печерский монастырь со знаменитым Успенским

собором). Князь, видимо, бывал тут подолгу и многократно. Возможно, не случайно рядом расположено урочище Зверинец: его интерпретируют как местность, где происходили княжеские ловы. Именно на Берестове князь Владимир Святославович “боляше велми” и 15 июля 1015 г. окончил свои дни (Лаврентьевская летопись, 1926. Стлб. 80). Его сын, князь Ярослав Мудрый, также “любяще Берестово, и церков сущую ту святых Апостол, и попы многы набуящую”. “Презвутером” в этой церкви был будущий митрополит Иларион, который с Берестова ходил на холм над Днепром, “где нене ветхый монастырь Печерский” и “скопа ту печерку малу”, давшую, по летописной легенде, начало всему монастырю (Лаврентьевская летопись, 1926. Стлб. 155, 156). В 1073 г. князья Святослав и Всеволод, прогнав с киевского княжения старшего брата Изяслава, “седоста на столе на Берестовому” – явно символический акт, рисующий Берестово как официальную резиденцию сюзерена, овладение которой важно для совершения акта интронизации (Лаврентьевская летопись, 1926. Стлб. 182).

25 мая 1096 г. княжеский двор сожгли во время набега на Киев половецкого хана Боняка: “пожже на Берестовемъ дворъ княжъ”. Через два месяца Святополк вместе с Владимиром Мономахом ответили половцам разгромом на Трубеже, где погиб другой известный половецкий хан, Тугоркан. Его тело привезли в Киев “и погребоба и на Берестемъ / на могыле / межу путемъ идущимъ на Берестово, и другимъ въ монастырь идущимъ”, т.е. в непосредственной близости от княжеского двора. Это первое летописное свидетельство о погребении на Берестове. Уже на следующий день “Бонякъ безбожный, шелудивый, отой, хыщник” напал на окраины Киева и “въжгоша Стефанов монастырь, и деревне, и Герьманы” (Лаврентьевская летопись, 1926. Стлб. 232). Княжий двор быстро восстановили: Владимир Мономах, заняв киевский стол по смерти Святополка, для утверждения “Устава Владимира Всеволодича” именно на Берестове собрал в 1113 г. “дружину свою” с киевским, переяславским, белгородским тысяцкими и другими “мужами лучними” (Новгородская летопись, 2000. С. 493).

С конца 60-х годов XI в. на Берестове уже был монастырь св. Спаса; полагают, что его храм сме-

Рис. 1. Церковь Спаса на Берестове. Вид с северо-востока.

нил старую церковь св. Апостолов, которая в источниках больше не упоминается. Игумены Спасского монастыря традиционно занимали одно из первых мест среди высшего духовенства Руси. Во время торжественного переноса мощей святых Бориса и Глеба в 1072 г. в Вышгороде в числе первых иерархов Церкви упомянут “Германъ святого Спаса игумень”. Герман, вероятно, был основателем и первым игуменом монастыря: летопись иногда называет его “Германеч”. В 1115 г. среди епископов и игуменов важнейших монастырей, участвующих в переносе мощей братьев-мучеников в новый каменный Борисоглебский храм, упомянут Савва, игумен св. Спаса. В 1185 г. владими́ро-суздальский князь Всеволод Юрьевич отказался принять на епископию Николая “гречина”, поставленного митрополитом Никифором, и настоял, чтобы киевский великий князь Святослав Всеволодович и митрополит поставили епископом в Суздальскую землю “Луку, смиреннаго духомъ и кроткаго игумена святого Спаса на Берестовемъ” (Лаврентьевская летопись, 1927. Стлб. 390; Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 630; позже Лука играл заметную роль в политической жизни и церковном строительстве). В 1230 г. среди сопровождавших митрополита Кирилла II в его миссии к князю Юрию Всеволодовичу упомянут Петр Акерович, “игумен пречестнаго монастыря святого Спаса Киеве на Берестовемъ” (Лаврентьевская летопись, 1927. Стлб. 455). В последний раз “игумень Петръ Спасьскый” назван при поставлении епископом в Ростов Кирилла в Софийском соборе в Киеве 6 апреля 1231 г. (Лав-

рентьевская летопись, 1927. Стлб. 456). Видимо, во второй половине XII – начале XIII в. владими́ро-суздальские князья поддерживали особые связи с монастырем Спаса на Берестове.

В XII в. храм св. Спаса и его монастырь летопись упоминает как место погребения некоторых представителей одной из младших ветвей Мономаховичей. В 1138 г. здесь хоронят дочь Владимира Мономаха Евфимию: “преставися Володимерьна Ефимья месяца априля в 4 день, в понедельник, порозное неделе” (Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 301; Лаврентьевская летопись, 1927. Стлб. 305) добавляет: “на Берестовем оу святого Спаса”.

Источники прямо называют Берестово как место смерти и погребения великого князя киевского Юрия Владимировича Долгорукого. 9 мая 1157 г. он праздновал Вознесение у осменника (сборщика торгового мыта) Петрила: “пивъ бо Гюрги въ осменика оу Петрила в тъ день на ночь разболеся и бысть болести его 5 дний”, и “преставися Киеве Гюрги Володимиричь, князь Киевский, месяца мая въ 15, въ среду на ночь; а заоутра в четвергъ положиша оу монастыри святого Спаса” (Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 489). Списки Лаврентьевской летописи добавляют важные детали; основной список прямо говорит о погребении внутри храма: “положиша и в церкви оу Спаса святого на Берестовемъ” (Лаврентьевская летопись, 1927. Стлб. 348). В Радзивилловском списке и в списке Московской Духовной Академии (далее список А) предлог оу отсутствует: “положиша в церкви святого Спаса на Берестовомъ” (Радзивилловская летопись, 1989. С. 128).

Рис. 2. Церковь Спаса на Берестове. Остатки вала XVII в. к северу от храма.

Записи о смерти и погребении сына Юрия Долгорукого, великого князя киевского Глеба (20 января 1171 г.), похороненного там же, где отец, указывают, к сожалению, только монастырь: “и съпрятовше тело его, и положиша и оу святого Спаса въ манастире, идеже его отецъ лежить” (Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 564; Лаврентьевская и Радзивилловская с несущественными разночтениями; Лаврентьевская летопись, 1927. Стлб. 363, 364: “оу святого Спаса на Берестовемъ, идеже лежить отецъ его Гюрги”). Еще в XIX в. Д. Слюсарев предположил, что в Спасском храме погребена жена Владимира Мономаха, Гита, умершая в Киеве в 1126 г.: “княгини Володимеря преставися месяца июня въ 11 день” (Лаврентьевская летопись, 1927. Стлб. 296). Его поддержал М.К. Каргер (1961. С. 378), в наше время Я.Н. Шапов. Возможно, они правы, но, на наш взгляд, логичнее предполагать захоронение вдовы Владимира в женском княжеском Андреевском (Янчином) монастыре, где уже погребали княгинь.

Распространенное мнение о Спасе как о семейной усыпальнице Мономаховичей – необоснованная гипотеза. Сам Владимир Мономах погребен “у Святых Софье, въ отца Всеволода” (Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 208), как и его сын Вячеслав (1154 г.). Старшая ветвь Мономахо-

вичей, “Мстиславово племя”, создала свой семейный “Вотч” – Федоровский монастырь (1128), где погребены сам Мстислав Великий (1132); его сыновья Изяслав (1154), Ростислав (1168) и Владимир (1174); внуки Ярополк Изяславич (1170) и Мстислав Давыдович (1187); правнук Изяслав Ярославич (1196) (Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 294, 469, 532, 539, 567, 628, 690). Другие ближайшие родичи Мономаха: “княгиня Всеволожая” – Анна, вдова его отца Всеволода (1111), его сестра сама Янка (Анна Всеволодовна), сын Ярополк (1139), внук Владимир Андреевич (1171) – покоились в Андреевском соборе Янчиного монастыря.

Погребение же Евфимии, сестры Мономаха, трудно отнести к “семейным”: в 1112 г. венгерский король отослал ее, беременную, за супружескую измену назад в Киев, где она родила Бориса Коломана; к 1138 году она, видимо, давно постриглась в монахини и ее погребение воспринимали отдельно от родственников. Другое дело – Юрий Долгорукий и его сын Глеб Юрьевич, которые похоронены на Берестове, видимо, как великие князья киевские. Их семейная связь естественна, но определять храм на этом основании как семейную усыпальницу Мономаховичей – натяжка. Нет сомнений, что внутри храма и вокруг него хоронили многих представителей свет-

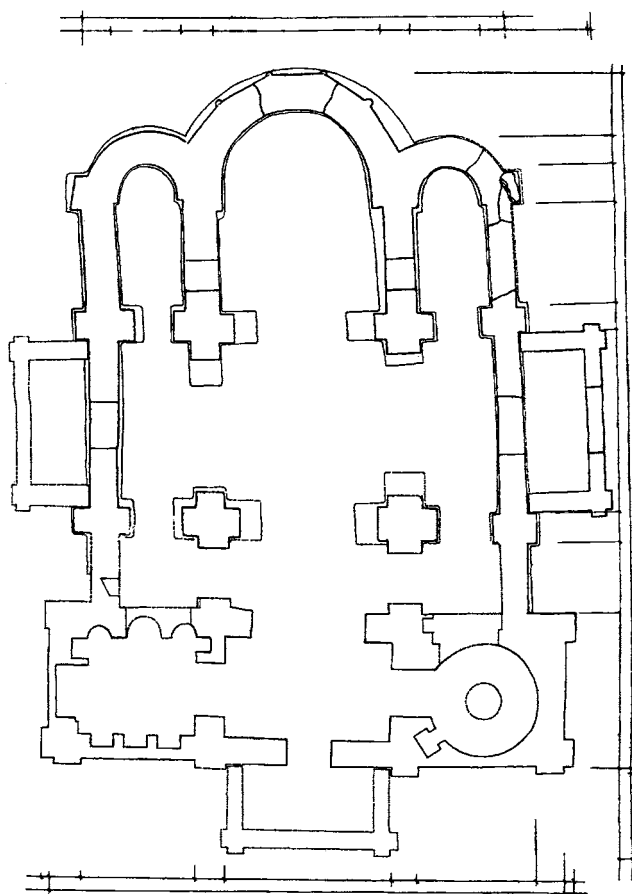

Рис. 3. План древнерусского ядра храма по раскопкам В.А. Харламова, В.Н. Гончара.

ской и духовной знати, прежде всего влиятельных игуменов самого монастыря, а также клириков, монахов и горожан. Эти случаи древнерусские летописи обычно не фиксировали.

К сожалению, в летописях не отмечено строительство каменного храма в Спасском монастыре. Во времена митрополита Петра Могилы его связывали с Владимиром Святым, считая храм древнейшим или одним из древнейших в Киеве, о чем красноречиво свидетельствует ктиторская надпись 1643 г., сделанная после «репарации» храма (Каргер, 1961. С. 374, 375). Это отвечало общему политико-религиозному настрою, чаяниям православных жителей Киева, восприятию древностей тогдашним киевским обществом, в условиях острой национальной борьбы стремившимся поднять значение крещения Руси, подчеркнуть древность киевской религиозной организации и ее центра. Возможно, при этом опирались на известия чрезвычайно распространенной тогда Хроники Мацея Стрыйковского, несмотря на явные ошибки последнего: историк перепутал храм св. Спаса с храмом св. Василия, поставленным Владимиром Святославичем в 988 г. на месте капища Перуна. Этой традиции следовали наиболее цитируемые авторы XVII в. – Афанасий Кально-

фойский в «Тератургиме» (1638 г.) и Иннокентий Гизель в «Киевском Синописе»; ее упоминали самые значимые историки киевских древностей конца XVIII – XIX в.: М.Ф. Берлинский, М.А. Максимович, Н.Н. Закревский, П.Г. Лебединцев и другие; даже в начале XX в. она сохранена в работах Ф.И. Шмидта и Г.К. Лукомского.

Есть и другие мнения. В конце XIX в. историки Е.Е. Голубинский и С.Т. Голубев пытались связать постройку храма с именем Юрия Долгорукого без основательной аргументации и, следовательно, успеха. Особняком стоит предположение В.А. Булкина (1995. С. 140–143). Автор верно отметил слабость позиции тех, кто связывал Спас с Владимиром Мономахом, привлекая как аргумент погребение там Юрия Долгорукого и его сына, но отнес закладку церкви к 1060-м годам и связал со строительной деятельностью князя Изяслава Ярославича. Это, по его мнению, позволит датировать Бельчицкий собор в Полоцке, типология которого наследует храму Спаса, и соединить зодчество эпохи Ярослава Мудрого со строительством 1070–1080-х годов. Впрочем, Булкин высказался осторожно, учтя проблемы истории полоцкой архитектуры и необходимость дополнительных натурных исследований. К тому же времени отнес постройку храма и В.Н. Гончар, но более безапелляционно и без каких-либо новых серьезных аргументов (2002а. С. 48).

Полемика архитектурно-хронологического характера не входит в задачи нашего обзора, но мы вынуждены указать на ошибочность этого мнения. Достаточно напомнить, что с момента выхода работы киевского исследователя древнерусской архитектуры, профессора Киевской Духовной академии П.А. Лашкарева (1867. С. 127–138) и до настоящего времени возведение каменного храма Спаса обоснованно связывают с эпохой Владимира Мономаха, часто сужая возможный интервал до времени его великого княжения в Киеве (1113–1125 гг.) (Каргер, 1961. С. 388; Раппопорт, 1982. С. 22, 23).

Храм Спаса на Берестове дошел до нас кардинально измененным при «репарации» Петра Могилы (1640-е годы) и достройках позднейшего времени. Гипотетические ремонты при князе Симеоне Олельковиче (1460–1470-е годы) все еще не подтверждены в натуре и базируются только на гравюре с изображением памятника в книге А. Кальнофойского (1638 г.). До П.А. Лашкарева весь объем памятника воспринимали как одновременный. В начале 1860-х годов были открыты «сенсационные» фрески, которые назвали древнейшими на Руси и связали с эпохой Владимира Святославича. Для реставрации живописи выделили средства и провели в 1863–1865 гг. ремонтно-реставрационные работы. В их ходе П.А. Лашкарев убедительно доказал, что памятник состоит из разновременных частей, отличающихся в архи-

тектурном и строительно-технологическом отношении. Древнейшую часть постройки он датировал концом XI – первой половиной XII в., связав с деятельностью Владимира Мономаха. Открытые фрески обоснованно отнес к “репарации” Петра Могилы (о чем говорила уже ктиторовская фреска с изображением митрополита). Это признал и активный сторонник “версии X века”, известный исследователь киевских древностей П.Г. Лебединцев (возможно, определяя церковь св. Спаса и ее вновь открытые фрески как древнейшие на Руси, П.Г. Лебединцев – в 1862–1863 гг. протоиерей при Спасской церкви – стремился обеспечить памятнику поддержку церковных и светских властей). Работы П.А. Лашкарева особо значимы – он, пожалуй, первым в Российской империи четко сформулировал и применил комплексный метод, использовал как главные критерии хронологии архитектурно-археологическую стратиграфию, анализ и сравнение строительных материалов, технику кладки фундаментов, стен и сводов (Беляев, 2000. С. 475).

“Реставрация” росписей И. Желтоножским, печально известным своими “поновлениями” древних фресок в Софийском соборе, прошла на низком уровне, как и сопровождающие археологические работы (особенно в части фиксации). Из краткого сообщения П.Г. Лебединцева (Л. [Лебединцев], 1888. С. 9–11) можно узнать, что под кирпичным престолом главного алтаря церкви открыли серебряную подпрестольную доску, лежащую на мраморной плите, а под ней – шиферную плиту с небольшим углублением, в котором стоял серебряный ларец с залитыми восковой мастикой мощами. На крышке читались чеканный крест и дата – 1643 г. (Красицкий, Федоренко, 1948. С. 21). Были отмечены материалы, связанные с кладбищем: два погребения в гробах с остатками одежды и церковной парчи около северной и южной стен церкви; несколько деревянных гробов, стоящих один на другом у западной стены, в северной части древнего придела; два погребения с круглыми клобуками из белого войлока на головах в центральной части церкви, под аркой. Под нишей около северной стены Владимирского (северного) придела обнаружили “высокий склеп”, из которого щипцами достали какой-то тлен. Разумеется, эти материалы не сохранились.

Менее известны исследования церкви Спаса на Берестове в начале XX в. Храм находился в аварийном состоянии; ИАК неоднократно обращалась к киевскому митрополиту с заявлениями о необходимости реставрации. В 1908 г. храм из ведения старообрядческой церкви переподчинили Киево-Печерской лавре, и ее руководство сообщило ИАК о решении начать ремонт. В Киев для предварительных обмеров и определения первоочередных реставрационных мероприятий был академик П.П. Покрышкин (Известия...,

1910. С. 1–3). Пока шли согласования организационных вопросов, выяснилось, что на территории храма “какими-то частными лицами, без ведома Императорской Археологической комиссии и Киевской духовной консистории, в течение всего лета проводились раскопки”. “Частным лицом” оказался молодой краковский ученый Й.Г. Пеленский, позже хорошо известный исследованиями древних памятников Галича. Продолжать раскопки без Открытого листа Й.Г. Пеленскому было запрещено, но его вмешательство ускорило разработку ИАК плана систематического изучения древнего Киева, рассчитанного на годы (“причем, разумеется, раскопки в усадьбе храма Спаса на Берестове поставлены будут в первую очередь”; см.: Известия..., 1909. С. 48).

Пеленским были найдены фрагменты фресок и древней мозаики, обломки мраморных плит; он полностью согласился с выводами П.А. Лашкарева, но, “чтобы окончательно убедиться в точности своего вывода, г. Пеленский в усадьбе церкви, по продолжению линии северной и южной стен обоих приделов, произвел раскопки. На небольшой глубине открыты фундаменты и часть стен древнего храма, при чем оба заложенных шурфа пришлось как раз на месте древних северного и южного входов храма. Таким образом, окончательно установлено, что нынешний храм, без алтаря и притвора, является притвором древнего храма. Из этого видно, что древний храм Спаса на Берестове отличался громадными размерами; он был больше древней Десятинной церкви” (Известия..., 1909. С. 47, 48).

В 1911–1914 годах ремонтно-реставрационные и археологические работы провел П.П. Покрышкин, не раз удостоенный наивысших оценок как блестящий исследователь (именно благодаря его работам памятник все еще стоит и сравнительно хорошо сохранился). Хотя раскопками были открыты почти все фундаменты древней церкви (кроме северной части), документация почти не сохранилась, а многочисленные уцелевшие фотографии нуждаются в атрибуции и систематизации. Известно, что было выявлено много погребений духовных лиц XVII–XVIII вв. и обнаружен саркофаг из плинфы, о котором пойдет речь чуть ниже (саркофаг № 2 1990 г.). Наконец: “у северо-восточной стены открыт ... довольно интересный склеп. Он оказался наполненным костями, принесенными кем-то, очевидно, из других погребений. Значит, он был уже потревожен. Тщательная отделка этого склепа и две шиферные плиты, найденные тут же, свидетельствуют, что здесь было совершенно погребение почетное и что относится оно, бесспорно, к великокняжеской эпохе” (Известия..., 1911. С. 96).

Следующий этап связан уже непосредственно с поиском погребения Юрия Долгорукого при подготовке к 800-летию Москвы. Это небольшие

работы (М.М. Герасимов, 1947 г.), в которых участвовали киевские археологи (В.А. Богусевич, В.К. Гончаров, Ф.Б. Копылов), имевшие опыт раскопок средневекового города (Красицкий, Федоренко, 1948). Работы шли преимущественно во Владимирском приделе и успеха не имели: были найдены останки нескольких погребений, нарушенных еще в 1911–1913 гг. Видимо, поэтому отчет так и не составили (частично сохранились полевые кроки и фотографии процесса работ). Впрочем, негативный результат не помешал установить в приделе памятник в виде саркофага.

Очередное открытие было сделано в начале 1970-х годов, когда под слоем штукатурки и росписей могилянского времени практически по всей площади западной стены храма открыли древнерусские фрески хорошей сохранности: художники Петра Могилы не уничтожили древнюю роспись, а закрыли ее новым слоем штукатурки, по которой выполнили новую роспись. Современные реставраторы отделили живопись XVII в. от древней, открыв композицию “Чудесный улов рыбы”; этот вариант росписи очень редок: обычно на западной стене помещали “Страшный суд”. (Київська старовина, 1972. С. 72, 73).

В 1989–1990 годах, в связи с проведением благоустройства территории и частичной подрезкой вала Спасского бастиона начала XVIII в., исследования провела Архитектурно-археологическая экспедиция Института археологии УССР под руководством В.А. Харламова. В работах активно участвовал В.Н. Гончар (Харламов, Гончар, 1990; 1991; Гончар, 2002а. С. 36–50). В итоге¹, было исследовано более 400 м², в том числе полностью – вся восточная часть храма; уточнены его размеры (первоначальная длина 32.10 м без притвора; ширина 20.15 м или 24.40 м с ризолитами) и детали архитектурного облика (мощность фундаментов около 1 м, их ширина в боковых апсидах 1.60–1.75 м, в центральной 2.00–2.25 м; основные размеры плинфы апсид 35 × 30 × 4–4.5 см; центральная апсида разделена на пять граней тонкими полуколонками, но на боковых их нет, что корректирует реконструкции П.П. Покрышкина и М.К. Каргера).

Упомянем об архитектурно-археологических работах 2002–2003 гг. (рис. 4), которые были составной частью исследовательского проекта по консервации и музеефикации памятника (необходимо было обеспечить гидроизоляцию для сохранения кладок и живописи, чье состояние ухудшалось из-за бесконтрольного проведения церковных служб и нецивилизованных действий церковной общины: новый цикл работ, запланированный на 2005–2007 гг., не состоялся). Демонтаж пола позволил провести сплошную горизонтальную зачистку площади внутри постройки, пройти 18 шурфов (об-

щая площадь ок. 50 м²) и проанализировать строительные материалы церкви. Древние культурные слои оказались практически полностью разрушенными. Зафиксированы следы перекопов; кости из ранее разрушенных погребений; фундаменты древнерусского времени со следами перестроек и изменений исходного замысла в процессе строительства (речь идет о круглой, а не о квадратной лестничной башне в южном приделе: ее основание было известно, но документально не фиксировалось, и о кладках западного притвора). Системные выводы оказались невозможны, с чем согласился А.И. Комеч, неоднократно посещавший памятник, знакомясь со всеми материалами раскопок (Балакин, 2003. С. 51, 52; Ивакин, Балакин, 2004).

При работах 1989–1990 годов внутри древней части храма и вокруг него зафиксировано 78 погребений грунтового могильника XII–XVII вв. (часть их повреждена реставрационной траншеей начала XX в.) включая саркофаги, выявленные вне древней церкви (рис. 5). Первый из них обнаружен в 1989 г. (в статье он почему-то назван “саркофаг № 2”; см.: Гончар, 2002а. С. 42)². Это каменный гроб из овручского шифера, лежавший в 3.5 м от места соединения центральной и северной апсид, под полкой вала начала XVIII в. Саркофаг ориентирован по оси запад – восток; верхняя плита находилась на 0.3 м ниже обреза центральной апсиды (глубина – 1.8 м от дневной поверхности рубежа XVII–XVIII вв.). Гроб слегка трапециевидной формы, из шести плит. Это обычная для Древней Руси конструкция: торцевые стенки вставлены в пазы продольных вертикальных и нижней плиты, концы которой немного выступают за пределы вертикальных плит. Верх саркофага стянут двумя поперечными четырехгранными железными прутами с загнутыми концами (ширина 3.5 см, длина 74 и 76 см), как раз в местах нахождения торцевых плит. Верхняя плита длиной 2.15 м; размеры по вертикальным стенкам: длина 2.11 м; ширина в головах 0.9 м, в ногах 0.75 м; высота 0.78 м.

В саркофаге находился очень плохо сохранившийся скелет, ориентированный головой на запад (рис. 6). Череп и большая часть костей верхней части тела истлели, их контуры прослежены как отпечатки порошкообразной массы. Сюда проникла вода, о чем свидетельствует слой ила (около 4 см), в котором находился скелет. Погребального инвентаря нет. По стратиграфии и общему типу конструкции саркофаг обоснованно датировали XII в. Анатомический порядок костей и состояние плит говорят, что погребение не потревожено (тем паче, что его участок уже в начале XVIII в. перекрыла пола земляного вала). Сразу после открытия саркофага, еще до осмотра и составления ак-

¹ Один шурф, важный для стратиграфии участка, сделан и в 1991 г.

² Фактические данные почерпнуты из отчетов и работы авторов раскопа; ссылки на них в основном опускаем для облегчения восприятия.

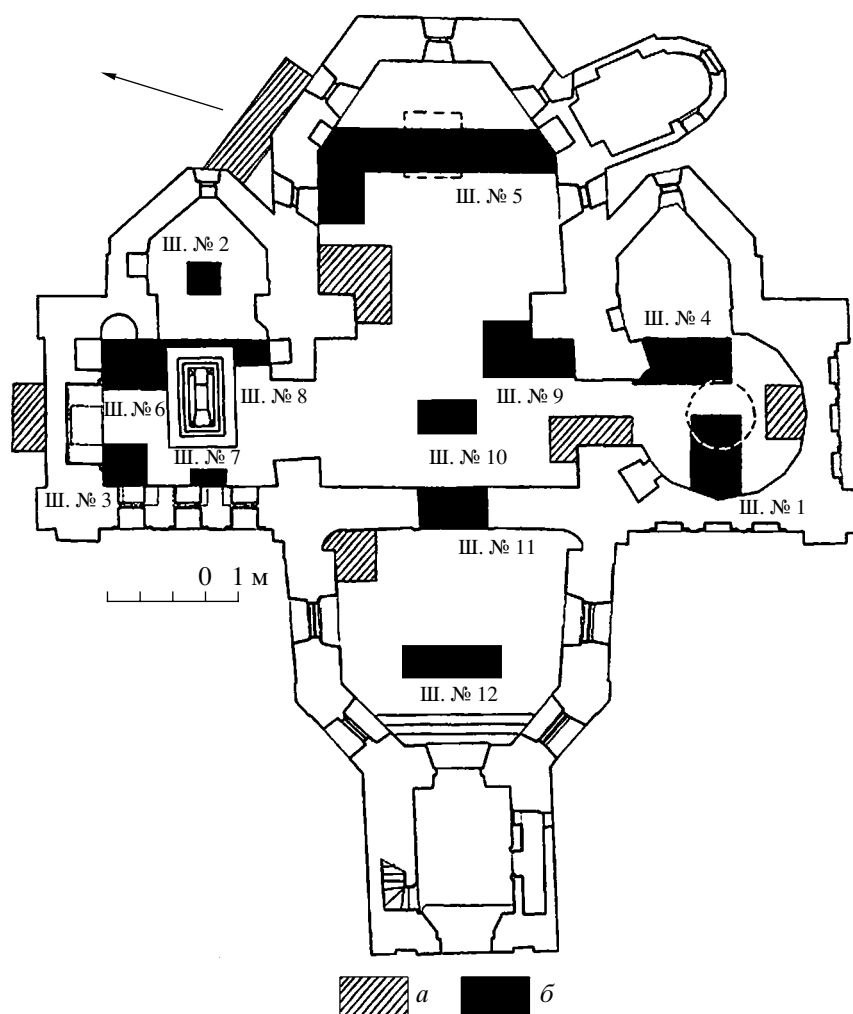

Рис. 4. Церковь Спаса на Берестове. Схема размещения шурфов 2002–2003 гг.: а – шурфы 2002 г.; б – шурфы 2003 г.

та антропологами, в газетах появилась сенсационное сообщение о находке “погребения князя Юрию Долгорукого”. Но в научном отчете за 1989 г. авторы только корректно отметили, что оно могло бы принадлежать кому-то из погребенных в монастыре Мономаховичей.

Следующая гробница сложена из плинфы и открыта в 1990 г. рядом с северной стеной церкви (за восточной стенкой северного ризалита). Размеры: 1.94×0.78 м, высота 0.85 м; ориентировка по оси восток–запад, параллельно стене церкви. Верхняя часть выложена из кирпича начала XX в. и накрыта шиферной плитой, скрепленной со стенками (все на цементно-песчаном растворе). Гробницу явно раскрыл еще П.П. Покрышкин (найдена запечатанная стеклянная бутылка пивоваренного завода г. Риги, в которую вложен свернутый листок бумаги со следами рукописного текста; удалось прочитать слова “Коммиссія” и “Лавр...”). Низ стенок, на высоту 0.2–0.25 м, – из плинфы, на цемяночном растворе, внутри оштукатурен. Дно из плиты овручского шифера. У за-

падного торца имелся подголовник с небольшим углублением в центре, из цемяночного раствора с небольшой добавкой битой плинфы. В середине заполненной грунтом гробницы найден скелет женщины (длина 1.55 м; обе руки слегка согнуты и сложены на животе; позвонки скелета смещены; ориентировка головой на запад). Череп лежал в углублении подголовника, он несколько смещен и повернут вправо; инвентаря нет. Подобные саркофаги из плинфы известны в Киеве по раскопкам Кловского собора, Успенского собора Печерского монастыря, Михайловского Златоверхого собора. Подголовник часто встречается в монашеских погребениях средневекового Киева и может свидетельствовать о принятии погребенной монашеского обета (Макаров, 1981. С. 112). Половозрастное определение (женщина, 35–40 лет) сделано И.Д. Потехиной и уточнено (женщина, до 35 лет) исследованиями А.Д. Козак.

В 14.5 м к северу от саркофага № 1 в 1990 г. открыт еще один шиферный гроб, ориентированный по оси восток–запад параллельно древней се-

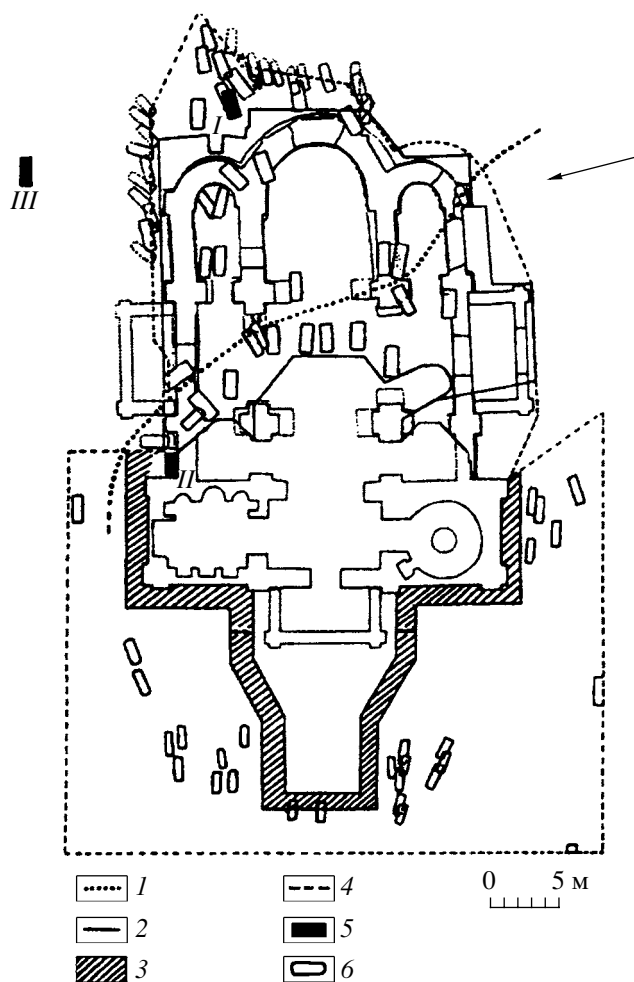

Рис. 5. Церковь Спаса на Берестове. План раскопанных частей кладбища с указанием прослеженных могил: 1 – граница полы вала начала XVIII в.; 2 – граница раскопа П.П. Покрышкина 1914 г.; 3 – реставрационная траншея П.П. Покрышкина 1911–1913 гг.; 4 – границы раскопа В.А. Харламова, В.Н. Гончара 1989–1990 гг.; 5 – погребения в саркофагах; 6 – погребения XII–XVII вв. по раскопкам 1989–1990 гг.; I – саркофаг № 1; II – саркофаг № 2; III – саркофаг № 3.

верной стене храма (форма прямоугольная; размер $2.19 \times 0.64 \times 0.7$ м; в остальном конструкция аналогична саркофагу № 1). Верхняя плита лежала ниже дневной поверхности XVII в., на глубине 1.3 м. Саркофаг перекрывал сохранившийся культурный слой, насыщенный древнерусским строительным мусором (фрагменты плинф, раствора, шифера), который авторы работ датируют второй половиной XIII–XVI в. Выше шел слой XVII в. мощностью 0.4 м с фрагментами поливной и расписной посуды, кирпичей. В саркофаге найдены два скелета, лежавшие один на другом. Большая часть костей, в том числе и оба черепа (особенно нижний), превратились в серую порошкообразную массу. По определению И.Д. Потехиной, они принадлежали мужчине (50–55 лет) и женщине (18–25 лет) (по А.Д. Козак: 25–30/35 лет);

длина скелета последней 1.70–1.71 м. Из находок встречены фрагменты истлевшей ткани и несколько бронзовых пуговиц с ушком, типичных для XII–XIII вв. Погребения не одновременны, но оба можно датировать древнерусским временем: могильные ямы XVI–XVII вв. не доходили до древнерусского слоя (их глубина до 1 м), а с начала XVIII в. до 1990 г. саркофаг перекрывала восьмиметровая толща крепостного вала.

Погребения в каменных саркофагах сразу же вызвали нездоровый, далекий от науки интерес, прежде всего в журналистских кругах; вновь он возникает вокруг тех же погребений уже в наше время на волне личных амбиций, политических страстей, финансовых надежд и т.п.

Авторы раскопок целенаправленно пытались идентифицировать найденные останки с известными лицами истории. Естественно, прежде всего обратились к сведениям о похороненных здесь Мономаховичах, но столкнулись с достаточно критическим отношением коллег, в дискуссиях указавших на недостаточность аргументации, поэтому в научную литературу заявления такого рода не проникали³, но в прессе поднялся ажиотаж, который, периодически повторяясь, достиг апогея в 2007 г. После преждевременной смерти (1996 г.) руководителя исследований, В.А. Харламова, В.Н. Гончар (2002а. С. 36–50; б. С. 223–227) решил заявить об уверенной идентификации погребенных в историко-филологическом журнале и тезисах крымской конференции, на которой сам не присутствовал. В саркофаге № 1, по его мнению, находился Юрий Долгорукий, в кирпичном (№ 2) – Евфимия, а в саркофаге № 3 – Глеб Юрьевич со второй женой, дочерью черниговского князя Изяслава Давидовича.

Аргументация сводилась преимущественно к вероятным возрастным соответствиям найденных костяков и приведенных выше упоминаний погребений летописью. В описаниях можно заметить ряд натяжек. Так, утверждение, что стратиграфия “нетронута”, вызывает сомнения: известны неблагоприятные условия, в которых проводили работы; кроме того, у саркофага № 1 верхняя крышка лежала всего на 30 см ниже дневного уровня древнерусского времени, что несколько странно. В качестве аргумента взята ориентация саркофага, определенная как “майская” (азимут $236^\circ = 21$ мая) (Гончар, 2002а. С. 43). Хотя существует гипотеза П.А. Раппопорта о связи времени заложения храма и его ориентации, сам ученый признавал невозможность вывести день праздника и/или закладки храма из одного только азимута; для определения дней погребения это вообще не работает.

³ Кроме одной фразы со ссылкой на “выводы экспертизы”, хотя ни один эксперт подобных выводов не делал (см.: Харламов, Гончар, 1993. С. 127).

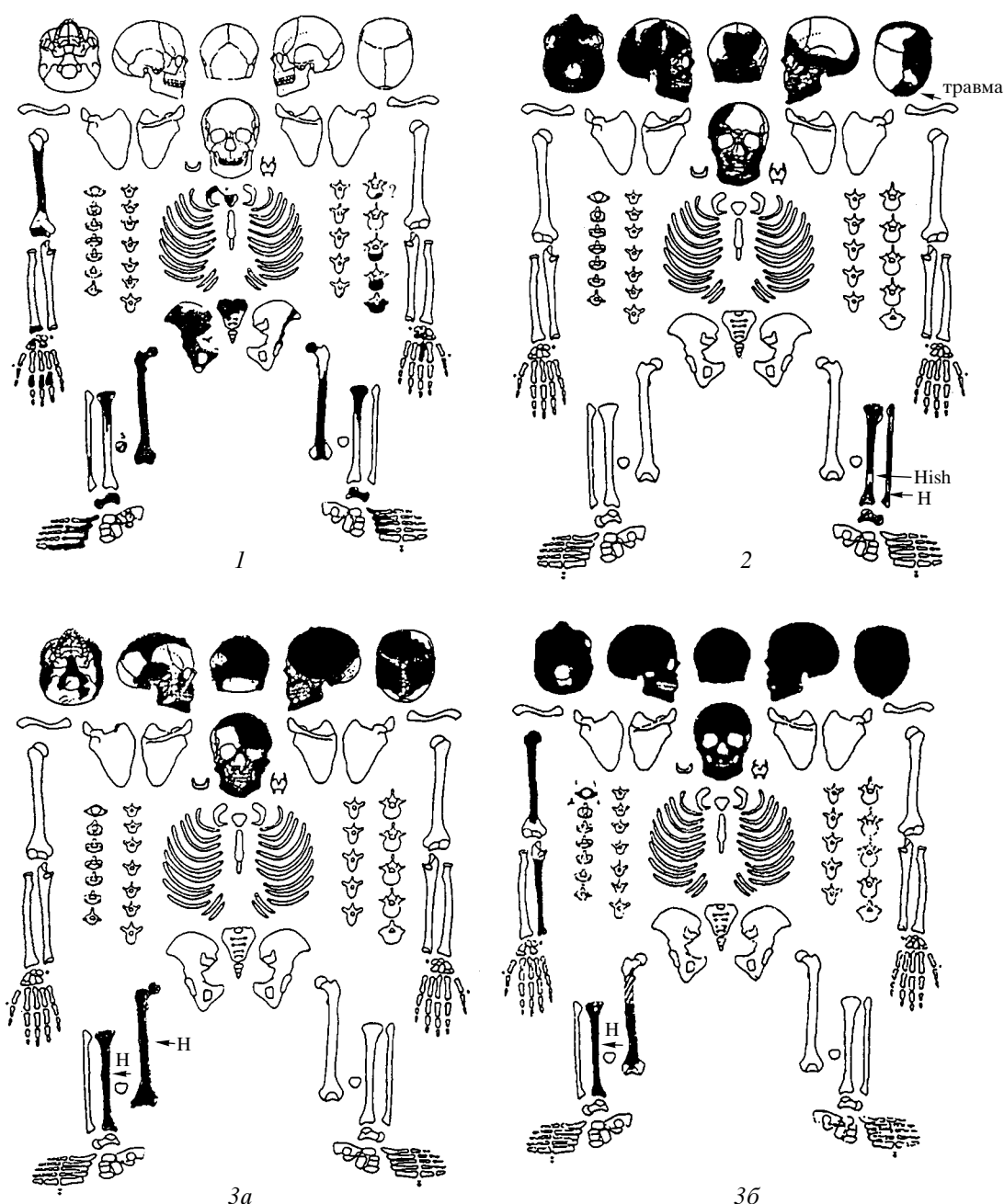

Рис. 6. Церковь Спаса на Берестове. Картограмма костных останков из погребений в саркофагах: 1 – погребение из саркофага № 1; 2 – погребение из саркофага № 2; 3а, б – погребения из саркофага № 3.

Заключение антропологов Института археологии АН УССР Е.И. Данилова и В.Д. Дяченко по костяку в саркофаге № 1 (1989 г.) определило изучаемые кости как принадлежащие мужчине в возрасте 60–70 лет (по методике определений В.И. Пашковой) (Гончар, 2002а. С. 44), довольно слабого сложения (длина тела около 159–160 см – нижний предел средних величин для древнерусского населения начала II тыс.). Размер стоп отвечал примерно 40 размеру обуви, а кистей – несколько превышал средние стандарты европейского населения. Отмечен выраженный остеохондроз

шейного (возможно, также верхне-грудного) отдела, что должно было проявляться в болях верхних конечностей (рук), обусловленных хроническим плекситом. В устных беседах В.Д. Дяченко допускал, что скелет мог принадлежать и женщине.

Выводы Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства охраны здоровья УССР (к. мед. н. О.В. Филипчук) в целом аналогичны («костные останки мужчины низкого роста (около 157 см), хрупкого телосложения, со слабо развитой мускулатурой, умершего в пожилом (60–70 лет) возрасте... При жизни

человек, кости которого исследованы, страдал резко выраженным остеохондрозом шейного и поясничного отдела позвоночника, сопровождавшимся болевым синдромом. ... При спектральном исследовании костей признаков отравления неорганическим ядом (соединениями мышьяка, свинца, цинка, серебра, меди и др.) не выявлено”.

Попытка объяснить отмеченные болезни резким нарушением обмена веществ, полным отсутствием режима, злоупотреблением алкоголем и обжорством апеллирует к характеристике князя по В.Н. Татищеву: “Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза не вельми велики, нос долгий и накривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких писч и пития” (Татищев, 1964. С. 60). Но, даже оставляя в стороне известные сомнения в сведениях В.Н. Татищева (Толочко, 2005), следует помнить, что эти “нехорошие” наклонности не доказывают верности атрибуции; а вот рост князю, безусловно, не подходит. Анализ, направленный на выявление следов отравления, вообще странен: подозрения в отравлении – не более чем историографическая традиция, основанная на том, что Юрия, судя по летописи, киевляне не очень любили (кроме того, князя могли отравить и органическим ядом). После обильного возлияния и угощения у Петрилы во время празднования Вознесения 67-летний князь вполне мог заболеть и умереть, как умер после празднования Пасхи Святополк Изяславич (Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 275).

Возраст Глеба Юрьевича и его жены точно не известен, но может соответствовать 50–55 годам погребенного в саркофаге № 3. Для предполагаемой Евфимии возраст в 40 лет (по А.Д. Козак до 35) можно принять только при условии, что ее отправили замуж в Венгрию в 14 лет. Возможность случайных совпадений здесь слишком велика.

Особенно спорен вопрос церковной топографии. Князей обычно хоронили внутри храма, в особом притворе или приделе. Юрия погребли на следующий день по смерти (что традиционно), еще до начала возмущения; Глеб же даже удостоился панегирика. Чтобы доказать, что их якобы погребли вне церкви и достаточно далеко друг от друга, автор идентификации произвольно истолковал выражение летописи “у Спаса”, “у монастыри”, полагая, что это значит: “рядом с храмом”. Между тем это значит как раз противоположное: **в** монастыре, **в** храме: в летописях предлог **у** (**оу**) означал, как в современном украинском языке, не только **около**, но и **в**. В разных летописях и списках **в** и **у** часто меняют друг друга, употребляясь абсолютно равноправно. Кроме того, в русских летописях “монастырь” часто значит “церковь” (Ян Вышатич в 1106 г. погребен **в** Печерскомъ монастыре **оу** притворе”; Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 257).

Приведу примеры. В 1036 г. Мстислава Владимировича “положиша / в церкви – список А/ **оу**

святого Спаса” (Лаврентьевская летопись, 1926. Стлб. 150). В 1076 г. Святослав “положен /у – список А / Чернигове **оу** святого Спаса” (Лаврентьевская летопись, 1926. Стлб. 190). Ярополк Изяславича в 1087 г. похоронили “в раце **у** церкви святого апостола Петра”; в 1093 г. Всеволод “сediaщу ему **оу** Переяславле” и “приде Итларь **оу** город Переяславль”; Всеволод “погребен бысть... **оу** гробе **оу** велицей церкви святыя Софьи” (Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 207, 217). Его сына Ростислава тогда же “положиша **оу** церкви святыя Софьи **оу** отца своего” (Лаврентьевская летопись, 1926. Стлб. 221).

При перезахоронении в 1091 г. мощи св. Феодосия Печерского “положиша и **оу** своей ему церкви, **оу** притворе на десней стране”, а позже Марию, жену Яна Вышатича, “положиша ю **оу** церкви святыя Богородица, противу гробу Феодосьеву”. В 1111 г. “Княгыни Всеволода... положена бысть **оу** святого Андрея в монастыри”. В 1112 г. Янка, дочь Всеволода “положена бысть **оу** церкви святого Андрея... ту бо ся бе и постригла **оу** церкви тоя, девою сущи”. В 1114 г. Святослав Владимирович положе “**во** Переяславле **оу** церкви святого Михаила”. В 1115 г. “Олег Святославич погребен бысть **оу** святого Спаса, **оу** гроба отца своего Святослава”. Владимира Мономаха “положиша **оу** святей Софье, в отца Всеволода”, а его сыновей Мстислава Великого “**оу** церкви святого Федора, юже бе сам создал”, Ярополка (1140) погребли “в Янчине монастыре **оу** святого Андрея”, а Андрея (1141) “**у** Переяславли... у святого Михаила”. В 1147 г. “поведиша емоу в Чернигове, а Изяслава **оу** Стародубе”. В 1150 г. находился “Гюрги **оу** Киеве, а сын Гюргев Глеб **оу** Пересопничи”, а позднее “Изяслав оуехал **оу** Киев”. Воины Изяслава сидели “**оу** насадах от Киева Оли и до оустья Десны” (Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 203, 204, 273, 277, 282, 289, 294, 309, 342, 394, 416, 428).

Еще одного сына Владимира Мономаха, Вячеслава “положиша **оу** святыя Софьи, идеже лежить Ярослав прадед его и Володимир отец его” (1154). Кстати, Вячеслав тоже умер неожиданно, после пирушки с дружиной. Накануне он встречался с Ростиславом Мстиславичем, был “добр и здоров”, а ночью “был весел с своею дружиною и шел спать здоров. Яко же легл, тако боле того не встал, ту и Бог поял” (Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 472, 473). Постриженный в монастырь князь Игорь (1147) стоял по обычаю “на обедни **оу** святого Федора”. Изяслава Мстиславича (1154) погребли “**оу** святого Федора в отни ему монастыри”. В 1175 г. убийцы Андрея Боголюбского силою выломали “двери **оу** сении”. Уже упомянутого игумена св. Спаса, Луку, как владими́ро-суздальского епископа (с 1189 г.) “положиша **оу** святое Богородици в граде Володимери”. В Новгороде (1218) Василия Мстиславича “положиша **оу** святой Софии в стен Богородици в головах **оу** деда”. В 1232 г. “преставися архіепископ Новгородский Антоніи и положен быс **оу** святей

Софии в притворе” (Лаврентьевская летопись, 1927. Стлб. 317, 342, 369, 407, 502, 512).

Этот (далеко не исчерпывающий) список четко описанных погребений доказывает, что летописцы часто применяли предлог *у* для определения погребения *внутри*, а не *около* постройки, храма, города.

Неубедителен и тезис об отсутствии княжеских погребений в интерьере храма: там явно были гробницы, уничтоженные в XVII–XIX вв. без фиксации. Кроме того, и в Софийском соборе (и в других, например в Федоровском) тщательные исследования не обнаружили (кроме двух стоявших сверху мраморных саркофагов) многочисленных княжеских погребений, известных по летописи. Заметим, что на наружном некрополе вскрывались не какие-то специально намеченные для поиска участки, где можно было бы ожидать княжеских погребений с большей вероятностью. Вообще, наружный некрополь известен не полностью, и в нераскрытых частях, вероятно, есть (или были) и другие погребения в саркофагах. Так что три обнаруженные в 1989–1990 гг. гробницы – всего лишь случайная выборка. Вероятность попадания в нее одного из трех ожидаемых погребений (тем паче всех трех) исчезающе мала.

Итак, пока нет данных для идентификации погребенных в саркофагах на кладбище Спаса на Берестове с историческими известными личностями; не смогут прояснить дела и анализы ДНК уцелевших останков (во всяком случае на нынешнем уровне науки). Приписать эти погребения Юрию Долгорукому и его сыну Глебу без исчерпывающих доказательств будет, мягко говоря, гипотезой, а скорее – произволом. Великий князь киевский Юрий Долгорукий, легендарный основатель Москвы, – историческая личность и государственный деятель. К его памяти следует относиться с подобающей ответственностью и устранить любую возможность исторической фальсификации, вольной или невольной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балакин С.А. Нові дослідження церкви Спаса на Берестові // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ, 2003.
- Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М.; СПб., 2000 (2-е изд.).

- Булкин В.А. О времени постройки церкви Спаса на Берестове // Археологія. 1995. № 2.
- Гончар В.М. Церква Спаса на Берестові: Нові архітектурно-археологічні дослідження // Київська старовина. 2002а. № 1.
- Гончар В.М. Середньовічний некрополь церкви Спаса на Берестові у Києві // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002б.
- Івакін Г.Ю., Балакін С.А. Звіт про результати археологічних досліджень церкви Спаса на Берестові у 2003 р. // Науковий архів Інституту археології НАН України. 2004. № 29.
- Известия императорской Археологической Комиссии. Вып. 32. СПб., 1909.
- Известия императорской Археологической Комиссии. Вып. 41. СПб., 1911.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 2.
- Каргер М.К. Древний Киев. Т. 2. М.; Л., 1961.
- Київська старовина. Київ, 1972.
- Красицкий Д.Ф., Федоренко П.К. Усыпальница Юрия Долгорукого. М.; Л., 1948.
- Л.[ебединцев] П.Г. Спас на Берестове // КС. Т. XXII. Киев, 1888.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1926. Т. 1. Вып. 1.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1927. Т. 1. Вып. 2.
- Лошкарев П.А. Что осталось от древней Киевской церкви Спаса на Берестове? // Тр. Киевской Духовной академии. Т. III. № 7. Киев, 1867.
- Макаров Н.А. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. 1981. № 2.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. 2000. Т. III.
- Радзивилловская летопись // ПСРЛ. 1989. Т. 38.
- Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.
- Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. М.; Л., 1964.
- Толочко А.П. “История Российская” Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005.
- Харламов В.О., Гончар В.М. Дослідження пам’ятки архітектури XII ст. – церкви Спаса на Берестові у 1989–1990 рр. // Археологічні дослідження в Україні 1991 р. Луцьк, 1993.
- Харламов В.А., Гончар В.Н. Отчет об археологических раскопках памятника архитектуры XII в. церкви Спаса на Берестове, проведенных на территории Киево-Печерского заповедника в 1989 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. 1990. № 29.
- Харламов В.А., Гончар В.Н. Отчет об археологических исследованиях церкви Спаса на Берестове XII–XIX вв., проведенных Архитектурно-археологической постоянно действующей экспедицией Института археологии АН УССР в 1990 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. 1991. № 30.

The necropolis of the Kiev Church of the Savior on Berestovo and “the grave of Yuri Dolgorukiy”

G. Yu. Ivakin

Summary

The article is devoted to the study of one of the oldest Kiev churches, – that of the Savior on Berestovo, where Great Knyaz of Kiev Yuri Vladimirovich Dolgorukiy, the founder of Moscow, was buried. In the 19th–20th cc., especially during the 1989–1990 excavations, several dozen burials were discovered, including burials in crypts and stone sarcophagi. Yet none of those can be considered to be the grave of Yuri Dolgorukiy.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

МОСКОВСКИЕ ПЕЧАТКИ XVI–XVII вв. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ЦЕНТРА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ г. МОСКВЫ 1994–2004 гг.

© 2008 г. А. Г. Векслер, В. А. Беркович

Москомнаследие, Москва

Печатки-матрицы (предметы с обратным изображением знаков для оттиска на чем-либо), которыми исполнялись оттиски владельческих (личных) печатей непосредственно на документах и, возможно, на подвесных буллах¹, относятся к числу эпиграфических и изобразительных материалов. К сожалению, до сих пор они крайне недостаточно используются историками и археологами. Задача нашей статьи – ввести часть их в научный оборот.

Отметим, что печатки в Москве делали из всех пригодных материалов: металла, стекла, кости, поделочного камня и даже известняка. Это могли быть вставки или щитки перстней, двусторчатые “медальоны” с подвижным соединением створок, изделия из цельного камня и др. Печатки-матрицы XVI–XVII вв. с текстами и/или изображениями, несомненно, обладают значительным информационным потенциалом: это персональные свидетельства, редкие для почти анонимной культуры “среднего класса” Московской Руси; по значению они сопоставимы с такими материалами, как надписи и орнаменты на московских надгробиях (Беляев, 1996; 2006). И в том, и в другом случае за артефактом и изображением на нем стоит вполне конкретная, уникальная, хотя не всегда известная нам по имени, личность. Количество таких печатей в городе должно было, видимо, приближаться к числу самостоятельных горожан – дворовладельцев, и в собраниях коллекционеров они встречаются довольно часто (Романченко, 1905). Вместе с тем при археологических исследованиях в Москве их находки пока редки: так, печаток с надписями среди них было известно всего две (Рабинович, 1971. С. 9–116. Рис. 11, 1; Станюкович, 2001. С. 72–74).

В настоящей статье впервые публикуется 28 находок печаток (медных перстней-печаток, печаток-подвесок и стеклянной вставки перстня-печатки). В описания включены: анализ контекста, в котором вещь обнаружена; морфология пред-

мета; чтение текста²; первичная характеристика иконографии; основания для датировки и атрибуции. Вещи разделены на две группы: печатки с надписями³ и печатки с изображениями различных символов, распределенные по сюжетам вне зависимости от типа носителя печати. Нумерация сплошная.

Печатки с надписями

1. Двойная печатка-подвеска из медного сплава (рис. 1, 1). Обнаружена при выборке заполнения погребца крупной городской усадьбы (2003 г., Б. Трехсвятительский пер., д. 1–3). Комплекс датирован XVII в. на основании находки серебряной копейки царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.), медных копеек царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.), фрагментов стеклянных штофов западноевропейского происхождения XVII в. (Векслер, Лихтер, 2001. С. 365–375).

Двойная печатка встречена в Москве впервые. Она состоит из двух круглых двусторонних матриц и овальной пряжки с килевидным завершением, скрепленных между собой подвижно так называемым цепным соединением. Сквозь двойные ушки пряжки, двойные ушки одной матрицы и одинарное ушко другой пропущен заклепанный с двух концов стержень. Подвижное соединение позволяло получать отпечатки с двух сторон каждой из матриц. Диаметр печатки 14 мм, пряжки 9 × 9 мм, диаметр отверстия в ней 5 мм.

На одной стороне первой матрицы помещена обратная углубленная надпись вязью в три строки, ниже нее – три изогнутых стебелька. Читается: “ПЕЧАТЬ //ДОБРА ЧЕ//ЛОВЕКА”. А.А. Медынцева отметила два архаизирующих признака, восходящих ко второму южнославянскому влиянию: одностороннее **ч** (“червь”) появилось на Руси (сохранялось и позже первой половины XVI в.) и **д** (“добро”) в виде греческой “дельты”. Далее, в

¹ Тексты XII–XVII вв. и более поздние называют печатями сами матрицы (Словарь..., 1989. С. 36; Словарь..., 2000. С. 385), но при описании вещей это создает путаницу. Термин “печатки” кажется нам более точным.

² В чтении и комментировании текстов авторы консультировались с палеографами: А.А. Медынцевой, А.А. Туриловым, А.Г. Авдеевым. Выражаем им искреннюю благодарность.

³ Печатки с надписями предварительно опубликуются нами в сборнике “Вопросы эпиграфики” (Вып. 2. В печати). Для настоящей статьи материал существенно переработан.

Рис. 1. Печатки с надписями. 1 – Б. Трехсвятительский пер., д. 1–3, 2003 г.; 2 – Кадашевская наб., 16–18, 1996 г.; 3 – Старый Гостиный двор, ул. Варварка, д. 3, 2000 г.; 4 – ЦВЗ “Манеж”, Манежная пл., д. 1, 2004 г.; 5 – Кадашевская наб., 30, 2002 г.; 6 – ул. Рождественка, д. 17–19, 2000 г. Здесь и на остальных рисунках оригинал дан в масштабе – а, оттиск – б.

слове “печать” **я** (иотированное **а**) отличается от конечного **а** в словах “добра” и “человека” (т.е. **а** и **ia** различаются). Эта буква начинает эволюционировать, постепенно приближаясь к современной букве **я**, только в XVII в., что помещает вероятную дату надписи в XVII в. Надпись того же содержания несут перстни-печатки: найденный в Суздале перстень XVI в. (“П[ечать] Д/ОБРЯ/Ч[еловека]”; см.: Седова, Курганова, 1998. С. 231–236) и медный перстень-печатка XVII в. из коллекции Н.Ф. Романченко (надпись в четыре строки; Романченко, 1905. С. 28. №48). На обороте первой матрицы – изображение птицы (при оттиске “вправо”). На второй матрице также помещены углубленные изображения, с одной стороны – Самсон, разрывающий пасть льву (при оттиске “вправо”), с другой – “зверь” с гривой, т.е. лев (при оттиске “вправо”).

Можно предположить, кому принадлежала печатка. На исследованном участке помещались владения Никиты Вышеславцева и Никиты Тарутина (“План Восточной части Белого города, составленный по данным на 1631 г.”; см.: Богоявленский, 1952). Вышеславцевы – дворянский род, восходящий ко второй половине XV в., владевший поместьями в Новгородской обл., Тамбовском и Московском уездах. Никита Васильевич Вышеславцев, в 1609 г. ярославский воевода, затем новгородский уполномоченный для предложений русского престола шведскому королевичу Филиппу; полномочный посол в Швецию (1616–1618) и Польшу (1621–1624) для размежевания земель, составитель писцовых книг по Устюжне (Русский..., 1998. С. 506). Перепись 1620 г. указывает на принадлежность Микиты Тарутина к суконной сотне – купеческому объединению, ориентированному на торговлю с Западом, осуществляемую, в том числе, через Новгород Великий (Переписи..., 1896. С. 20). Хорошо сочетается с возможной принадлежностью печатки одному из названных Никит найденный в заполнении погребка медный нателный крест с изображением Никиты Бесогона и архангела Михаила (на обратной стороне), что может говорить об изготовлении предмета в Тверской или Новгородской земле (Векслер, Беркович, 2005. С. 223–230).

Формула “добрый человек” как обозначение социального статуса известна по находке в московском Казарменном переулке чернолощеного кувшина с надписью “Кувшин добра человека Григория Офонасева”; характер написания позволил датировать ее не позднее первой половины XVII в. Григорий Афанасьев был состоятельным торговцем, державшим в 1626 г., согласно “Книге об устройстве торговых рядов”, лавку в Китай-городе (Золотов, 1959. С. 284–286). “Добрые люди” в источниках XII–XVI вв. – зажиточная часть податного (непривилегированного) населения Руси: “А брати ему дворовая пошлина ... с сорока собо-

лей съ доброго и с середнего и с плохого по алтыну (Акты..., 1836. С. 399; Словарь древнерусского..., 2000. С. 39), поэтому из двух названных выше лиц Микита Тарутин как владелец печатки более вероятен.

Известны и другие печатки с “притяжательными” надписями, указывающими на владельцев. Таковы прикладная печатка-матрица с надписью “ПЕЧАТЬ ИВАНА КАРОВИ” второй половины XV в. (работы М.Г. Рабиновича в Зарядье в 1949 г.; 1971. С. 9–116. Рис. 11, 1) и серебряный перстень XVI в. с надписью “ПЕЧАТЬ НА БУЗЕ МЧНКА ПРЬЧТА” (наблюдения за земляными работами на ул. Солянке, 1977 г.; см.: Станюкович, 2001. С. 72–74).

Целая серия печаток с надписью не имеет таких указаний, но несет нравоучительные тексты-девизы.

2. Перстень-печатка медного сплава (рис. 1, б). Найден при наблюдениях за земляными работами в Белом городе (ул. Рождественка, д. 17–19, 2000 г.). В XVII в. здесь располагались дворы звонарей и сторожей кремлевских соборов. Щиток перстня овальный, 12 × 11 мм; внутренний диаметр шинки 20 мм. На щитке – углубленная зеркальная надпись в три строки, заключенная в линейную круглую рамку. Читается: “НЕ БО/ИСЯ СМ(Е)/РТИ Б[ойся...]” (буквы “**И**” и “**Б**” в конце надписи объединены в лигатуру). У В.И. Даля есть близкая по смыслу поговорка: “Не бойся смерти, бойся греха” (Даль, 2000. С. 180). По мнению А.А. Турилова, палеографически надпись лишена ярких датирующих признаков. Начертания архаичны и вполне укладываются даже во вторую половину XV в., но столь же вероятно и более поздняя датировка, вплоть до середины XVII в. Возможная причина такой архаичности – простое неумение изготовителя перстня правильно писать, о чем свидетельствует ошибка в написании буквы “**Н**”, при оттиске в зеркальном отображении читающейся как “**И**”.

3. Перстень-печатка медного сплава (рис. 1, в). Обнаружен в Замоскворечье при наблюдениях за земляными работами (Кадашевская наб., 30, 2002 г.). В XVII в. здесь находились дворы Кадашевской слободы. Щиток восьмигранный (15 × 15 мм); шинка (внутренний диаметр 22 мм) в зонах, прилегающих к щитку, украшена полосами с косыми насечками – по две с каждой стороны. На щитке – углубленная зеркальная надпись в четыре строки в восьмигранной рамке с орнаментом в виде насечек. Читается: “ЛЮБО(ВЬ)/ТИ БУД/ЕТ НЕ/ОМАНА” (парафраз изречения из “Послания апостола Павла Римлянам”, 12: 9: “Любовь (да будет) непритворна”). Слово “оман” (обман) иллюстрирует специфическое явление диалектов новгородского типа: изменение **бм** в **м** (Горшкова, Хабургаев, 1981. С. 112). По памятни-

кам древнерусской письменности северорусских территорий (Псков, Нарва) это явление фиксируется не ранее XVI в. (Словарь русского..., 1987. С. 91).

4. Круглая двусторонняя печатка-подвеска медного сплава (рис. 1, 4). Найдена в 2004 г. при выборке ямы в материке на месте Центрального выставочного зала (Манежная пл., д. 1). В заполнении ямы преобладали фрагменты белоглиняной гладкой, чернолощеной с небрежным лощением, мореной керамической посуды, а также фрагменты рельефных полихромных изразцов. Это позволяет датировать засыпку ямы концом XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 28–47)⁴. Диаметр печатки 15 мм. На одной стороне, в круглой линейной рамке, углубленная зеркальная надпись. Читается: “ПРИ СЛАВЕ БУДИ С[мирен]”. Надпись выполнена очень развитой вязью с большим показателем и обилием штамбовых лигатур, объединяющих более двух букв. Как считает А.А. Турилов, в русской вязи на металле и в главном письме рукописей это указывает на время не ранее середины XVI в. Ситуация практически не меняется до конца XVII в. Как аналог приведем печатку-подвеску с идентичной надписью, найденную в Подмоскowie в районе д. Кстинино (Коршун, Станюкович, 2006. С. 14). Авторы публикации приводят ряд нравоучительных текстов XV–XVI вв., цитатой из которых является надпись на печатке. На другой стороне печатки помещено изображение орла (при оттиске “вправо”). Аналогом может служить отпечаток на воске с изображением орла под сотною грамотой 1632 г. с Пошехонских писцовых книг (Иванов, 1858. Табл. XIII, 124).

Переходный тип печаток, от надписных к несущим только символы, составляют печатки с подписанными изображениями.

5. Стеклоанная круглая вставка перстня-печатки из синего стекла (рис. 1, 2). Найдена в бревенчатом срубе на территории Кадашевской слободы XVII в. (1996 г., Кадашевская наб., д. 16–18). Сруб датируют медная копейка царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) и фрагменты белоглиняной гладкой и чернолощеной керамики XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 28–44), но печатка может быть и более ранней. На вставке (диам. 13 мм) помещено углубленное изображение птицы (при оттиске “влево”), клюющей змею, и полукруглая надпись “ОРЕЛ”. Для датировки имеет значение отпечаток на воске с похожим изображением и надписью, стоящий под выписью 1630 г. с писцовых книг Переславля-Залесского. (Иванов, 1858. Табл. XII, 100). Еще интереснее новгородские аналоги XV в.: печати с изображением птицы и надписью “ОРЕЛ” (Янин, 2003. С. 469. Рис. 10, 30, 31).

⁴ Все типы изразцов, упоминаемые в данной статье, см.: Немцова, 1989. С. 32. Табл. 5.

Печатки с изображением “зверя” (льва, барса)

6. Створка подвесной печатки-подвески медной, круглой (рис. 1, 3). Диаметр 14 мм, ушко обломано. Найдена на Старом Гостином дворе (ул. Варварка, д. 3, 2000 г.) в слое XVII в. Изображения льва на одной стороне и Самсона, разрывающего пасть льву, на другой абсолютно идентичны печатке № 1. Была ли на утраченной половине надпись неизвестно, но это вполне вероятно.

7. Перстень медного сплава со стеклянной вставкой-печаткой (рис. 2, 8). Найден при раскопках в районе “Ленивого” торжка (Кремлевская наб., д. 1/9, 1997 г.). При зачистке того же слоя (предматериковый горизонт) найден стеклянный витой браслет. В керамическом материале преобладают фрагменты серой и красноглиняной гладкой керамики, что позволяет датировать находку временем формирования раннего торгового в Занегимене, не позднее XIV–XV вв. Шинка (внутренний диаметр 19–20 мм) на участках, прилегающих к щитку, украшена орнаментом из трилистников. Щиток восьмигранный (17 × 19 мм). По контуру щитка – орнамент из косых насечек внутри линейной восьмигранной рамки. На ребре щитка – круговой орнамент из S-видных насечек. Вставка овальная стеклянная, поставлена на красную канифоль. На вставке изображен “зверь” – лев с гривой (при оттиске “влево”).

8. Перстень медного сплава (рис. 2, 3). Найден при раскопках 1996 г. у Арбатских ворот, в зоне дворов дворцовых слобод, в непосредственной близости от границы Белого города (ул. Арбат, д. 1/7). Слой, при зачистке которого обнаружен перстень, датируют полушка и копейка Ивана IV (1560–1580-е годы), и фрагменты красных рельефных изразцов конца XVI – первой половины XVII в. Шинка (внутренний диам. 18 мм) в зонах у щитка украшена прямыми насечками. Щиток овальный (10,5 × 9,5 мм). На щитке в линейной круглой рамке – углубленное изображение “зверя” с гривой – льва (при оттиске “влево”).

9. Перстень-печатка медного сплава (рис. 2, 1). Найден при раскопках 1996 г. у Арбатских ворот (см. № 8). Слой, при зачистке которого обнаружена печатка, на отдельных участках нарушен перекопами XVIII в., но находки фрагментов рельефных полихромных изразцов и преобладание белоглиняной гладкой и чернолощеной керамики позволяют датировать его второй половиной XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 28–47). Диаметр шинки 16 мм. Щиток перстня восьмигранный (11,5 × 9,5 мм). На щитке в линейной рамке углубленное изображение “зверя” (при оттиске “влево”), судя по гриве – льва.

10. Перстень-печатка медного сплава (рис. 2, 5). Найден при работах в Белом городе в 1990 г. (ул. Герцена/Б.Никитская, д. 11) в переотложенном слое в зоне дворов Устюжской полусотни

Рис. 2. Печатки с изображением “зверя” (льва, барса). 1, 3 – ул. Арбат, д. 1/7, 1996 г.; 2 – ул. Б. Дмитровка, д. 17, 2001 г.; 4 – Кадашевский пер, 12/11, 1996 г.; 5 – ул. Б. Никитская, д. 11, 1990 г.; 6 – Леонтьевский пер, д. 11/13, 2004 г.; 7 – ул. Б. Ордынка, 40, 1994 г.; 8 – Кремлевская наб., 1/9, 1997 г.

XVII в. Шинка (внутренний диаметр 20 мм) у щитка украшена полосой с косыми насечками. Щиток имеет форму, близкую к овальной (14 × 12 мм). На щитке – углубленное изображение “зверя” (при оттиске “влево”) в овальной рамке с точечным орнаментом. Весьма близкие изображения “зверя” помещены на монетах Великого княжества

Тверского первой трети XV в., например князя Ивана Михайловича (Спаский, 1962. С. 79. Рис. 55, 3).

11. Перстень-печатка медного сплава (рис. 2, 6). Найден при раскопках в Белом городе в зоне дворов Устюжской полусотни и Новгородской черной сотни XVII в. (Леонтьевский пер., д. 11/13, 2004 г.). Слой, при зачистке которого обнаружен

перстень, датируют находки красноглиняных горшка и миски XVI в. и фрагмента белоглиняной поливной фляги XVI–XVII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 15, 16, 50). Шинка перстня (внутренний диаметр 18 мм) в зонах, прилегающих к щитку, украшена полосами с косыми насечками – по три с каждой стороны. Щиток перстня шестигранный (10 × 10 мм) с углубленным изображением “зверя” (при оттиске “вправо”) в линейной шестигранной рамке. Аналог изображения – печатка № 10.

12. Перстень-печатка медного сплава (рис. 2, 2). Найден при раскопках 2001 г. в Белом городе в зоне дворов Новгородской черной сотни XVII в. (ул. Б. Дмитровка, д. 17, 2001 г.). Слой усадебной застройки, в котором обнаружен перстень, датирован московской денгой великого князя Василия Ивановича (1505–1533) и денгой царя Ивана IV (1533–1584). В слое преобладала красноглиняная гладкая, чернолощенная сплошь и белоглиняная грубая керамика. (Розенфельдт, 1968. С. 12, 28, 44). Вероятная дата слоя – XVI в. Шинка (внутренний диаметр 18 мм) у щитка украшена прямыми насечками по три с каждой стороны. Щиток перстня имеет форму, близкую к овальной (11 × 12 мм). На щитке помещено углубленное изображение “зверя” (при оттиске “вправо”).

13. Перстень-печатка белого металла (рис. 2, 7). Найден в Замоскворечье (Б. Ордынка, д. 40, 1994 г.) в зоне стрелецкой слободы XVII в. в погребке усадьбы. Его заполнение содержало красноглиняную и белоглиняную гладкую керамику, а также фрагменты “каменного рейнского товара” (Розенфельдт, 1968. С. 44, 70). Вероятная дата заполнения – конец XVI–XVII в. Щиток овальный (диам. 8 × 6 мм), вокруг щитка плетеный орнамент. Шинка (внутренний диам. 18 мм) в зонах у щитка украшена стилизованным растительным орнаментом. На щитке – углубленное изображение “зверя” (при оттиске “влево”). Близкие изображения зверя – на монетах Великого княжества Тверского XV в. (Орешников, 1996. Табл. VII, 231).

14. Перстень-печатка сплава меди и серебра (?) (рис. 2, 4). Найден в Замоскворечье в зоне Кадашевской слободы XVII в. (Кадашевский пер., д. 12/11, 1996 г.). Слой, при зачистке которого перстень обнаружен, датируют фрагменты муравленых и красных рельефных изразцов первой половины XVII в. Шинка перстня обломана, внутренний диаметр около 20 мм. Щиток круглый (диам. 15 мм); на нем в линейной круглой рамке – углубленное изображение “зверя” с гривой, т.е. льва (при оттиске “вправо”).

Печатки с изображением воина-копьемосца

15. Перстень-печатка медного сплава (рис. 3, 2). Найден в Замоскворечье (переотложенный слой) на территории Толмацкой слободы XVII в. (Старый Толмачевский пер., вл. 1–5, 2000 г.). Шинка

перстня деформирована, внутренний диаметр около 20 мм. Щиток восьмигранный (18 × 12 мм). На щитке в линейной круглой рамке – углубленное изображение воина в шлеме и доспехе, с кривой саблей в одной руке и копьем со стягом в другой (при оттиске “влево”). Близкое по композиции изображение – на монетах Великого княжества Тверского (монета Бориса Александровича, 1425–1461 гг.). (Спаский, 1962. Рис. 55, 6).

16. Перстень-печатка медного сплава (рис. 3, 1). Найден при раскопках в Замоскворечье (Б. Татарская ул., д. 16–18, 2003 г.) в зоне Татарской слободы XVII в., в непосредственной близости от замоскворецкого “Ленивого торжка”. Предметный слой, при зачистке которого обнаружен перстень, имел значительные нарушения, но его сохранные участки датируют находки фрагментов муравленых и рельефных полихромных изразцов XVII в. Щиток перстня круглый (диаметр 10.5 мм). Шинка перстня деформирована, внутренний диаметр около 18 мм. На щитке в линейной круглой рамке – углубленное изображение воина. На воине доспех, в одной руке копье острием вниз, в другой лук (?) (при оттиске “вправо”).

17. Печать-подвеска медного сплава (рис. 3, 5). Найден при раскопках (ул. Б. Дмитровка, д. 17, 2001 г.) в зоне дворов Новгородской черной сотни XVII в. Слой включал фрагменты муравленых и красных рельефных изразцов первой половины XVII в. Подвеска круглой формы (диаметр 16 мм), ушко граненое (диаметр отверстия 2.5 мм). На одной стороне – углубленное изображение воина в шлеме и доспехе, с кривой саблей в одной руке и копьем со стягом в другой (при оттиске “вправо”). Композиция заключена в линейную круглую рамку. Близкая композиция – на монетах Великого княжества Тверского, например на монете Бориса Александровича 1425–1461 гг. (Спаский, 1962. Рис. 55, 6). На другой стороне печати – углубленное изображение птицы (при оттиске “вправо”) в круглой линейной рамке. Аналогичное изображение – на монетах Северо-Западной Руси XV в.: тверских пулах (Гайдуков, 1993. С. 93. Рис. IV), монетах Великого Новгорода (Толстой, 1884); монете, отчеканенной в Торжке (Орешников, 1996. С. 33, 34).

Печатки с изображением всадника с саблей

18. Перстень-печатка медного сплава (рис. 3, 4). Найден в Замоскворечье в зоне дворов Кадашевской слободы XVII в. (Кадашевская наб., д. 16–18, 1998 г.). Слой включал находки фрагментов белоглиняной гладкой и чернолощенной керамики XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 38, 45). Щиток восьмигранный (10 × 10 мм), на нем углубленное изображение всадника в шлеме с саблей (при оттиске “вправо”). Диаметр шинки 18 мм. Серебряный перстень-печатка с изображением всадника с

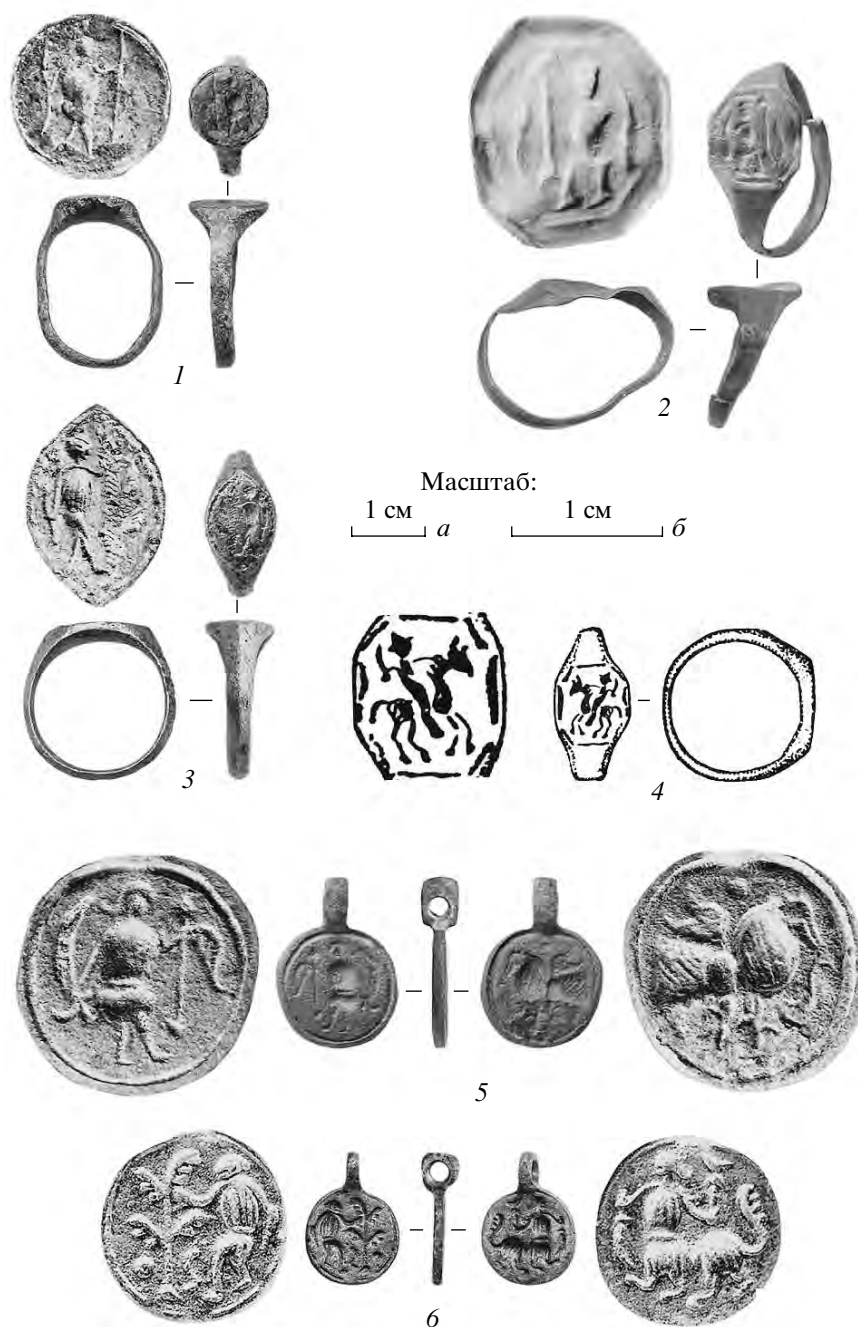

Рис. 3. Печатки с изображением “воинов” и фигур с пальмовыми ветвями. 1 – ул. Б. Татарская, д. 16–18, 2003 г.; 2 – Старый Толмачевский пер, вл. 1–5, 2000 г.; 3 – Старый Гостиный двор, ул. Варварка, д. 3, 1998 г.; 4 – Кадашевская наб., 16–18, 1998 г.; 5 – ул. Б. Дмитровка, д. 17, 2001 г.; 6 – 1-й Кадашевский пер., 14/13, 1999 г.

саблей найден также при раскопках Кормового Двора в Коломенском (Нелюбов, 2001. С. 5).

*Печатки с изображением воина,
стоящего у дерева*

19. Перстень-печатка медного сплава (рис. 3, 3). Найден при раскопках на Старом Гостином дворе на участке, расположенном вблизи от Хрустального переулкa (ул. Варварка, 3, 1998 г.). Слой, при

зачистке которого была обнаружена печатка, включал красные рельефные изразцы первой половины XVII в. Шинка перстня треугольная в сечении (диаметр 18 мм). Щиток листовидный (13 × 9 мм), на нем в линейной рамке, проходящей по краю, углубленное изображение воина с мечом в одной руке и ветвью (?) в другой (при оттиске “вправо”).

20. Печатка-подвеска медного сплава (рис. 3, 6). Найдена при раскопках в Замоскворечье в зоне дворов Кадашевской слободы XVII в. (1-й Кадашевский пер., 14/13, 1999 г.) в погребке XVII в., засыпанном при укрупнении владения в начале XVIII в. Среди находок: медная монета – “полушка” 1713 г.; медная монета – “солид” Яна II Казимира Вазы (60-е годы XVII в.); медный счетный жетон, отчеканенный в Нюрнберге в начале XVIII в., имитирующий французскую монету Людовика XIV; фрагменты муравленных рельефных безрамочных изразцов второй половины XVII в. Подвеска круглой формы (диаметр 12 мм). На одной стороне – углубленное изображение человеческой фигуры с мечом (посохом?) в правой руке и ветвью в левой (при оттиске вся композиция отражается зеркально). Подобное изображение есть на перстне-печатке XV–XVI вв. из Суздаля (Седова, Курганова, 1998. С. 231–236. Рис. 1, 4). На другой стороне печати читается углубленное изображение кентавра (при оттиске “влево”) с пащей в одной руке и саблей в другой.

Изображения воина, стоящего у дерева, неоднократно встречаются на печатках XV–XVI вв. (Хохлов, Хухарев, 1999. С. 135. Рис. 2, 1). По мнению М.В. Седовой и Н.М. Кургановой, эти изображения перешли на печати с монет и “носят светский характер, в котором ощущается западноевропейское влияние. Наблюдается оно в форме головного убора и короткого доспеха” (Седова, Курганова, 1998. С. 231–236).

Печатки с изображением птицы

21. Перстень-печатка медного сплава (рис. 4, 6). Найден при раскопках на Старом Гостином дворе (ул. Варварка, 3, 1998 г.), на участке вблизи от улицы Ильинки. В том же слое встречен фрагмент красноглиняной игрушки-коника с росписью (грива, детали упряжи) красной краской по ангобу. Производство подобных изделий в Гончарной слободе в Заяузье прекратилось в конце XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 22). Шинка перстня диаметром 18 мм деформирована, на участках, прилегающих к щитку, украшена насечками в виде елочек. Щиток овальный (8 × 9 мм). На щитке – углубленное изображение птицы (при оттиске “вправо”).

22. Перстень-печатка медного сплава (рис. 4, 4). Найден при раскопках в Белом городе в зоне дворов Новгородской черной сотни XVII в. (ул. Б. Дмитровка, д. 17, 2001 г.). Слой содержал также красные и муравленные рельефные изразцы первой половины XVII в. Внутренний диаметр шинки 18 мм. Щиток имеет форму, близкую к овальной (10 × 8 мм); на щитке – углубленное (сохранилось плохо) изображение птицы (при оттиске “влево”).

23. Перстень-печатка медного сплава (рис. 4, 5). Найден в переотложенном слое в Замоскворечье,

в зоне дворов Толмацкой слободы XVII в. (Старый Толмачевский пер., вл. 1–5, 2000 г.). Шинка перстня обломана (внутренний диаметр около 17–18 мм). Щиток 10 × 8,5 мм по форме близок к овалу. На щитке – углубленное схематичное изображение птицы (при оттиске “вправо”).

Печатки с изображением крылатого коня (Пегаса)

24. Перстень-печатка медного сплава (рис. 4, 3). Найден в переотложенном слое при выборке техногенных напластований на Старом Гостином дворе (ул. Варварка, 3, 1998 г.) на участке вблизи ул. Варварки. Шинка перстня (диаметр 18–19 мм) в зонах, прилегающих к щитку, украшена прямыми насечками. Щиток шестигранный (14 × 14 мм); на щитке в линейной шестигранной рамке углубленное изображение крылатого коня (при оттиске “влево”). Аналогичное или близкое изображение несет тверское пуло XV в. (Гайдуков, 1993. С. 192, 193).

25. Перстень-печатка медного сплава (рис. 4, 2). Найден при раскопках на территории Казачьей слободы XVII в. (1-й Казачий пер., д. 5–7, 1995). В погребке вместе с печаткой обнаружены рельефные полихромные изразцы второй половины XVII в. и денга 1732 г., датирующие момент засыпки. Шинка перстня (диаметр 17,5–18 мм) деформирована. Щиток восьмигранный (10 × 8 мм). На щитке – углубленное изображение крылатого коня (при оттиске “влево”).

Печатки с изображением единорога

26. Перстень-печатка медного сплава (рис. 4, 1). Найден в переотложенном слое (Нижняя Радищевская ул., вл. 2, 2003 г.). Внутренний диаметр шинки 18 мм. Щиток имеет форму, близкую к овальной (12 × 13 мм). На щитке – углубленное изображение единорога под деревом (при оттиске “вправо”) в круглой линейной рамке. Аналогичное изображение – на перстне-печатке XVI–XVII вв., найденном при раскопках в Пскове (Археологическое изучение..., 1983. Рис. 19, 6).

27. Печать-подвеска медного сплава. Найдена при раскопках в зоне здания Манежа (Манежная пл., д. 1 в 2004 г.). При разборке слоя отмечено преобладание фрагментов чернолощеной и белоглиняной гладкой керамики XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 28–44). Подвеска овальной формы (1,5 × 1,4 мм) с граненым ушком (рис. 4, 7). На одной стороне – изображение единорога под деревом (при оттиске “вправо”), на другой – голова в профиль в короне (при оттиске “вправо”). Изображения заключены в линейные круглые рамки. Аналог – восковой оттиск под выписью 1634 г. причту церкви Знамения Пресвятыя Богородицы в г. Севске. (Иванов, 1858. Табл. XIII, 129).

28. Печатка-подвеска медного сплава (рис. 4, 8). Найдена при раскопках в Белом городе в зоне

Рис. 4. Печатки с изображениями Пегаса, единорога и птицы. 1 – Нижняя Радищевская, вл. 2, 2003 г.; 2 – 1-й Казачий пер., д. 5–7, 1995 г.; 3, 6 – Старый Гостиный двор, ул. Варварка, д. 3, 1998 г.; 4, 8 – ул. Б. Дмитровка, д. 17, 2001 г.; 5 – Старый Толмачевский пер., вл. 1–5, 2000 г.; 7 – ЦВЗ “Манеж”, Манежная пл., д. 1, 2004 г.

дворов Новгородской черной сотни XVII в. (ул. Б. Дмитровка, д. 17, 2001 г.) В том же слое найдены копейки царя Алексея Михайловича и фрагменты белоглиняной гладкой и чернолощеной с небрежным лощением керамики XVII в.

(Розенфельдт, 1968. С. 38, 45). Подвеска круглой формы (диаметр 13 мм) с ушком подтрапецевидной формы (диаметр отверстия 2 мм). На одной стороне – углубленное изображение единорога (при оттиске “вправо”), на другой – человеческой

фигуры (при оттиске “влево”) и кувшина на столе (сцена пира?). Изображения заключены в линейные круглые рамки.

Подводя итог, отметим, что печати без надписей, но с различными изображениями встречаются примерно втрое чаще, чем подписные (пять против 23). Среди сюжетов больше всего – десять – изображений хищных “зверей” (семь – с гривой (лев), три – без гривы) и шесть – “птиц” (хотя отдельно этот сюжет представлен всего в трех случаях, следует учесть изображение птиц в сочетании с подписью (см. № 5) и на створках двусторонних подвесных печаток (см. № 1, 4 – с надписью на оборотной стороне, № 17 – с “копыеносцем” на оборотной стороне). Других сюжетов гораздо меньше: “копыеносец” – 3 экз., “пегас” – 3 экз., “единорог” – 3 экз. “воин у дерева” – 2 экз. В одном экземпляре представлены “всадник с саблей”, “кентавр”, “сцена пира”, “голова в короне”, “Самсон, разрывающий пасть льва”. Подавляющее большинство печаток найдено в зонах слободских дворов, ремесленных или военных.

Все возрастающее количество находок печаток при раскопках в Москве и других древнерусских городах с четкой археологической привязкой и датировкой позволит в будущем осуществить анализ публикуемых артефактов, их надписей или изображений в более широком контексте. В связи с новыми многочисленными поступлениями средневековых печаток из спасательных археологических раскопок в Москве мы предполагаем в ближайших выпусках журнала продолжить настоящую публикацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836.
- Археологическое изучение Пскова. М., 1983.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М., 1996.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. М., 2006.
- Богоявленский С.К. План Восточной части Белого города по данным на 1631 г. // История Москвы. Т. 1. Приложение. М., 1952.
- Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы XVII в. // Тр. конф. “Древние ремесленники Приуралья”. Ижевск, 2001.
- Векслер А.Г., Беркович В.А. Находки нательных крестов с изображением Никиты Бесогона из раскопок на ул. Б. Дмитровка в Москве // Ставрографический сб. Кн. 3. М., 2005.
- Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М., 1993.
- Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2000.
- Золотов Ю.М. Чернолощенный кувшин XVII в. с надписью // СА. 1959. № 1.
- Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в московском архиве министерства юстиции. М., 1858.
- Коришун В.Е., Станюкович А.К. Шейная печать из деревни Кстинино // Древности & старина. 2006. № 4 (9).
- Нелюбов С.И. Ратники на средневековых русских перстнях // Цейхгауз. 2001. № 15.
- Немцова Н.И. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. М., 1989.
- Орешиников А.В. Русские монеты до 1547 г. М., 1996.
- Переписи Московских дворов XVII ст. М., 1896.
- Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М., 1971.
- Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1968.
- Романченко Н.Ф. Надписи и девизы на русских печатях моего собрания. СПб., 1905.
- Русский биографический словарь. Т. 4. М., 1998.
- Седова М.В., Курганова Н.М. Перстни-печати XV–XVII вв. из Суздаля // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. VI. М., 2000.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. V. М., 2002.
- Спаский И.Г. Русская монетная система. Л., 1962.
- Станюкович А.К. Две церковные прикладные печати XVI ст. // Звенигородская земля. История. Археология. Краеведение. Звенигород, 2001.
- Толстой И.И. Русская допетровская нумизматика. Вып. 1. СПб., 1884.
- Хохлов А.Н., Хухарев В.В. Прикладные печати-матрицы из раскопок Затямацкого посада в Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999.
- Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Moscow seals of the 16th–17th cc. (Materials of the 1994–2004 Excavations Conducted by the Moscow Center for Archeological Research)

A. G. Veksler, V. A. Berkovich

Summary

The article publishes 28 seals (molds with inverse signs and inscriptions) for stamping personal seals on documents and pendant nameplates of the Moscow period, collected in the course of archeological investigations and salvage excavations in Moscow during the last 10 years.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

КОМПЛЕКСЫ КЕРАМИКИ ИЗ ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV – НАЧАЛА XVI в. ЗАЧАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ (г. МОСКВА)

© 2008 г. О. Н. Глазунова

Институт археологии РАН, Москва

Выделение и приведение в известность одномоментно составленных керамических комплексов как особо важная задача полевых исследований в Москве была поставлена Л.А. Беляевым в сборнике “Московская керамика: новые данные по хронологии” (Беляев, 1991. С. 43–49). Такие комплексы представляют значительную ценность для построения общей хронологии культурного слоя города, особенно в тех случаях, когда есть возможность датировать время их формирования по независимым источникам. Именно на их основе возможно дальнейшее уточнение и исправление той, в общем остающейся верной, картины развития технологий и форм сосудов, которую обрисовали М.Г. Рабинович (1971) и Р.Л. Розенфельдт (1968), и на которую мы опираемся при составлении статистических таблиц (Чернов, 1991). На протяжении последних десятилетий было выявлено и опубликовано немало закрытых и условно закрытых комплексов, происходящих с территории Москвы и Московской области. (см. указатель комплексов С.З. Чернова в коллективной монографии сектора археологии Москвы. “Культура...”, 2005). Комплексы из построек Зачатьевского монастыря помогут дополнить картину. Среди известных до сих пор подобных наборов посуды не встречалось. Несколько иную методику предлагает В.Ю. Коваль (1997; 2004а; б), однако и он в своих работах в большой степени опирается именно на закрытые и условно закрытые комплексы.

Новая серия условно закрытых комплексов, причем комплексов абсолютно неординарных, была получена при раскопках Зачатьевского монастыря в Москве на Остоженке¹. Комплексы относятся к тому периоду, когда монастырь носил еще название Алексеевского: он основан митрополитом Алексеем во второй половине XIV в. как первый женский в городе; точная дата дискутируется – между 1360 г. (официальная дата РПЦ) и 1377 г. (Львовская летопись, 1910. С. 198). Мона-

стырь неоднократно страдал от пожаров и разорений на протяжении второй половины XV–XVI в. и был обновлен в начале 1580-х годов царем Феодором Иоанновичем, после чего стал называться Зачатьевским, а старое название Алексеевский было “передано” дочерней обители, известной не позднее чем с 1547–1551 гг. внутри Чертольи (на будущем месте храма Христа Спасителя).

Комплексы представляют собой группы сосудов, обнаруженные *in situ* в подпольях деревянных зданий “монастырской улицы” (название условное) в центральной зоне Зачатьевского монастыря. Эта зона – участок разрушенного в 1930-х годах монастырского собора второй половины XVIII – начала XIX в. и участки, примыкающие к нему с востока, юга и запада – была полностью раскопана под рук. Н.А. Кренке (2003 г.) и Л.А. Беляева (2004–2007 гг.) (Кренке, Беляев, 2004. С. 149–152; Беляев и др., 2005. С. 98–100). При этом в южной части монастыря в 2004 г. была выявлена зона жилой застройки, планировка которой может быть восстановлена на период конца XIV – середины XVI в. (рис. 1).

Отличительная черта этой зоны – сохранность длинных линий деревянных бытовых построек, вытянутых в направлении запад–восток в южной части раскопанного пространства. Всего исследовано 13 построек; часть их была оставлена обитателями добровольно (в них находок мало или совсем нет), а часть – по причине пожара, после которого здания на прежних местах уже не возобновлялись. Внутри этих построек, вернее в подпольях, вырытых в материковом песке и сохранившихся (хотя заваленных сгоревшими балками и засыпанных грунтом), остались *in situ* керамические сосуды, стоявшие в подполе на земле или провалившиеся туда при обрушении наземной части здания. Участок не был затронут поздним строительством, но его верхние слои разрушены монастырским кладбищем, возникшим здесь в 1580–1590-х годах (первая датированная плита 1592/93 г.), поэтому более или менее закрытые комплексы смогли сохраниться только в подпольных частях сооружений.

¹ Настоящая статья представляет часть большого культурно-исторического исследования, подготовленного под руководством Л.А. Беляева по материалам работ 2003–2007 гг. в Зачатьевском монастыре. Из нее взяты также сведения исторического характера. (Беляев, 2008).

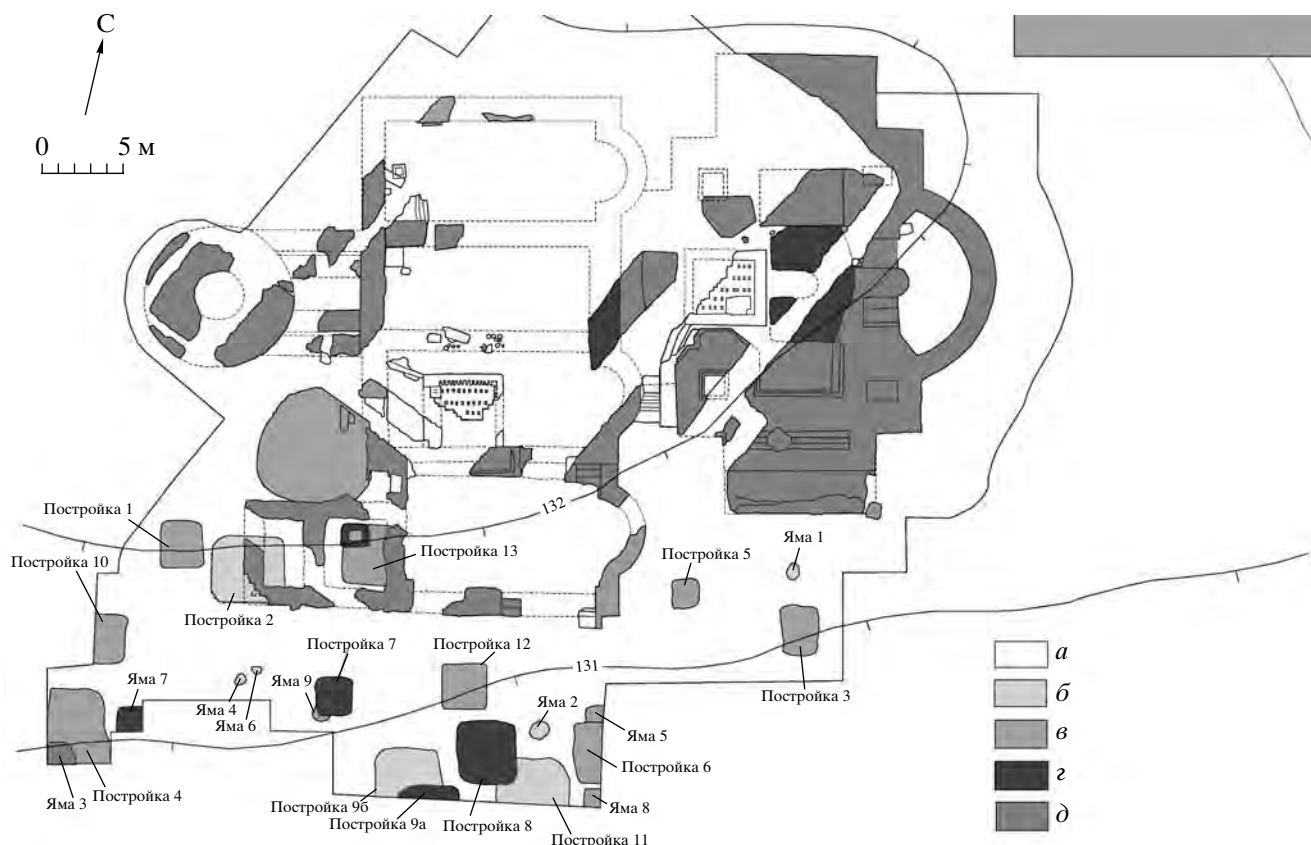

Рис. 1. Схема раскопанной части территории Зачатьевского монастыря с указанием обнаруженных построек: а – исследуемая территория; б – XV в.; в – начало – середина XVI в.; г – конец XVI – начало XVII в.; д – XVIII – начало XIX в.

Для изучения керамики особенно интересны наборы посуды из сгоревших построек. Два из них – из построек № 1 и 3 – представлены в настоящей статье. Оба сооружения сгорели в одном из пожаров (предполагаемые по письменным источникам даты: 1507, 1547 и 1571 гг.; вероятная дата гибели по археологическим материалам – в пределах второй-третьей четверти XVI в.); материал из их засыпки перекрыт рухнувшими балками перекрытий и досками полов, и представляет собой условно закрытые комплексы. Целые формы сосудов склеивались, измерялись и подробно описывались с упором на хроноиндикационные признаки. Для определения вместимости была использована компьютерная программа измерения объема по рисунку (масштабированному) или фотографии. В тех случаях, когда это было возможно, компьютерные результаты проверялись на практике².

Местоположение развалов в постройке отмечалось особо. Остальная керамика была подвергнута статистической обработке по методу, разработанному сотрудниками Московской археоло-

гической экспедиции: создавались таблицы, в которых фрагменты керамики распределялись по типам, определяемым комплексом признаков, включающих как морфологические так и технологические особенности. Фрагменты и целые сосуды, не вписывающиеся в общую картину московского керамического производства, описывались отдельно. При этом были сделаны попытки определить место их производства. Количество керамики относительно невелико, что позволяет выделить с достаточно высокой точностью практически все разбитые сосуды, находившиеся в слое построек, и оценить их примерное число и типовое разнообразие.

Постройка № 1 (участок Б – 2,6 × 2,4 м) была, возможно, отдельно стоящим подземным (заглубленным в землю?) прямоугольным (почти квадратным) сооружением. Вход находился с западной стороны; по обе стороны от него зафиксировано по столбовой ямке; прослежены остатки сгоревших ступеней; пол глиняный. Конструкция стен каркасно-столбовая, при которой забирка (доски или иной деревянный строительный материал, кроме бревен) удерживалась внутренними столбами. Значительную часть слоя в постройке составляло сгоревшее дерево (рис. 2). В заполне-

² Работа по реставрации сосудов выполнена А. Мирясовой, принимавшей участие и в лабораторном исследовании керамики.

нии найдена медная монета – пуло или подражание маленькому пуло³ (0.14 г, чеканились в конце XV в. и до 1533 г.), железная жаровня, нож, удила и костяная шашка.

Помимо развалов целых сосудов в заполнении постройки № 1 собрано 873 фрагмента керамики. Подавляющее большинство принадлежит двум типам, количество фрагментов каждого из которых распределилось примерно поровну: белоглиняной грубой 37.0%, красноглиняной гладкой 40.5%. Это соотношение характерно для первой половины XVI в. Если учесть, что белоглиняная грубая керамика здесь в основном представлена кувшинами, имеющими значительные размеры, то можно смело предположить количественное преобладание среди кухонной посуды в комплексе красноглиняных гладких горшков. Столовой посуды немного: краснолощеной 4.4% и отдельные фрагменты ангобированной пятнами и расписной по ангобу. Хорошо представлена красноглиняная грубая керамика – около 7.0%.

По-видимому, эта керамика является посудой, которая находилась в верхней части сооружения на момент пожара: большая часть фрагментов собрана на границе между горелым деревом и глиной, в тонкой прослойке песка грязно-желтого цвета, а многие из них (до 10.2% фрагментов) сильно оплавлены.

Среди обугленного дерева на дне погребов вдоль его стен стояли восемь глиняных сосудов (рис. 3, 4) и по центру северной стены лежала железная сковорода (диаметр 16 см). Рядом с ней – крупные, частично ошлакованные и оплавленные фрагменты красноглиняной керамики. В 60 см к востоку от сковороды, ближе к северо-восточному углу постройки, стояла неповрежденная кубышка (рис. 4, 7) (ангобирована сплошь и украшена двумя полосами небрежного линейного орнамента у основания горла и, чуть ниже, двумя полосами волнистого пологого орнамента). Шаровидное тулово наибольшего диаметра достигает примерно на половине высоты, горлышко хорошо оформлено, венчик с заворотом наружу (высота 20.5 см, диам. горла 7.4 см, диам. донца 9.2 см, вместимость – 1.7 л). Верхняя часть кубышки обожжена в пожаре настолько, что ее сначала приняли за чернолощеную, но низ изделия от огня не пострадал и сохранил изначальную белизну.

Вторая кубышка (развал № 6) (рис. 4, 8) найдена в противоположном, северо-западном, углу постройки. Внешне она напоминает бутылку с довольно узким и высоким горлом; венчик с заворотом наружу (диам. горла 5.2 см, донца – 9.7 см, высота 18 см, вместимость 0.9 л). Сосуд отличается

неровность поверхности, кривизна и небрежность обработки; черепок для такого небольшого сосуда очень толстый – 0.8 см и более. Изготовлена кубышка из слабожелезненной глины розовато-желтого цвета с примесью песка в тесте и покрыта ангобом. Особенности теста, плохой неполный обжиг, необычно большая толщина черепка, кривизна и неровность поверхности позволяют предположить, что кубышка сделана не в Гончарной слободе, а для внутренних монастырских нужд, руками какого-то местного мастера и явно не предназначалась для продажи. Она почти не пострадала от пожара, возможно, благодаря небольшой высоте: огонь, затронувший верхние части более крупных сосудов, до нее не добрался.

Вдоль восточной стены и в юго-восточном углу постройки стояли шесть кувшинов. Ближе к восточной стене – четыре крупных (высота 41–50 см) белоглиняных, чуть ближе к входу – два краснолощенных, значительно меньшего размера (высота 19.5–25.5 см). Почти по центру восточной стены находился развал белоглиняного грубого кувшина (развал № 1) (рис. 4, 3). Это один из самых высоких кувшинов в постройке (диам. горла 14.2 см, диам. донца – 15.4 см, высота – около 50 см, вместимость – 25.0 л!). По плечикам проходят две полосы линейного орнамента. Ручка плоскоовальная, орнаментированная неровной линией из 10 глубоких насечек. На глине с внутренней стороны ручки отпечатались следы грубой ткани. В тесте примесь крупного песка. По всей поверхности видны следы оплетки: первая полоса горизонтальная на высоте 10–11 см выше дна, далее до высоты 32 см видны четкие следы “сетки” из полос шириной около 2 см вокруг почерневших от гари ромбов в тех местах, где поверхность кувшина была свободна от оплетки. У основания ручки проходит верхняя горизонтальная полоса, выше которой слабо угадываются следы перекрещивающихся полос, ведущих от передней части под ручку. Скорее всего, оплетку сделали для предохранения сосуда от ударов при переноске и удобства подъема, так как керамическая ручка с трудом выдерживала бы (если вообще выдерживала) тяжесть полного сосуда.

Рядом с первым (40 см к югу) стоял еще один белоглиняный грубый кувшин (развал № 2) (рис. 4, 4) из слабожелезненной глины желтоватого оттенка с примесью (возможно, природной) мелкого песка в тесте, верх кувшина обгорел (диам. горла 11.6 см, донца – 15.8 см, высота 46 см, диам. окружности в самой широкой части тулова 102 см, вместимость 20.4 л). В верхней части две полосы линейного орнамента по плечу и одна полоса волны у основания горла. Ручка плоская с продольным прогибом посередине, орнаментирована тремя насечками.

³ Определение и описание монет П.Г. Гайдукова (Беляев, Гайдуков, 2006. С. 40, 41). В их поиске и первичной атрибуции участвовали В.А. Зайцев и А.М. Колызин.

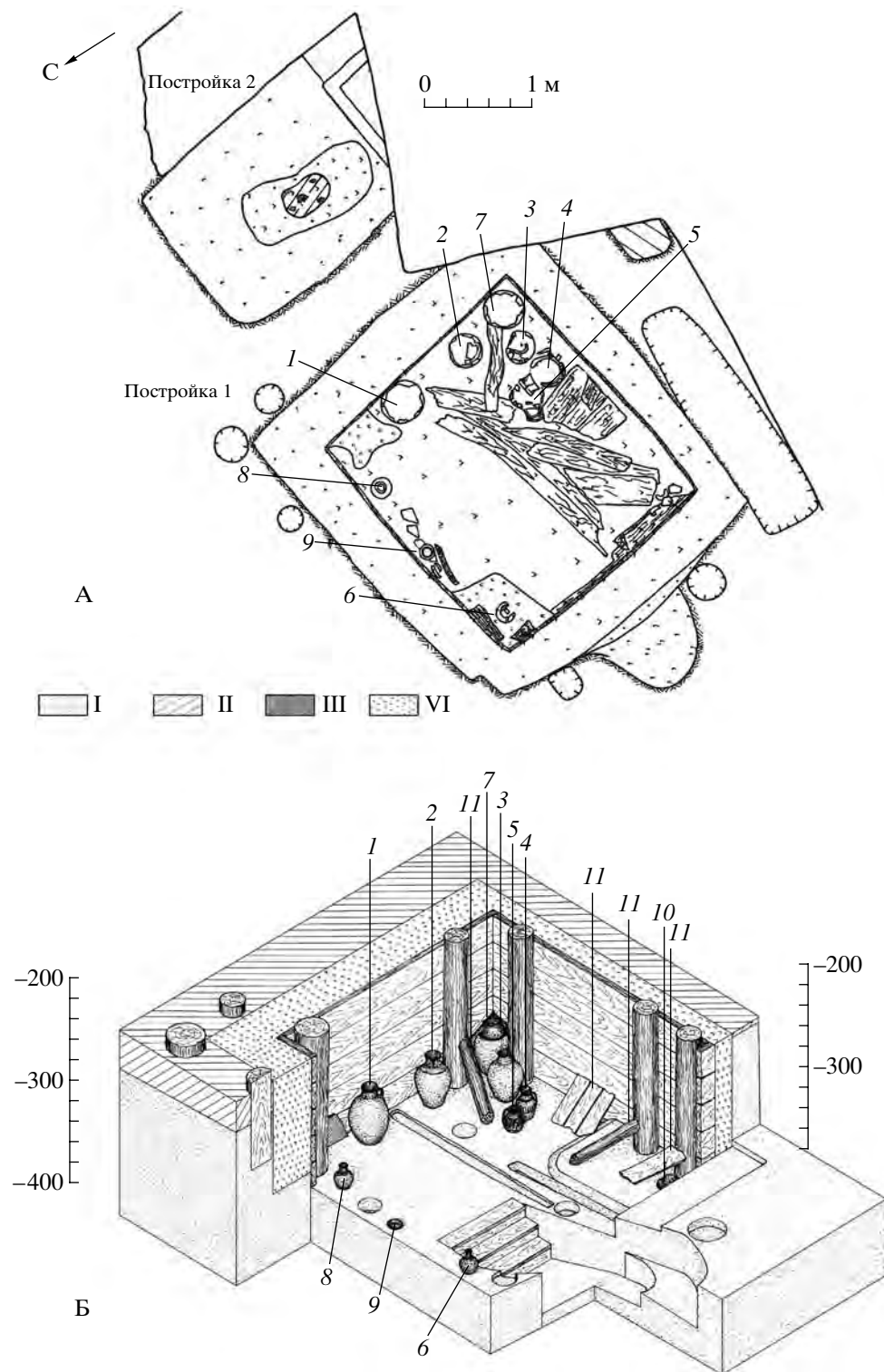

Рис. 2. А – План постройки № 1 на уровне –320–340. Номера развалов на чертеже соответствуют номерам сосудов; 8 – инд. находка № 368 (ангобированная кубышка); 9 – инд. находка № 378 (железная сковорода); Б – Реконструкция постройки № 1: 1–7 соответствуют номерам развалов сосудов; 8 – инд. находка № 368 (ангобированная кубышка); 9 – инд. находка № 378 (железная сковорода); 10 – камень-валун (гнет?); 11 – части рухнувшего перекрытия (показаны в целом произвольно, реконструкция П.В. Медведева и О.Н. Глазуновой). Условные обозначения: I – материковый песок; II – культурный слой; III – глиняная обмазка на стенах; IV – заполнение дренажной канавки.

Рис. 3. Сосуды из постройки № 1.

В юго-восточном углу постройки – третий белоглиняный грубый кувшин (развал № 7) (рис. 4, 1). Технологически он не отличается от развала № 2, но по объему меньше (диам. горла 15.2 см, донца – 17.0 см, высота 47.8 см., окружность в самой широкой части кувшина 102 см, вместимость 18.2 л). Верхняя часть орнаментирована четырьмя полосами линейного орнамента. Ручка плоскоовальная, с продольным прогибом посередине. С западной стороны от него – четвертый белоглиняный грубый кувшин этой постройки, развал № 3 (диам. горла 13.6 см, донца – 14.8 см, высота 41 см, окружность в самой широкой части 97 см, вместимость 17.0 л) (рис. 4, 2). В нежелезненной глине включения крупного песка и дресвы. Орнаментирован в верхней части одной полосой линейного орнамента. Ручка плоскоовальная, орнаментирована шестью насечками.

Все четыре кувшина стояли одной группой в юго-восточной части постройки, напротив входа. Верхние части их (в основном горло) носят следы пребывания в пожаре.

Западнее этой группы, несколько ближе к входу, стояли краснолощенные кувшины (развалы № 4 и 5) значительно меньших по сравнению с белоглиняными размеров. Если вместимость белоглиняных кувшинов колебалась от 17.0 (развал № 3) до 25.0 (развал № 1) литров, то вместимость

краснолощенных – около 3.0 л. Краснолощенные кувшины похожи по тесту (глина темно-красного цвета с примесью мелкого песка в тесте, обжиг ровный, горновой) и приемам орнаментации (лощению косыми полосами в средней части сосуда и неглубокому рифлению по горлышку), но сильно различаются по форме. Развал № 4 (рис. 4, 6) – сосуд имеет вытянутое яйцевидное тулово и высокое горло, с наибольшим диаметром в средней части тулова (диам. горла 10.5 см, донца – 10.0 см, высота 25.5 см, вместимость 3.1 л). На горлышке кувшина под венчиком десять полос неглубокого рифления, у основания горла три полосы линейного орнамента. Лощение – косые полосы от основания горла до нижней трети сосуда. Ручка скошена вправо. Горлышко и ручка обгорели. Развал № 5 (рис. 4, 5) – сосуд с шаровидным туловом, наибольшим диаметром в нижней трети и слабо выраженным невысоким горлом. Внешне он напоминает очень большую кружку (диам. горла 10.8 см, донца – 12.4 см, высота 19.5 см, вместимость 3.2 л). На горлышке 8–10 полос неглубокого рифления, занимающие всю поверхность невысокого горла. Лощение – косые полосы в средней трети сосуда. Ручка скошена вправо. Скос явно сделан намеренно: так удобнее брать и наклонять кувшин.

В юго-западном углу постройки находилось скопление фрагментов обгоревшей, сильно де-

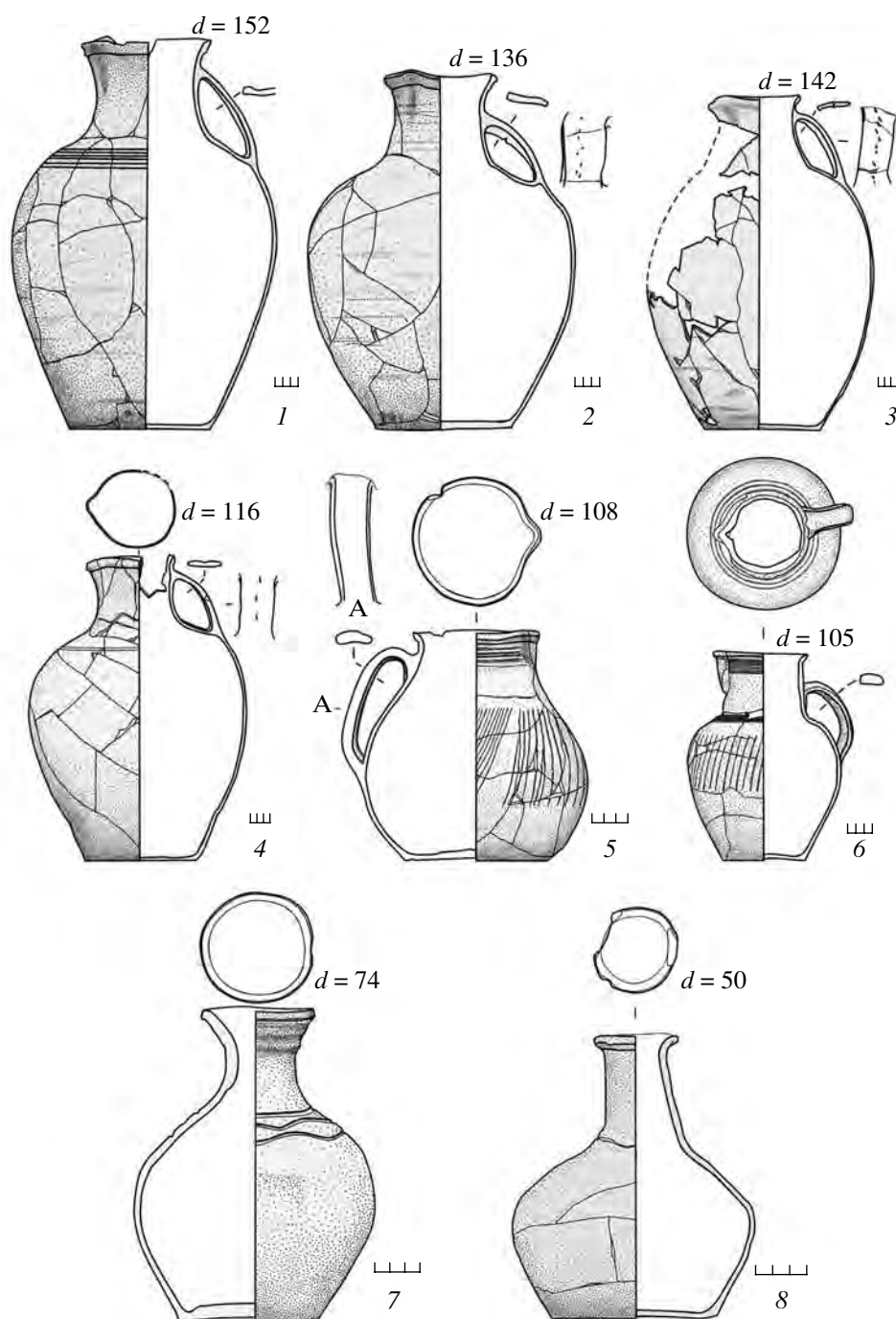

Рис. 4. Сосуды из постройки № 1: 1–4 – белоглиняные кувшины (1 – развал 7; 2 – развал 3; 3 – развал 1; 4 – развал 2); 5, 6 – красноощенные кувшины (развалы 5 и 4); 7, 8 – кубушки (7 – ангобированная сплошь, 8 – белоглиняная).

формированной керамики. Отметим здесь развал нижней части красноглиняного грубого горшка (диам. донца 12.5 см) с клеймом “крест в круге” (диам. клейма 3.5 см).

Возможно, сосуды в этом погребке собирались на протяжении некоторого времени и имели разные источники происхождения. Различимы два варианта белоглиняных кувшинов: для первого

характерны желтоватый цвет глины, примесь мелкого (возможно, природного) песка в хорошо отмученном тесте, значительная высота 46–50 см (и соответственно несколько больший объем); второй вариант – более низкие (40–45 см) кувшины из глины белого цвета с примесью крупного песка и дресвы в тесте. Красноощенные кувшины также принадлежат к разным вариантам: первый,

по-видимому, более ранний, похоже, восходит к кувшинам-кружкам, второй – с хорошо оформленным цилиндрическим горлом и округло моделированным туловом, представляет морфологически более развитую форму. Совершенно разные по типу и кубышки: одна сделана в специализированной мастерской с использованием приемов профессионального гончарства, возможно, для продажи; вторая вышла из рук домашнего мастера или деревенского гончара, не слишком заботившегося о товарности внешнего вида изделия.

Внутри постройки, видимо, хранились запасы, которые были размещены на деревянных стеллажах или полках, на что, возможно, указывают столбовые ямки от стоек (?) и хорошо читаемое возвышение в юго-восточном углу. Развалы глиняных кувшинов располагались вдоль восточной стены и в юго-восточной части постройки; вдоль северной стены найдены только кубышки и железная сковорода, а в юго-западном углу постройки, помимо ошлакованной керамики, обнаружен камень-валун (гнет?). Вполне вероятно, что там стояла не сохранившаяся деревянная бочка – расположение бочки неподалеку от входа характерная деталь многих подвальных помещений. Состав керамического комплекса позволяет предположить, что постройка № 1 представляла собой погреб для хранения продуктов, в том числе большого количества напитков, но могла служить и жильем, по крайней мере летом.

Огромное разнообразие и отменный вкус монастырских напитков на Руси хорошо известны. Павел Алеппский, например, при описании своего путешествия, именно напиткам из всего монастырского угощения уделяет особое внимание. “Вкусом с ними не сравнится критское вино, а сладостью они превосходят царские прохладительные напитки и иные. Таковы оказались, когда мы их испробовали, отменная приятность и вкус этих превосходных напитков, которые приготавливаются из вишни, яблок и многих других (плодов), коих имен мы не знаем”. Это помимо меда, кваса и пива, упомянутых отдельно. Подавались напитки “в больших оловянных кувшинах: разные сорта меда и пр. Потом поднес (монастырский казначей) в медном ящике маленькие оловянные кружки и кувшины, доверху покрытые льдом. В каждом сосуде был напиток особого сорта”. (Путешествие..., 2005. С. 426). Упоминает Павел Алеппский и сами погреба: “В сравнении с суровостью и силой холода и морозов зимой, в декабре и январе, жара и зной в эти месяцы, июне и июле, бывает сильнее. Мы томились от зноя в своих комнатах, а москвиты, от богатых до бедных, находились со всеми своими бочонками напитков в погребах на льду, который они набрали с рек в течение Великого поста и наполнили им погреба... По причине сильной студености их воды и напитков, которые держат летом в погребах,

никто не мог вдоволь напиться из опасения лишиться зубов”. (Путешествие..., 2005. С. 424).

Приведенный рассказ П. Алеппского позволяет думать, что мы наблюдаем здесь картину летнего состояния погреба, когда значительную часть пространства в нем занимали сосуды с напитками. Надо отметить также, что до сих пор аналогичных наборов посуды в постройках XVI в. в Москве не было обнаружено.

Постройка № 3. Несколько отличная ситуация рисуется при рассмотрении керамики из нее (рис. 5–9). Сама постройка представляла собой, по-видимому, жилое помещение с подвальной частью прямоугольной формы. Длина заглубленной в материк части по линии С–Ю – 3.2 м, ширина по линии З–В – 2.4 м. Подвальная часть была сложена из бруса, рубленного “в лапу” (частично сохранился юго-восточный угол). Подвал перекрыт упавшими фрагментами сгоревшего пола. Не прослеживается следов входа, однако примерно в центре массива деревянного пола слабо читается конструкция, напоминающая квадратный подвальный люк. Непосредственно к западу от подземной части постройки прослеживается основание печи. Возможно, это печь из верхней части жилища, имевшего более крупные размеры, нежели его подвальная часть. В северо-восточном углу котлована обнаружены обломки каменного жернова.

В заполнении постройки найдены: 10 монет – в том числе серебряная денга Ивана Грозного (0.25 г) 1535–1547 гг. и медные (конец XV в. – 1533 г.): четыре пула московских (0.38 г, 0.42 г, 0.46 г, 0.47 г); три пула тверских (0.27 г, 0.33 г, 0.45 г); подражание маленькому пулу (0.16 г) и пулу без имени и города (0.55 г) конца XV в. Там же обнаружен нательный медный крест с изображением “Никиты-бесогона” (XV–XVI вв.) и фрагменты железного инструмента (косы?), точильного бруска, костяной рукоятки ножа, ангобированной сплошь керамической игрушки.

Из 1283 фрагментов, найденных в постройке, удалось склеить 14 сосудов (рис. 7–9). Причем, если в постройке № 1 все развалы стояли на полу подземной части, а керамика, найденная в верхней части объема, по-видимому, происходила из послепожарной засыпки ямы, то в постройке № 3, напротив, более половины сосудов (6) склеены из развалов, лежавших в верхней части засыпки. Значительная часть керамики из верхней части (около 10%), сильно оплавлена в огне. Керамика представлена белоглиняной грубой и красноглиняной гладкой примерно в равном количестве (сверху вниз по пяти пластам засыпки: 30.9% – 26.6; 42.3 – 42.3; 39.0 – 32.9; 48.1 – 34.2; 38.1 – 34.5%). Белоглиняной гладкой керамики нет, и это несомненно указывает, что постройка не дожила до середины – конца XVI в. В целом такое сочетание, а также обилие (более 10%) столовой посуды (ангобированной сплошь и пятнами, крас-

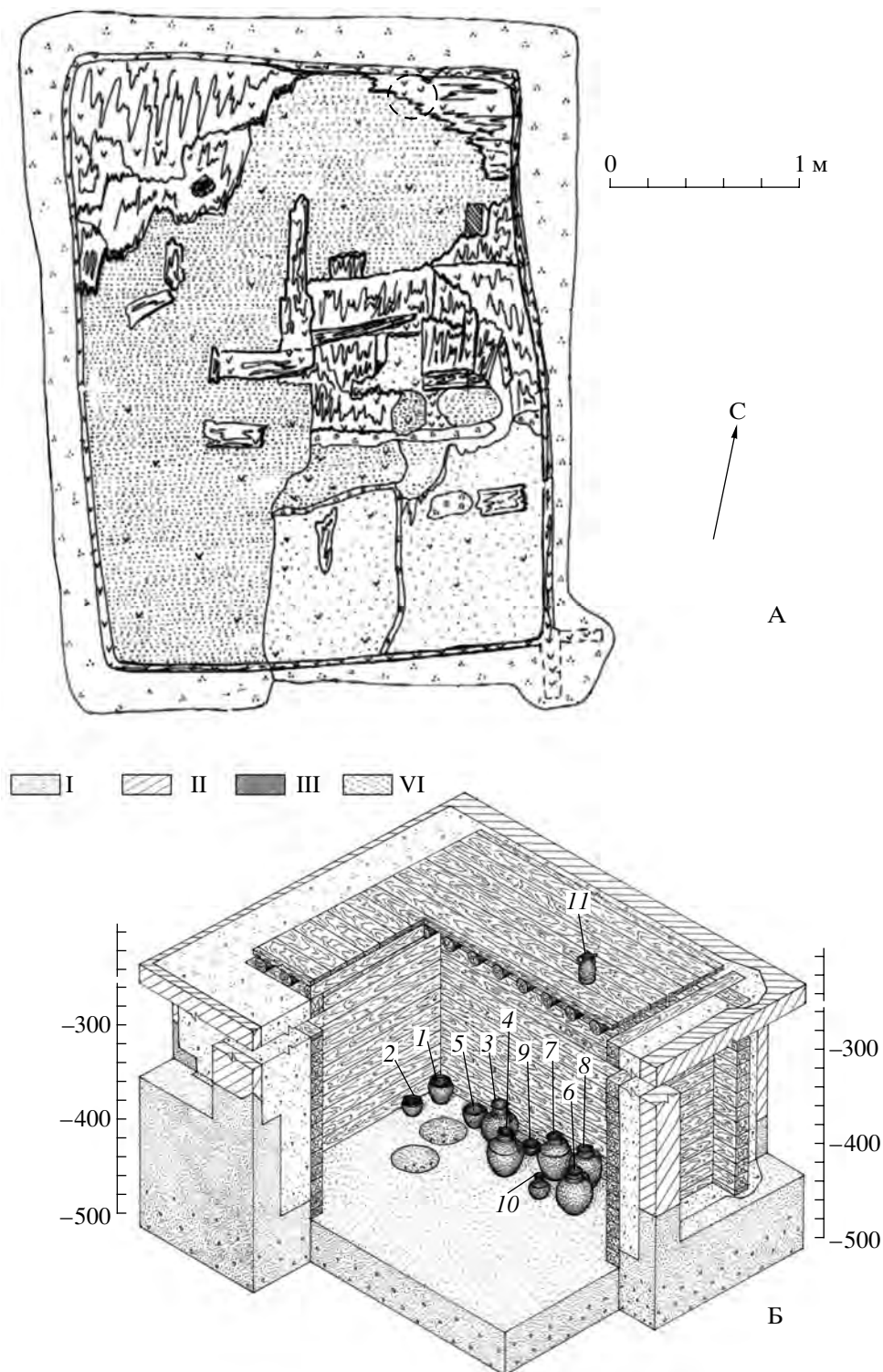

Рис. 5. А – План постройки № 3 на уровне деревянных конструкций. Б – Реконструкция подземной части постройки № 3: 1 – белоглиняный грубый горшок; 2 – красноглиняный грубый горшок; 3 – белоглиняный грубый кувшин (развал 4а); 4 – белоглиняный грубый кувшин (развал 4б); 5 – лепной правленный на круге горшок; 6 – белоглиняный грубый кувшин (развал 6); 7 – белоглиняный грубый кувшин (развал 7); 8 – белоглиняный грубый кувшин (развал 8); 9 – белоглиняный грубый горшок немосковского типа; 10 – ангобированная кубышка; 11 – чернолощеный кумган (развал 12) (реконструкция П.В. Медведева и О.Н. Глазуновой). I – материковый песок; II – культурный слой; III – глиняная обмазка на стенах; IV – заполнение дренажной канавки.

Рис. 6. Расчищенные развалы сосудов в подземной части постройки № 3.

нолощенной, чернолощенной) характерно для первой половины XVI в. Присутствие красноглиняной грубой ранней керамики (6.5%; а также целые формы) можно объяснить архаизмом местного производства, но также переработкой раннего (вплоть до XIV в.) слоя или длительностью бытования комплекса.

Красноглиняная грубая керамика представлена фрагментами горшков как неорнаментированных, так и орнаментированных косой волной по венчику или слабopологой волной по плечу (диам. венчиков: 17.0 см; два случая по 19.0 см и по 20.0 см; два донца по 15.0 см). Собраны венчики сорока красноглиняных гладких горшков и четырех мисок (ковшиков?) (диаметр горла подавляющего большинства колеблется в пределах 14–18 см: этим размерам отвечают все три найденные крышки). Есть также пять малых горшочков (диам. 10–12 см) и пять больших (диам. 24–26 см). В составе белоглиняной грубой керамики – четыре кувшина и 19 горшков. По числу сосудов их меньше, чем красноглиняной гладкой, но статистически, в процентном отношении, белой глины не уступают красноглиняным гладким, что объясняется разницей числа фрагментов от одного сосуда: при подсчете фрагменты кувшина

из белой глины оказываются многочисленнее. Столовая керамика представлена краснолощенной, чернолощенной, ангобированной сплошь и ангобированной пятнами посудой: найдены венчики пяти краснолощенных кувшинов (диам. 10 см, 14 см, и 3 венчика по 16.0 см); ангобированная пятнами кружечка (диам. венчика 4.0 см, донца – 7.0 см) и горшочек (диам. венчика 10.0 см, донца – 6.8 см); от ангобированных сплошь сосудов – венчик кувшина и два донца (6.5 см и 10.0 см). Столовая чернолощенная керамика представлена фрагментами мисок и, кроме того, фрагментами бытовой чернолощенной керамики (носик рукомя, часть стенок кумгана).

Развалов целых сосудов в *верхней* части постройки № 3 найдено шесть, причем разных форм: два горшка, миска, два кумгана и кувшин – таким образом, столовая посуда здесь преобладает. Развал № 1 (рис. 9, 2) – красноглиняный гладкий горшок позднего типа, по плечу которого нанесены две полосы линейного орнамента (диам. горла 16.6 см, донца – 9.2 см, высота 14.5 см). Плечико сильно завалено, что типично для красноглиняных гладких горшков первой трети XVI в. Венчик подтреугольный с заворотом внутрь, донце с закраиной. В тесте примесь мелкого песка и карбонатов. На донце подовальное клеймо – крест в круге (две параллельные перекладины поперек длинной). Развал № 10 (рис. 9, 3) – белоглиняный грубый горшок не московского типа, без орнамента, довольно низкий, слабопрофилированный (диам. горла 14.4 см, донца – 8.5 см, высота 9.2 см). Венчик слегка скошен и отогнут наружу. Тесто с незначительной примесью мелкого песка. Сильно обгорел, стенки почерневшие. Такие белоглиняные горшки встречаются к западу и юго-западу от Москвы.

Развал № 11 (рис. 9, 9) – чернолощенная миска, изготовленная из красной глины. Лощение двустороннее, не везде аккуратное, но плотное. Донце и широкий борт скругленные (диам. верха 28.5 см, донца – 18.5 см, высота 8.0 см. Типична для чернолощенной московской керамики XV–XVI вв. Развал № 12 (рис. 9, 7) – чернолощенный кумган на поддоне с узким горлышком, оплавлен в пожаре до состояния шлака. В тесте примесь мелкого песка и карбонатов. Высота 26 см. Второй кумган (рис. 9, 6) также чернолощенный, изготовлен из красной глины, с лощением по ангобу. Формой напоминает небольшой чайник: шаровидное тулово, довольно широкое, слабовыраженное горлышко (высота 15.2 см, диам. горлышка – около 6 см, донца – 11 см). Ручка короткая, плоскоовальная с углублением посередине, скошена вправо и прикреплена довольно высоко – 7.5 см от донца; отверстие носика еще на полсантиметра выше. Кумган украшен двумя полосами линейного орнамента над основанием ручки (упираются в носик).

Рис. 7. Сосуды из постройки № 3.

Последний развал из верхней части – крупный краснолощенный приземистый кувшин, необычно широкий при относительно небольшой высоте. Высота примерно 18–20 см, диам. венчика 8.9 см, диам. дна ок. 20 см. Тулово шаровидное с усеченным верхом и низом, плавно переходит в хорошо оформленное цилиндрическое горло. Ручка массивная плоскоовальная. Венчик отогнут наружу. Центральная часть тулова с косым лощением. Чуть ниже перехода тулова к горлу две полосы линейного орнамента; по горлу – неглубокое рифление.

На дне подпола, в его северо-восточной части, найдено восемь сосудов (развалов) *in situ* и одна целая кубышка (рис. 6, 7). Все они стояли вдоль стен. К югу от середины восточной стены открыто пять белоглиняных грубых кувшинов (развалы № 4а, 4б; 6; 7; 8) двумя группами: три кувшина ближе к югу и два ближе к северу. Кувшины из постройки № 3 стандартнее и несколько меньше по объему, чем белоглиняные кувшины постройки № 1; кроме того, они сделаны не из желтоватой глины с примесью мелкого песка, но из глины чистого белого цвета с примесью крупного песка и дресвы. Их вместимость колеблется от 14.3 (развал № 4) до 18.5 л (развал № 6). Орнамент небрежен и не повторяется (создается впечатление, что он выполнен специально для удобства различения близких по форме и размерам сосудов). Все кувшины похожи настолько, что не просто принадлежат к одной группе, но скорее всего были сделаны в одной мастерской. Следует отметить, что в обеих постройках, № 1 и 3, группы крупных белоглиняных кувшины поставлены одинаково: в

восточной и юго-восточной частях подвальных помещений.

Развал № 4а (рис. 8, 1) – белоглиняный грубый кувшин (диам. горла 15.2 см, донца – 15.0 см, высота 40.5 см, окружность в самой широкой части 99.0 см). Верхняя часть орнаментирована ногтевыми вдавлениями. Ручка плоская, с пятью насечками; на придонной части следы пальцевых вдавлений. Вместимость 14.3 л. Развал № 4б (рис. 8, 7) – белоглиняный грубый кувшин (диам. горла 13.2 см, донца – 16.0 см, высота 43.5 см, окружность в самой широкой части 101.0 см). Ручка плоская, с восьмью небольшими насечками. На самой широкой части сосуда круговые следы от пальцев. Вместимость 17.0 л. Развал № 6 (рис. 8, 3) – белоглиняный грубый кувшин (диам. горла 14.0 см, донца – 15.0 см, высота 43.5 см, окружность в самой широкой части 102.0 см). Горлышко орнаментировано полосой небрежного волнистого орнамента. Ручка плоскоовальная. Вместимость 18.5 л. Развал № 7 (рис. 8, 5) – белоглиняный грубый кувшин (диам. горла 13.7 см, донца – 16.5 см, высота 44.5 см, окружность в самой широкой части 99.0 см). Верхняя часть орнаментирована двумя полосами небрежного линейного орнамента. На ручке четыре насечки. Вместимость 18.1 л. Развал № 8 (рис. 8, 8) – белоглиняный грубый кувшин (диам. горла 13.4 см, донца – 14.8 см, высота 41 см, окружность в самой широкой части 98.0 см). На ручке три полосы глубоких насечек, по 6–8 в каждой. Вместимость 16.1 л.

Рядом с кувшинами стояла ангобированная сплошь кубышка (рис. 9, 8), тулово грушевидное (диам. горла 7.4 см, донца – 12.2 см, высота

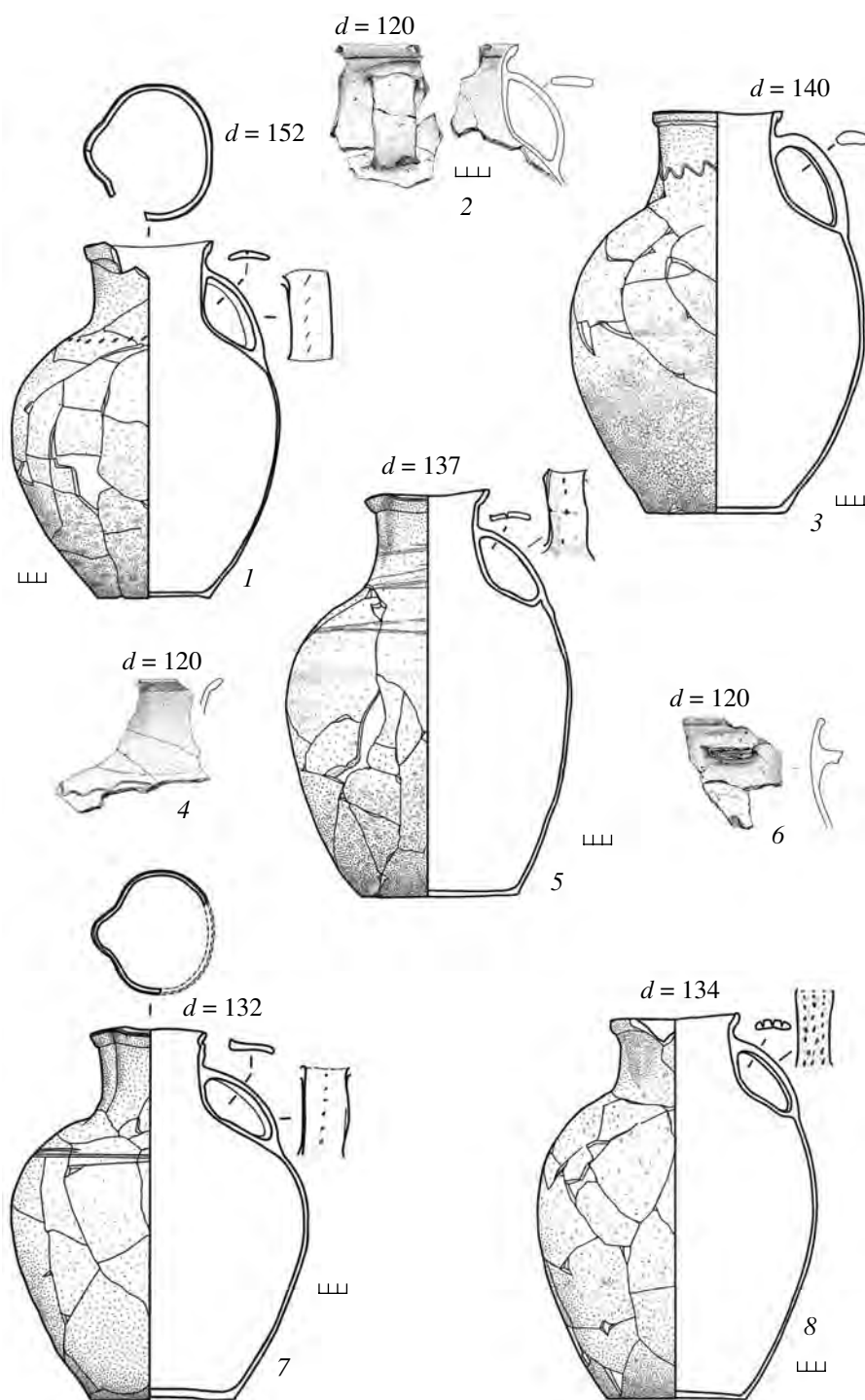

Рис. 8. Белоглиняные кувшины из постройки № 3: 1 – развал 4а; 2 – горлышко кувшина из верхней части постройки; 3 – развал 6; 4 – горлышко кувшина из верхней части постройки; 5 – развал 7; 6 – горлышко кувшина из верхней части постройки; 7 – развал 4б; 8 – развал 8.

21.0 см), мягко сужается к хорошо оформленному горлышку; наибольший диаметр в нижней трети сосуда, венчик отогнут наружу. По горлу нанесены шесть полос неглубокого рифления, в верхней части сосуда – две полосы линейного орнамента. В тесте примесь мелкого песка, карбонатов. На донце клеймо – “крест в круге”. Вместимость 2.3 л.

Кроме кувшинов и кубышки в помещении найдены развалы трех горшков. Развал № 2 (рис. 9, 1) – белоглиняный грубый горшок (диам. горла 15.5 см, донца – 10.0 см, высота 18.5 см; венчик с отворотом наружу). В тесте примесь мелкого песка; орнамент – плоская волна по горлышку. Горшок типичен для московской керамики XVI в. по форме

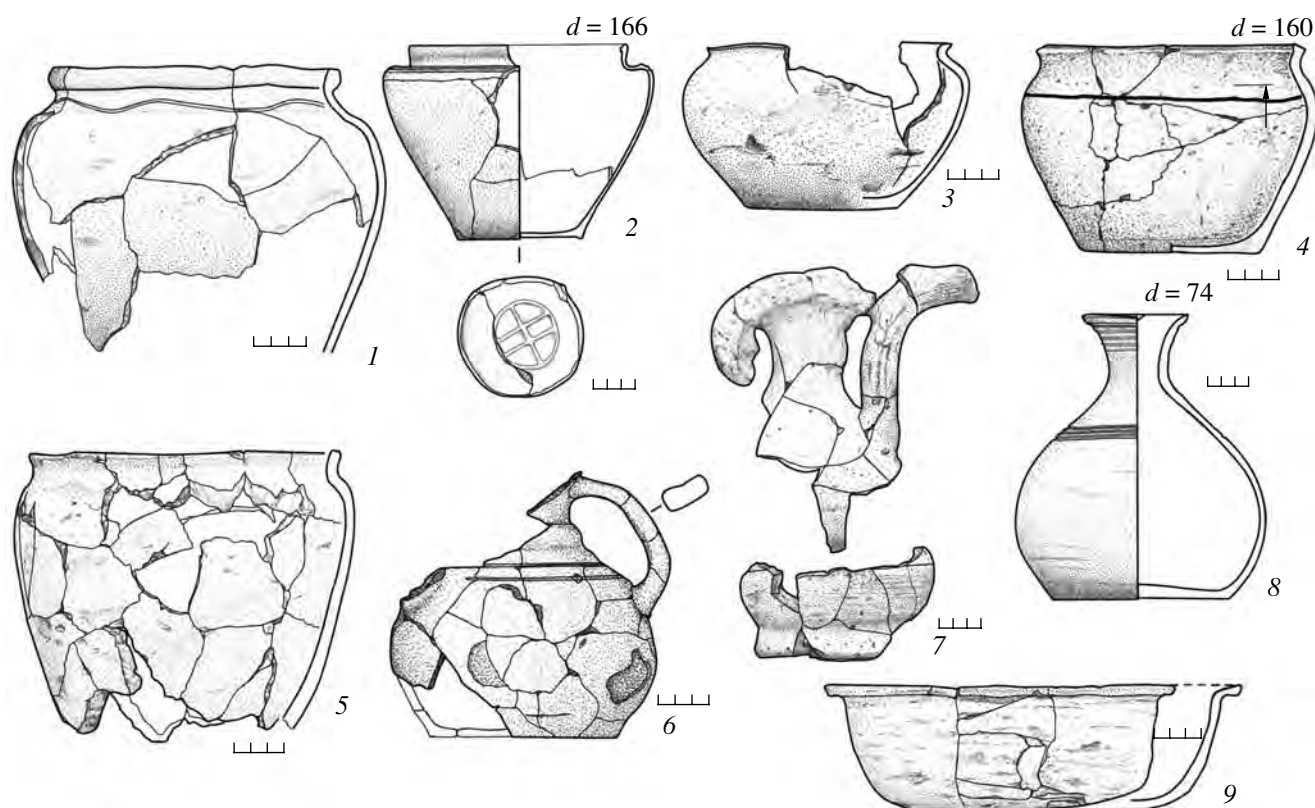

Рис. 9. Сосуды из постройки № 3: 1 – белоглиняный грубый горшок; 2 – красноглиняный гладкий горшок; 3 – белоглиняный грубый горшок; 4 – красноглиняный грубый горшок; 5 – лепной, правленный на круге горшок; 6 – чернолощеный кумган; 7 – чернолощеный кумган (развал 12); 8 – ангобированная сплошь кубышка; 9 – чернолощеная миска.

и по тесту. Относится к категории крупных “варочных” горшков. Стоял в северо-восточном углу подвала и обгорел, стенки сильно почернели. К западу от него стоял развал № 3 (рис. 9, 4) – красноглиняный грубый горшок (диам. горла 16.0 см, донца – 10.8 см, высота 11.8 см; венчик отогнут наружу). По слабовыраженному плечу сосуда – линия неглубокого линейного орнамента. В тесте крупный песок, дресва; обжиг плохой, неровный. К юго-западу от развалов № 2 и 3 стоял развал № 5 (рис. 9, 5) – красноглиняный (лепной, слегка подправленный на ручном круге) горшок. Стенки слегка сужаются книзу; венчик слегка скошенный, отогнут наружу (диам. венчика 16.5 см, донца – ок. 11.5 см, высота ок. 16.0 см). Черепок толстый (0.8–1.0 см), обжиг плохой, неровный; в тесте примесь песка и крупной дресвы.

Все горшки “варочные”, среднего размера (в отличие от маленьких столовых и крупных для хранения продуктов). Сосредоточены они в северо-восточной части подвала. В отличие от постройки № 1 в подполе третьей постройки нет краснолощенных кувшинов среднего размера, хотя в верхней части постройки собраны фрагменты крупных краснолощенных кувшинов из глины кирпично-красного цвета с примесью мелкого песка в тесте, в том числе один развал. В целом керамика

постройки № 3 разнообразна: здесь и тарная, и варочная, и столовая, и бытовая (рис. 7–9). Крупные белоглиняные тарные кувшины из подвальной части принадлежат к одной серии (возможно, к ней же принадлежал развал № 3 из постройки № 1), а практическая идентичность форм, размеров, объема и теста позволяют предположить единовременную закупку всей партии. Остальная посуда, напротив, демонстрирует разнообразие форм, размеров и состава теста; видимо, этот комплекс собирался постепенно и бытовал довольно длительное время. И отдельные фрагменты, и целые сосуды, найденные в верхней части постройки № 3, подтверждают, что это жилое помещение с подвалом (подпольем).

Интересно, что в постройке найдены фрагменты нескольких кумганов. Кроме двух склеившихся чернолощенных сосудов, форма одного из которых восходит к восточным металлическим сосудам, а второго (значительно меньшего размера) близка малым московским кувшинчикам. В заполнении сгоревшего здания оказались отдельные фрагменты белоглиняных кумганов с штампованным орнаментом под зеленой и желтой поливой. Более или менее понятно, как выглядел один из них: сохранилось узкое невысокое горлышко, часть венчика с отгибом наружу и фраг-

мент носика. Это был относительно небольшой сосудик, под зеленой глазурью которого имелся орнамент: овообразный рельефный узор и полосы линейного орнамента.

Отметим некоторые особенности описанных керамических комплексов. В них нет предметов парадных и нет керамического импорта, типичного для XV–XVI вв. Мы не находим в подвалах ни корчаг, ни достаточно крупных горшков – только белоглиняные крупные кувшины вместимостью около 20 л, которые служили основной тарной посудой, а также небольшие красноощечные кувшины, горшки средних размеров и одну-две кубышки. Среди посуды небольшого объема следует отметить горшки, типичные для ремесленного производства своего времени, но есть и сосуды, в него не вписывающиеся. Среди таких изделий – вещи негородского производства, сделанные не слишком умелым гончаром на скорую руку из подручного материала, а также горшки, форма и технология которых явно анахроничны. Вероятно, в монастырском быту использовали посуду недорогую и неновую, но прочную; возможно, часть ее не покупалась, а появлялась в монастыре как приношение прихожан вместе с продуктами.

Как известно, XV–XVI вв. – время расцвета московского гончарства, которое отличают необыкновенное разнообразие размеров и форм тарной посуды, многообразие столовых сосудов, обилие предметов быта и терракотовых архитектурных элементов. Отчетливо ощущается несколько керамических традиций, демонстрирующих товарные потоки из разных концов страны. В частности, так называемая белоглиняная грубая керамика представлена несколькими вариантами. Налицо две традиции производства кувшинов: из ярко-белой глины с примесью крупного песка и даже дресвы в тесте, и из желтоватой глины с примесью мелкого песка в тесте. Горшки представлены “классической” московской формой с отворотом венчика наружу, изделиями из глины с примесью мелкого (возможно) природного песка, тонкостенными с прямо стоящим венчиком, и толстостенными крупными горшками, изготовленными из жирной глины практически без примесей. Следы берестяной оплетки сохранили два крупных белоглиняных грубых сосуда: кувшин из постройки № 1 и большой белоглиняный грубый горшок, причем, судя по рисунку, отпечатавшемуся на стенках, оплетка была редкая. Это не соответствует принятому мнению о том, что оплеталась надбитая посуда с целью продления ее службы: наблюдаемая оплетка явно сделана для облегчения переноски и обеспечения сохранности крупного тяжелого сосуда.

Интересна линия керамики XV–XVI вв., покрытой ангобом. Имеющиеся фрагменты горшков представляют четыре основных варианта венчиков: 1) подражания венчикам белоглиняных гру-

бых горшков (с отворотом наружу); 2) подражания венчикам белоглиняных гладких горшков (с расчетом по венчику); 3) подражающие венчикам красноглиняной гладкой керамики и 4) аморфные, плохо выраженные (“оплывшие”) венчики. Представляет интерес, что в более ранней яме № 6 (первой половины XVI в.) встречены в основном подражания белоглиняным грубым горшкам, а в яме-котловане на участке Г (середина – вторая половина XVI в.), напротив, в основном подражания белоглиняной гладкой керамике. Возможно, отмеченная особенность поможет более точно датировать ангобированную сплошь посуду.

Техника сплошного ангобирования широко применялась в московском гончарстве XV–XVI вв. Кроме горшков широкое распространение получили ангобированные кубышки; найдены кумганы, подсвечники, игрушки, кадилницы, слезницы, но фрагментов кувшинов – всего несколько. Ангобом покрыты также трапецевидные (ромбовидные) плитки пола и ажурные прорезные горшковидные изразцы. Применялась техника ангобирования и как основа под поливу (например, кубкообразные слезницы) или для усиления черного цвета чернолощеной керамики (в дальнейшем ангоб будут использоваться только в качестве основы под полив и лощение). Возвращение к технике “чистого” ангобирования отмечено в XVIII в., когда белым ангобом довольно часто покрывались корчаги, изготовлявшиеся из глины желтоватого или розоватого цвета.

Ранняя чернолощеная керамика XV–XVI вв. изготавливалась из красной глины и представлена в большинстве своем кумганами, мисками и ручками. Ранних кувшинов очень мало. Мофрولوجически все ранние изделия из монастыря так или иначе восходят к восточным прототипам.

В составе керамических комплексов XV–XVI вв. наряду с обычной покупной посудой, характерной для Москвы этого периода времени, присутствует посуда “деревенского облика” – лепная и слегка подправленная на круге. Большая часть “деревенской” посуды сделана из слабоожелезненной глины желтоватого оттенка, но встречается и красноглиняная. В составе теста практически нет примесей, черепок толстый (0,8–1,2 см). Сосуды отличаются кривизной и неровностью, на поверхности остаются следы заглаживания. Статистически они не составляют сколько-нибудь значительной группы (фрагменты “лепных” сосудов учитывались как индивидуальная керамика), но присутствуют по всему участку монастырской “жилой” зоны, в том числе и в постройках. Кроме обломков найдено и два развала “лепных” сосудов: кубышка (в постройке № 1) и горшок (в постройке № 3).

Особенность керамики XV–XVI вв. из Зачатьевского монастыря – необычно высокий процент клейм. Клейма на донцах найдены практиче-

ски на всех типах сосудов, бытовавших в то время (миски, плошки, кубышки, сковородки, кувшинчики-кружки, горшки), и на всех технологических типах керамики (красноглиняная, ангобированная пятнами, ангобированная сплошь, чернолощенная и даже белоглиняная грубая). Клейма не встречены только на крупных кувшинах. Рисунок клейма в основном представляет различные варианты схемы “крест в круге” (крест в круге, крест в двойном круге, крест со сдвоенными перекладинами, двойной крест в двойном круге); есть и несколько солярных клейм, по всей видимости, более ранних. Рисунок клейма, называемого “крест в круге”, появился довольно рано, затем распространился и к XV–XVI вв. оставался практически единственным видом клейм на московской керамике. Не исключено, что таким образом гончары фиксировали связь этой посуды с церковной средой: ее могли делать в самом монастыре или в иных мастерских, находившихся под контролем Церкви (что, возможно, объясняет и довольно высокий процент клейм на керамике, собранной в монастыре).

Керамический комплекс XV–XVI вв. отличается обилием столовой посуды: в нем представлены краснолощенные, чернолощенные, ангобированные пятнами и расписные по ангобу кувшинчики-кружки, миниатюрные горшочки, маленькие мисочки и плошечки; небольшие кастрюльки и довольно крупные миски, кубышки, кувшины и кувшинчики самых разных форм, размеров и ornamentации. В большом количестве представлены сосуды “малых форм” с неясной функцией (сосудики для масла, меда, специй?). Отметим многочисленность ангобированных пятнами предметов столовой посуды. Найдено также большое количество малых красноглиняных гладких горшочков, традиционно использовавшиеся в качестве индивидуальной столовой посуды. Поражает разнообразие форм, размеров и способов ornamentации, включающих и традиционные московские

формы, и подражания восточным образцам, и привозную посуду ближайших центров (отмечены горшки, сделанные в районах Твери и Калуги), и грубую посуду, изготовленную, видимо, в самом монастыре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // *Московская керамика: новые данные по хронологии*. М., 1991.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Елкина И.И. и др. Раскопки в Зачатьевском монастыре Москвы // *АО-2004*. 2005.
- Беляев Л.А., Гайдуков П.Г. Средневековые монеты из раскопок в Зачатьевском монастыре в 2005 г. // *Проблемы спасательной археологии*. Научно-практическая конф. к 75-летию А.Г. Векслера. М., 2006.
- Беляев Л.А. Московский Алексеевский Зачатьевский женский ставропигиальный монастырь: новое в археологии и истории. М., 2008.
- Коваль В.Ю. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*. Вып. 2. Тверь, 1997.
- Коваль В.Ю. Исследование керамического материала // *Средневековое поселение Настасьино*. М., 2004а.
- Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // *Археология Подмосковья*. М., 2004б.
- Кренке Н.А., Беляев Л.А. Раскопки в Зачатьевском монастыре в Москве // *АО-2003*. 2004.
- Культура средневековой Москвы. Т. I. М., 2005.
- Львовская летопись // *ПСРЛ*. 1910. Т. 20.
- Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архиереем Павлом Алеппским. М., 2005.
- Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы // *Древности Московского Кремля*. М., 1971.
- Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1968.
- Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // *Московская керамика: новые данные по хронологии*. М., 1991.

Ceramics assemblages from dwelling quarters of the second half of the 15th – beginning of the 16th cc. in the Nunnery of the Conception (Moscow)

O. N. Glazunova

Summary

The article is the first publication of ceramics assemblages from dwelling quarters at the Moscow nunnery which were destroyed by fire in the 16th c. The studied assemblages show the types of pottery used in Moscow dwellings during the period in question, allow to verify the dating and to trace the different sources of the pottery used by Muscovites. In addition to the traditional forms known for 15th–16th cc. Moscow, the cellars contained a crude red-clay vessel and a handmade vessel finished on wheel, which are usually dated to a much earlier period. The entire amount of fully engobed vessels has been divided into types in accordance with the early and late stage of the existence of such ceramics. Among the large amount of crude white-clay jugs, two main groups may be distinctly traced, probably representing two different sources from which the jugs found their way to Moscow markets at the early stage. The author identifies a special group of low-quality ceramics, which is named “rustic” in the article and represents the tradition of manufacturing vessels for own use.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

ВОЛОСНИКИ XVI–XVII вв. ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЗАЧАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ

© 2008 г. И. И. Елкина

Институт археологии РАН, Москва

Находки текстиля и других предметов из органических материалов в культурном слое Москвы, в основном в сухом и супесчаном, явление не частое. Но существует ряд факторов, которые обеспечивают их сохранность. Так, вне доступа воздуха (внутри каменного саркофага, кирпичного склепа) складывается микроклимат с относительно стабильной температурой и влажностью. Предметы из органики можно обнаружить в них практически целыми, сохранившими даже первоначальный цвет (наглядные примеры – захоронения в каменных саркофагах некрополей Вознесенского монастыря в Кремле и Новоспасского монастыря в Москве, см.: Панова, Сеницына, 1987. С. 338–341; Елкина, 2005. С. 85–114). Однако быстрое окисление из-за доступа воздуха, резкая смена температуры и влажности приводят к тому, что текстиль начинает разрушаться прямо на глазах. Другим фактором сохранности может стать процесс горения: стерильность пожарных слоев не позволяет развиваться микроорганизмам, вызывающим процесс гниения. Например, тканые, плетеные и вязаные изделия неплохо сохранились на Романовом дворе (исследования Н.А. Кренке) между двумя пожарными прослойками (верхняя – 1660-х годов) (Елкина, 1999. С. 13, 14).

Третий фактор сохранности – окислы металлов. Проникая в волокна текстиля, они их армируют, в результате чего сохраняются ткани, лежащие в грунте на предметах из металла и рядом с ними, а также текстиль, при изготовлении которого использована металлическая пряженная нить (золотная или серебряная). Именно благодаря этому уцелел ряд текстильных изделий в грунтовых захоронениях и разрушенных склепах московского женского Зачатьевского монастыря:¹ остатки одежд, шитых из шелковой парчи; металлическое кружево; тесьма; верхние части женских туфель, выполненных из сукна и расшитых золотной нитью. Практически все они содержат металлическую нить и относятся, в большинстве

своем, к периоду смены традиционного русского (московского) костюма на платье европейского типа; время их создания – не ранее конца XVII в. В их числе, однако, чудом уцелевшие фрагменты волосников (женских головных уборов) позднего средневековья (XVI – середина XVII в.) которые, безусловно, заслуживают особого внимания. Это самые ранние предметы из текстиля, найденные в Зачатьевском монастыре.

По традиции, открытые волосы на Руси служили символом девичества. Замужней женщине, напротив, ходить с непокрытой головой считалось большим грехом, она должна была полностью скрыть волосы под головным убором. Опростоволоситься, т.е. принародно раскрыть свои волосы, было бесчестьем. Полагали, что в волосах сосредоточена жизненная сила человека, и укрыть их значило защитить женщину и ее семью от злых сил (Быт и нравы..., 2002. С. 102, 497, 498). Головной убор замужней женщины в средневековой Руси был сложным и состоял из нескольких богато украшенных элементов. Первый и обязательный – волосник, символ состояния в браке и необходимая принадлежность приданого. “Указ свадебному чину” XVI в. определяет: “Да на четвертом блюде положить кика; да под кикою положить подзатыльник, да подбрусник, да волосник, да покрывало... Да гребешок положили у кики на блюде” (Домострой Сильвестровского извода, 1902. С. 72). Поверх волосника накладывали убрус, на который, выходя из дома, в обычные дни надевали кiku, а в праздничные – кокошник. Этот убор часто завершали позатылень и поднизь из жемчуга или колотого перламутра (Рабинович, 1986. С. 80–82).

По определению В.И. Даля, волосник – “наголовок, чепечник, косник, шлык, подбрусник, шамшура, род шапочки, иногда простеганной, надеваемой бабами под повой или платок; род кокошника, кички с рогами, вышитого бисером или парчового” (Даль, 1978. С. 235). Средневековый волосник – шапочка из шелкового очелья с кружевным или сетчатым верхом – надевался непосредственно на прическу, стягивался сзади шнурком и плотно облегал голову. Каждый найденный средневековый волосник неповторим и является произведением декоративно-прикладного искус-

¹ Настоящая статья представляет часть коллективного культурно-исторического исследования, подготовленного под руководством Л.А. Беляева по материалам работ 2003–2007 гг. в Зачатьевском монастыре. Публикуемые вещи обнаружены при раскопках 2004 и 2005 гг.

ства Руси. Их известно около двух десятков, причем исключительно по находкам при археологических работах и в основном в Москве. Они найдены на некрополях кремлевского Вознесенского, Симонова и Новоспасского монастырей (Панова, Синицына, 1987. С. 338–341; Ефимова и др., 2000. С. 21, 228. Рис. 15; Елкина, 2005. С. 85–114); церквей Знамения (Латышева, Рабинович, 1966. С. 228, 229) и Покрова на Рву (работы под рук. Л.А. Беляева, С.З. Чернова в 2005 г., не опубликованы). Вне Москвы – в усыпальнице Годуновых в Троице-Сергиевой Лавре (Спирина, 1981. С. 461) и на кладбище Покровского монастыря в Суздале. Подавляющее большинство волосников извлечены из каменных саркофагов и в основном неплохо сохранились.

В данной публикации вводятся в оборот еще пять артефактов: в песчаном грунте Зачатьевского монастыря обнаружены в могилах, *in situ*, остатки трех волосников и в переотложенном слое фрагменты двух головных уборов. Сохранность на момент изъятия была крайне плохой: ткань держалась лишь благодаря металлическим нитям шитья и плетения, в некоторых случаях шелк очелья почти полностью утратил структуру и уцелел только под золотным шитьем. Во всех случаях, кроме одного, это многочисленные мелкие, иногда разрозненные, части целого; переотложенные куски выглядели бесформенными комками, и только после очистки стало ясно, что мы имеем дело именно с фрагментами волосников.

Для введения их в научный оборот пришлось выполнить сложный комплекс реставрационной, аналитической и реконструктивной работы. В каждом случае определена природа волокон и проведен структурный анализ: исследованы крутка и толщина нитей; у тканей определены переплетение и плотность нитей по основе и утку. Проанализирован характер вышивки и плетения. Реконструирована техника изготовления волосника. В исследовании применялись микроскоп МБС-10 и макрофотосъемка, а для определения красителя в некоторых случаях – хроматографический анализ по методу Кононова-Федорович (Федорович, 1977. С. 102–105). Были выполнены графические реконструкции вышитых орнаментов на очельях; в некоторых случаях изображение вышивки удалось графически восстановить по сохранившимся на ткани проколам от иглы. Несмотря на состояние, головные уборы из Зачатьевского монастыря имеют большое значение: они сохранили ранее неизвестные типы орнамента и дали новые сведения о материалах и технике изготовления волосников.

Волосник № 1 из погребения № 133 (находка № 246, 2004 г.). Погребение женское (maturus²;

² Половозрастные характеристики установлены аспирантом Института археологии РАН С. Ю. Фризенном.

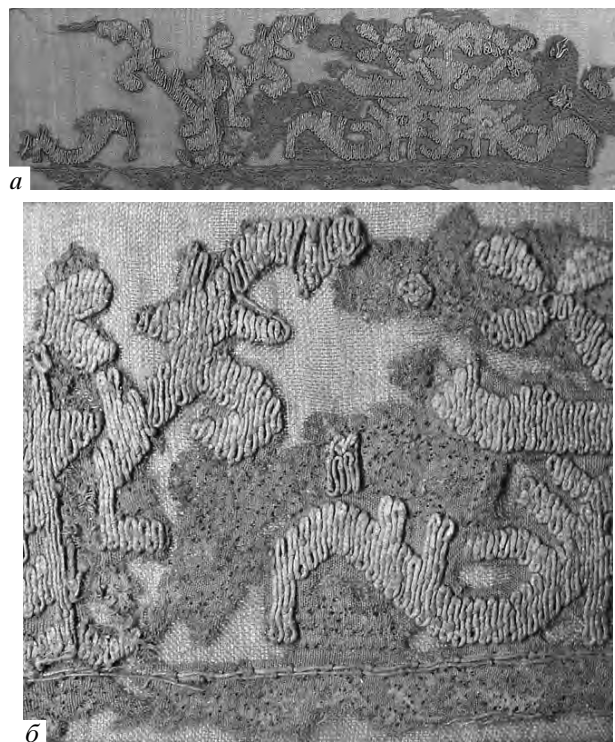

Рис. 1. Волосник № 1 (золотное шитье): а – остатки очелья; б – фрагмент очелья (макрофотосъемка); на ткани сохранились проколы от иглы (см. цветную вклейку № 3).

участок Е, квадрат 58, отметка –200 см; могильная яма впущена в материк; заполнение – бурый песок). Сохранился череп и часть грудных позвонков, остальное уничтожено траншеей середины XX в. Погребение имеет западную ориентировку с небольшим отклонением к югу. В изголовье прослежен древесный тлен от гроба.

На черепе уцелели фрагменты головного убора: центральная часть очелья, многочисленные фрагменты ажурного верха и отдельные золотные пряженные нити (рис. 1а). Остатки очелья удалось собрать вместе и предпринять попытку реконструкции. Очелье шириной 5,3 см сшито из полосы красной шелковой ткани полотняного переплетения. Плотность нитей по основе – 65 н/см, по утку – 40–42 н/см. Нити некрученые. Очелье орнаментировано золотной вышивкой вприкреп. Настил золотных пряженных нитей вертикальный. Шелковые закрепы на золотных нитях выполнены через каждые 2 мм и создают частые диагональные полосы, имитирующие ткачество.

На очелье изображены стилизованные “древа” и зооморфные фигуры. Орнамент “древ” геометризованный, состоит (предположительно) из двух основных повторяющихся элементов. Композиция каждого элемента вышивки орнамента симметрична по оси. В сохранившейся центральной части очелья изображено процветшее “дре-

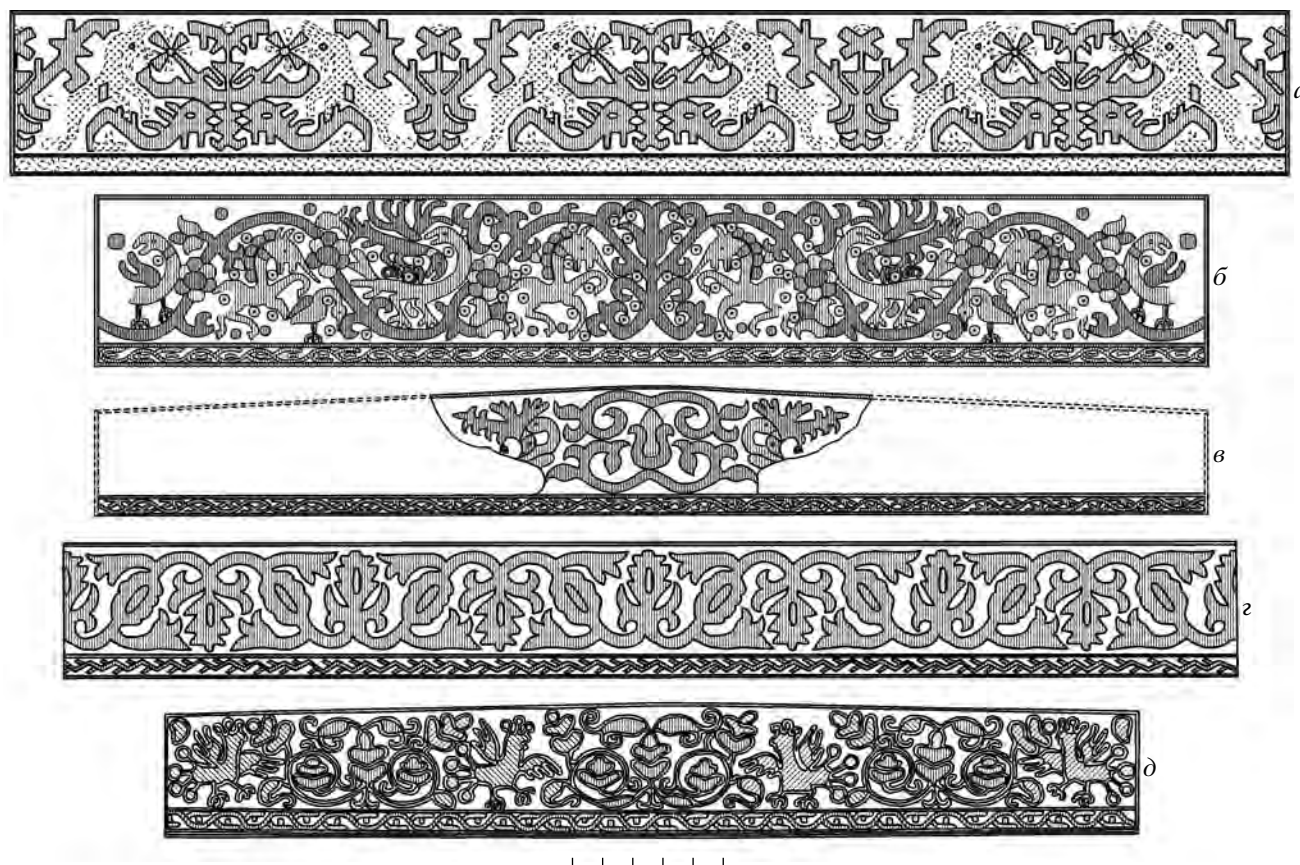

Рис. 2. Реконструкции орнаментов золотного шитья на очельях волосников: *a* – волосник № 1 (изображение частично восстановлено по проколам от иглы); *б* – волосник № 4; *в* – волосник № 5; *г* – волосник № 3; *д* – волосник № 2.

во”, под которым справа и слева поставлены ползущие к нему фантастические животные (змии?). Другой элемент, практически полностью собранный из нескольких мелких разрозненных фрагментов с левой стороны, представляет еще одно “дерево”, с длинными боковыми ответвлениями, направленными вверх под углом в 45°. Пространство между этими элементами заполнено следами от проколов иглой (рис. 1б). Рисунок вышивки был графически восстановлен по сохранившимся на ткани проколам при помощи макрофотосъемки, светового стола и компьютерной программы. Оказалось, что между этими двумя элементами находилось изображение единорога. Также по проколам были реконструированы некоторые мелкие недостающие части орнамента: хвосты фантастических животных (змиев?) и некоторые лепестки цветков. Восстановлен орнамент нижней полосы очелья: волнообразный растительный побегок (рис. 2а). Нить, которой вышивали утраченные элементы, была металлической, на что указывало окисление металла на ткани в местах утрат.

Вышивка в этих местах могла не сохраниться потому, что металлическая нить настила, возможно, качественно отличалась от нити, с помощью которой была вышита остальная часть эле-

ментов, например была пряденой серебряной или в ее основе использован не шелк, а лен, который истлел. Есть и другое объяснение: если настилом несохранившихся вышитых частей служили аналогичные золотные нити, а шитье отличалось цветом, качеством и природой нитей прикрепа, которые могли бы по какой-либо причине истлеть (например, быть неокрашенными шелковыми или льняными нитями, которые очень плохо сохраняются в грунте). Тогда золотные нити, которых ничто не держало, могли просто “отлететь” от ткани очелья. Использование нитей разных цветов прикрепа широко применялось в средневековой золотной вышивке для создания определенного художественного эффекта.

На основе собранных данных считаю возможным предложить вариант полной реконструкции очелья волосника. Длина очелья – в пределах 40–42 см. Центральный элемент композиции – “дерево” с семилепестковыми цветками. Под его ветвями – попарно расположенные ползущие змеи с загнутыми хвостами, которых единороги побивают копытами. Возможно тройное повторение такого “раппорта”, причем промежутки занимают стилизованные деревья с поднятыми вверх ветвями.

Ажурный верх волосника был изготовлен в технике плетения на деревянной рамке. Для выполнения плетения, вероятно, использовали нити двух видов – золотные и цветные шелковые, которые чередовались по цвету группами, образуя орнаментальные вертикальные полосы. Сохранились лишь вертикальные орнаментальные полосы из золотных нитей шириной 1 см; нити другой природы (шелковые? льняные?) не сохранились.

Волосник № 2 из погребения № 165 (находка № 268, 2004 г.). Погребение женское (*maturus* I; участок Е, квадраты 66, 67; отметка –257 см; могильная яма размером 1.85 × 0.5 м впущена в материк; заполнена серо-бурой супесью с большим количеством песка и известью). Имеет западную ориентировку с отклонением к югу. Костяк лежит вытянуто на спине; руки сложены на животе; череп покоится прямо, глазами вверх.

На черепе, под древесным тленом, сохранился женский головной убор – волосник. Внешне убор выглядел целым, но ткань очелья оказалась сильно деструктированной, а местами полностью истлела, в основном сохранившись под вышивкой. В отличие от очелья, ажурный верх волосника действительно дошел практически целым (рис. 3, 1).

Очелье выполнено из полосы шелковой ткани красного цвета полотняного переплетения. Плотность нитей по основе – 65 н/см, по утку – 45 н/см. Нити некрученые. Ширина очелья в центральной части 4.6 мм, длина 34.0 см. Очелье украшено золотной вышивкой вприкреп. Орнамент составляют два основных элемента: стилизованные процветшие “древа” и птицы с приподнятым крылом (павлины?). Изображения “древ” чередуются с изображением птиц: всего три “древа” и четыре птицы (рис. 2д; 3, 2). Контуры элементов выложены согласно рисунку вприкреп тонкой веревочкой (толщина 1 мм), витой из двух пряденых нитей в Z-направлении. Внутренние пространства элементов заполнены сплошным настилом золотных пряденых нитей (шелковые нити, оплетенные полосками позолоченного серебра в S-направлении) толщиной 0.3 мм. Ажурный верх волосника полностью выполнен из золотных нитей в технике плетения на рамке. Основу орнамента составляет зигзаг (рис. 3, 3).

Волосник № 3 из погребения № 279 (находка № 760, 2005 г.). Погребение женское (участок Б, квадрат 93, отметка – 311 см; могильная яма размером 1.8 × 0.42 м; заполнение – серо-бурая супесь с песком; часть скелета (с запада) находилась в слое светло-серой супеси, а с востока – в материке. Ориентация западная; левая рука на животе, правая на груди. Череп лежал прямо.

На черепе сохранились многочисленные мелкие фрагменты очелья и ажурного верха. Очелье шириной 4.5 см шито из красной шелковой ткани полотняного переплетения. Плотность нитей по

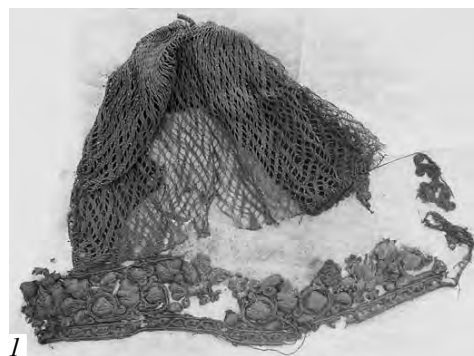

Рис. 3. Волосник № 2. Общий вид до реставрации (1); фрагмент очелья после реставрации. Золотное шитье (2); ажурный верх волосника, выполненный золотными нитями в технике плетения на рамке (*sprangtechnik*) (3).

основе – 65 н/см, по утку – 55 н/см; нити некрученые. На очелье – вышивка вприкреп золотными прядеными нитями. Настил золотных нитей вертикальный. Шелковые закрепы на золотных нитях выполнены через каждые 2 мм и создают частые диагональные полосы, имитирующие ткачество. Длина очелья не восстановлена. Орнамент золотного шитья проходит волнообразно по всему очелью, несколько раз зеркально повторяя один элемент – процветшее дерево. По нижнему краю очелья проходит растительный побегок (рис. 2г).

Волосник № 4 (находка № 333, 2005 г.). Собран в виде бесформенных текстильных остатков (рис. 4, 1) в полуметре к северу от погребения № 1 (участок Л, отметка –220/–225 см). Разрозненные фрагменты залежали на расстоянии 30–40 см друг от друга в слое супеси с большим количеством строительного мусора и фрагментов человеческих костей (кладбищенский перекоп).

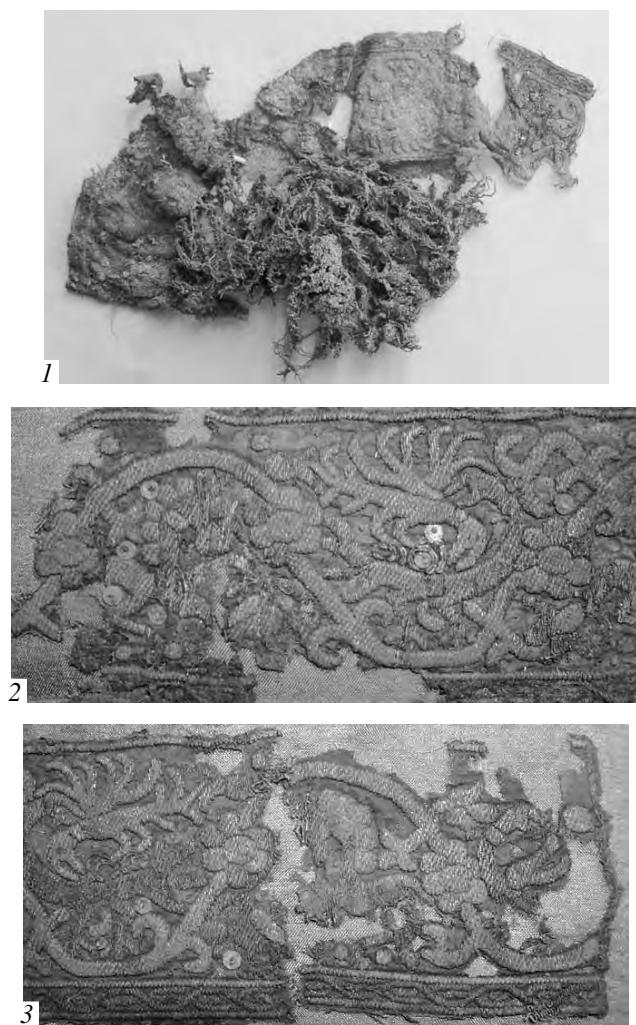

Рис. 4. Волосник № 4 до реставрации (1); 2 – фрагмент очелья; 3 – золотное шитье (2, 3 – после реставрации, см. цветную вклейку № 3).

Восстановленная длина очелья 37 см, ширина 5.8 см. Очелье выполнено из полосы шелковой ткани красного цвета, украшено золотной вышивкой в прикреп и позолоченными блестками. Ткань шелковая полотняного переплетения. Плотность нитей по основе – 70 н/см, по утку – 45 н/см. Нити некрученые. В шитье использованы пряденые металлические нити двух видов: золотные толщиной 0.4 мм (шелковые нити, оплетенные тонкими полосками позолоченного серебра в S-направлении) и серебряные пряденые нити толщиной 0.25–0.3 мм (шелковые нити, оплетенные полосками серебра в S-направлении). Сочетание этих нитей и применение в шитье блесков (круглые позолоченные блестки диаметром 3 мм) усиливают декоративный эффект (рис. 4, 2, 3).

Орнамент на очелье удалось реконструировать практически полностью. В центре – стилизованное “дерево”, от которого влево и вправо волнообразно отходят ветви с бутонами, цветами и

листьями. Возле ствола по обеим сторонам помещены единороги. Между ветвей вписаны сцены терзания фантастического животного (змея? дракона?) кречетом и единорог, бьющий копытом водоплавающую птицу. По краям очелья – птица, сидящая на ветви, обернувшись в противоположную сторону. Композиция вышивки очень динамична. Кречет, клюющий зверя, изображен с поднятыми вверх крыльями; зверь повернулся в сторону, противоположную движению, и пытается укусить кречета. В следующей сцене единорог изображен скачущим (с приподнятой передней ногой), копытом которой он ударяет водоплавающую птицу (лебедя?), пытаясь пронзить ее шею рогом. Единороги и кречеты изображены в ошейниках. По нижнему краю очелья проходит растительный побегок шириной 6 мм (рис. 2б).

Ажурный верх волосника выполнен в технике плетения на рамке. В плетении использованы красные шелковые и золотные нити, которые образуют ромбовидный орнамент.

Волосник № 5 (находка без полевого номера, 2004 г.). Небольшой бесформенный текстильный фрагмент из слоя кладбища (участок Е) был идентифицирован как остаток волосника только после очистки и укрепления. Уцелела, видимо, центральная часть очелья и пришитый к нему фрагмент ажурного верха. Ткань шелковая полотняного переплетения. Плотность нитей по основе – 60 н/см, по утку – 45 н/см. Нити некрученые. Ширина очелья составляет 4.0–4.2 см. В вышивке были использованы металлические нити двух видов. Настил золотных нитей вертикальный. Шелковые закрепы на золотных нитях выполнены через каждый 1 мм и создают частые диагональные полосы, имитирующие ткачество. На уцелевшем фрагменте сохранились вышивка вприкреп с изображением растительного орнамента и часть сцены терзающих друг друга птиц (лебедя и кречета?). В растительном орнаменте центральное место занимает стилизованный тюльпан, от которого сверху и снизу отходят ветви с листьями и завитками. По нижнему краю очелья проходит растительный побегок шириной 5 мм (рис. 2в; 5). Ажурный верх волосника плетен из тонких металлических (золотных) пряденых нитей.

Не претендуя на полный искусствоведческий и мифологический анализ восстановленных сцен, сделаю первые шаги к их возможной интерпретации. Прежде всего следует отметить, что нам не известны точные иконографические прототипы изображенных композиций. Логично было бы видеть их источником сюжеты восточных или средневековых тканей средневековья и Ренессанса, которые широко проникали в мир художественных образов как Древней Руси, так и Московского государства. Схожих мотивов, ко-

Рис. 1а

Рис. 4

Рис. 7а

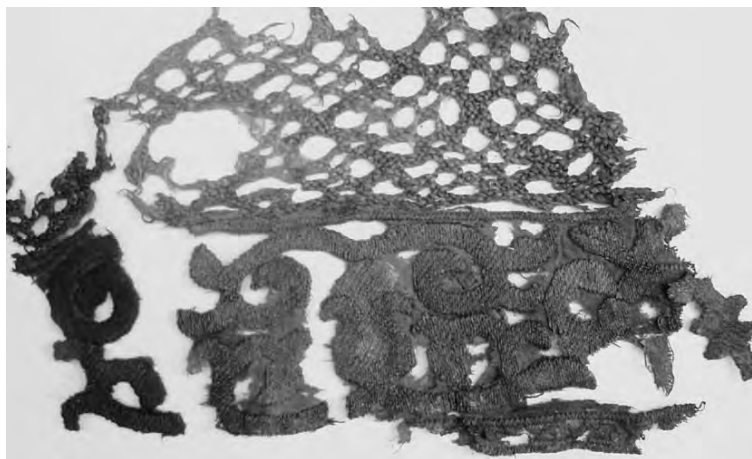

Рис. 5. Волосник № 5. Уцелевшие фрагменты.

нечно, достаточно, однако строгие соответствия пока не выявлены. В любом случае, выбирая отдельные элементы, собирая их в композицию и даже копируя готовое решение, заказчик и мастер должны были видеть за ними определенное смысловое наполнение (необязательно совпадавшее с исходным образом). Хронологически наш материал не так уж далеко отстоит от современности, и кажется возможным обращение за комментариями к этнографической литературе.

По народным понятиям, одежда защищает человека не только от жары или холода, но и от злых сил. При ее изготовлении огромное значение придается выбору цвета ткани, нитей для вышивки и плетения, технике, и, конечно, орнаменту. Волосник был одним из значимых охранительных элементов костюма женщины и, как каждый предмет костюма, имел, видимо, устойчивый набор декоративных элементов. Все известные нам волосники наделены рядом общих черт. Очелье всегда выполняли из полосы однотонной шелковой ткани обычно красного цвета. На Руси он был излюбленным, имел массу оттенков, символизировал солнце, радость и веселье; верили, что красный цвет обладает чудесными свойствами, и связывали его с плодородием (Дурасов, Яковлева, 1990. С. 22). В иконописи красный символизировал земную, человеческую природу, кровь, мученичество). Очелье иногда оставляли гладким, но в большинстве случаев расшивали металлическими пряженными и цветными шелковыми нитями (в изготовлении ажурного верха выделены два типа: кружевной, выполненный на деревянной рамке в технике безузловой сети – *sprangtechnik* (Wild, 1988. С. 50, 51) и кружевной филейный (Елкина, 2005. С. 105, 106).

В целом техника изготовления и используемые материалы головных уборов из Зачатьевского монастыря аналогичны всем ранее извест-

ным волосникам, но они наделены и общими “местными” признаками. Очелья всех волосников здесь выполнены из полосы красной шелковой ткани полотняного переплетения, и практически весь фон очелья заполнен орнаментальным шитьем. Основным композиционным элементом шитья всегда является “древо”; по нижнему краю очелья всегда проходит волнообразная линия растительного побежка; ажурный верх всех волосников выполнен в технике плетения на деревянной рамке (*sprangtechnik*). Обычно для орнаментации очелья использовали вышивку настилом золотых нитей вприкреп. Для этого золотые нити прикрепляли к ткани шелковыми нитями разных цветов (чаще всего красными) через определенные промежутки (1.5–2.5 см). В результате шелковые прикрепы создавали частые диагональные полосы, имитирующие саржевое ткачество.

Исключение – волосник № 2, техника вышивки которого резко отличается от остальных. На очелье этого волосника сначала тонкими шнурами, свитыми из двух золотых нитей, выкладывался контур орнамента, а затем образовавшееся внутреннее пространство заполнялось настилом из тонких золотых нитей, причем при таком исполнении прикрепы не должны были быть видны – они закрепляли золотую нить лишь в местах ее поворота. Отметим, что в вышивке другого волосника (волосник № 4) для создания дополнительного декоративного эффекта использованы небольшие позолоченные блески – такой прием в исполнении шитого очелья волосника встречен впервые.

Но главное, что отличает волосники из Зачатьева от всех остальных, – орнаментация. В большинстве других известных головных уборов на очельях, как правило, изображены только “древа” (обычно 7) и “древца”, чередующиеся с животными или птицами, движение которых направле-

но к центру. Все элементы даются отдельно, они самостоятельны и не связаны действием. На волосниках же из Зачатьева орнамент объединен общим сюжетом. На трех очельях из пяти, кроме традиционных “древ”, читаются динамичные композиции, целые тератологические сцены: кречет терзает фантастического зверя; единорог побивает копытом водоплавающую птицу и вонзает рог в ее шею; единорог побивает копытом змея; две птицы борются.

Следует напомнить здесь об элементах системы символов-оберегов и символов-помощников, принятых как в дохристианском искусстве, так и в искусстве христианского периода, причем известных и по археологическим материалам. Так, изображение “древа”, фланкированного оберегающими его птицами и животными широко представлено в прикладном искусстве Древней Руси, в вышивке средневековья, в декоративном искусстве XIX–XX вв. – так же, как в искусстве многих стран мира. “Древо” (Древо жизни, мировое Древо) трактуют как прославление жизненной силы природы и плодородия в народном сознании (Манушина, 1983. С. 36).

Единорог, изображенный на двух из найденных волосников, вошел в искусство Руси не позднее XI в., но наибольшую популярность получил в середине XVI в. Он символизировал женское целомудрие и духовную чистоту (конкретнее – верующего, помнящего о Боге и возносящего молитвы; см.: Белова, 2000. С. 199). Единороги изображены на волосниках Марии Мутьянской (†1603 г.; захоронение изучено в 1948 г. при земляных работах в Знаменском переулке; см.: Шокарев, 2000. С. 203) и Марии Долгорукой (†1645 г.; см.: Панова, Синицына, 1987. С. 339, 341). В этих случаях одиночные фигуры единорогов, обращенных к центру, чередуются с “древями”. На волосниках из Зачатьевского монастыря единорог изображен в борьбе с фантастическим животным и водоплавающей птицей. Фантастическое животное, с которым бьется единорог, судя по всему, недаром напоминает змея, в народном воображении олицетворяющего все нечистое, злое, лукавое и вредоносное (Коринфский, 1995. С. 458), а в христианской мифологии – попросту дьявола (Буслав, 1997. С. 138, 139). Водоплавающая птица в народных сказаниях предстает как положительный образ, но не всегда: в ряде легенд и поверий она связана с нечистой силой (у западных славян – гусь; в Тульской и Харьковской губерниях в облике утки могли увидеть дьявола, кикимору, водяного; см.: Гура, 1997. С. 667).

Большинство изображений схваток на очельях можно трактовать как борьбу добра со злом. Вероятно, тот же смысл заложен в сцене сражения кречета (сокол – символ свободы, отваги, непобедимости) со змеем. Но вообще сюжет соколиной

охоты или сцена двух терзающих друг друга птиц (в фольклоре известен мотив терзания соколом лебедушки, имеющий, вероятно, и свадебный подтекст) в золотном орнаментальном шитье этого периода использовался особенно часто. Примерами могут служить образцы шитья, хранящиеся в ГИМе (Ефимова, Белогорская, 1982. Рис. 16, 17). Наконец, изображения павлинов легко объяснимы через христианскую символику (Белова, 2000. С. 199) и достаточно многочисленны в церковной иконографии.

Все найденные в Зачатьевском монастыре головные уборы являются высокими произведениями декоративно-прикладного искусства и выполнены художниками высокого класса. Мы не можем точно датировать их по материалам стратиграфии или по инвентарю (в захоронениях оно просто не найдено), но следует отметить, что все описанные выше могилы впущены в материк, а их заполнение содержит единичные фрагменты керамики, относящиеся к XVI в. Некоторые основания для датировки дают и аналоги. Все ранее известные волосники датированы концом XV – началом XVII в., причем, за малым исключением, известны имена их владельцев. Из точно датированных самым ранним является волосник Софьи Палеолог (†1503 г.), а самым поздним – волосник Марии Долгорукой, второй жены Михаила Федоровича Романова (†1645 г.). К сожалению, имена женщин, уборы которых найдены в Зачатьевском монастыре, останутся неизвестными, но их социальный статус нужно оценить как высокий. Все ранее найденные волосники принадлежали женщинам царского дома, княжеских или знатных боярских семей. Шелк, серебряные и золотные нити в XVI–XVII вв. стоили дорого, а работа по изготовлению головных уборов была трудоемкой. Вряд ли небогатая и незнатная женщина могла себе позволить столь роскошный предмет.

Следует задуматься и о художниках. Еще раз обратим внимание на схожесть использованных сюжетов и общие элементы в технике исполнения вышивки (по стилю из группы выпадает только волосник из погребения № 165, находка № 268). В XVI–XVII вв. в Москве известно несколько золотошвейных мастерских со своим выработанным стилем лицевого и орнаментального шитья, использовавших определенные орнаменты. Самые известные из них – царские мастерские Софьи Палеолог, Соломонии Сабуровой, Марии Васильевны Пенковой, Анастасии Романовны, Ирины Годуновой (Древнерусское шитье..., 1980. С. 4). Существовали также княжеские и боярские мастерские. Коллекция волосников из Зачатьевского монастыря, возможно, является продукцией одной из них. Нельзя исключить, что мастерская эта была связана с самой обителью: например, была организована кем-то из ее знатных постриженниц.

Статья написана в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН “Русская культура в мировой истории”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.
- Буслав Ф.И. О русской иконе. Общие понятия о русской иконописи. М., 1997.
- Быт и нравы русского народа в XVI и XVII ст. Смоленск, 2002.
- Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1978.
- Домострой Сильвестровского извода. СПб., 1902.
- Древнерусское шитье XV – начала XVIII в. в собрании Государственного Русского музея. Каталог выставки. Л., 1980.
- Дурасов Г.П., Яковлева Г.А. Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. Музей народного искусства. М., 1990.
- Ефимова Л.В., Алешина Т.С., Самонин С.Ю. Костюм в России. XV – начало XX в. М., 2000.
- Ефимова Л.В., Белогорская Л.Р. Русская вышивка и кружево: собрание ГИМ. М., 1982.
- Елкина И.И. Археологический текстиль из раскопок в Романовом переулке в Москве // Проблемы истории Московского края. Тез. докл. региональной конф., посв. 70-летию образования Московской области. М., 1999.
- Елкина И.И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре // Усыпальница дома Романовых в московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005.
- Коринфский А.А. Народная Русь. М., 1995.
- Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва в далеком прошлом. М., 1966.
- Манушина Т.Н. Шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М., 1983.
- Панова Т.Д., Синицына Н.П. Волосники из погребений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л., 1987.
- Рабинович М.Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Матер. к историко-этнографическому атласу. М., 1986.
- Спирина Л.М. Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых // Памятники культуры. Новые открытия. 1980. Л., 1981.
- Федорович Е.Ф. Простейшие методы исследования окраски древних и старинных тканей // Художественное наследие. Вып. 3 (33). М., 1977.
- Шокарев С.Ю. Фрагмент надгробия и волосник из погребения Марии Мутьянской (1603 г.) // Археологические памятники Москвы и Подмосковья / Тр. МИГМ. Вып. 10. Ч. 3. М., 2000.
- Wild J.P. Textiles in archaeology. Aylesbury, 1988.

Volosniki head-dresses of the 16th–17th cc. from burials at the Nunnery of the Conception in Moscow

I. I. Yelkina

Summary

The article publishes five Medieval woman's head-dresses (volosniki), the fragments of which were found during archeological excavations at the Nunnery of the Conception in Moscow. The remnants underwent cleaning and preservation. Structural analysis of the fabrics was conducted, the nature of the fibers was determined, the embroidery and weaving of each item were analyzed. On the basis of the data thus obtained, graphical reconstructions of the embroidered brow-pieces were made. Comparative analysis was conducted, correlating the manufacturing technique, the materials and the ornaments with already known Medieval woman's head-dresses. An attempt at interpreting the scenes depicted on the embroidered brow-pieces was made.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

НЕКРОПОЛЬ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2003 г.

© 2008 г. С. З. Чернов, Б. Е. Янишевский

Институт археологии РАН, Москва

Некрополи крупных общежитийных монастырей XV–XVII вв. – феномен, заслуживающий самого пристального изучения. Представители знатных родов с XV в. начинают хоронить своих усопших не только в городских и подгородных обителях, как это было в Древней Руси, но и в монастырях-пустынях, возникших на окраинах Московского княжества и на протяжении жизни двух-трех поколений превратившихся во влиятельные и богатые духовные корпорации.

Некрополь Троице Сергиева монастыря – ключевой памятник для понимания этого явления. Обширная документация о погребенных из архива монастыря и натурное описание некрополя (составлено после 1634 г., см.: Список..., 1879), локализирующее 273 подписные надгробия открывают широкие возможности для комплексного исследования. В научный оборот введено 275 надгробий (Николаева, 1957; 1958а; б; 1960; 1965; Вишневский, 2000; 2001; 2004; 2006). Однако после работ Л.А. Беляева (1994; 1996; 2006) и других исследователей археологическое наследие монастырей видится как единство архитектурно-археологических объектов, следов деревянной застройки, некрополя и вмещающего культурного слоя. Если взглянуть на состояние изученности Троицкого некрополя с этих позиций, то придется признать, что многие существенные вопросы еще не поставлены.

Причина в том, что исследования некрополя велись не по научным программам, а вызывались земляными работами, при которых белокаменные надгробия обнаруживали в пределах каре келий всюду, где производили разрытия. Впервые они были описаны в 1863 г. (извлечены из земли при прокладке водопровода, пересекшего некрополь с востока на запад: Смирнов, 1871). В ходе реставрации И.В. Трофимова предполагалось развернуть археологические исследования (раскоп И.Г. Еремина 1939 г.), но их программа (Арциховский, 1940) не была реализована. Лишь когда реставрация подходила к концу, Т.В. Николаева смогла приступить к углубленному изучению некрополя (Николаева, 1953–1957). С 1985 г. музей-заповедник продолжил наблюдения.

После формирования Лаврой, МДА и музеем-заповедником (1989 г.) Совета по Троице-Сергие-

вой лавре, созданного для изучения инженерно-геологической ситуации, Московская экспедиция ИА РАН обнаружила погребенные почвы и установила северную границу некрополя (Чернов, 1989). Однако, к сожалению, работы стали вести без открытого листа (открытие мощей в Филаретовском приделе 1994 г., исследование погребения Максима Грека в 1996 г., нивелировка у Надкладезной часовни 1998 г.) (Беляев С.А., 1996).

С 1999 г. Лавра начала вертикальную планировку всей территории некрополя. Между Успенским собором и колокольной без раскопок вскрыли около 700 м² на глубину 0.8–0.2 м, серьезно затронув северо-западную часть некрополя; 10 надгробий извлекли без должной фиксации. Уступая требованиям Научно-методического совета МК РФ, приняли программу предварительной шурфовки. В 2000 г. музей-заповедник прошел 47 шурфов в западной части монастыря, а в 2001 г. – 23 в восточной (Вишневский, 2000; 2001). Их данные и анализ работ прежних лет легли в основу проекта вертикальной планировки (Логачева, 2001). Грунт должны были снимать до уровня надгробий, но на практике это не выполнялось. Лавра продолжала вести работы без предварительных раскопок. В 2001–2002 гг. в режиме наблюдений без необходимой фиксации культурного слоя у Никоновского придела (в древнейшей юго-западной части некрополя) из земли извлекли около 50 белокаменных надгробий (Вишневский, 2001; 2004; 2006).

Лишь в 2003 г. ИА РАН провел тщательные раскопки некрополя широкой площадью; был дан обоснованный ответ на следующие вопросы: какой была дневная поверхность до создания некрополя? залегают ли надгробия *in situ*? расположение могил (правильными рядами или захоронения перебивают друг друга)? какие слои перекрывают некрополь? возможна ли фиксация “дорог” и “мостов”, упоминаемых в Списке надгробий?¹.

Раскопы были заложены в центральной части некрополя, на дороге от Святых врат к Троицкому собору, у ограды Сергиевской трапезной церк-

¹ Ответы на ряд вопросов можно найти у В.И. Вишневского (2006. С. 136), но в литературе продолжают циркулировать ошибочные суждения (“Некрополь Троице-Сергиевой лавры – это примерно 3.5 тысяч человек, погребенных... как минимум в 4 слоя”, см.: Ткаченко, 2006. С. 90).

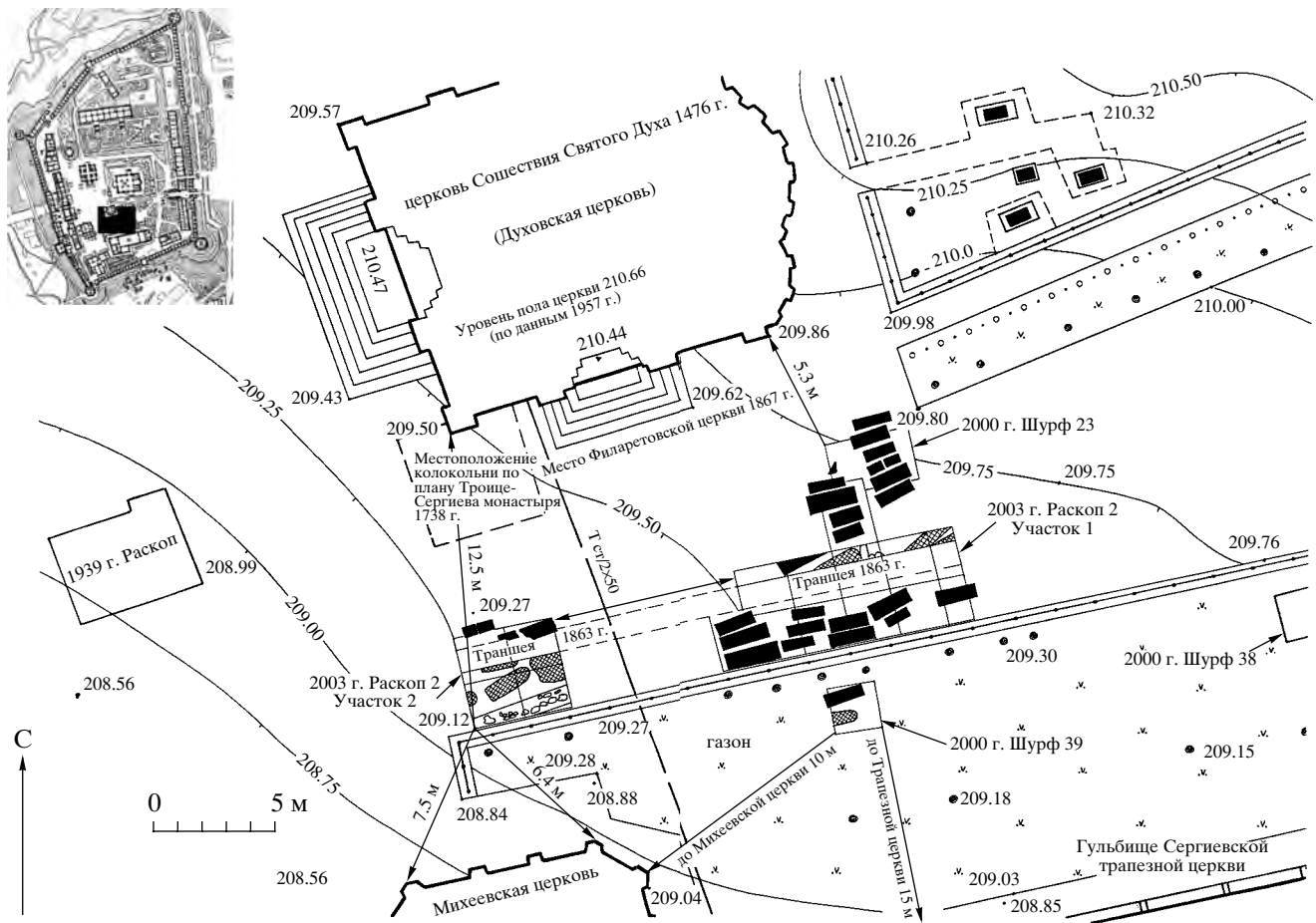

Рис. 1. План расположения раскопа 2 2003 г. в Троице-Сергиевой лавре. На врезке указано положение участка на территории Лавры.

ви (1688–1692 гг.) вдоль трассы предполагаемой пешеходной дорожки. Раскоп 2 к югу от церкви Сошествия Св. Духа исследовала Московская областная средневековая экспедиция (рис. 1) (Чернов, Янишевский, 2003; 2004), раскоп 3 у книжной лавки – Подмосковная экспедиция (Энговатова, Зеленцова, 2005). Церковь Сошествия Св. Духа (1476 г.) стоит на месте деревянной церкви, возведенной вначале (в 1412 г.) на месте Троицкой соборной церкви (сгоревшей во время татарского набега в декабре 1408 г.) и в 1422 г. (в связи со строительством существующего Троицкого собора) перенесенной на 15 саженей к востоку. Летописец сообщает, что весной 1476 г. “Заложена бысть, почата дѣлати в Сергѣевѣ монастырѣ церковь святыя Троица, кирпичная, древогая, на мѣстѣ деревяныя церкви” (Типографская летопись, 1921. С. 195). В XV – первой половине XVI в. фасад восточной линии келий пролегал примерно в 10 м, а стена монастыря – в 30 м восточнее алтаря церкви Св. Духа (Голубинский, 1909. С. 107, 108, 178). Такая ситуация сохранялась до 1557 г. (перенос келий после строительства в 1540-е го-

ды новых каменных крепостных стен: Краткий летописец..., 1890. С. 178).

Раскоп 2 попал на участок древнего монастырского двора, а раскоп 3 (40 м к востоку от алтаря церкви) – на территорию за кельями и деревянными стенами монастыря. В геоморфологическом отношении раскоп 2 расположен на второй террасе коренного берега р. Кончуры, у бровки (отметки 209.12 м – 209.63 м над уровнем Балтийского моря). Понижение уровня материка к западному краю раскопа (208.16–208.90 м) обусловлено тем, что сюда выходило верховье оврага, за которым уровень вновь повышался (у апсид Троицкого собора материк залегает на отметке 208.75 м). Магниторазведка (НПЦ “Геотехнология”, М.Я. Кац) на пространстве между Сергиевской и Духовской церквями (55 × 15 м) выявила две аномалии. Одна из них – к северу от церкви Преп. Михея (1734 г.) – отражает фундаменты разобранного крыльца Сергиевской церкви и древней колокольни (рис. 1).

Георадар (СКБ ИРЭ РАН; А.С. Бажанов) выявил микроаномалии (2 × 0.5 м) на месте надгроб-

бий, вскрытых и оставленных на своих местах в 2000 г. (рис. 1, шурф 23), – оказалось, что зона пониженных значений магнитного поля отражает сохранившуюся часть некрополя. Раскоп 2 был заложен так, чтобы изучить сохранившийся участок некрополя и западную аномалию: параллельно стене церкви Св. Духа, в 10 м к югу от нее. Он примыкал к газону и включал участки 1 (10 × 4 м с прирезками – рис. 2) и 2 (4 × 4 м – рис. 4) в 7 м друг от друга.

Слой разбирался пластами по 10 см. На всей площади раскопа надгробные плиты расчищены до уровня погребенной почвы, на котором находились. На участке 1 вскрыта одна могила, а на участке 2, где надгробия отсутствовали, зачищен материк, в котором изучены могильные ямы. Надгробия оставались на местах. Обнаружив, что с запада на восток через раскоп проходит траншея водопровода 1863 г., мы выбрали ее и получили профиль длиной 7 м, в котором фиксировалась погребенная почва и могильные ямы (рис. 2, врезка) (рис. 3, Б). Почвенное и палинологическое исследование позволили реконструировать природную среду холма Маковец и показали, что пространство монастырского двора вдоль бровки коренного берега р. Кончуры не распаивалось и не застраивалось до того, как в XVI в. было обращено в кладбище (Александровский и др. В печати).

После снятия плитки и песчаной подсыпки на всем участке 1 открылся слой 1 (мощность 12–20 см, отметки –126...–112 см) из коричневатой-серой супеси с мелким битым кирпичом, обилием извести и темно-бурого суглинка. Слой отложился после засыпки траншеи 1863 г. при строительстве ограды газона в конце XIX в.

Основную толщу пласта 2 составлял слой 2; он открылся на отметках –140...–120 см и продолжался в пласте 2; в кв. 10 расчищено надгробие № 2. Слой 2 – плотно слежавшийся битый кирпич с известью, залегающей прослойками по 2–5 см, проходящими с перерывами по всей поверхности раскопа – отложился до прокладки водопровода (траншея 1863 г. его пробивает) и строительства в 1867 г. Филаретовской церкви. В слое найдена медная полушка Екатерины II (№ 3; чеканка Екатеринбургского монетного двора 1770 г.; определение А.М. Колызина (Узденников, 1992. С. 249). Среди керамики пласта 2 (85 фрагментов) преобладала чернолощенная (46%) и мореная (11, 8%); белоглиняная гладкая и шероховатая – 24%; ранняя поливная – 4.8%. Это сочетание характерно для комплексов из Мытищ (монета 1707 г.) и Водостока у Воскресенских ворот Китай-города (монеты 1718–1724 гг.).

После разборки слоя 2 открылся слой 3 – серо-бурый гумусированный суглинок, разделявший два строительных горизонта (2 и 4). К северу от

траншеи он залегал на отметках –140...–135 см при мощности 8 см, к югу – на отметке –140 см при мощности от 20 см на востоке до 40 см на западе, где заходил в пласт 3. Формирование слоя 3 – в пределах первой половины – середины XVIII в.; уточняют дату полкопейки имп. Елизаветы Петровны 1757 г. (№ 4). В ходе разборки пласта 3 на площади раскопа раскрылся слой 4 (мощность от 25 до 50 см). В северо-восточном углу раскопа он обнажился на отметке –140 см, в кв. 2 на отметке –157 см; в южной части – в кв. 8 (в виде развала кирпича и изразцов) на отметках –152...–160 см (рис. 3, В); на остальном пространстве на отметке –170 см, почти не демонстрируя падения с востока на запад. По поверхности этого слоя проведена зачистка пласта 3 (–180...–170 см).

Слой 4 отложился единовременно и сложен крупными обломками кирпича (на многих следы извести) и печных изразцов; чтобы выровнять поверхность, могильные плиты засыпали сверху строительным мусором (рис. 3, Б). В средней части раскопа в засыпке использованы неполивные красные изразцы, включая целые и крупные обломки (всего 79 фрагментов) (рис. 3, Г). Изразцы рамочные; румпы как коробчатые (7–9 и 8–11 см), так и отступающие от края. В специальном исследовании изразцы датированы 1650–1660-ми годами (Щербаков, 2005. С. 107–110)². Кирпич из слоя 4 (в основном 8–9 × 14–16 × 30 см) – типичный большемер 1640-х годов – начала XVIII в. (Киселев, 1986. С. 15. Табл. 5). Он найден вместе с изразцами и, возможно, остался от печей 1650–1660-х годов. В кв. 4 в том же слое найдено несколько плинф (17.5 × 16.5 × 4.5 см) и оконная слюда (№ 8). Керамика пласта 4: красноглиняная гладкая (11.4%); чернолощенная (31.6%); мореная (32.9%); ангобированная (3.8%); белоглиняная гладкая (8.9%); гладкостенная (10.1%). Это сочетание датируется XVII в.

Итак, на определенном этапе надгробия засыпали. Весьма важно установить, когда же именно. *Terminus post quem* дает дата печей (1650–1660-е годы), а *terminum ante quem* – монета 1757 г. из лежащего выше слоя 3. Уточнить период засыпки позволяют стратиграфические наблюдения на западной прирезке к участку 1. В профиле западной стенки кв. 6 зафиксирован слой песчаной подсыпки (8 см), разделяющий слой 3 примерно пополам. В профиле западной стенки прирезки песчаная подсыпка тоже видна, причем над ней и особенно под ней видны прослойки угля, засыпанные песком. Учитывая, что дата слоя 3 – первая половина – середина XVIII в., можно думать, что это след пожара 17 мая 1746 г. Следовательно, некрополь засыпан до 1746 г.

² В кв. 8 открыта яма, засыпанная полихромными рельефными изразцами XVIII в., пробившая слой 4 и нижележащий могильный перекоп.

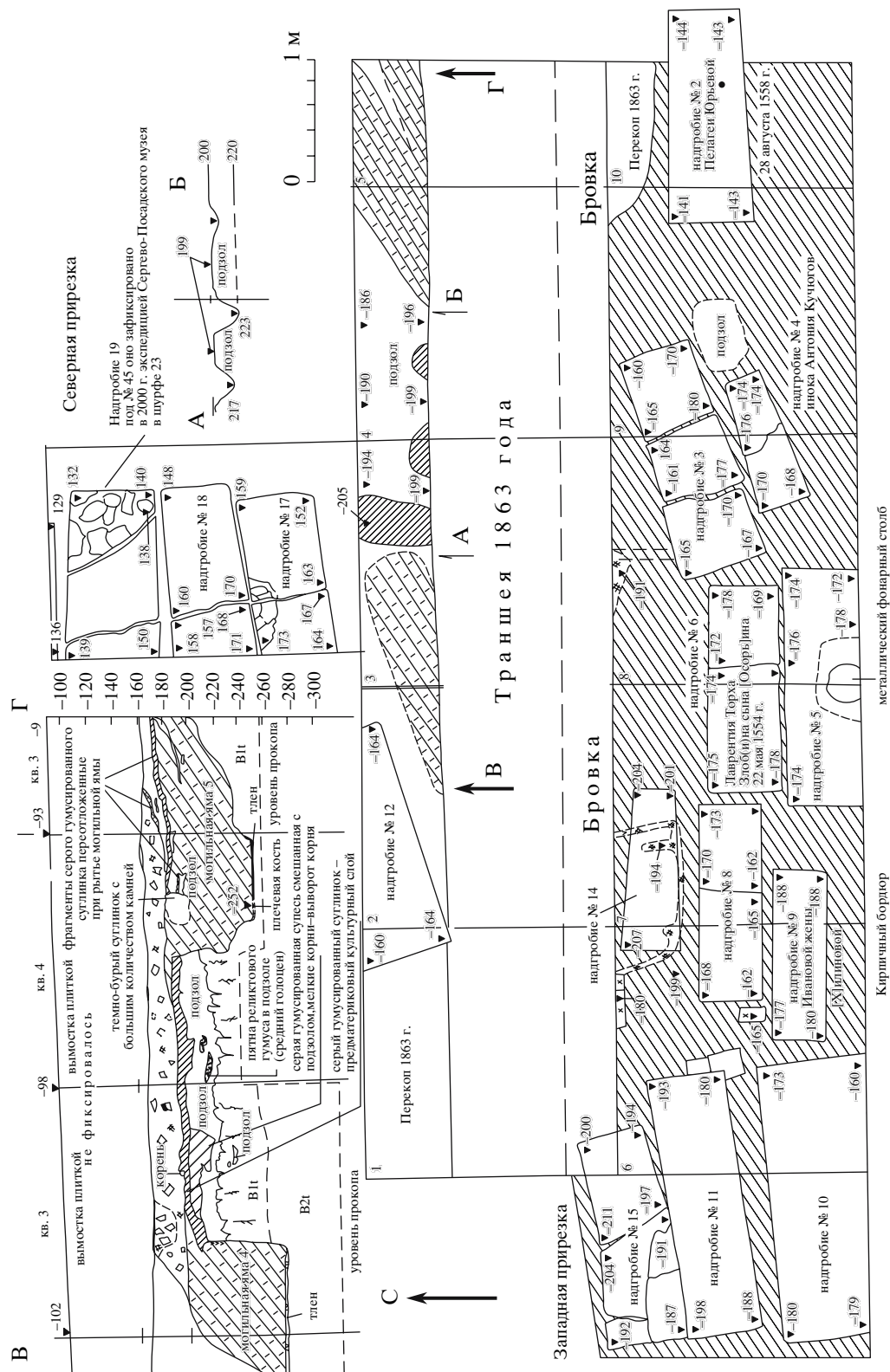

Рис. 2. Троице-Сергиева лавра. Раскоп 2. План участка 1 в зачистке пласта 4 (–190...–205 см) после снятия слоя кирпично-изразцової засыпки. На врезке слева – профиль северной стенки траншеи 1863 г.

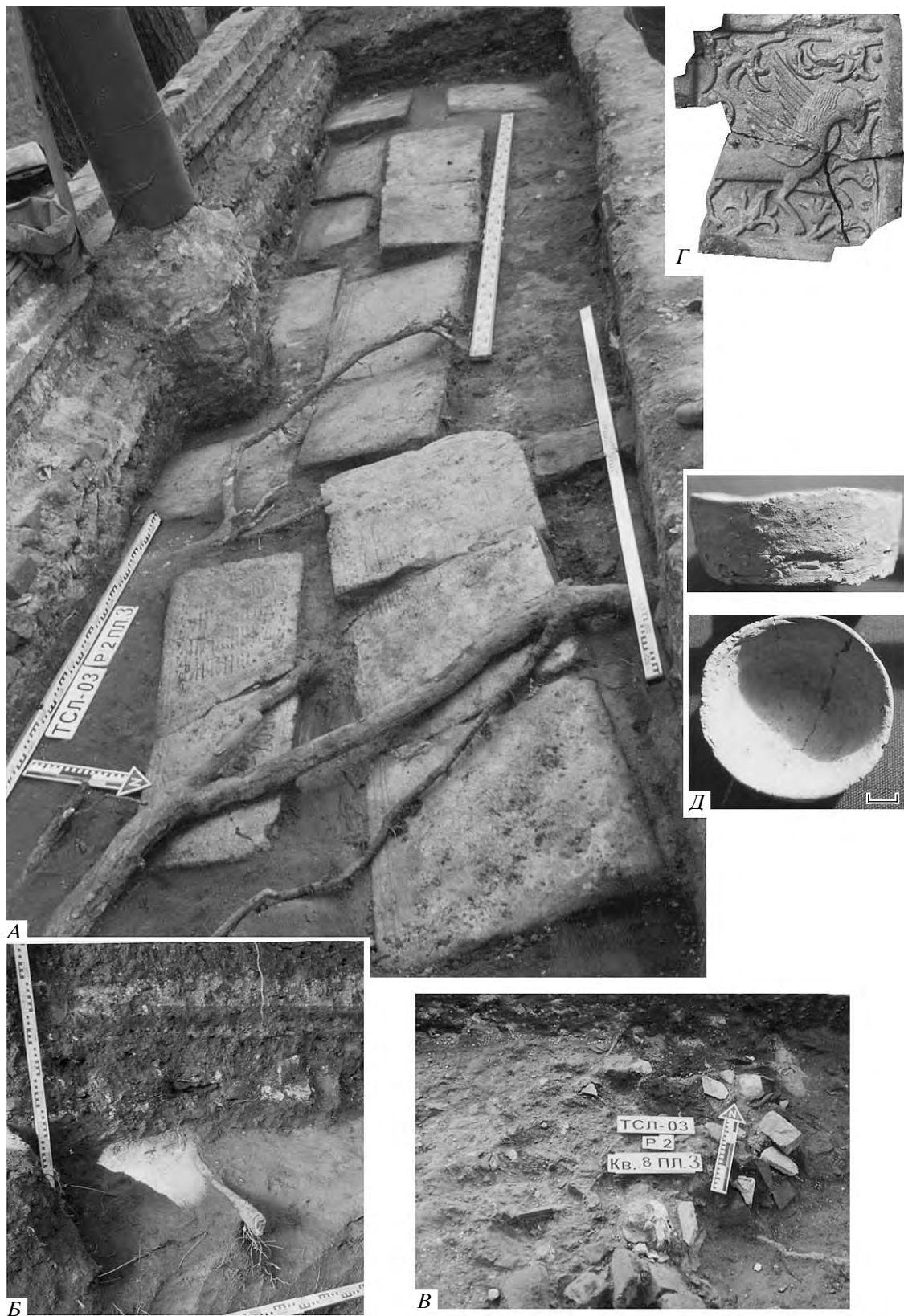

Рис. 3. Раскоп 2. Некрополь и перекрывающие его отложения. А – белокаменные плиточные надгробья в южной части раскопа 2. Вид с востока. В центре справа – плита Лаврентия Торха; Б – кирпично-изразцовая засыпка некрополя в профиле северной стенки участка 1; В – кирпично-изразцовая засыпка надгробий (слой 4) в зачистке пласта 2 (участок 1, кв. 8). На переднем плане – поверхность гумусового горизонта почвы; Г – изразец из слоя засыпки некрополя; Д – чашечка для елеса из заполнения траншеи 1863 г. (находка № 5, пл.4, гл. – 166...–176, кв. 5).

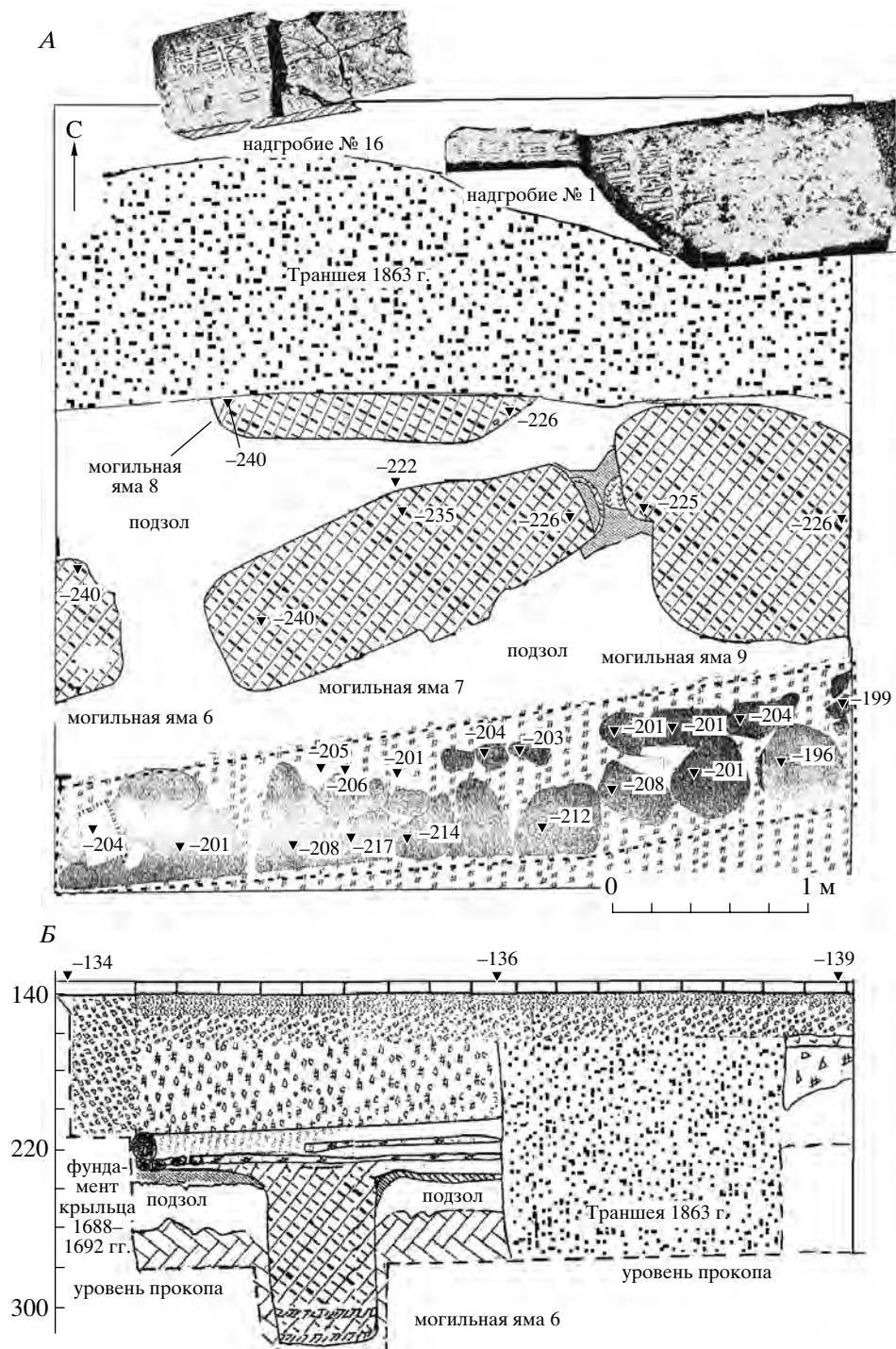

Рис. 4. Раскоп 2, участок 2. А – план зачистки пласта 4 (–225...–230) по поверхности подзолистого горизонта погребенной почвы; в южной части участка – фундамент крыльца 1688–1692 гг.; Б – профиль западной стенки раскопа – могильная яма 6 пребывает погребенную почву; над ней залегает прослойка извести от строительства крыльца.

Архитектурно-археологическая дата засыпки некрополя получена при раскопках участка 2 (рис. 4). В северной его части стратиграфия близка вышеописанной, слой 3 (–160...–170 см; прослежен в северной стенке) также можно связать с пожаром 1746 г. Под ним залегал слой 4 (кирпичный бой и

известь, мощность 10 см). Распространяясь равномерно, эта засыпка некрополя строительным мусором XVII в. перекрывает могильные плиты (открылись на отметках –159...–182 см).

В южной половине участка 2 слой 4 отсутствовал. Здесь под мешаным слоем вдоль стенки от-

крылась валунная кладка (–200...–205 см) (рис. 4, А) из 12 крупных и ряда более мелких валунов (от 10 до 30 см), а также двух обломков могильных плит с треугольчато-выемчатым орнаментом (уложены в ров шириной 60 см и залиты известью). Положение фундамента в плане не оставляло сомнений, что перед нами основание западного крыльца Сергиевской трапезной церкви 1692 г., разобранного в 1734 г. при возведении церкви Преп. Михея. Керамика из нижнего горизонта мешаного слоя (3 пласт) (всего 86 фрагментов) включала наряду с ранним материалом – красноглиняная гладкая и белоглиняная грубая (4%) – чернолощеную (77%), мореную (8%) и белоглиняную гладкую (11%). Верхнюю дату определил фрагмент с зеленой поливой. Видимо, засыпка произведена в 1734 г. материалом XVII – первой четверти XVIII в.

В ходе разборки пласта 4 обнажился серый гумусированный суглинок. Он имел мощность 20 см, залегал на отметках –205...–230 см и был переслоен разлитой известью (рис. 4, Б). В основании серого суглинка лежит обширная проливка извести. Как показал профиль западной стенки, она относится ко времени строительства крыльца (1688–1692 г.). Следовательно, серый суглинок отложился между 1692 и 1734 годами. После разборки слоя извести проведена зачистка (на отметке – 230 см; рис. 4, А), открывшая ситуацию перед началом строительства крыльца, когда отсюда убрали надгробия и перед крыльцом возникла свободная от могильных плит полоса шириной 2 м (вплоть до плиты Н.Ф. Сабурова).

Этот участок некрополя не был засыпан, поскольку в 1692–1734 гг. здесь располагалось подножье парадной лестницы. Вероятнее всего, центральную часть некрополя засыпали между 1722 и 1734 гг.; стимулом к столь кардинальной перестройке двора могли быть указы 1722–1723 гг., предписавшие “опустить в землю” старые плиты, “дабы оные с положением места лежали ровно”, а “излишние камни употребить на церковное строение” (Полное собрание..., 1830. С. 653).

Под слоем кирпича и изразцов открылось 20 белокаменных надгробных плит лежавших вплотную друг к другу, рядами, с ориентировкой по линии северо-восток – юго-запад (рис. 2, 4, А). Это нетронутая (за исключением траншеи 1863 г.) часть монастырского кладбища (рис. 3, А). На участке 1, к югу от траншеи, расчищено 11 плит в пяти рядах; ориентированных на восток–северо-восток (№ 2, 5, 6, 8, 9, 14 – с отклонением на 10° к северу, как у церкви Сошествия Св. Духа; № 3, 4, 10, 11, 12, 15, 17, 18 – с отклонением на 20–30° к северу). Надгробия залегали почти на одном уровне (рис. 2), который понижался, как и материк, с востока на запад на 20 см (плита № 2 Пелагеи жены Юрия Дмитриева выше на 20 см, –141...–144 см).

К северу от траншеи во втором ряду зафиксированы четыре надгробия. Отметки их понижались с севера на юг, что тоже связано с понижением материка (ниже остальных надгробие 14 четвертого ряда: –199...–207 см). Надгробия лежат ниже уровня современной вымостки на 51–93 см (большинство на 60–80 см), а от верхней отметки слоя 1 – на 26–71 см (большинство на 50–60 см).

Шесть плит расколоты на две-три части корнями лиственниц, посаженных в конце XIX в. Большая часть надгробий (2–6, 8, 9, 14, 17–20) – с трехгранно-выемчатым орнаментом (“волчий зуб”) первой половины – середины XVI в. Надгробия 1, 10, 11, 12, 16 – со жгутовым орнаментом и каннелюрами (на боковых гранях), что характерно для второй половины XVI–XVII в. Орнамент на плите 15 стерт, а на плитах 7 и 13 не просматривался. Большинство надписей сильно стерты, имеют утраты и читаются с трудом (Чернов, Янишевский, 2003. Т. 3). Все надписи вязью. Прочитать удалось всего 7 (табл. 1).

В первом ряду (с востока на запад) – только одно надгробие, № 2. Это массивная плита с надписью: **...м(еся)ц(а) авгу(ста) (К)И день на память о(а)гия (Моисея) Мурина престав(ися) раб(а Божия) Пелагея Юр(ь)ева (жена) Дм...** (рис. 5, 2). Согласно Вкладной книге (Л. 393), вклад по душе Пелагеи Юрьевой жены Дмитриева дал Иван Тимофеевич Клобуков 5.10.1554 г. Память Моисея Мурина – 28 августа. Вероятно, Пелагея умерла 28.08.1554 г. Во втором ряду два надгробия, № 3 и 4. В отличие от надгробий первого и третьего рядов, они ориентированы со смещением к северу. Надгробие № 3 (северное) большое, 180 × 68/62 см (надпись не читается). № 4 – маленькое, 109 × 43/35 см, с хорошо сохранившейся надписью: **Лѣта 30 год(а) м(еся)ца апреля в К д(ень) преста-ви(ся) инокъ Антоней Кучюговъ** (рис. 5, 4). Дата смерти – 20.04.7070/1562 г. Третий ряд включал две плиты, № 5 и 6. Надпись № 5 читается фрагментами (рис. 5, 5): **Лѣ(та).....ес // я ...ркі // (пре-ста)вися (раба Божия)** [имя из 6–7 букв] // **сиео-лиі.....** // [слово под титлом, включая букву м; затем 3 нечитаемые буквы] **ра**. Плита № 6 (северная) несет надпись: **Лѣта 35В г(о) м(еся)ца мая ВК день преста-ви(ся) Лаврен(тий) Торхъ Злоб(ин) с(ы)н (О)с(ор)ъина** (рис. 6). Дата смерти – 22.05.7062/1554 г. Отметим, что плиты третьего ряда близки друг другу по орнаменту (полоса треугольчато-выемчатого орнамента обрамляет плиту и дополнена в изголовье внутренней рамкой из сомкнутых треугольников) и палеографии.

Плиты четвертого ряда № 8, 9, 14 невелики по размерам, ориентированы по храму и украшены треугольчато-выемчатым орнаментом. Южная (№ 9) несет обронную надпись (рис. 5, 9); в конце ее читается: **княин(я) Ок** [6 нечитаемых букв]

Таблица 1

№ плиты по списку 2003 года (в скобках № по своду 2006 г.)	Длина (в см)	Ширина (в изголо- вье/в изно- жии)	Толщина (в см)	Имя погребенного и дата кончины	№ участ- ка
1	210	70	37	[Никифор] Фе[доров с]ын Сабуров + до 27 августа 1598 г.	2
2	174	72/59	15	Пелагея Юрьева жена Дмитриева (+ 28 августа 1558 г.)	1
3	180	68/62	13	—	1
4	109	43/35	13	Инок Антоний Кучюгов (+ 20.04.1562 г.)	1
5	198	66/56	19	—	1
6	169	61/51	11.5	Лаврентий Торхъ Злоб(и)н сын [Осорь]ина (+ 22 мая 1554 г.)	1
7	?	?	10	<i>под бордюром</i>	1
8	162	59/48	12.5	—	1
9	141	57/47	9	Иванова жена []илинова ?	1
10	216	88/79	16.5	—	1
11	198	—/65	19	Прес...Великие колничей... Фе(д)орович... сын	1
12	184	69/—	26	—	1
13	?	?	?	<i>под бордюром</i>	1
14	132	51/36	11	—	1
15	~172	69/53	13	—	1
16	128	50	10	Игум(е)н(и)я Татияна 1624–1625 гг.	2
17	Более 130	62/68	14	—	1
18	Более 140	70/56	14	—	1
19 (№ 45)	161	74/66	15/16	См. свод 2006 г.	1
20 (№ 44)	210	69	17	См. свод 2006 г.	1

Иванова жена ..илинова. На центральной плите (№ 8) надпись почти стерта, читается конец: **по-свѣ я**. Плита 14 (северная, заглубленная), хорошей сохранности, без надписи. Для расчистки надгробий пятого ряда (№ 10, 11, 15), уходивших в западную стенку раскопа, сделали прирезку. Надписи сильно стерты – видимо, по плитам ходили. На плите 10 – следы пяти, на плите 15 – четырех строк. На плите 11 хорошо сохранилась правая часть надписи вязью (она была прикрыта соседней плитой): **Прес.....Великие колничей ... Фе(д)орович сын** (рис. 7, 11). К северу от траншеи исследовано массивное надгробие 12 с каннелюрами по боковым граням, лежавшее с отклонением к северу от ориентировки храма. Надпись в 6 строк стерта, кроме букв последней строки: **с(ы)на Ска..нова (?)** (рис. 7, 12).

Чтобы сомкнуть раскоп 2 с шурфом 23 2000 г., сделана северная прирезка (рис. 2), где выявлены надгробия 17, 18, 19 и край надгробия 20³. Все они украшены трехгранно-выемчатым орнаментом. Надписи плит 17 и 19 сильно вытерты, а надпись

плиты 18 открылась лишь на три нижние строки: **память Семио(на) .оеского мученика** [7 букв нарушены трещиной] **октрея в**. Память св. мученика Семиона – 21 июля. В северной части участка 2 сохранились два надгробия. Узость траншеи 1863 г. объясняется тем, что здесь лежала массивная плита № 1. В 1863 г. у нее отбили кусок, но подвинули только на 5–10 см (Смирнов, 1871. С. 422). Плита сохранила нижнюю часть надписи: (Никифор) **Фе(д)оров с)ын Сабуров**” (рис. 7, 1). Вклад по нем был дан 27 августа 1598 г. (Вкладная книга..., 1987. Л. 258). Лучше сохранилась лежавшая западнее в следующем ряду плита № 16 с надписью: **Лѣта ЗРЛГ г(о) ... ІВ дни преста(с)я раб(а) Б(о)жия игум(е)н(и)я Татияна** (рис. 7, 16). Датировается 7133 (1624–1625 гг.).

Четкая планиграфия, единый уровень и стратиграфические наблюдения показали, что плиты лежат *in situ*. Для проверки этого необходимо было изучить их соотношение с могильными ямами. Три могильные ямы открылись в северной части участка 1 (–196...–199 см) (рис. 2). Ко времени засыпки некрополя в 1722–1734 гг. плиты над ними отсутствовали, и слой кирпичной крошки лег прямо на погребенную почву и ямы (не затронутый могилами материк между ямами зачищен на про-

³ В северной части прирезка на пространстве в 70 см перекрыла шурф 23 2000 г. Надгробие 19 в 2000 г. получило номер 45, а надгробие 20 – номер 44 (Вишневский, 2000. Рис. 337; 2006. С. 148).

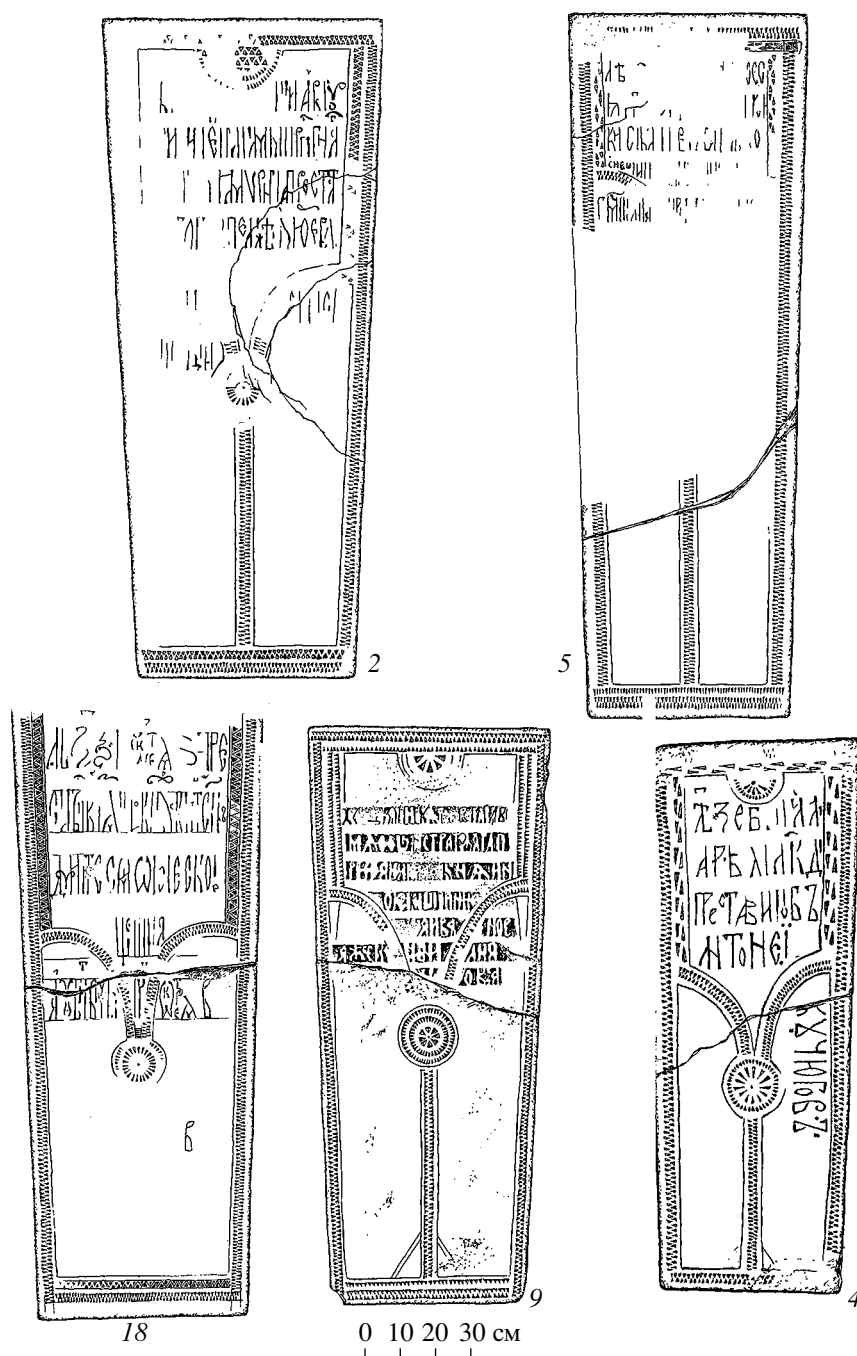

Рис. 5. Раскоп 2. Надгробия с трехгранно-выемчатым орнаментом; 2, 5, 4, 9, 18 – номера надгробий.

странстве 1.5 м). Ямы 5а и 5б расположены рядом, причем 5а (не менее 200 × 63 см) частично перекрыла 5б. Яма 5а отклонена на 5° к северу от ориентировки по церкви, яма 4 (200 × 60 см) – на 10°. Глубины ям от поверхности XV–XVI в. 60 см (№ 5б), 70 см (№ 5а) и 80 см (№ 4). Южная стенка ямы 4 вертикальна; на дне прослежена полоса тлена. Стенки ямы 5а в 15 см от дна сужены до 36 см, и в это углубление установлена деревянная колода (в профиле фиксировалась как полоса

тлена; прослежена также плечевая кость) (рис. 2, врезка).

В заполнении траншеи 1863 г. (кв. 5, –166... –176 см) обнаружена чашечка для еля соборования (рис. 3, Д). Судя по месту находки, она ранее лежала в могиле 5А или 5Б, изголовья которых разрушены при копке траншеи. Высота чашечки 3–3.2 см, стенки почти вертикальные: диаметр 7 (донце) и 7.5 см (венчик). Сделана на гончарном круге с подправкой от руки. Состав теста (красно-

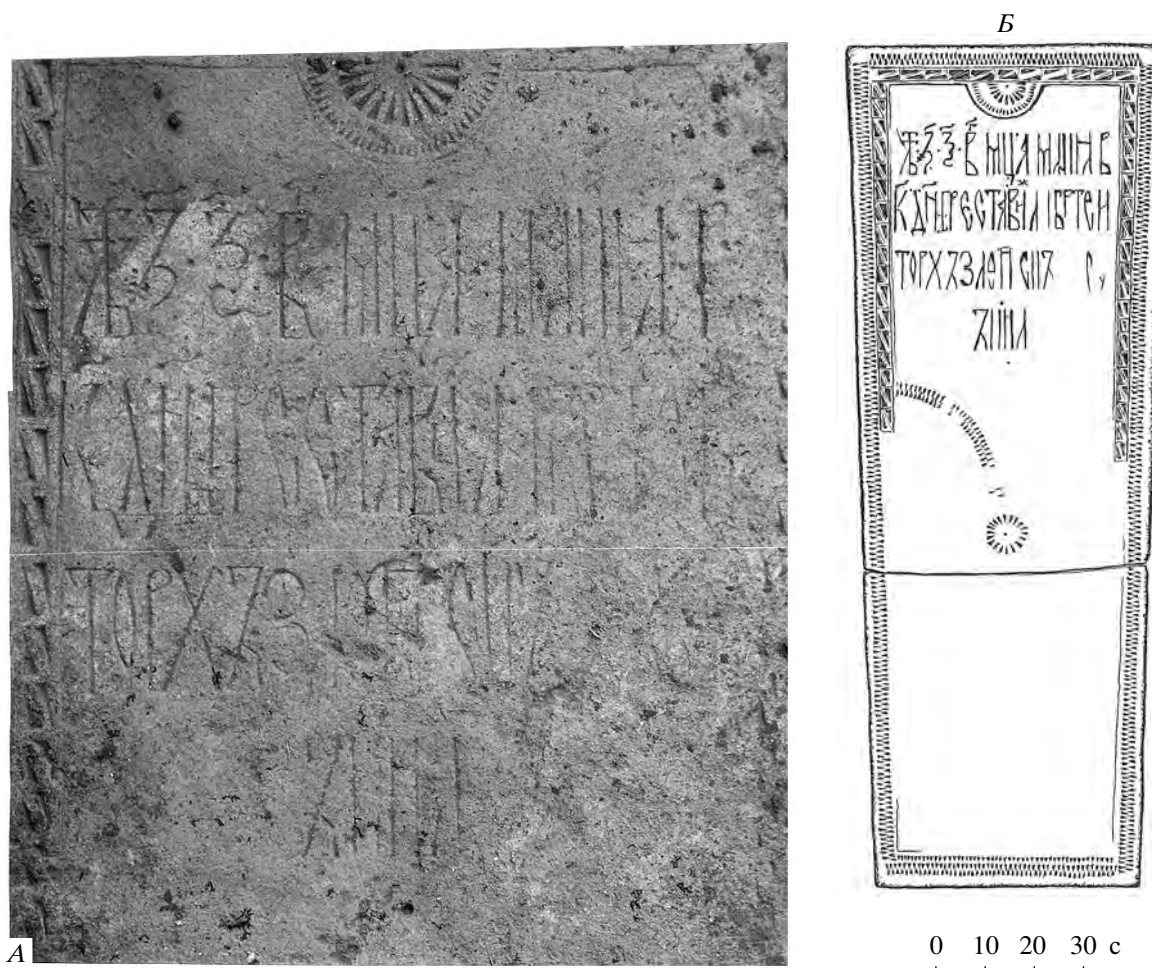

Рис. 6. Надгробие Лаврентия Торха Злобина сына Осорьина. А – фотография надписи; Б – рисунок.

жгущаяся глина с примесью крупнозернистого песка) напоминает красноглиняную грубую керамику. Чашечка примитивнее, чем большая часть найденных ранее в московских некрополях (Беляев Л.А.; 1991. С. 51; 1994. С. 117. Табл. 98; Панова, 1989. С. 221).

В южной части участка 2, где надгробия сняты в 1688–1692 гг., в зачистке прослежены четыре могильные ямы (№ 6, 7, 8, 9); между ними сохранился гумусовый горизонт погребенной почвы. Этот тонкий (3–5 см) слой сползал в могильные ямы, образуя вдоль их краев отложения мощностью до 8 см. Зачистка, проведенная на уровне подзолистого горизонта погребенной почвы, который подстилал гумусовый горизонт (–230...–240 см), позволила увидеть границы могильных ям более четко (рис. 4, А). Яма 6 (–240 см) выступала из западной стенки раскопа на 30 см (ширина в изножии 70 см), ориентирована с отклонением 10° к северу от оси церкви. В 40 см к востоку от нее – могильная яма 7° (–240...–226 см); длина 195 × 70 (центр) – 50 см (изножие); ориентировка

с отклонением на 15° к северу от оси церкви. Материк на 30–80 см к югу, вплоть до фундаментов крыльца, не затронут могилами. В 20–80 см к северу от ямы 7, в одном с ней ряду – могильная яма 8° (–225 см). Сохранилась ее южная часть (северная разрушена в 1863 г.). Длина ямы 160 см, в ширину сохранилось на 45 см; ориентирована по церкви. В 22 см к востоку от ямы 7 – могильная яма 9 (–226 см), вошедшая в раскоп почти полностью (кроме изножия). Эти смежные ямы, возможно, выкопаны одновременно; границу между ними проследить не удалось. Общий размер 120 и более (ширина) × 118 см (длина); ямы ориентированы по церкви.

Все могилы заполнены переотложенным бурым горизонтом почвы с фрагментами подзолистого и гумусового горизонтов и отличаются от окружающего подзола пятнистостью структуры. Для получения профиля западной стенки раскопа выбрали заполнение ямы 6. Ее стенки вертикальны, дно на отметке –320 м (–90 см от поверхности погребенной почвы (–230 см)). В нижней части за-

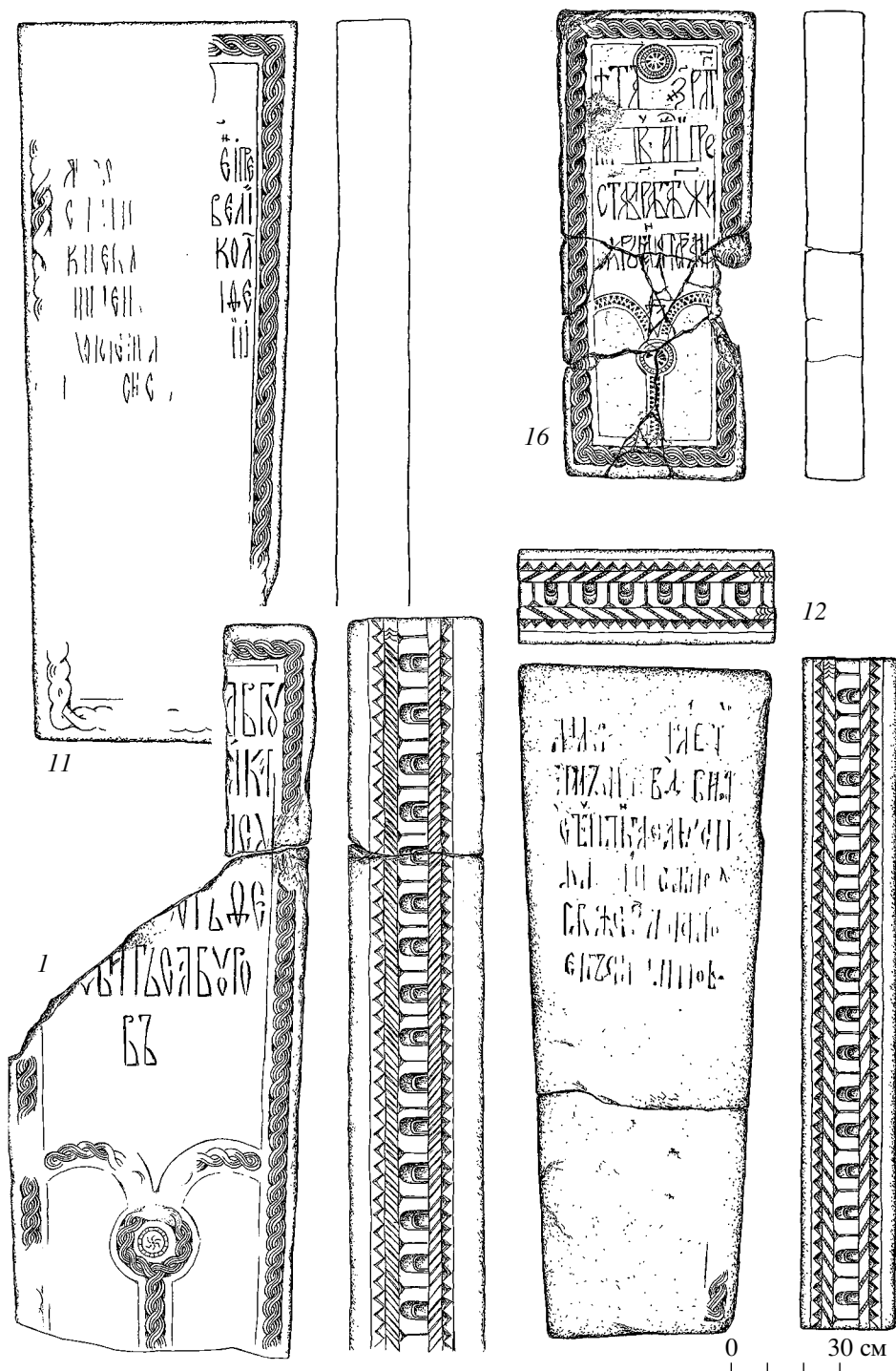

Рис. 7. Раскоп 2. Надгробия с жгутовым орнаментом и каннелюрами по бокам (1, 11, 12, 16 – номера надгробий), рисунки.

полнения (20 см) прослежены следы деревянной колоды или гроба (две полосы тлена шириной по 5 см). Следы костей не найдены.

Для проверки соотношения погребений и плит нужно было вскрыть одну из могильных ям. Выбор пал на плиту 6 Лаврентия Торха Злобина, сына Осорьина (+22.05.1554). Из письменных источ-

ников известно, что Лаврентий Торх был сыном монаха Троицкого монастыря и служил по Белой на Литовском рубеже, что давало надежду сверить свидетельства письменных источников с данными антропологии.

Раскапывался участок площадью 2 × 1, 2 м между плитами 3, 5 и 8. Под плитой № 6 (верх на

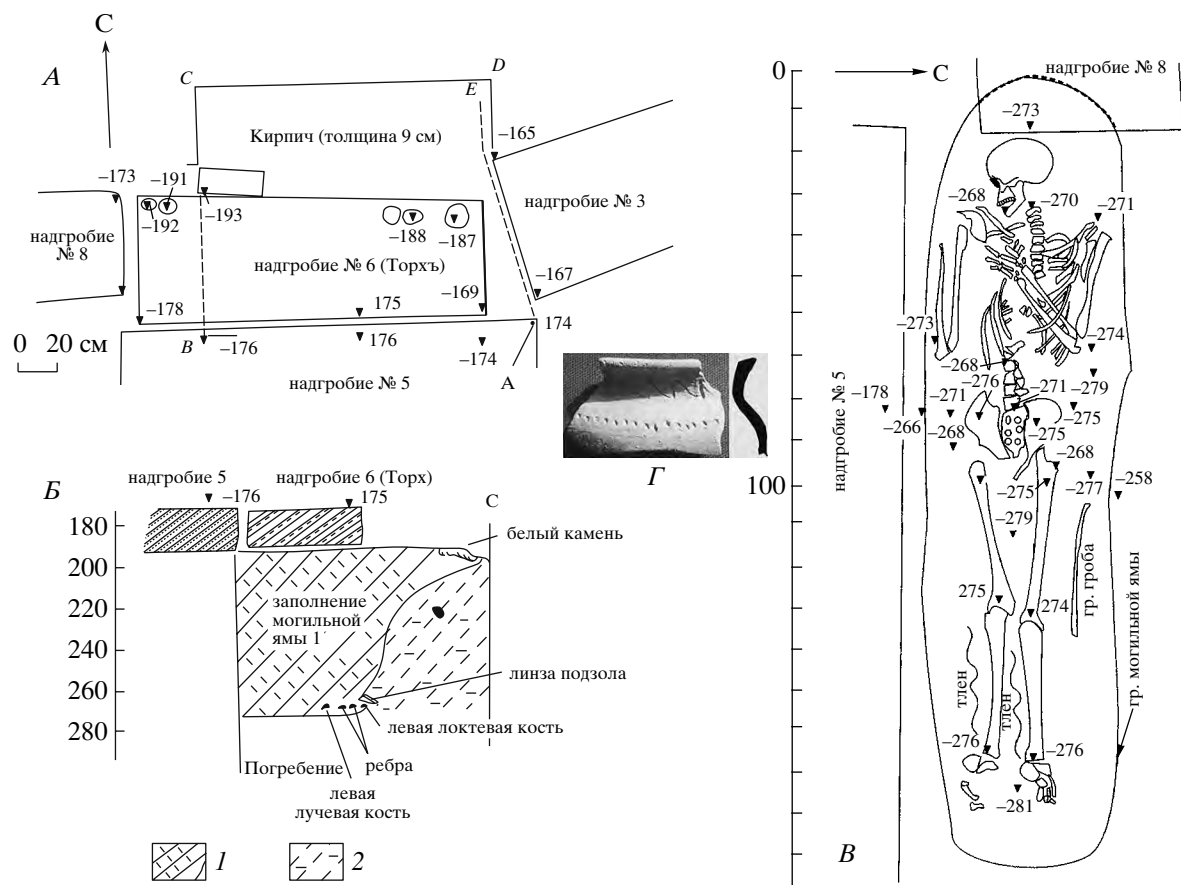

Рис. 8. Раскопки погребения под надгробием Лаврентия Торха Злобина сына Осорбина. А – План шурфа; В – разрез по линии в-с; В – план погребения; Г – венчик красноглиняного грубого горшка (находка № 11) из заполнения ямы 1 под плитой Лаврентия Торха. 1 – рыхлый слабогумусированный суглинок с редкими мелкими обломками белого камня – заполнение могильной ямы 1; 2 – бурый материковый суглинок с фрагментами подзолистого горизонта и редкими мелкими обломками белого камня (до 1 см) – заполнение более ранних могильных ям.

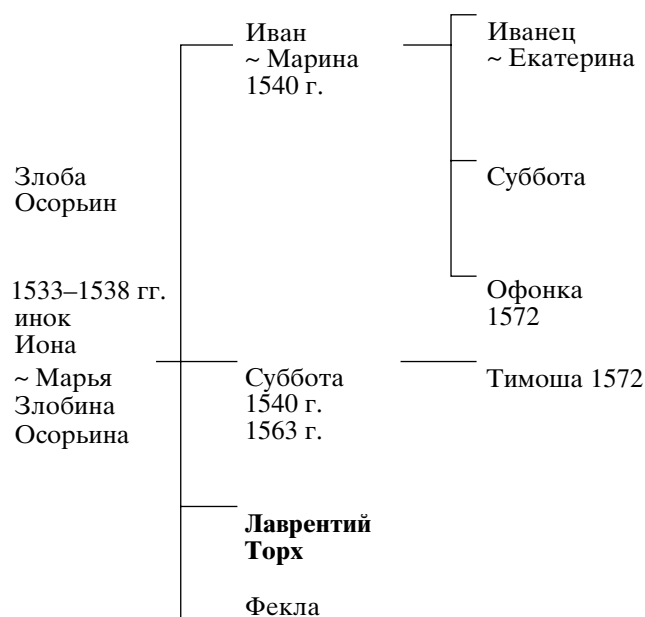
отметках –169...–178 см), на отметках –190...–193 см, открылся слой могильного перекопа. Под северный край плиты были подложены кирпич толщиной 9 см и пять небольших (8–11 см) камней (отметки –187...–192 см) (рис. 8, А). На глубине –220 определились границы могильной ямы, вырытой в слое более раннего могильного перекопа, сложенного из бурого суглинка с фрагментами подзолистого и гумусового горизонта почвы и редким мелким щебнем белого камня. Слой светлее, чем заполнение могильной ямы. Яма (190 × 45/50 см) параллельна плите № 6 и расположена под ней. Восточный край – подпрямоугольный, западный – овальный. Изножье совпало с краем плиты № 6, а изголовье ушло на 15 см под плиту № 8. Стенки довольно круты (рис. 8, В). Отметки дна –273 см (изголовье) и –281 см (изножье); глубина 83–91 см. Судя по следам тлена вдоль края ямы в уровне расчистки скелета, погребение совершено в деревянной колоде. В заполнении ямы найден фрагмент венчика красноглиняного грубого горшка с орнаментом косой

волной по шейке (рис. 8, Г). Профилировка и технологические характеристики близки горшкам из комплексов последней четверти XIV – первой половины XV в. (Шавыкин монастырь, Старое Ваганьково, Михайловское-2, см.: Московская керамика, 1991. Табл. 68, 17; Табл. 76, 194; Табл. 70). Венчик залегал в гумусовом горизонте почвы, в середине XVI в. пробитого могильной ямой.

На отметках – 268 см...–176 см открылся скелет мужчины (длина 165 см), лежавший в анатомическом порядке (рис. 5, В); череп лежал на правом виске; локтевая кость левой руки – параллельно торсу, лучевые – под углом 50°, на правой верхней части груди. Антропологическое исследование Д.В. Богатенкова⁴ (см. Приложение) показало, что погребенный – мужчина 35–40 лет, европеоидного типа, среднего роста (164–167 см). При жизни мог выглядеть атлетичным, но в сравнительном отношении ширина плеч умеренная.

⁴ После завершения исследований и чтения литии скелет засыпан; плита возвращена на свое место.

Таблица 2. Родословие Осорьиных

Миозит пучка мышц правого бедра – следствие перенесенной в более молодом возрасте травмы бедра, затронувшей кость, – привел к тому, что Торх мог хромать или волочить правую ногу. Интересно, что серьезный физический недостаток не помешал признанию его годным к службе во время верстания 1552–1554 гг.

Отец Лаврентия Торха, Злоба Осорьин, в 1533–1538 гг. был волостелем в дмитровской волости Берендеево (Пашкова, 2000. С. 178) (табл. 2). Он, видимо, был уже стар, так как в 1524 г. вклад в Троицкий монастырь сделал его старший сын Степан Злобин (Вкладная книга, 1987. Л. 182, об.). Старшие братья Торха “Иван да Суббота Злобины дети Осорьина” дали 1.01.1540 г. вклад в 50 рублей по умершем отце, “иноке Ионе” (Вкладная книга, 1987. Л. 182, об.). Торх с ними не упомянут – возможно, ему тогда еще не исполнилось 20 лет. Судя по Дворовой тетради (1.10.1552–30.08.1554; см. Баранов, 2006), “Иван, Субота и Торх Злобины дети Осорьина” служили в качестве дворовых детей боярских по городу Белой на Литовском рубеже (Тысячная книга, 1950. С. 194). Марья Злобина Осорьина дала (05.07.1554) в Троицкий монастырь 30 рублей “по сыне своем Лаврентье” (Вкладная книга, 1987. Л. 182, об.). Из надписи на плите мы знаем, что Лаврентий Торх умер 22.05.1554 г.; поскольку, как отмечено выше, в 1540 г. ему не было 20 лет, он скончался в возрасте около 35 лет. В 1563 г. умерла сестра Торха Фекла, и его брат Суббота дал по ней вклад. В 1572 умер старший брат Торха Иван Злобин, а в 1573/1574 г. – его вдова Марина. Их сын Иван Иванович дал в Троицкий монастырь соответствующие вклады. Наконец, в 1596 г. умерла же-

на Ивана Ивановича Екатерина (Вкладная книга, 1987. Л. 182, об.; 183). Соотношение могильной ямы и надгробия, возраст (35–40 лет) и пол не противоречат идентификации погребенного с Лаврентием Торхом Осорьиним. Это подтвердило, что открытые надгробия залегают *in situ*.

Обнаружение погребений Осорьиных, упоминаемых в Списке надгробий, позволяет реконструировать планировку некрополя в районе раскопа 2. Все надгробия Осорьиных располагались слева от “дороги, что ходят из Святых ворот к Архимандричьим кельям”, т.е. к югу от нее. В списке упомянуты плиты над могилами сыновей старшего брата Торха (Ивана Осорьина) – Ивана Ивановича (о нем и его братьях: Разрядная книга, 1966. С. 244, 260) и Субботы Ивановича Осорьиных, а также Екатерины Ивановны жены Осорьина: “У ног Катерины Осорьины две цки, подписей не знать. В ногах тех дву камней Пелагея Юрьева жена Офонасьевича Дмитриева, преставися 7062 (1554) г. августа 28 день” (Список..., 1879. С. 91). Раскрытые в ходе раскопок плиты Пелагеи и Лаврентия Торха Осорьина разделены одним рядом надгробий. Можно полагать, что плиту Лаврентия Торха положили рядом с Екатериной Осорьиной. Следовательно, мы раскрыли крайние плиты, лежавшие вдоль дороги от Святых ворот к Архимандричьим кельям (примерно на месте Митрополичьих покоев)⁵.

Справа от этой дороги, т.е. к северу от этих плит, упоминается плита “иноки Марфы княж Ивановы жены Кашина-Оболенского”, обнаруженная в 1867 г. при копке фундамента под Филаретовскую церковь к югу от церкви Сошествия Св. Духа (Список..., 1879. С. 96). Следовательно, дорога лежала к северу от плит Торха Осорьина и Пелагеи. Наиболее вероятная ее трасса – пространство между их надгробиями и плитой 12, где к моменту засыпки некрополя уже не было плит. О существовании здесь дороги говорит перебой ритма рядов надгробий к северу и югу от ее трассы и стоптанность прилегающих к ней плит 17, 15, 11 и 12.

В Списке надгробий к востоку от могилы Пелагеи, вдоль дороги к Святым вратам, описано еще шесть рядов плит (примерно 15 м); последний из них включал надгробия Стоговых: “А посторонь Стоговых, и от Стоговых и до Святых ворот, по сказке дьяка Закхья, кладены из Троицких вотчин крестьяне и сторонние люди, а боляших родов нет” (Список..., 1879. С. 95). Раскоп 3 в 40 м к востоку от раскопа 2 попал именно в эту зону. По мнению Энговатовой и Зеленцовой (2005. С. 84–87), здесь выявлены погребения мо-

⁵ Плиты племянников Торха Ивана и Субботы Ивановичей Осорьиных Список помещает в 4-м ряду к западу от Екатерины Осорьиной. Они могли сохраниться между участками 1 и 2 раскопа 2.

настырской братии середины XVII в., отличающиеся от погребений представителей знатных родов, исследованных в раскопе 2. Интересно наблюдение Богатенкова, по мнению которого, погребенный под надгробием Лаврентия Торха выглядит отличным (“инородным” элементом) в сравнении с группой однородных, более поздних погребений с раскопа № 3 и, возможно, ведет свой род с иной территории.

Впервые проведенные на территории Троице-Сергиевой лавры археологические раскопки широкой площадью показали, что древний некрополь монастыря XV–XVII вв. – уникальный по сохранности памятник русской археологии и истории. Его центральная часть засыпана и обращена в площадь после указов 1722–1723-х годов, но до 1734 г. Кладбище распространилось сюда в середине XVI в., а прежде здесь располагался монастырский двор и культурный слой почти не откладывался. Плиты XVI – начала XVII в. сохранились в основном *in situ* над могилами; надписи позволяют атрибутировать многие из них. Плиты шли рядами, обычно не перекрывая друг друга. Это, а также наличие Списка надгробий (после 1634 г.) позволяет целенаправленно исследовать надгробия отдельных родов и сохранить их на прежних местах. Что, в свою очередь, делает возможным перейти к проектированию элементов благоустройства по реставрационному методу с воссозданием исторической планировки некрополя, сочетая установку плит-копий над сохраняемыми в земле подлинными плитами с экспонированием ранее извлеченных надгробий в расположенной рядом галерее Сергиевской церкви.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Богатенков Д.В. Заключение об обследовании скелетных останков погребения, исследованного под надгробной плитой Лаврентия Торха в Троице-Сергиевом монастыре.

18.08.2003 г. на раскопе 2, к югу от церкви Сошествия Св. Духа, под надгробием Лаврентия Торха (+22.05.1554) расчищено погребение (мужское, 35–45 лет). Наиболее заметная особенность – так называемый миозит пучка мышц правого бедра, отвечающих за разгибание голени и движения бедра. Это изменение, вероятно, является следствием перенесенной в более молодом возрасте травмы бедра, затронувшей кость – следствие ушиба, трещины или более отчетливого, но заросшего перелома. Внешне это проявлялось в том, что правая нога выглядела короче левой, была малоподвижна. Очевидно, человек хромал или волочил ногу.

В индивидуальных чертах Торха: европеоидность, хорошее развитие мышечной системы. Как следствие патологии бедра отмечены компенсаторная асимметрия в развитии рельефа ко-

стей и соответственно мышц. Грубо говоря, характерны признаки некоторой атрофии правой ноги и, наоборот, компенсаторные изменения левой ноги и мышц корпуса. Реконструируемый рост средний, от 164 до 167 см. Во внешности: достаточно плотное сложение, при относительно небольших параметрах мозгового отдела черепа и резких чертах лица. При жизни, видимо, создавалось впечатление об атлетичности человека, но в сравнительном отношении параметры скелета средние (умеренная ширина плеч и т.п.).

В раннем детском возрасте индивид пережил три периода неспецифического стресса, связанных с нерегулярностью питания, развитием глистных инвазий и(или) подобных стрессогенных факторов. С юности и в течение дальнейшей жизни питание было достаточным, но не очень сбалансированным и, возможно, нерегулярным. Отмечены зубной камень и кариес, низкая степень парадонтоза, свидетельствующие об изменениях нормальной микрофлоры полости рта (ассоциация с преобладанием рациона с высоким содержанием сахара и особенностью минерального состава пищи и воды). В антропологическом отношении мужчина выглядит отличным (“инородным” элементом) в сравнении с группой однородных, более поздних погребений с раскопа № 3. Возможно, Торх ведет свой род с иной территории. Также возможно, что это сугубо индивидуальные черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский А.Л., Еришова Е.Г., Качанова М.Д. и др. Исследования погребенных почв в Троице-Сергиевой лавре в 2003 г. и опыты реконструкции коренной растительности // *Сельская Русь в X–XIV вв.: от новых методов изучения к новому пониманию*. В печати.
- Арциховский А.В. Археологические раскопки и расчистки на территории Троице-Сергиевой лавры. Документы. 1940 г. // В отчете: Чернов С.З. Отчет 1989 г. Т. 7 // Архив ИА РАН. Р-1. № 14020.
- Баранов К.В. Проблемы изучения Дворовой тетради // *Государев двор в истории России XV–XVII столетий*. Александров. Владимир, 2006.
- Беляев Л.А. Средневековый некрополь Коломенского // *Коломенское. Материалы и исследования*. М., 1991.
- Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV в.) по данным археологии. М., 1994.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.
- Беляев Л.А. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // *Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Матер. к своду*. Вып. 1. М., 2006.
- Беляев С.А. “В память вечную будет праведник...” // *ЖМП*. 1996. № 12.

- Вишневский В.И.* Отчет об археологических охранных работах на территории Свято-Троицкой Сергиевой лавры в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24533–24535.
- Вишневский В.И.* Отчет об археологических охранных исследованиях в процессе земляных работ на территории Свято-Троицкой Сергиевой лавры в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26161, 26162.
- Вишневский В.И.* Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре // Археология Подмоск. М., 2004.
- Вишневский В.И.* Некрополь Троице-Сергиевой лавры. Открытия последних десятилетий XX в. // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Матер. к своду. Вып. 1. М., 2006.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- Голубинский Е.Е.* Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909.
- Киселев И.А.* Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальной характеристике. М., 1986.
- Краткий летописец Святотроицкия Сергиевы лавры // В кн.: Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры. Приложение. М., 1890.
- Логачева Т.В.* Проект благоустройства Соборной площади Троице-Сергиевой лавры. Ин-т “Спецпроект-реставрация”, 2001.
- Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.
- Николаева Т.В.* Отчеты об археологических разведках на территории Загорского историко-художественного музея-заповедника в 1953–1957 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 931, 974, 1079, 1422.
- Николаева Т.В.* Новые находки на территории Загорского музея-заповедника // СА. 1957. № 3.
- Николаева Т.В.* Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора. Сообщения // Загорский гос. музей-заповедник. Вып. 2. Загорск, 1958а.
- Николаева Т.В.* О некоторых надгробиях XV–XVII вв. Загорского музея-заповедника // СА. 1958б. № 3.
- Николаева Т.В.* К изучению некрополя Троице-Сергиевой Лавры. Сообщения // Загорский гос. музей-заповедник. Вып. 3. Загорск, 1960.
- Николаева Т.В.* Надгробие Новгородского архиепископа Сергия // СА. 1965. № 3.
- Николаева Т.В.* Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. М., 1966.
- Панова Т.Д.* Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // СА. 1989. № 1.
- Пащикова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. М., 2000.
- Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
- Смирнов С.К.* Древние надгробные надписи, открытые в Троицкой лавре // Тр. первого археол. съезда в Москве. 1869. М., 1871.
- Список надгробий Троицкого Сергиева монастыря, составленный в половине XVII в. // Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры. Ч. 2. Приложения / Сост. архим. Леонид. 1879.
- Типографская летопись // ПСРЛ. 1921. Т. 24.
- Ткаченко В.А.* Некрополь Троице-Сергиевой лавры // История Московского края. Вып. 1. М., 2006.
- Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1950.
- Уздеников В.В.* Монеты России 1700–1917 гг. М., 1992.
- Чернов С.З.* Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в Москве и Московской области в 1989 г. Т. 7 // Архив ИА РАН. Р-1. № 14020.
- Чернов С.З., Янишевский Б.Е.* Археологические исследования Троице-Сергиевой лавры 2003 г. Московской областной средневековой экспедиции ИА РАН // АО-2003. 2004.
- Чернов С.З., Янишевский Б.Е.* Охранно-спасательные археологические исследования в зоне проведения вертикальной планировки участков Троице-Сергиевой лавры в 2003 г. Р. 2. Т. 1. Описание результатов раскопок. Т. 2. Палеоландшафтные и антропологические исследования Т. 3, 4. Фотофиксация белокаменных надгробий // Архив ИА РАН. Р-1. № 24792–24795.
- Щербаков В.В.* Новые находки красных изразцов XVII в. в Троице-Сергиевой лавре // Археология Подмоск. М., 2005.
- Энговатова А.В., Зеленцова О.В.* Исследование участка кладбища XVI–XVII вв. на территории Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмоск. М., 2005.

The necropolis of St. Sergius Trinity monastery in the light of the 2003 excavations

S. Z. Chernov, B. Ye. Yanishevsky

Summary

The first open-area excavations conducted in the St. Sergius Trinity Lavra in 2003 showed that the 15th–17th cc. necropolis is a uniquely well-preserved archeological and historical site. The central part was filled up as early as the 18th c. (after 1722–1723, but before 1734). Gravestones of the 16th – beginning of the 17th c. are mostly in situ, they correlate with the graves and indicate the name of the deceased and the date of death. The gravestones were situated in rows and usually did not overlap.

Владимира Петренко. КРАСНОЗНАМЕНСКИЙ МОГИЛЬНИК. ЭЛИТНЫЕ КУРГАНЫ РАННЕСКИФСКОЙ ЭПОХИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

Степные народы Евразии. Т. 3. CORPVS TVMV LORVM SCYTHICORVM ET SARMATICORVM. I

Москва; Берлин; Бордо: Палеограф, 2006. 175 с., 252 л. ил., табл.

Рецензируемая книга открывает “Корпус скифских и сарматских курганов”, интернациональное издание, вошедшее в качестве подсерии в уже получившую широкую известность серию “Степные народы Евразии”. Значение Корпуса очевидно, и монография В.Г. Петренко стала достойным его началом. Она представляет собой исчерпывающую публикацию чрезвычайно интересного памятника, исследованного автором на Ставропольском плато к юго-востоку от г. Ставрополя. Уже само введение в научный оборот Краснознаменского могильника в полном объеме – дело огромной важности. В.Г. Петренко не ограничилась этим, а представила тщательное исследование всех составляющих данный памятник элементов, определив его хронологическое и культурное место в системе раннескифских древностей. Краснознаменский могильник, состоящий из девяти курганов, в том числе явно главного в этой группе кургана 1, раскапывался в течение шести сезонов на протяжении 1973–1980 гг. с небольшими пропусками. Работы были связаны со строительством Большого Ставропольского канала, и жесткие сроки их проведения поставили археологов в крайне затруднительное положение. Полевые работы потребовали особого напряжения сил, не отразившегося тем не менее на качестве исследований. Хотя все курганы оказались грабленными, тщательность проведенного изучения позволила извлечь из памятника ценнейшие сведения.

Книга В.Г. Петренко состоит из введения, четырех глав, заключения, полного каталога сделанных находок, ста двадцати шести таблиц иллюстраций, рисунков и таблиц в тексте. Прилагается также статья С.К. Даля, посвященная анализу конских скелетов из кургана 6.

Во введении излагается история раскопок и намечается место Краснознаменского могильника в системе уже известных скифских памятников Ставропольского плато, включая отдельные находки вещей скифского типа.

Первая глава, “Описание погребений”, содержит детальную характеристику каждого из девяти курганов и те выводы относительно их первоначальной конструкции, последовательности сооружения отдельных деталей и особенностей функционирования, которые можно было сделать, исходя из анализа соотношения сохранившихся частей.

Вторая глава, “Погребальные памятники и погребальный обряд”, посвящена сравнительной характеристике всех курганов: структуры их насыпей, погребальных сооружений, особенностей реконструированного погребального обряда. Подчеркивается одновременное существование двух типов сооружений – гробниц со стенами, составленными из нескольких рядов камней, за одним исключением располагавшихся на уровне погребенной почвы (курганы 1 (три гробницы), 4, 8) и могильных ям (курганы 2, 3, 5–7, 9). И те, и другие имели следы деревянных конструкций внутри.

В главе третьей, “Инвентарь погребений”, приведен полный перечень и анализ всех элементов инвентаря с продуманной типологией, аналогиями, предположениями об их генезисе. Интересный раздел, посвященный керамике, написан В.Е. Масловым.

В главе четвертой, “Хронология”, определяется время существования могильника. Автор убедительно обосновывает как его общую дату от первой половины/середины до третьей/начала четвертой четверти VII в. до н.э., так и выделение двух более узких периодов его функционирования.

В “Заключении” подводятся итоги проделанного исследования и рассматривается вопрос об историческом месте Краснознаменского могильника.

Фундамент работы заложили великолепная методика раскопок и качество фиксации материала. Они позволили восстановить детали, которые легко могли быть утрачены, особенно учитывая ограбление могильника. Так, В.Г. Петренко удалось выявить достаточно сложную структуру курганных насыпей, технологию и последовательность их возведения, порядок строительства отдельных подкурганных сооружений и восстановить таким образом весь ход работ по созданию могильника. При этом учитывались малейшие сохранившиеся части конструкций, положение которых могло указывать на их первоначальный облик. Например, заглубленность камней “ограды” кургана 1 в погребенную почву показала исследователям, что для сооружения насыпи в данном случае использовалась земля не только из рва, как у остальных курганов могильника, но и вне его. Ряд особенностей памятника, таких, как постепенное достраивание дромосов в гробницах кургана 1, старательная отделка внешних стен в сооружении, называемом храмом огня, тщательность заглаживания наружных стен гробницы кургана 8 наряду с наличием в том же кургане подпорок стены коридора второго входа и специально подпертого круга плетня вокруг гробницы, позволили автору сделать вывод о доступности части погребальных сооружений в течение какого-то времени для наружного обзора. В книге представлено исчерпывающее описание каждой архитектурной детали, приведены все возможные размеры – стен, ям от столбов, отдельных кирпичей. Прослежен такой важный элемент, как наличие внутри погребальных сооружений опорных каменных столбов. Выявлены сырцовые кирпичи двух цветов, красного и желтого, сделанные из двух разных сортов глины. Как показывает автор, выходы этих глин в округе имеются, хотя для Ставропольского плато их использование в качестве строительного материала нехарактерно. Исследования прилегающей к могильнику территории, проведенные экспедицией, позволили прийти к заключению о полном изучении памятника, что, несомненно, значительно повышает его информативность. Целые человеческие скелеты в могильнике не сохранились.

Возраст, пол, социальное положение и количество погребенных определялись по остаткам костей и характеру сопроводительного инвентаря, причем весьма тщательная фиксация положения инвентаря в погребениях позволила восстановить несохранившиеся детали обряда. Таких деталей в монографии приведено много, и в результате исследованный памятник предстает перед читателем не застывшим монументом, а сложным организмом, развивавшимся и изменявшимся на всем протяжении своего функционирования.

Человеческие скелеты в могильнике, очевидно, были разрушены во время выемки ценного сопроводительного инвентаря, привлечшего особый интерес грабителей. Конские скелеты, однако, уцелели практически везде, что позволило В.Г. Петренко сделать весьма интересные выводы относительно их роли в погребальном обряде. Они были обнаружены в южной гробнице кургана 1 (четыре), в кургане 3 (три), в кургане 6 (шесть), в кургане 7 (один). В кургане 9 груды костей принадлежали двум особям. В ряде случаев (курганы 2, 6, 9) удалось выяснить, что лошади помещались в западной части могильных ям на слегка приподнятых площадках. Кроме того, В.Г. Петренко убедительно обосновала весьма интересное заключение о присутствии в захоронениях не просто конских туш, а запряжек, а также деревянных кузовов колесниц, хотя видимых их остатков сохранилось очень мало. В трех случаях (курганы 1, 3, 6) наличие в могилах колесниц, как отмечает В.Г. Петренко, не вызывает сомнения, в четырех оно весьма возможно. Колесницы реконструируются на основании расположения и характера уцелевшего в могилах инвентаря, и здесь еще раз надо подчеркнуть качество и точность фиксации, без которых подобная реконструкция была бы невозможна. Так, кузов колесницы в южной гробнице кургана 1 восстанавливается на основании целого ряда деталей: лежавших тесно рядом двух скелетов лошадей, восьми бронзовых обойм с деревом внутри, оказавшихся между их крупами и интерпретируемых как обкладки дышла, трех бронзовых фаларов, которые из-за длины заклепок и положения относительно коней можно считать накладками на толстый нагрудный ремень. По мнению автора, здесь подразумевалась запряжка четверней и отдельно верховой конь, хотя в могилу положили только коренников. На эту мысль исследовательницу навели два уздечных набора, положенные перед мордами коренников, и еще один – за крупами лошадей. В.Г. Петренко считает, что частью водруженного на колесницу “стула”, реконструируемого на основании присутствия такого элемента в ассирийских изображениях, могли быть три железных прута и деревянные детали, оправленные в бронзу.

В трех конях из погребальной ямы кургана 3 автор видит двух коренников и одного пристяжного. Никаких следов упряжи на конских скелетах не обнаружено. На существование кузова колесницы указывают найденные здесь остатки предмета, сплетенного из прутьев и окрашенного в красный и ярко-синий цвета, и пять шумящих наверху: железных (три) и бронзовых (два). По весьма вероятному предположению В.Г. Петренко, это остатки плетеного кузова, снабженного укрепленными на шестах наверху.

Шесть конских скелетов находились в кургане 6. Два взнузданных коня лежали отдельно в южном отсеке гробницы, а четыре, положенные плотно, но разделенные на две пары – в среднем. Расположение пряжек и обойм между скелетами лошадей позволило не только обосновать присутствие здесь упряжки, но и выделить коренников и пристяжных. Пространство, в котором мог поместиться кузов колесницы, было ограничено крупными ворворками. Там же были зафиксированы бронзовые колокольчики, которые,

как утверждает В.Г. Петренко, первоначально находились в другом положении. Чтобы оказаться в позиции, отмеченной при раскопках, колокольчики должны были упасть с определенной высоты, т.е., скорее всего, они крепились на сооружении, возвышавшемся над бортом колесницы. По мнению исследовательницы, таким сооружением могли быть зонтики, известные по изображениям ассирийских колесниц.

В кургане 7 один скелет взнузданного коня был положен под западной стенкой могильной ямы. Присутствие здесь же четырех уздечных наборов и двух бронзовых колокольчиков дало, однако, автору основание предположить, что и здесь подразумевалась колесница.

Что касается кургана 5, сильно ограбленного, но сохранившего остатки скелета подростка, фрагменты костей крупного животного, возможно лошади, позволили предположить, что умершего сопровождал взнузданный конь. В могиле действительно находилась проныза для перекрестных ремней, но состояние погребения вряд ли позволяет делать какие-либо выводы о его первоначальном виде.

Я столь подробно остановилась на описании конских погребений, поскольку здесь мы имеем дело с очень серьезными и продуманными авторскими реконструкциями. Присутствие в погребениях колесниц, от которых сохранилось очень немного, обосновано автором, на мой взгляд, достаточно убедительно. Следует, видимо, согласиться и с тем, что конский убор в определенных случаях символизировал коня, отсутствие которого в захоронении, возможно, обусловлено нехваткой места. Самый факт использования колесниц в погребениях Краснознаменского могильника важен для понимания культурного и исторического значения данного памятника. Следует согласиться с В.Г. Петренко в том, что это показатель его несомненной элитарности сравнительно с другими хронологически и культурно близкими могильниками, такими, как Новозаведенное II и ранняя группа Нартана. При реконструкции формы кузова краснознаменских колесниц автор книги в значительной степени исходила из ассирийских аналогий. Возникает вопрос, насколько корректно такое сопоставление. В настоящее время мы располагаем различными археологическими и культурно-историческими доказательствами того факта, что колесницы в евразийских степях появились достаточно рано, еще до распада индоиранского единства. Однако к началу I тыс. до н.э. в восточноиранском мире колесницы должны были иметь скорее ритуальное значение. Во время переднеазиатских походов, как скифских, так и доскифских, формы ассирийских колесниц могли привлечь внимание степняков, о чем неопровержимо свидетельствует хорошо известная обойма с изображением богини Иштар из кургана 1. Поэтому использование ассирийских аналогий в контексте создания рассматриваемых реконструкций представляется абсолютно правомерным. Тщательный подбор и анализ всех уцелевших деталей наряду с использованием наиболее оправданных с точки зрения хронологии и мест их находок аналогий позволили автору воссоздать колесницы Краснознаменского могильника с двумя типами кузова и с использованием ассирийского типа дышловой запряжки. Тщательно разработана роль в запряжке отдельных элементов узды. Например, ворворки определяются как противовесы, помещаемые на концах поводьев. Муфтообразные пронизи с выступом для крепления петель, по предположению В.Г. Петренко, могли соединять дышло и ременные части упряжи с ярмом. Интересны наблюдения исследовательницы относительно генезиса этой формы, происходящей от колец с подвижными муфтами, отнесенных А.И. Мелентьевым, на которого ссылается автор книги, к деталям колесничной упряжи, использовавшимся

для крепления дышла к ярму. В.Г. Петренко предложила общую схему развития таких элементов упряжи на Северном Кавказе.

Очень интересна прослеженная В.Г. Петренко связь набора элементов колесничной узды из Краснознаменского могильника с набором при колеснице в Уашхиту, памятнике, относящемся к предшествующему культурно-историческому периоду.

Как уже отмечалось, наряду с запряжками в могилы Краснознаменского могильника помещались и отдельные взнузданные кони, которых можно считать верховыми и рассматривать как еще одно доказательство развития всадничества. Этот вывод подтверждается и анализом конских костей, которому посвящена уже упомянутая статья А.М. Дала. По мнению исследователя, среди лошадей кургана 6 различаются упряжные и верховые особи. Возможно, автор прав, высказывая гипотезу, что присутствие коней обозначено в могилах и единичными уздечными наборами, хотя можно предполагать лишь символическое значение таких находок.

Совокупный анализ конской сбруи, реконструированных колесниц и расположения конских скелетов и сопоставление его результатов с данными Геродота позволили автору восстановить с достаточной убедительностью облик всего погребального кортежа.

Ряд деталей погребального ритуала дал основание для реконструкции характерных для создателей могильника идеологических представлений.

Наряду с конскими (хотя и в значительно меньшем количестве) под курганами Краснознаменского могильника были обнаружены и целые скелеты других животных. В кургане 9 около площадки с останками коней зафиксированы кости собаки. Как известно, практика захоронения собак, сопровождавших умершего, была распространена широко, причем часто встречается сочетание собак с конями. Известно такое сочетание и в более поздних скифских курганах, на что указывает и автор монографии. По предположению В.Г. Петренко, скифы погребали специальных бойцовых собак, использовавшихся в сражениях. Как уже отмечалось в литературе, представление о скифских сражающихся псах порождено прежде всего тем, что в ряде переднеазиатских, греческих и этрусских изображений батальных сцен с предполагаемым участием скифов или киммерийцев присутствуют и активно действуют собаки. Однако, по аргументированному мнению А.И. Иванчика, ни скифы, ни киммерийцы отношения к этим изображениям не имеют (Иванчик, 2001. С. 105–113). Что касается собак в собственно скифском искусстве, они вряд ли являются бойцовыми, а скорее символизируют членов мужских союзов молодых воинов (Иванчик, Кулланда, 1991; Иванчик, 2005. С. 183). Учитывая это, погребение собаки в Краснознаменском могильнике можно считать или таким символом, или, скорее, проявлением упоминаемого и самой В.Г. Петренко представления о роли собаки как проводника в загробный мир, свойственного иранской традиции. Вряд ли можно согласиться и с тем, что пары зайцев клались в могилы в качестве заупокойной пищи. Роль зайцев в скифской мифологии восстанавливается как по нарративным, так и по изобразительным источникам (Раевский, 1985. С. 60–63); скорее, следует оценивать их функции в погребальном ритуале, подобно функциям собаки, как помощь умершему в предстоящем пути.

Значительна и разнообразна фиксируемая по погребениям Краснознаменского могильника роль огня. Нередко внутри гробниц разводились костры. Следы трех таких костров автор книги убедительно прослеживает в южной гробнице кургана 1. В одном из них был сожжен конь или какая-то его

часть, включая голову. Во многих местах прогорело дерево стен деревянного погребального сооружения кургана 6. По убедительной реконструкции В.Г. Петренко, оно было подожжено внутри, в результате чего рухнуло перекрытие. В могиле кургана 3 зафиксировано трупосожжение, что вообще для могильника не характерно. Нужно отметить, что частичное сожжение погребальных сооружений известно и в более ранних памятниках Восточной Европы, например в позднесрубных погребениях Поволжья (Смирнов, 1957). О том, что трупосожжение было свойственно ранней иранской погребальной традиции, свидетельствует и то, что название зороастрийских погребальных башен, дахм, происходит от корня со значением “сжигать” (Этимологический словарь..., 2003. С. 282). Расположенное под насыпью кургана 1 и имеющее общую площадь 125 м² сооружение, именуемое автором храмом огня, представляет собой явление уникальное, что уже неоднократно отмечалось. Окруженная стеной прямоугольная каменная постройка, внутри которой на каменной плите длительное время горел огонь (в результате чего образовался слой толщиной 13 см), какое-то время до возведения насыпи была, как показывает В.Г. Петренко, доступна для внешнего обзора. Определение этого сооружения как храма огня возможно, хотя понятие “святилище”, учитывая известную простоту конструкции и отсутствие входа, может быть, было бы предпочтительнее. Как отмечает исследовательница, вокруг плиты с пеплом никаких следов огня не обнаружено, что подчеркивает особую значимость всей постройки. Предположение В.Г. Петренко об объединении погребального и храмового сооружений в единый комплекс как свидетельство того, что лицо, погребенное в центральной гробнице кургана 1, исполняло не только гражданские или воинские, но и сакральные функции, представляется вполне вероятным и подкрепленным общекультурным контекстом. В данном случае вызывает сомнение только ссылка на этимологию имени царя Мадия от *madu – мед (т.е. напиток, по действию сходный с хаомой), которая в последнее время подвергнута обоснованной, на мой взгляд, критике. Ко времени переднеазиатских походов *d в скифском языке уже перешел в интердентальный фрикативный, который, судя по аналогии с самоназванием скифов, должен был передаваться в греческом не дельтой, как в имени Мадия, а тэтой. Исходя из характерного для юговосточноиранских языков перехода *nt в d, имя Мадий скорее следует трактовать как рефлекс индоиранского *mantu – “советник”, “правитель” (Кулланда, Раевский, 2002; Кулланда, 2006. С. 201).

Возможно, с огнем связано и использование в могильнике красной краски, которой, как показала В.Г. Петренко, окрашивали одежды, части деревянных сооружений, древки стрел, кузова колесниц. Очевидно, автор права в том, что красные следы в корчагах, сопровождавшихся бусами и раковинами каури, оставлены напитком, игравшим важную роль в погребальном обряде.

Самым серьезным образом рассмотрены в монографии вопросы хронологии. Учтены как переднеазиатские аналогии, так и возможности, предоставленные местным материалом. Как уже упоминалось, ассирийским сюжетом является изображение богини Иштар на бронзовой обойме. По мнению В.Г. Петренко, эта вещь выполнена по заказу скифов ремесленником, знакомым с переднеазиатской иконографией, а выбор мотива объясняется близостью богини к божеству скифского пантеона. Сомневаюсь, правда, что скифы были в состоянии увидеть такую близость, а других доказательств существования специального скифского заказа как будто нет, так же, как не фиксируется и использование этого мотива в нарождающемся скифском искусстве. Переднеази-

атское происхождение рассматриваемой вещи представляется более реальным, поэтому ставить датировку обоймы в прямую зависимость от конкретных действий скифов в Передней Азии, т.е. от времени победы Мадия в Мидии, кажется мне не слишком перспективным. В то же время выбор ассирийских аналогий, учтенных автором монографии, полностью оправдан, так как и использование и, очевидно, производство этого предмета должно соответствовать периоду пребывания скифов в Передней Азии.

Как справедливо отмечает В.Г. Петренко, решающее значение для датировки Краснознаменского могильника имеют местные материалы, рассмотренные предельно скрупулезно и на широком общекавказском и скифском фоне. Основное внимание при этом справедливо уделяется предметам вооружения и конской упряжи. Исследованы как отдельные категории вещей, имеющие широкий период бытования, так и сочетаемость разных категорий в комплексах. Такой подход позволил не только убедительно определить общее время функционирования Краснознаменского могильника от первой половины/середины до третьей четверти VII в. до н.э., но и выделить внутри него более узкие хронологические отрезки.

Нельзя не согласиться с заключением об активном использовании кургана 1 на протяжении практически всего существования могильника. В ранней группе наибольший интерес, безусловно, представляет курган 9. Как известно, он содержал относительно архаичные наконечники стрел в сочетании с двукольчатыми удилами, единственными среди всех удили могильника, принадлежащими данной разновидности. Это дало основания некоторым исследователям, мнения которых приведены и автором монографии, синхронизировать рассматриваемый комплекс с новочеркасским, т.е. отрывать в хронологическом и, главное, в культурном отношении от остальных погребений могильника. Однако В.Г. Петренко на большом материале демонстрирует, что отмеченное сочетание не является достаточным аргументом для такого вывода, а наконечники стрел при всей их архаичности не могут датироваться ранее первой половины – середины VII в. до н.э. Необходимо учитывать и такую общую для многих погребений Краснознаменского могильника деталь, присутствующую и в кургане 9, как приподнятая часть могильной ямы, на которой располагались конские захоронения. К ранней группе комплексов автор книги относит также центральную и северную гробницы кургана 1 и курган 8, с чем, мне кажется, следует согласиться. Центральная гробница, неоднократно грабленная, вещей практически не содержала, но об ее относительной древности свидетельствует то, что, как установили исследователи, она была нарушена при строительстве северной гробницы. Время их возведения – первая половина VII в. до н.э. – определяется по наконечникам стрел. Курган 8, погребальное сооружение которого наиболее близко центральной могиле кургана 1, сохранил фрагменты керамики с архаичным орнаментом и золотые пронизи, также имеющие аналогии в материалах предскифского периода.

Эталонном при выделении более позднего этапа, датированного автором третьей – серединой четвертой четверти VII в. до н.э., послужила южная гробница кургана 1. Основой для столь узкой датировки стал опять-таки анализ наконечников стрел, проведенный В.Г. Петренко со свойственной ей основательностью и прекрасным знанием общескифского материала, придающими ее выводам особую убедительность. С полным основанием Краснознаменский могильник относится исследовательницей к пласту раннескифской культуры, представленной в Предкавказье такими памятниками, как Новозаведенное II и ранняя группа Нартана. Элементы, характеризующие этот пласт, четко определены автором монографии.

Неоднократно подчеркивается в разных разделах книги связь составляющих раннего пласта с культурами предшествующего периода Предкавказья и Северного Причерноморья. Она прослеживается автором при анализе как отдельных элементов погребального обряда, так и различных категорий инвентаря. Отмечается, что определенная преемственность наблюдается между раннескифскими древностями и памятниками белозерского и новочеркасского типов, тогда как между раннескифскими и черноговорскими комплексами связи значительно слабее. Это наблюдение весьма важно для понимания процесса сложения раннескифской общности.

Параллели с белозерской культурой особенно четко прослежены в погребальном сооружении кургана 6, а колесница с четырехконной запряжкой из данного кургана близка известной колеснице из Уаххиту. Как отмечает автор монографии, сходны не только отдельные элементы упряжи, "...но и их парность, и совпадение их положения между конями, а также одинаковое размещение самих коней" (С. 69). Как уже упоминалось, В.Г. Петренко показала, что упряжь, характерная для раннескифских памятников, представляет собой развитие тех ее элементов, которые находились при колеснице из Уаххиту. Автор обратила внимание и на общую для Уаххиту и кургана 6 деталь – размещение в непосредственной близости от конских костяков костей барана и ситулообразного бронзового сосуда. Такое совпадение, несомненно, указывает на преемственность погребальных традиций. К системе узды предскифского времени восходит, очевидно, и употребление блях с петлей на обороте для закрепления перекрестных ремней, отмечаемое исследовательницей в скифских памятниках Центрального Предкавказья. Все эти наблюдения, несомненно, должны учитываться при обращении к сложному вопросу формирования скифского материального комплекса.

Четкие связи с предшествующим периодом прослежены и В.Е. Масловым при анализе глиняной посуды Краснознаменского могильника, но они указывают главным образом на условия, в которых протекала жизнь создателей курганов.

Наличие местных, европейских и кавказских корней, выявленное автором монографии, весьма важно для понимания особенностей сложения культурного комплекса раннескифских памятников Центрального Предкавказья. Однако, как подчеркивает В.Г. Петренко, этот комплекс был новообразованием, возникновение которого не может объясняться лишь плавной эволюцией материальной культуры. Думаю, что в сложении данного явления сыграли роль многие факторы социального, экономического и политического характера, требующие специального анализа. Краснознаменский могильник занимает среди раннескифских памятников особое место, так как ряд элементов представленной им культуры не только не получил дальнейшего развития, но и не имеет аналогий среди близких ему в хронологическом и культурном отношениях комплексов. К таким элементам относятся храм огня и наземные каменные гробницы, видимо, с ним связанные. В.Г. Петренко, на мой взгляд, не совсем удачно называет все погребальные сооружения склепами независимо от материала, из которого они сделаны. Логичнее было бы дать им разные определения.

Каменные наземные гробницы Краснознаменского могильника действительно в какой-то мере напоминают могильники дандыбай-бегазинского круга, и их генетическая связь возможна, но прямых доказательств этому нет.

Происхождение храма огня на Ставрополье до сих пор остается неясным. Автор монографии связывает идею создания "кургана-храма" с такими памятниками, как Аржан, Улуг-Хорум и Северный Тагискен, не исключая и возмож-

ность переднеазиатского влияния. Аржан и Улуг-Хорум, как представляется, демонстрируют скорее общестадийные особенности и вряд ли могут быть генетически связаны с Краснознаменским комплексом. Значительно интереснее те общие элементы в конструкциях мавзолеев Северного Тагискена и Ставропольского кургана, на которые обратила внимание В.Г. Петренко. Можно добавить, что мавзолеи Тагискена не засыпались землей, напоминая, таким образом, оставленные на какое-то время для наружного обозрения сооружения курганов 1 и 8. О прямой связи между этими памятниками говорить, конечно, не приходится, так как традиции, представленные в Тагискене – с полным отсутствием конской узды и каких бы то ни было следов роли коней в погребальном ритуале – принадлежат другому культурному срезу. Но можно предположить существование у населения, к которому относятся оба рассматриваемых комплекса, общих представлений или даже общего центра, откуда такие представления распространялись.

Очень интересны найденные в Краснознаменском могильнике образцы звериного стиля, подробно и тщательно изученные В.Г. Петренко. Как подчеркивает автор, в наиболее раннем кургане 9, в котором, несмотря на ограбление, сохранились некоторые вещи, такие образцы полностью отсутствовали. Предметов, оформленных в зверином стиле, не было и в других погребениях ранней группы. Можно допустить, что данная ситуация – результат грабительской деятельности, однако ограбленность могильника не позволяет считать подобное положение закономерностью.

Среди изображений животных выделяются те, которые совершенно справедливо относятся автором монографии к кобанскому искусству. Таковы протомы животного с вытянутой мордой и торчащими вверх ушами на литой бронзовой подпругной пряжке из кургана 6, которую автор трактует как стилизованную головку лошади, и головки ушастых зверей на бронзовых ситулах. Собственно скифские мотивы представлены такими классическими образами, как голова и коготь хищной птицы, известные и в предскифское время, конское копыто, кошачий хищник, свернувшийся зверь и грифобаран. Три последних изображения демонстрируют уже сложившийся скифский стиль. Грифобаран и хищник с хвостом в виде головы хищной птицы являют яркие примеры зооморфных превращений, а свернувшийся зверь со стилизованной мордой в компактной позе со слабо вычленяемыми элементами туловища – раннее воплощение этого мотива в европейской части степей. Точных аналогий им, как отмечает В.Г. Петренко, нет, что для ранней стадии скифского искусства естественно, но они вписываются в это искусство и стилистически, и по системе представлений, лежащих в основе сюжетов о зооморфных превращениях.

Любопытны и содержавшиеся в могильнике каменные изваяния, относящиеся к самым разным типам. Думается, В.Г. Петренко права в том, что они отражают период “поиска и выработки антропоморфного образа в скифской монументальной скульптуре” (С. 106). В отношении северокавказских стел об этом писал и В.С. Ольховский. Отмеченные автором книги две косые черточки в верхней части изваяния из кургана 8 действительно характерны для оленных камней восточного ареала евразийских степей. Нужно учитывать, однако, что их появление не является результатом непосредственного заимствования, так как в предскифское и раннескифское время стелы с подобной деталью уже стали неотъемлемым элементом местной культуры Северного Кавказа.

Материалы Краснознаменского могильника, столь тщательно исследованные автором монографии в полевых условиях и детально обработанные впоследствии, позволили поставить вопрос о месте этого комплекса в ряду синхронных

ему памятников Предкавказья. Основную его особенность В.Г. Петренко справедливо видит в неоднородности погребальных сооружений, возводившихся на протяжении сравнительно небольшого периода функционирования могильника. Исходя из сочетания в погребальном обряде элементов, которые, возможно, имели приаральские или приаральско-казахстанские корни, с местными, восточноевропейскими и кавказскими, исследовательница сформулировала тезис о присутствии на территории Центрального Предкавказья двух орд кочевников. Одна из них состояла из местных племен, другая пришла с востока. Именно к ней принадлежала правящая династия того объединения, которое оставило Краснознаменский могильник. Нужно отметить чрезвычайно корректный и сбалансированный подход В.Г. Петренко к реконструкции событий, приведших к появлению изучаемого памятника. Автор книги справедливо подчеркивает, что возможную прародину “восточной” группы определить пока нельзя, а уникальные черты могильника, в частности возведение храма огня, могут объясняться и впечатлениями, полученными скифами во время переднеазиатских походов. Нужно признать, что присутствие инородных традиций в Краснознаменском могильнике представляется очевидным, а проникновение их носителей из восточного ареала евразийских степей – вероятным, хотя пока и гипотетичным. Основу этой группы могли составлять племена, родственные тем, которым принадлежали мавзолеи Тагискена, и соответственно приаральские саки, но ничего определенного о них до их появления в Предкавказье сказать нельзя. Существенно здесь другое. Совершенно очевидно, что группа “пришельцев” достаточно быстро смешалась с кочевниками, освоившими эти места ранее. Отсутствие, пока, во всяком случае, памятников, сохранивших яркие и специфические особенности Краснознаменского могильника, позволяет предположить, что такое смешение привело к полной победе культуры, генетически связанной с предшествующей эпохой.

Четко отразились в материалах могильника и контакты с кобанскими племенами, что неоднократно отмечалось в разных разделах монографии. Особенно отчетливо эти контакты прослеживаются в глиняной посуде, тщательно изученной В.Е. Масловым. Кобанское влияние выявлено им в формах сосудов, технике нанесения орнамента, технологии производства. Исследователь показал, что посуда изготовлялась в разных (мастера придерживались различных технологических и орнаментальных традиций) земледельческих (на что могут указывать отпечатки зерна и символы, использованные в декоре) общинах, обслуживавших кочевников. В.Е. Маслов сделал интересные выводы об особенностях симбиоза кобанских и скифских племен, актуальные для понимания условий существования кочевников в Предкавказье. Так, он показал, что керамика кобанских мастеров, сделанная для создателей скифского культурного комплекса, была новым явлением, сформировавшимся в особых условиях и, возможно, в какой-то мере отражающим вкус заказчиков. В.Е. Маслов выделил и район, где в основном вырабатывались орнаментальные и технологические традиции керамики “скифского типа”. Отметил он также тот любопытный факт, что Кисловодская котловина, в которой западнокобанские памятники широко и разнообразно представлены, оказалась вне данного района и, видимо, вне постоянных и “конструктивных” контактов с кочевниками. Все эти наблюдения весьма важны для понимания процессов, протекавших в Предкавказье в период пребывания здесь ранних скифов.

В целом рецензируемая монография в полной мере подтверждает гипотезу о Предкавказье как базовой и политической значимой территории скифов, функционировавшей в таком качестве на всем протяжении переднеазиатских похо-

дов. Материал Краснознаменского могильника отражает процесс сложения раннескифского культурного комплекса. Специалисты, обращающиеся к работе В.Г. Петренко, найдут в ней много тонких наблюдений, четко выработанную типологию различных категорий инвентаря, продуманные аналогии, взвешенные выводы. Великолепные иллюстрации, полный каталог находок, таблицы, позволяющие оценить распределение отдельных деталей внутри могильника — все это обеспечивает качественное введение публикуемого памятника в научный оборот и позволяет будущим исследователям продолжить его изучение. Книга вышла на русском и английском языках, что значительно расширяет круг ее читателей. Монография В.Г. Петренко представляет весомый вклад как в скифологию, так и в изучение истории народов Кавказа. Работы Ставропольской экспедиции продолжают и обещают принести новые, возможно, не менее ценные открытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточно-европейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.
- Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005.
- Иванчик А.И., Куланда С.В.* Источниковедение дописьменной истории и ранние стадии социогенеза // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Сб. научн. тр. Вып 1. М., 1991.
- Куланда С.В.* LINGUA SCYTHICA AD USUM HISTORICI // Древности скифской эпохи. Сб. научн. тр. М., 2006.
- Куланда С.В., Раевский Д.С.* SCYTHICA SUB SPECIE IRANICORUM (Скифская тематика в трудах Э.А. Грантовского) // ВДИ. 2002. № 4.
- Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Смирнов К.Ф.* Погребения эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. 1957. № 27.
- Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М., 2003.

Институт востоковедения РАН, Москва

М.Н. Погребова

Н.В. Полосьмак, Л.Л. Баркова. КОСТЮМ И ТЕКСТИЛЬ ПАЗЫРЫКЦЕВ АЛТАЯ (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: Инфолио, 2005. 232 с. с ил.

Полиграфически прекрасно изданная книга представляет собой обобщение результатов многолетних исследований тканей и одежды пазырыкской знати, обнаруженных при раскопках замерзших курганов на плато Укок в Горном Алтае сотрудниками Института археологии, этнографии и антропологии СО РАН под руководством Н.В. Полосьмак и В.И. Молодина¹. Авторы книги – археологи, давно сотрудничающие, несмотря на большое расстояние между городами, в которых они живут и работают. Наталья Викторовна Полосьмак – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии, этнографии и антропологии СО РАН; Людмила Леонидовна Баркова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, хранитель коллекций алтайских древностей.

После известной работы С.И. Руденко (1968) это первая подобная крупная публикация, причем по составу и разнообразию методов исследования она несопоставима с книгой Сергея Ивановича. И не потому, что работа С.И. Руденко была невысокого качества. Она вполне соответствовала уровню науки того времени, но за 40 лет он качественно изменился. Одним из главных достоинств рассматриваемой работы является ее междисциплинарный характер: Н.В. Полосьмак и В.И. Молодину удалось привлечь к исследованию органических материалов из замерзших курганов большой коллектив специалистов-естественников химических, биохимических, медицинских, геологических и иных специальностей из отечественных и зарубежных институтов. В результате была получена бесценная научная информация. Еще одно достоинство книги – богатый иллюстративный материал. Большинство высококачественных цветных иллюстраций – это оригинальные макро- и микрофотографии, иногда более точные, чем в прежних публикациях, дающие полное представление о современном состоянии рассматриваемых предметов. Важным иллюстративным дополнением являются

многочисленные цветные и черно-белые графические реконструкции художника Д.В. Позднякова, основанные на документальных данных.

Изданию этой работы предшествовал целый ряд предварительных и обобщающих публикаций (Баркова, 1998; Полосьмак, 1991; 1999; 2000; 2001; Феномен..., 2000; Barkova, 1996; Polosmak, 1996; Molodin, 1996 и др.), но результаты исследования тканей и костюма в данной книге представлены с наибольшей полнотой. Книга состоит из “Предисловия”, четырех глав, “Заключения”, “Библиографии” и пяти обширных приложений, содержащих результаты различных химико-технологических характеристик текстиля и красителей.

Первая глава (“Некоторые исторические и этнографические аспекты изучения древнего текстиля”) содержит ряд свидетельств путешественников, этнографов и археологов о характере и особенностях одежды, которой пользовались в традиционных скотоводческих обществах Центральной Азии с XIII в. до недавнего времени. Авторы книги исходят из того, что одни и те же климатические условия Горного Алтая и один и тот же образ жизни скотоводов должны были уже у пазырыкцев обусловить употребление близких по материалу и покрою видов одежды. Эта гипотеза хотя и не бесспорна, но вполне приемлема, прежде всего потому, что пока нет каких-то противоречащих ей фактов.

Одежда может много рассказать о занятиях человека и среде его обитания, поскольку носили ее долго, она “срасталась” с человеком, становилась его “второй кожей” и сопровождала его в потусторонний мир. Этнографические наблюдения над бытом народов, живших еще недавно в подобной природной среде и имевших близкий хозяйственно-бытовой уклад, показывают, что одежда считалась продолжением тела и вместилищем души (С. 19).

На одежде сохраняется множество следов ее употребления, которые документируются заключениями экспертизы (эти сведения приведены в приложениях). Представляется, однако, уместным отметить, что интерпретация данных экс-

¹ Если не ошибаюсь, первая публикация этих материалов в центральной печати появилась в 1991 г. (Полосьмак, 1991).

пертизы должна учитывать альтернативные варианты. Например, когда речь идет о следах ртути на большом количестве образцов ткани (С. 15, 200), это не обязательно свидетельствует об употреблении ее в лечебных целях. У читателя возникает впечатление, что чистая ртуть смешивалась с какими-то ингредиентами, чтобы получить нужное лекарство. Но самородная ртуть в природе встречается крайне редко, а на Алтае в долине Катунь и других рек есть киноварь (86% Hg), которая с древности использовалась в качестве красителя.

Главное место (почти половину текста) в книге по понятным причинам занимает вторая глава (“Костюм пазырыкцев: реалии и происхождение”). Она четко структурирована на разделы и подразделы: “ткани” (шелк, шерсть, хлопок); “женский костюм” (шубы, юбки, пояса, рубахи, головные уборы); “мужской костюм”, “обувь”, “происхождение костюма”. И хотя подзаголовками обозначено 14 разделов, по существу эта глава состоит из двух больших частей. Одну из них составляют страницы 30–97, на которых дается продуманное, подробное и высокопрофессиональное изложение тех наблюдений, которые удалось сделать в процессе исследования добытых при раскопках и блестяще законсервированных материалов. Представленные здесь данные уже вряд ли изменятся, разве что могут быть дополнены результатами новых исследований.

Словесные характеристики основных видов тканей, найденных в курганах пазырыкской культуры, удачно сопровождаются отличными макро- и микрофотографиями, которые демонстрируют читателю те особенности тканей, которые позволяют их атрибутировать. Например, удалось установить, что пазырыкский шелк происходит из Индии, где до сих пор используется нить дикого дубового шелкопряда, в отличие от Китая, где domestикация шелкопряда произошла еще в III тыс. до н.э.

Большое внимание уделено авторами составу и способу прядения пазырыкской шерсти. В пряжу из традиционной овечьей шерсти добавлялась верблюжья шерсть, которая не только придавала прочность и эластичность изделию, но, по древним представлениям, обладала сакральной, апотропейческой функцией. Шерстяные ткани Укока несколько хуже по качеству, чем образцы из Пазырыкских курганов. Отличаются они и от шерсти Синьцзяна, где использовался тонкий козий пух. Ткачество было занятием не только женским, но и мужским. Изготавливалась ткань на специальных станках. Ткань высоко ценилась в скотоводческом обществе. Изделия из хлопка единичны и, скорее всего, были привозными.

Авторами проделана большая и сложная работа по созданию новой по отношению к прежним публикациям реконструкции некоторых видов одежды, в частности шуб, которые были не только важнейшей частью жизнеобеспечения пазырыкцев, но и парадной одеждой, наделенной определенной символикой. Например, шуба с фалдой-“хвостом” (Пазырык-2, Верх-Кальджин 2, курган 3), как справедливо считают авторы, кроме практического назначения могла быть неким знаком определенного социального статуса владелицы. Это касается и другой парадной одежды.

Важными частями комплекта одежды женщины были юбки с шерстяным поясом, рубахи свободного кроя с длинными рукавами, длинные войлочные чулки-сапоги, головные уборы-парики и войлочные колпаки. Рассматриваются неполные комплекты из курганов 1 могильника Ак-Алаха 3, Пазырык-2, кургана 1 могильника Ак-Алаха 5. Сшитые юбки – редкость и важный этнокультурный признак. Аналогии им пока известны только из могильников Синьцзяна. Юбка могла быть показателем семейного положения женщины.

Расположение и цвета полос, возможно, имели какое-то значение. Длина регулировалась поясом и зависела от ширины полос ткани, а не от роста женщины. Пояс сохранился полностью только один (Ак-Алаха 3, курган 1), его длина 193 см.

Рубахи из Ак-Алаха и Кутургунтас были сшиты из шерстяных тканей, сотканых по технологии полотна. Хлопчатобумажные рубахи из Пазырыка-2 были сшиты, как предполагают авторы, из тканей, привезенных из Индокитая. Ближайшие аналогии им найдены в курганах долины р. Керия (Субаши, Шанпула). Такие простые рубахи с горизонтальным вырезом распространены у народов Средней Азии и Казахстана.

Сохранились такие элементы костюма пазырыкцев, как головные уборы и парики. Основное внимание исследователи сосредоточили на уборе из кургана 1 могильника Ак-Алаха 3. Авторы полагают, что уборы из других погребений были аналогичными. Интересно сравнение этого высокого женского колпака с изображениями на окуневских стелах и петроглифах. К отмеченным авторами книги аналогиям (С. 77) можно добавить намного больше явных (Леонтьев и др., 2006. Рис. 5; 15, 5, в каталоге (№ 43, 58, 139, 163, 194, 253, 291) и еще целый ряд менее очевидных. Эти сопоставления подкрепляют гипотезу о происхождении скифо-сибирской изобразительной традиции из центральноазиатских энеолитических культур (Sher, 1988; Шер, 1980; 1998). Авторы считают, что прототипы пазырыкских колпаков следует искать в каракольской культуре, влияние которой прослеживается в антропологическом типе пазырыкцев. Это возможно, но столь близких аналогий, как на окуневских изображениях, в каракольских материалах пока не найдено.

Обязательной частью убора-парики был колпак, покрывавший сложную конструкцию. Проведенные исследования позволили по-новому интерпретировать предмет из кургана Пазырык-2, который ранее считали чулком или деталью шубы. Близкими по форме являются головной убор “божества” на войлочном ковре и кедровая шапка (Пазырык-5), а также головной убор женщины на бляхе “Отдых в пути” (Сибирская коллекция Петра I). Менее близкие аналогии авторы отмечают в синхронных памятниках Синьцзяна и Индокитая.

Далее приводится подробное описание предметов мужского костюма: это войлочные и кожаные куртки, шерстяные штаны, которые авторы считают результатом иранского влияния, войлочные чулки, носки и некоторые предметы воинского снаряжения (горит и налuche). Приведены аналогии им из захоронений в Синьцзяне и в Ноин-Уле. Косвенные данные позволяют предполагать, что у пазырыкцев были меховые и кожаные штаны (С. 85), однако реальных находок таковых пока нет. В этом разделе особенно интересны головные уборы, которые “более чем какая-либо иная часть костюма пазырыкцев насыщены информацией” (С. 87). Они украшались узорами и вырезанными из дерева различными фигурками животных, обложенными золотой фольгой. Иногда эти фигурки были золотыми. Вполне убедительно предположение авторов, что миниатюрные фигурки животных из Сибирской коллекции Петра I венчали головные уборы типа пазырыкских. На каждой из них есть две опорные пластинки с отверстиями для пришивания. Можно еще добавить, что деревянная фигурка копытного на головном уборе (Ак-Алаха 1, курган 3), если в пазы на голове вставить рога архара, по своим стилистическим особенностям в точности совпадает с фигуркой на бронзовом алтаре из Ерменсая (Джумабекова, 1998) и особенно с бронзовой фигуркой из частной коллекции Ш. Уайт и Л. Леви (Нью-Йорк). Здесь же рассмотрены сохранившиеся у некоторых

погребенных мужчин прически с длинными толстыми косами (Верх-Кальджин 2, курган 3). Подобные прически известны и в Синьцзяне (С. 91).

Столь же тщательно и наглядно представлены в книге предметы конского убора (глава 3) и бытовые предметы и ковры (глава 4). Хотя нигде не указано авторство тех или иных разделов, но несложно догадаться, что если предисловие и первые две главы написаны в основном Н.В. Полосмак, то в этих главах основной автор – Л.Л. Баркова, многолетний хранитель и исследователь пазырыкской коллекции Эрмитажа. Многие из представленных в главах 3 и 4 материалов уже неоднократно издавались и переиздавались в научных книгах и статьях М.П. Грязнова, С.И. Руденко, Л.Л. Барковой, а также во многих каталогах выставок. Проведены микрохимические, микроскопические анализы тканей и красителей. Тем не менее в данном издании благодаря блестящим фотографиям В.С. Терехина многие из этих предметов смотрятся как будто заново, особенно если сравнить с тем, что мы видим при щадящем тусклом освещении пазырыкской экспозиции в Эрмитаже.

В рассматриваемых главах показано, что войлоки из замерзших алтайских курганов очень разнообразны как по назначению, так и по сырью, из которого они были сделаны. Для разных целей изготавливались разные по качеству войлоки. Видно, что в этом рукоделии пазырыкцы достигли больших высот. Войлоки, предназначенные для конского убора, несмотря на свою мягкость могли защитить лошадь от повреждений тупыми предметами и смягчить удары острого оружия. Из войлока создавались и конские маски, сохранившиеся на головах коней, принесенных в жертву и погребенных в курганах Пазырык-1 (две) и Пазырык-2, а также нагивники, украшенные изображениями из золотой фольги.

Больше всего в книге приведено войлочных покрышек седел (около 20 из 57 найденных). Они украшены красочными художественными аппликациями, воспроизводящими излюбленные в скифо-сибирском зверином стиле сцены терзания копытных животных хищниками и грифонами. Эти сцены, скорее всего, являются своего рода изобразительными метафорами обряда жертвоприношения. В курганах Пазырык-1, 2 и Башадар-2 сохранились передние луки седел, украшенные войлоком, кожей и рогом, аппликациями в традиционной для пазырыкцев манере звериного стиля и деревянными резными бляхами, покрытыми золотой фольгой.

Особенно интересны войлочные чепраки из кургана Пазырык-5. Три из них представляют собой узорчатые войлочные полотна, а два других покрыты шерстяной и шелковой тканями. Предполагается, что из шерстяной персидской ткани до того, как она стала покрытием чепрака, была сшита какая-то парадная одежда типа ахеменидского кандиса. Покрытием второго чепрака служила китайская шелковая ткань, украшенная вышитым узором в виде растительного орнамента и фигурок птиц-фениксов. Вероятно, и эта ткань первоначально была использована для изготовления парадной одежды.

За весьма скромным названием главы 4 – “Бытовые предметы и ковры” – скрываются самые выдающиеся находки в Больших Алтайских курганах. Наряду с фрагментированными узорными войлоками из курганов Пазырык-1, 2 и Башадар-2 с войлочными фигурками лебедей здесь представлены две самые известные находки: большой войлочный ковер с многокрасочной аппликацией и древнейший в мире ворсовый ковер.

Описание ковров сопровождается подробным комментарием, включая аналогии и попытки семантической интер-

претации. Оба ковра представлены отличными цветными фотографиями, но, к сожалению, почему-то только отдельных частей, хотя можно было повторить иллюстрацию из более ранней работы Л.Л. Барковой (Barkova, 1996).

По поводу ворсового ковра вспоминается один интересный эпизод. Сергей Иванович Руденко, оставив пост заведующего лабораторией археологической технологии и перейдя на положение консультанта, исправно ходил на наши заседания и активно в них участвовал. Однажды, когда все деловые вопросы были рассмотрены, он сказал: “А сейчас, друзья мои, я вас развеселю”, – и достал из кармана пиджака красивый фирменный конверт. Это было письмо от одной западногерманской ковровой фирмы. В нем выражалась благодарность за книгу о древнейших в мире коврах (Руденко, 1968) и сообщалось, что по цветной иллюстрации в этой книге фирма изготовила копию пазырыкского ковра, пустила его в продажу, и он пользуется огромным спросом во всем мире. Письмо завершалось очень символической фразой: “Мы очень сожалеем, профессор Руденко, что не можем уплатить Вам авторский гонорар, поскольку Советский Союз не входит в конвенцию по авторским правам”.

За коврами следуют небольшие разделы “Бытовые предметы”, “Предметы, связанные с верованиями” (ковры тоже связаны с верованиями) и общее “Заклучение”. Здесь, как это обычно бывает в серьезных исследованиях, не нацеленных с самого начала на сенсации и на “окончательные” ответы на все вопросы, оказалось больше вопросов, чем ответов. Несомненно импортные ткани определены специалистами и не обсуждаются. Много места в “Заклучении” уделено проблеме использования красителей для тканей, но не столько с технологической точки зрения, сколько для решения вопроса о том, могли ли пазырыкские ткани производиться и окрашиваться здесь, в Горном Алтае. Сделан вывод, что производство, возможно, и существовало, но приготовление тех красителей, которыми ткани были обработаны, в местных климатических условиях было невозможно (С. 168). Это как раз тот случай, когда отрицательный результат – тоже результат. Для анализа привлекаются синьцзянские находки одежды из войлока и тканей, близкие пазырыкским, но отличающиеся от них по составу красителей и некоторым особенностям. В итоге высказывается гипотеза о том, “что в пазырыкских могилах мы находим, главным образом, вещи, с которыми на Алтай пришло новое население и которые не имеют отношения к местной культуре... Эти вещи служили одному-двум поколениям и ушли вместе с ними в иной мир” (С. 169).

Все описательные разделы книги почти безукоризненны как в текстовой, так и в иллюстративной частях. “Почти” – потому, что есть некоторые замечания. Высокопрофессиональные графические реконструкции художника Д.В. Позднякова иногда не совсем точны. Например, без опоры на стремена всадники всегда сидят почти на холке. Это подчеркнуто во всей скифо-греческой торевтике и в античной вазописи. Если всадник не левша, то он всегда держит повод левой рукой, а не правой, как на с. 20, 80 и 100. Если же он левша, то боевой клевец должен висеть на поясе не справа, как на с. 50, 80, 91 (здесь всадник явный правша, тетиву он натягивает правой рукой), а слева. В целом же графические реконструкции очень достоверны и впечатляющи. В комментариях к коврам есть несоответствие в указании размеров. Если размеры большого войлочного ковра $4,5 \times 5$ м (С. 144), то он не может иметь площадь в 30 м^2 (С. 145). Видимо, в первом случае указаны размеры сохранившейся части, а во втором – первоначальной. Но это, конечно, мелочи. Вообще по описательной части у читателя, знакомого с этим матери-

алом, вопросов практически не возникает. И вряд ли они возникнут даже у эксперта-профессионала с соответствующими знаниями и инструментарием.

Однако есть разделы (С. 21–28, 98–104, а также некоторые места комментариев в главах 3–4), где излагаются очень важные и интересные суждения авторов, с моей точки зрения, не всегда одинаково обоснованные фактами. Начиная с общих характеристик костюма как носителя определенной этнокультурной традиции и отдавая должное работам С.И. Руденко по пазырыкскому костюму, авторы подводят читателя к выводу о том, что только сохранившиеся в курганной мерзлоте целые и фрагментарные виды одежды и ее детали позволяют создать полную и достоверную реконструкцию. С этим выводом нельзя не согласиться. Многочисленные плоские, рельефные и объемные древние изображения (египетские, ассирийские и персепольские рельефы, скифо-сакская торевтика и т.п.) при всей полноте видимых деталей одежды не могут дать точную информацию, например, о материале, из которого она сшита, о технологии ткачества, обработки шкур и кож, о способах окраски, шитья и т.д.

Для описания полного комплекса одежды пазырыкцев авторы использовали кроме новых находок материалы раскопок М.П. Грязнова и С.И. Руденко. Многие из них были переопубликованы и получили новую интерпретацию (например, горит – убор), произведены новые реконструкции костюмов (например, женского костюма из кургана Пазырык-2). В конце главы 2 авторы обращаются к рассмотрению такого важного вопроса, как происхождение костюма кочевников Алтая. Еще в начале работы было выдвинуто предположение, что основой костюма пазырыкцев стал костюм иранцев, однако на новой территории он не мог не воспринять определенные местные черты. Но местный костюм допазырыкского времени пока не известен. Можно ли без этого знания уверенно говорить об иранском происхождении пазырыкского костюма?

Вообще в тех частях книги, где предприняты попытки этнической идентификации одежды и соответственно ее носителей, постоянно используется термин “иранцы”. Однако по контексту можно догадаться, что в одних случаях имеется в виду собирательное название ираноязычных народов (скифы, саки, персы, согдийцы, мидяне, парфяне, бактрийцы и т.д.), а в других за этим термином узнаются именно персы. То же касается и понятия “ахеменидский”. Например, на основе новой реконструкции покроя парадной шубы с фалдой – “хвостом” из кургана Пазырык-2 авторы считают, что она принесена выходцами из Ахеменидской империи (С. 45).

Ахеменидский Иран был гигантской империей из 20 сатрапий. Здесь кроме персов передвигались и обитали многие другие народы от Египта и ионийской Греции до Бактрии. Такое многозначное толкование термина “иранский” или “иранцы” порождает неопределенность и в других рассуждениях. На с. 99 читаем: “Сходство костюмов жителей Горного Алтая и оазисов Синьцзяна в начале I тыс. до н.э. можно объяснить тем, что люди, заселившие эти районы, пришли из одних мест и были представителями некогда единого культурного образования. Их большая часть осела в Синьцзяне. Распространение здесь иранской культуры связано с приходом иранского населения, занявшего свою природную нишу, в которой оно могло обустроить привычный оазисный образ жизни”. Долину р. Керия, которая исчезает в пустыне Такла-Макан, особенно район Думбулак Кум, где были найдены мумии в одеждах, сопоставимых с укокскими и пазырыкскими, можно называть оазисом с большой натяжкой. С таким же успехом можно предположить, что всадники Уко-

ка и Пазырыка, кочуя по предгорьям Восточного Тянь-Шаня, могли добраться в долину р. Керия с Алтая через Турфан. Правда, такое предположение было бы не менее спорным, чем гипотеза о пути с Иранского плато.

Разумеется, костюм погребенных, к тому же так хорошо сохранившийся и так тщательно и всесторонне изученный, – очень информативное средство этнокультурной атрибуции, но есть еще и параллельный источник – внешний облик персонажей, изображенных на большом войлочном ковре и на других носителях. Если это иранцы (в смысле персы), то по рельефам из Персеполя, Суз, Бехистуна и других памятников очень хорошо известны их лица с густыми бородами, миндалевидным разрезом глаз и другими признаками европеоидного средиземноморского антропологического типа. Саки на рельефах Персеполя и причерноморские скифы тоже изображены как бородатые европеоиды, хотя и несколько иного, восточноевропейского облика.

В связи с гипотезой о пришлом населении можно вернуться к облику всадника на большом войлочном ковре. Подобный антропологический тип повторяется на целом ряде плоских и объемных изображений: пряжке “Охота на кабана” из Сибирской коллекции, фигурке всадника с натянутым луком оттуда же, орлатских пластинах, балгазинской бляхе из Тувы, на изображениях всадников на пластинах слоновой кости из Тахти-Сангина, всадников на кубке из Косики и, наконец, на “бронзовой голове статуи парфянского вельможи из Шами” (Фрай, 1972. Рис. 78). Б.А. Литвинский считает эти изображения бактрийскими (2002. С. 181), Р. Фрай – парфянскими. И бактрийцы, и парфяне входили в состав империи Ахеменидов. Мне представляется, что здесь еще есть над чем поразмышлять.

В целом же можно поздравить не только авторов с блестящей книгой, но и РФФИ (проект № 02-06-87069), и программу Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”, а также Интеграционные проекты СО РАН, которые сделали удачный выбор, оказав финансовую поддержку исследованию и изданию его результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баркова Л.Л. Большой войлочный ковер из Пятого Пазырыкского кургана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.
- Джумабекова Г.С. Бронзовая курильница из Семиречья // РА. 1998. № 2.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006.
- Литвинский Б.А. Бактрийцы на охоте // ЗВОРАО. Т. 1 (XXVI). Нов. сер. СПб., 2002.
- Полосьмак Н.В. Курган с “замерзшей” могилой на Ак-Алахе // ВДИ. 1991. № 4.
- Полосьмак Н.В. К вопросу о шерстяных тканях из пазырыкских курганов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999.
- Полосьмак Н.В. Пазырыкские войлоки: Укокская коллекция // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. Новосибирск, 2000.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М., 1968.
- Феномен алтайских мумий / Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. и др. Новосибирск, 2000.

Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.

Шер Я.А. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; М., 1998.

Кемеровский государственный университет

Barkova L.L. Le tapis de laine du kourgane № 5 de Pazyryk // Les dossiers d'archéologie. 1996. № 212.

Molodin V.I. Un kourgan gèle d'èpoque scythe // Les dossiers d'archéologie. 1996. № 212.

Polosmak N.V. La pètresse altaïque // Les dossiers d'archéologie. 1996. № 212.

Sher J.A. On the sources of the Scythic Animal Style // Arctic Antropology. 1988. V. 25. № 2.

Я.А. Шер

Е.Н. Носов, В.М. Горюнова, А.В. Плохов. ГОРОДИЩЕ ПОД НОВГОРОДОМ И ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИИЛЬМЕНЬЯ (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ). Тр. Института истории материальной культуры РАН. Т. XVIII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 404 с.*

Последняя четверть XX столетия и начало XXI в. для археологии Северо-Западной Руси прошли под знаком переосмотра старых концепций в результате открытий Е.Н. Носова и ряда сотрудничающих с ним исследователей на Рюриковом (Новгородском) городище, а также в Северном Приильменье и верхнем течении Волхова. Эти открытия позволили свести воедино остававшуюся до того времени мозаичной картину сложения государственности и становления важнейшего городского центра на северо-западе Руси – феномены, имеющие ключевое значение для осмысления подобных процессов в общерусском масштабе. Открытия на Рюриковом городище оказались своеобразным “мостом”, связавшим, наконец, проблематику “дружинных курганов”, “ОТРИГ” и древнейших слоев Старой Ладogi с вопросом о происхождении Новгорода. Исследования поселенческих структур Северного Приильменья и Верхнего Поволжья наглядно показали, что становление Новгорода как крупнейшего городского центра, быстро приобретшего господство над весьма обширной территорией (которая в течение столетий неуклонно расширялась), в значительной мере было обусловлено существованием сравнительно небольшого “оазиса” удобных для земледельческого освоения земель. Нечто подобное представляло собой знаменитое Суздальское ополье (площадь которого также несоизмеримо мала по сравнению со всей территорией Владимиро-Суздальской земли).

Переворот, совершенный благодаря этим открытиям, является по существу радикальным (в настоящее время мы уже начинаем забывать представления предшествующей поры). Конечно, он является не только личной заслугой Е.Н. Носова, но и следствием общего прогресса в области изучения древнерусских поселенческих структур, становления государственности на Руси, так называемого норманнского вопроса и т.п. Одновременно с открытиями на Городище происходит оформление теории В.Л. Янина о корпоративном характере боярского землевладения на раннем этапе истории Новгорода (Янин, 1981. С. 278–280). Эта теория, имеющая большое значение для изучения становления российской государственности в целом, представляет ранний Новгород неким аналогом Спарты (т.е. воссоздает по существу модель завоевания территории). Нельзя не признать, что по сравнению с эпохами Б.Д. Грекова и борьбы с норманизмом российская наука осуществила на данных направлениях крупный и весьма значимый прорыв. Роль Е.Н. Носова в создании источниковедче-

ской базы для этого прорыва и ее теоретическом осмыслении чрезвычайно велика.

Е.Н. Носов – весьма удачная фигура для решения рассматриваемых вопросов. Потомственный историк, он свободно ориентируется в письменных источниках. Это опытный полевик, работающий на чрезвычайно высоком методическом уровне. Ученик И.И. Ляпушкина и П.Н. Третьякова, Е.Н. Носов обладает способностью к масштабным обобщениям археологических данных и наблюдений; это ученый с широчайшим археологическим кругозором. Не случайно он в последние годы возглавил кафедру археологии Санкт-Петербургского университета. Наконец, это талантливый организатор науки, работающий в тесном рабочем (и человеческом) контакте с руководством Новгородской экспедиции, которой принадлежит неоспоримое лидерство в области средневековой археологии России.

Существенно, что Е.Н. Носов – представитель петербургской школы исследователей. Именно эта школа в течение ряда десятилетий является своеобразным генератором новых идей в области изучения раннесредневековых древностей северо-запада Руси. При этом, как показывает пример Е.Н. Носова, речь идет не только об учениках и последователях Л.С. Клейна.

На титульный лист рецензируемой книги вынесены три фамилии. При этом ведущая роль Е.Н. Носова как руководителя экспедиции, главного “генератора идей”, основного создателя концепции и композиции книги очевидна. Вместе с тем привлеченные им соавторы – вполне самостоятельные и квалифицированные исследователи. В.М. Горюнова – известный специалист в области изучения гончарного производства раннегородских центров Северной Руси. А.В. Плохов – прекрасный полевик, в течение многих лет выступавший в роли заместителя начальника Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН, специалист в области изучения лепной керамики.

Опубликованная Е.Н. Носовым более полутора десятков лет назад книга “Новгородское (Рюриково) городище” (1990) произвела в свое время чрезвычайно сильное впечатление. Исключительное своеобразие ранних городищенских материалов по сравнению с новгородскими (как бы контрастирующее с очевидной непосредственной связью между этими двумя памятниками) по существу оказалось ключом к новому осмыслению проблемы происхождения Новгорода и становления древнейшего северного центра русской государственности. В этой книге наряду с общей информацией о памятнике, историографией и главами, носящими по преимуществу описательный характер, находим такие важные разделы, как “Общая характеристика Городища: хронология, топография, социально-экономический облик, этнический состав населения” и “Городище и Новгород (к вопросу

* При рассмотрении ряда специальных вопросов (в частности изучения керамики) автор рецензии воспользовался ценными консультациями Т.А. Пушкиной.

о возникновении города)". Конечно, и до 1990 г. мы не раз слышали и читали предварительные сообщения о сенсационных материалах из раскопок на Городище. Однако эти материалы претворились в заметное событие отечественной историографии только с выходом рассматриваемой книги.

В 90-е годы XX в. большинство археологических публикаций по-прежнему страдало от навязывавшихся ученым с "брежневской" поры ограничений объема. В 1990 г., когда монография была опубликована, эта тенденция усугублялась тяжелым экономическим положением нашей страны. Е.Н. Носову удалось весьма успешно "втиснуть" в объем менее 20 авторских листов чрезвычайно емкую и впечатляющую информацию. Однако сказать, что от такого "ужимания" книга совсем не пострадала, нельзя. Когда речь идет о памятниках, имеющих ключевое значение для решения той или иной проблемы, нельзя ограничиваться сжатой общей характеристикой результатов с отдельными иллюстрациями, отсылая специалистов к полевым отчетам. Нужна полная публикация всех необходимых полевых чертежей и фотографий, всех находок. Таково настоятельное требование современной мировой археологической науки, так работают профессионалы высокого уровня и в нашей стране, и за рубежом.

К счастью, ситуация с научными публикациями в наше время существенно изменилась, и вторая книга, подготовленная Е.Н. Носовым и его сотрудниками, превосходит по объему первую более чем в два раза. Это не значит, что книга по содержанию стала более "водянистой". Просто она несколько иного жанра. В данном случае Е.Н. Носов и его соавторы как бы задним числом подводят фундаментальную источниковедческую базу под ту предварительную концепцию, которая была изложена в книге 1990 г. Здесь мы прежде всего имеем исключительно подробный анализ керамического материала (как лепных, так и раннегончарных сосудов), а также рассмотрение поселенческих структур в окрестностях древнего Новгорода (сюжет, в монографии 1990 г. лишь слегка намеченный).

Рецензируемая книга имеет объем 35 печатных листов, около 200 иллюстраций, в том числе 8 полос цветных вклеек. Ее открывает краткое предисловие. Далее следует большая вводная глава Е.Н. Носова "Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья". Основную часть книги составляют пять глав: "Исследования центральной части Городища в 1984–1989 гг." (Е.Н. Носов, А.В. Плохов); «Керамический материал из заполнения комплексов "больших построек" (раскопы 1985–1988 гг.)» (В.М. Горюнова); "Лепная керамика Рюрикова городища" (А.В. Плохов); "Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X – начала XI в." (В.М. Горюнова) и "Новые раскопки поселений в Северном Приильменье" (Е.Н. Носов, А.В. Плохов). Книгу завершают ценные приложения: "Печь из раскопок 1988 г. на Городище в контексте производства извести в Византии, Западной Европе и Древней Руси" (А.А. Липатов); "Пластина с изображением святых воинов из раскопок на Рюриковом городище" (А.А. Пескова) и "Результаты количественного спектрального анализа фрагментов стеклянных сосудов и керамической глазури Рюрикова городища" (анализы В.А. Галибина, комментарий А.Н. Егорькова).

Новая книга привлекает внимание по многим причинам. Во-первых, она вводит в научный оборот новые материалы из раскопок (1984–1989 гг.) такого важного для ранней истории России памятника, как Рюриково городище. Во-вторых, здесь собраны и опубликованы результаты исследований сельских поселений на территории Северного Приильменья – им посвящена одна из глав книги, основанная на материалах, предварительно уже представленных в нескольких неболь-

ших публикациях (все они перечислены в сопровождающем работу списке литературы). В-третьих, книга включает исследования определенных групп материалов (лепной и раннекрюговой керамики всего памятника, керамической коллекции из нескольких построек, пластины с изображением святых воинов, результаты количественного анализа состава стекла и керамической глазури). В-четвертых, опубликованы итоги изучения проблемы появления раннекрюговой посуды на северо-западе Руси. Наконец, в специальной вводной главе Е.Н. Носовым еще раз рассмотрен вопрос о становлении городских центров Поволховья.

Эта вводная глава не совсем обычна в жанровом отношении. Она представляет собой нечто среднее между глубоким аналитическим историографическим обзором и обобщающей проблемной статьей. Надо сказать, что и тот, и другой жанр хорошо удаются автору; учитывая важность проблемы, понятно, какой интерес для специалистов представляет эта часть книги. Е.Н. Носов отмечает отсутствие единообразной модели становления раннегородских центров Древней Руси. Они могли возникать в местах концентрации земледельческого населения (согласно концепции М.Н. Тихомирова), но могли создаваться и вне зависимости от этого фактора, как форпосты, первоначально имевшие лишь военное и/или торговое значение. Часть подобных центров играла решающую роль в формировании вокруг них сети аграрных поселений (последняя могла выступать, таким образом, в качестве следствия, а не причины возникновения протогородов). Именно с этой моделью, по Е.Н. Носову, связана древнейшая история Новгорода–Рюрикова городища. Следует отметить, что подобные построения как бы возвращают нас к отечественной историографии "до-грековских" времен – к работам В.О. Ключевского и М.Н. Покровского (вспоминаются, в частности, рассуждения последнего о роли так называемой разбойничьей торговли в становлении русской государственности).

Результаты исследования центральной части городищенского холма в 1984–1989 гг. представлены в главе, написанной совместно Е.Н. Носовым и А.В. Плоховым (С. 33–66). Эта глава содержит описание остатков трех построек древнерусского периода и нескольких так называемых комплексов более раннего времени, найденных в их пределах предметов различного назначения и происхождения. Отметим исчерпывающий характер описания этих сооружений, отнесенных авторами к позднему этапу существования памятника, и подробную характеристику всех индивидуальных находок. Однако заявление о том, что две постройки составляют единый и одновременный комплекс, находит подтверждение совсем в другой части монографии: в главе, написанной В.М. Горюновой и специально посвященной керамическому материалу из их заполнения (С. 67–73). Очень интересна коллекция стекла, происходящего из заполнения построек, детально рассмотренная А.В. Плоховым (С. 36–38, 41, 42, 44). Пожалуй, это одна из наиболее представительных коллекций стеклянных сосудов и их фрагментов, собранная на такой небольшой площади при археологических раскопках поселения – более 60 находок. Большинство осколков происходит из заполнения первой постройки. Среди них остатки сосудов XI–XIII вв. древнерусского, византийского и сирийского происхождения. В заполнении второго сооружения, существовавшего в более позднее время, найдены, кроме того, фрагменты стеклянного западноевропейского кубка, который, судя по приведенным аналогиям, можно датировать второй половиной XIV – первой четвертью XV в. (С. 41, 42). Совершенно справедливо отмечена неординарность исследованных сооружений, которые могли быть частью княжеского двора. Комплекс находок позволяет авторам главы относить

время существования первой из построек ко второй половине XII – первой половине XIII в., предполагая при этом, что “сооружение было уничтожено пожаром, отмеченным летописью под 1194 г.”. Здесь же указано и время существования второго комплекса – конец XIII–XV в. (С. 47). Заметим, что анализ керамического материала из заполнения сгоревшей постройки, содержащийся в упомянутой отдельной главе, служит В.М. Горюновой основанием для отнесения времени ее возникновения к концу XII в., а времени существования второго комплекса – к XIV – первой половине XV в. (С. 72). Эти расхождения следовало бы как-то объяснить.

Лепной керамике Рюрикова городища посвящена глава А.В. Плохова (С. 74–81). Следует отметить логичность ее построения и непривычную для работ на подобные темы живость (но отнюдь не легковесность) изложения. По-видимому, это обусловлено тем, что автор не впервые обращается к данной теме. В нескольких статьях, вышедших с начала 1990-х по 2002 г., А.В. Плохов достаточно подробно охарактеризовал коллекцию лепной керамики из Приильменя и Верхнего Поволжья. В данном же случае перед нами своеобразное обобщение, корректирующее некоторые из его прежних наблюдений. Так, например, в отличие от высказанного в 1995 г. мнения, что лошенные миски Рюрикова городища являются привозными (Плохов, 1995. С. 101–105), исследователь теперь склонен предполагать их изготовление на месте приезжим гончаром (С. 81). Хотелось бы, чтобы замечания о характерности и степени представленности определенных форм лепной посуды сопровождались данными об их процентных соотношениях. Важным представляется тезис о том, что вопрос о происхождении горшков “ладожского типа” (или “ребристой” посуды), столь характерных для Поволжья, требует дальнейшей разработки. Керамика, рассматриваемая подавляющим большинством специалистов в качестве этноопределяющей для ильменских словен, оказывается нехарактерной для населения третьей четверти I тыс. н.э. районов центрального Приильменя (С. 79).

Особое значение имеет обширная глава, написанная В.М. Горюновой, посвященная раннегончарной керамике Рюрикова городища и проблеме общих тенденций развития раннегончарного комплекса городских центров Северной Руси (С. 82–121). Автор очень точно заметила, что “на данном этапе изучения материальной культуры раннегородских образований Северной Руси первоочередной задачей является создание единой классификационно-хронологической системы, применимой не только для опорных памятников” (С. 82). Используя в качестве основы разработанную шкалу для керамики Рюрикова городища, В.М. Горюнова последовательно и подробно рассмотрела и сравнила комплексы раннегончарной посуды из Новгорода, Старой Ладogi и Пскова. Сопоставление динамики распределения выявленных исследовательницей форм на дендрохронологических и стратиграфических шкалах указанных памятников позволило ей очень убедительно показать, что наиболее раннее появление посуды, подправленной на гончарном круге (“комплексы первого этапа развития раннегончарной керамики X в.”), происходит на Рюриковом городище во втором десяти-

летии X в., в Старой Ладoge это явление отмечается начиная с 925 г., в Пскове – с конца 930-х и в Новгороде – с начала 950-х годов (Табл. 76, 144). А вот в последней четверти X в. почти полное преобладание раннегончарной посуды фиксируется во всех названных центрах, исключая Старую Ладogu (С. 119). При этом для Новгорода, Пскова и Рюрикова городища на разных стадиях развития раннегончарного комплекса отмечено присутствие единичных фрагментов западнославянской керамики или возникших подражаний ей. Как указывает автор главы, все известные на Северо-Западе западнославянские формы происходят с территории южного побережья Балтики. Наблюдения, сделанные В.М. Горюновой, представляются чрезвычайно важными и интересными.

Большое значение имеет глава, посвященная новым раскопкам поселений в Северном Приильмене (1970, 1985–1993, 1997–2000 гг.). Речь идет о пяти сельских поселениях, синхронных Рюрикову городищу. Эти материалы из Ильменского Поозерья и верховьев Волхова позволяют проследить развитие поселенческих структур, которое здесь обнаруживает неразрывную связь с возникновением Новгорода. Нет необходимости убеждать специалистов в том, что проблематика поселенческой археологии в последние десятилетия сделала большой шаг вперед и является исключительно актуальной. Изучение сельской округи древнего Новгорода наглядно демонстрирует значение и перспективность подобных исследований.

Насколько можно судить по разрозненным высказываниям Е.Н. Носова, он занимает самостоятельную позицию по отношению к проблематике раннесредневековой этнической истории Северо-Западной Руси, причем его взгляды значительно расходятся с наиболее авторитетными на сегодняшний день построениями В.В. Седова. Хотелось бы, чтобы исследователь в дальнейшем высказался более подробно по этому вопросу, представляющему живейший интерес для широкого круга историков и археологов.

Подводя итоги рецензии, хочется еще раз подчеркнуть, что Е.Н. Носову удалось в ходе подготовки издания сплотить вокруг себя сильный коллектив ученых (это касается и авторов специальных приложений в конце книги). Перед нами классическое исследование эталонного памятника (точнее, группы памятников), которое, несомненно, будет настольной книгой специалистов. Кроме археологов она представляет интерес для достаточно широкого круга историков, краеведов, учащейся молодежи, наконец, для той части читающей публики, которая интересуется прошлым своей страны, своего народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
 Плохов А.В. Лепная керамика центрального Приильменя и славянское поселение (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995.
 Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

Институт археологии РАН, Москва

А.В. Чернецов

**В.В. Ткачев, А.И. Хаванский. КЕРАМИКА СИНТАШТИНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ. Орск; Самара: Издательство ОГТИ, 2006. 180 с., ил.**

В мае 2006 г. орскими археологами В.В. Ткачевым и А.И. Хаванским было опубликовано исследование “Керамика синташтинской культуры”, одним из рецензентов которого являлся автор настоящей публикации. Ряд

методических подходов и положений этого исследования, на мой взгляд, необходимо обсудить на широком научном уровне ввиду их особой актуальности и дискуссионности.

Монография посвящена проблеме изучения и интерпретации керамических комплексов памятников синташтинского культурного блока. Актуальность темы не вызывает сомнений по трем причинам. Во-первых, работа основана на исследовании керамики как археологического источника. Данный источник является массовым и информативным для культур бронзового века, при этом до сих пор существует мало специальных и, особенно, крупных работ, посвященных детальному анализу как керамических форм, так и орнаментации сосудов. Во-вторых, работа напрямую затрагивает “синташтинскую проблематику” – происхождение, сущность и культурный статус памятников, близких широкоизвестному синташтинскому могильнику. И, в-третьих, в книге апробируется авторский метод формально-типологического анализа керамического комплекса с вычислением степени статистической близости. Применение специальных методов нередко является недостающим, но крайне важным, порой принципиальным звеном во многих работах как обобщающего, так и источниковедческого характера.

Безусловным достоинством рецензируемого исследования является рассмотрение керамики как в целом, в комплексе с посудой потаповского типа, так и по отдельным памятникам и культурным группам (Приуралье – Зауралье – Поволжье), а также изучение не только форм, но и орнаментов сосудов. Работа не ограничивается внутренним анализом источника, а выходит на уровень сопоставлений, интерпретации и поиска аналогий. В результате авторы делают вывод о хронологическом делении керамических типов и происхождении синташтинских керамических традиций из приуральских абашевских и позднекатакомбных Волго-Донского междуречья. Многие положения работы подкреплены иллюстративным материалом. Структура монографии выглядит логичной, последовательной. Весьма показательно наличие отдельной теоретической главы, в которой рассматриваются основные подходы к изучению керамики, представлен их анализ, приводится историографический обзор.

Вместе с тем некоторые положения работы дискуссионны. В главе I авторы предлагают объединить различные подходы к выделению частей сосудов (венчик, горло, плечо и т.д.), отмечая, что критерии, предлагаемые специальной методикой А.А. Бобринского (губа, щека, предплечье) “проблематично выделить на практике”. Представляется, что методика А.А. Бобринского в контексте типологического анализа упомянута напрасно, так как к типологии как таковой отношения не имеет. Ее цель – выявление и изучение естественной структуры форм, отражающей систему распределения физических усилий, причем после устранения асимметрии, исследование традиционных и нетрадиционных навыков гончаров, организации производства (Бобринский, 1989. С. 5–22). А.А. Бобринский прямо указывает в своей статье, что методы “отличаются по существу”. Изучение потаповской керамики по данной методике, предпринятое мною, показало, что формы могут иметь и губу, и щеку, а иногда и плечо. Результаты сопоставления естественной структуры форм сосудов и типологии керамики различных культур эпохи бронзы могут быть совмещены при анализе структуры различных типов. Позиция авторов книги относительно данного метода не вполне ясна. С одной стороны, сами они соглашаются, что метод А.А. Бобринского не может быть применим в их исследовании, так как не направлен на создание типологии (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 15). С другой стороны, В.В. Ткачев и А.И. Хаванский продолжают сетовать на недостатки метода для типологии (2006. С. 15).

Хотелось бы обсудить и подход исследователей к собственной типологии. Авторы выделяют классы сосудов на основе определенных цифровых величин. Например, мис-

ка – это сосуд с отношением высоты к диаметру устья меньше 0.5 и т.д. Возникает вопрос, почему именно этот жесткий показатель лежит в основе классификации? А если соотношение меньше 0.6, но не 0.5, сосуд относится к какой-то особой форме? Что стоит за термином “горшечно-баночные сосуды” и чем отличаются горшки “с ребром” и “со сглаженным ребром”? Не вполне ясны критерии “малый”, “средний”, “большой”, так как основаны они на неких средних показателях, причем взятых из методик как А.А. Бобринского, так и В.Ф. Генинга (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 19). В результате иерархического деления получено поистине огромное число подтипов, которые и являются основными таксономическими единицами исследования. Каждый сосуд, имеющий хотя бы один внешний отличительный признак, попадает в отдельный подтип. Представляется, что при изучении керамики, сделанной без использования гончарного круга, вариabельность параметров и асимметрия неизбежны. Даже в случае, если гончары использовали шаблоны, будут различаться пропорции верхних частей сосудов. Нюансы форм, такие, как вогнутость плеча, угол наклона венчика, фиксируются и при внимательном визуальном изучении, если описывать все точки перегиба профиля (Гошев, 1994. С. 25–60). Столь дробное деление керамики придает индивидуальность незначительным группам, которые могут и не иметь реальной функциональной специфики. Оправданно ли столь дробное деление при работе с архаичной керамикой скотоводческих культур эпохи бронзы? Естественно, что керамические комплексы будут сильно отличаться даже на уровне отдельных регионов, не говоря уже о памятниках. На мой взгляд, более объективной таксономической единицей при такой работе являются типы. Их сравнение позволяет в большей мере избежать случайной вариabельности, обусловленной определенным уровнем производства и явным смешением разнотрадиционных традиций и навыков. Возможно, при работе с типами 4.4% керамики не оказались бы за пределами предлагаемой типологии. Иллюстрации сосудов, не вошедших ни в один подтип, также не в полной мере убеждают в их индивидуальности (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 170, 171. Рис. 66, 67).

Представляется, что в итоговых типологических таблицах некоторые керамические формы объединены не совсем справедливо. Различия между многими острореберными сосудами подтипов I.1.1., I.1.2., I.1.3., I.2.1, I.2.2., I.2.3. едва уловимы. В подтип I.1.3. (Ткачев, Хаванский, 2006. Рис. 37), на мой взгляд, попали сосуды позднего облика с ребром в середине профиля (Танаберген II, Каменный Амбар V). В подтипе I.2.2. кроме сосудов с ребром оказались совершенно особые сосуды с уступом и прямой шейей (Ткачев, Хаванский, 2006. Рис. 44, 12, 14; 45, 12). На рис. 46, 12 изображен сосуд с уплощенным, почти округлым дном из могильника Кривое Озеро, который явно выделяется на общем фоне, однако он попал в общую типологию. Столь формализованная иерархическая типология должна улавливать подобные различия форм, но, видимо, это не так. Среди острореберных миниатюрных сосудов оказались экземпляры совершенно иных пропорций из Потаповского и Утевского могильников, хотя по размерам они действительно небольшие. Сосуды со сглаженным ребром, пропорционально не отличающиеся от острореберных, попали в отдельный тип. Не вполне понятно и место в данной типологии такой особой формы, как колоколовидные сосуды. Некоторые колоколовидные формы отнесены к числу плавнопрофилированных сосудов подтипа I.1.1., а в плавнопрофилированные колоколовидные сосуды типа III.3.1. попали слабопрофилированные горшки из Потаповского и Утевского могильников (Ткачев, Хаванский, 2006. Рис. 59, 11, 12). В.И. Бесединым была наглядно показана технологическая особенность колоколовидной керамики, обу-

словившая ее своеобразную форму (1991. С. 32). Подобные “морфологические казусы” имеются и в других иллюстрациях. Столь ли безупречна методика, если близкие, казалось бы, формы попадают в различные подтипы, а разные, на мой взгляд, сосуды оказываются в одних группах? В группу горшечно-баночных объединены сосуды различных форм: биконические, слабопрофилированные, с уступом, т.е. морфологически разнородная керамика (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 166, 167. Рис. 62, 63). Суммируя изложенное, отмечу, что детальная типология привела к тому, что границы между подтипами размыты и неочевидны.

Авторы выделяют 160 элементов орнамента (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 44, 46). При этом одинаковые по форме и внешнему облику, но нанесенные разными техническими способами элементы рассматриваются как различные. Данный подход наглядно показывает вариации исполнения орнаментальных фигур. Однако следует ли считать различными элементы, воспринимаемые как “одно и то же” независимо от техники исполнения? Целесообразнее было бы ввести специальный раздел по технике декорирования. Таким образом, реальных элементов орнамента на синташтинской керамике все же меньше чем 160. Очень интересны и справедливы замечания авторов по поводу стиля орнамента, рельефности поверхностей сосудов, однако отсутствует определение стиля. Возникает вопрос: а что же исследователи вкладывают в данное понятие? Современная археология однозначного определения не дает. В западной литературе стилистическим называют любое изучение внешних особенностей керамики.

Весьма интересными представляются выводы о разделении синташтинской керамики на более раннюю и более позднюю, о формировании синташтинского комплекса в Приуралье. Важным итогом исследований является также заключение о выработке новых керамических традиций в синташтинское время, о монолитности керамического комплекса. Однако вызывает определенные возражения аргументация хронологического разделения синташтинской керамики. Исследователи видят тенденцию изменений в снижении количества сосудов с внутренним ребром и в обеднении орнамента. Это позволяет считать приуральский вариант рассматриваемой культурной общности более ранним. Полученные выводы подкреплены статистическими данными о степени близости керамических комплексов. Указанные тенденции, на мой взгляд, не следует рассматривать однозначно как хронологические. Памятники синташтинской культуры существовали достаточно короткое время. Определенная часть керамических комплексов, в частности из собственно синташтинских некрополей, происходит из планиграфически окраинных погребений и может быть вообще отнесена ко времени срубной и алакульской культур. С другой стороны, вполне закономерно наличие сосудов с поздними чертами в одних комплексах с типичной синташтинской керамикой. Это демонстрирует плавность культурного перехода. Похожую ситуацию отражают и погребальные памятники раннего покровского этапа срубной культуры, где раннесрубная и позднесрубная керамика встречается на одном хронологическом этапе. О разделении синташтинских комплексов на ранние и поздние, таким образом, можно говорить лишь условно.

Происхождение синташтинских традиций авторы связывают с населением приуральских абашевской и позднекатакомбной культур, основываясь, главным образом, на аналогиях сосудов. Статистический подсчет степени близости в данном случае не применен. С другими культурами, например с полтавкинской, сравнение не проводилось. Всегда ли аналогии синташтинским формам в керамике абашевской и катакомбной культур говорят о влиянии последних на формирование “синташты”? Почему на поздней фазе развития

абашевской общности уже сама она не могла подвергнуться воздействию синташтинских традиций (скобки для ремонта на сосудах, формы с внешним ребром и т.д.)? Поздний этап абашевской культуры Южного Урала и синташтинская, видимо, были синхронны. Именно в это время на абашевской керамике появляются ребро, выделенная придонная часть, беднеет орнаментация. Без четкого хронологического разграничения (абсолютная хронология + стратиграфия) всегда будет очевидна двойственность и дискуссионность таких сопоставлений. Приводимые в книге абашевские и катакомбные материалы относятся к поздним периодам этих культур, когда их классические признаки уже сами претерпели значительные изменения из-за инокультурных воздействий. Представляется, что такой подход к выявлению аналогий заранее содержит погрешность. Весьма усилили бы работу сопоставительные таблицы синташтинских сосудов с конкретными абашевскими и катакомбными, так как весьма сложно судить о сходстве, опираясь лишь на ссылки на публикации. Приуральская керамика, как правило, содержит примесь раковины, талька, имеет тонкие стенки; катакомбная же посуда характеризуется примесью шамота, толстостенна. Да и классических катакомбных форм (раструбовидных горшков, донецких приземистых кубков, курильниц, воронок, реповидных сосудов), специфика которых широко известна, здесь нет. Типичный абашевский компонент (миниатюрные острореберные сосудики, колоколовидность, особые орнаменты) составляет в синташтинских комплексах в среднем 10% и представлен неравномерно. При этом синташтинские элементы, пожалуй, представлены в абашевской керамике не менее ярко.

Соотношение сравниваемых культур и возможность прямого воздействия катакомбной на синташтинскую общность – вопросы дискуссионные. Могло ли механическое смешение “абашевцев” и “катакомбников”, да еще в степях южного Урала, не типичной для обеих этих культур зоне, привести к формированию столь яркого явления? Не вполне ясны такие примеры описания абашевско-катакомбного влияния, как “верх сосудов колоколовидный абашевский, а оформление дна катакомбное” (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 108). Вывод авторов об абашевских и катакомбных корнях рассматриваемого комплекса представляется интересным, но недостаточно обоснованным. Приведенные аналогии могут свидетельствовать и об обратном направлении влияний.

Указание на безусловное катакомбное происхождение таких элементов декора, как валики и желобки (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 113) также вызывает возражения. Желобки как раз рассматриваются донскими археологами в качестве уральского признака (Беседин, 1998. С. 44–59), валики широко известны на керамике неолита – средней бронзы от Поволжья до Сибири. Корректно ли связывать их только с катакомбным миром? Методика, предложенная авторами книги, импонирует из-за четкой математической основы и удобства применения, однако результаты ее использования принципиально не отличаются от результатов хорошо проработанной детальной интуитивной методики. Об этом косвенно свидетельствует и изучение керамики поселения Аркаим (Малютина, Зданович, 2004. С. 67–81). Любая типология условна и является инструментом исследования. В некоторых ситуациях рассматриваемая методика кажется слишком детальной для работы с керамикой, изготовленной вручную. Подобная организация производства подразумевает естественную вариацию деталей форм, некоторую асимметрию, разные углы наклона частей и т.д. Всегда ли это важно при изучении культурогенеза древних обществ? Скотоводы выпитывали и перерабатывали разные традиции, в связи с чем едва ли стоит ожидать устойчивости в деталях форм сосудов, особенно в контактных зонах северной степи

и южной лесостепи. В то же время столь подробное описание синташтинской посуды само по себе очень важно для получения как общего, так и частного представления о ней.

В работе указывается, что поволжский памятник Грачевка II (материалы которого почти не опубликованы) относится к раннеалакульскому времени, следующему за синташтинским. Возможно. У меня также сложилось спорное впечатление об этом памятнике. Раннеалакульские и позднесинташтинские сосуды бывают очень близкими. Однако в таблицах, сопровождающих рецензируемую книгу, вместе с типично синташтинской посудой можно встретить и раннеалакульскую, и раннесрубную керамику (Ткачев, Хаванский, 2006. Рис. 42, 12; 44, 2, 7; 48, 2, 7, 8). Конечно, она будет присутствовать в поздних комплексах, так как резкого хронологического разрыва между культурами не было. Другое дело, если локализация погребений с такой керамикой отличается в планиграфическом отношении. В этом случае погрешность появится при вычислениях коэффициентов близости, так как алакульская керамика – уже не синташтинская и в единой выборке рассматриваться не может.

В некоторых случаях аргументация авторов монографии дополняется чрезмерно категоричными и эмоциональными фразами, которые отнюдь не способствуют усилению приведенных научных доводов. Например, оказывается, что именно в Приуралье синташтинская керамика имеет “абсолютную симметрию” и “безукоризненный орнамент”, а в “Зауралье и Среднем Поволжье формы емкостей демонстрируют пренебрежительное отношение к их созданию” (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 96). Приведенные высказывания вызваны, по-видимому, чувственным восприятием и априорным противопоставлением Южного Приуралья другим регионам. Об абсолютно симметричной посуде в рассматриваемом контексте говорить не приходится. К сожалению, многие археологи считают материал, исследованный именно в их регионе, самым ярким, красивым и ранним, лежащим в основе дальнейшего развития памятников и культур. Увы, часто это не следует из представленного в их же работах анализа и статистических данных. Слишком категоричны и такие фразы, сопровождающие не бесспорные выводы рецензируемой книги, как “совершенно очевидно”, “вне всякого сомнения”, “несомненно”, “следует” и т.д.

Выводы исследователей относительно этапов развития керамических комплексов (Приуралье – Зауралье – Поволжье) вполне логичны, не противоречат абсолютным датам, но в то же время многие из них дискуссионны. Так, ранние типы керамики, позднеполтавкинские слабопрофилированные (Потаповка I, к. 5, п. 14, с. 2, с. 6; к. 3, п. 4, с. 1; к. 5, п. 11, с. 4; Утевка VI, к. 6, п. 2, с. 9, с. 4; к. 6, п. 4, с. 1) и развитые абашевские (Потаповка I, к. 1, п. 1), все же присутствуют в потаповских памятниках и представлены не менее, а порой и более ярко, чем в южноуральских. При этом они встречаются не в собственно полтавкинских ранних погребениях, а в закрытых комплексах с типичной синташтинско-потаповской посудой (Утевка VI, к. 6, п. 2; Потаповка I, к. 5, п. 2, п. 14, п. 11; к. 3, п. 4 и т.д.). Судя по тексту монографии, В.В. Ткачев и А.И. Хаванский называют позднеполтавкинский компонент позднекатакомбным. Имеющиеся радиоуглеродные даты пока не позволяют однозначно дифференцировать по времени синташтинские южно-уральские и поволжские потаповские памятники, которые, видимо, существовали в одном хронологическом интервале. Однако предложенная методика

не позволила выявить ранние типы в потаповских памятниках. Представляется, что решение проблемы формирования керамического комплекса не вытекает непосредственно из анализа керамики. Посвященная этой проблеме глава не вполне связана с предыдущими частями работы и выглядит несколько обособленно.

В целом же актуальность и новизна рецензируемой книги не вызывают сомнений. В.В. Ткачевым и А.И. Хаванским была проведена большая лабораторная и аналитическая работа. Их исследование представляет собой первый серьезный опыт детального изучения одной из категорий инвентаря памятников синташтинского круга – керамики. Благодаря этой монографии в распоряжении специалистов оказалась исчерпывающая и хорошо иллюстрированная источниковая база по формам и орнаментам керамики, основанная на анализе предшествующих работ. Авторами подобраны аналогии из керамических комплексов Поволжья, а также из памятников абашевской и катакомбной культур, приведена полная библиография, рассмотрена историография проблемы. Предложена новая, неординарная типология синташтинской глиняной посуды из погребений. Очень важным является выделение ядра керамических комплексов – общих типов и подтипов, что, на мой взгляд, свидетельствует о высокой стандартизации на уровне типов и в то же время о постоянных контактах населения различных регионов. Очень наглядно продемонстрированы возможности статистических методов анализа. Характерно, что по большинству позиций выводы, основанные на детальном анализе признаков, совпали с выводами работы П.Ф. Кузнецова и О.Д. Мочалова, проведенной по более общим признакам (Кузнецов, Мочалов, 2003. С. 266–273). Результаты исследования В.В. Ткачева и А.И. Хаванского важны для решения целого комплекса фундаментальных и прикладных задач археологии. Несомненно, данная работа будет востребована широким кругом специалистов и станет серьезной основой для будущих обобщений по проблемам происхождения и периодизации памятников синташтинской культуры. Она заслуживает высокой научной оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беседин В.И.* Некоторые технологические особенности позднеабашевской керамики лесостепного Подонья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Тез. вторых Рыковских чтений. Саратов, 1991.
- Беседин В.И.* Острореберные сосуды абашевской общности // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998.
- Бобринский А.А.* Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1989.
- Гошев И.С.* Правила описания сосудов // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов, 1994.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.* Вопрос о культурном единстве потаповских и синташтинских керамических комплексов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. 2003.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. 2004. № 4.
- Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара, 2006.

К 80-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА КАДЕЕВА

Исполнилось 80 лет профессору Владимиру Ивановичу Кадееву – видному антиковеду, археологу, заведующему кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковско-го национального университета.

В.И. Кадеев родился 8 июня 1927 г. в Харькове. Воспоминания об отрочестве и юности у Владимира Ивановича связаны, как и, наверное, у всех его сверстников, с войной и послевоенной разрухой. В 1944 г. он поступил в машиностроительный техникум при заводе им. В.А. Малышева, а по окончании учебы был направлен на работу в конструкторское бюро этого знаменитого тогда предприятия. И только в 1951 г., будучи уже зрелым человеком, квалифицированным инженером, Владимир Иванович резко изменяет привычный жизненный уклад и поступает на исторический факультет Харьковского университета. С этого-то времени его жизнь и оказывается неразрывно связанной с археологией, исследованием и преподаванием античной истории.

Уже в студенческие годы В.И. Кадеев принимает самое активное участие в раскопках на Харьковщине и Полтавщине, работает в Археологическом музее университета, а в 1955 г. по рекомендации декана исторического факультета МГУ проф. А.В. Арциховского в числе первых студентов получает Открытый лист на проведение самостоятельных археологических разведок. Эти разведки привели к открытию нескольких десятков новых памятников эпохи бронзы и салтовской культуры в бассейне Северского Донца. Уже тогда проявляются и способности Владимира Ивановича как организатора научной деятельности. В 1954 г. они вместе со студентом МГУ М.Х. Алешковским становятся инициаторами проведения Всесоюзных археологических студенческих конференций, участвуют в подготовке и работе первого такого форума студентов-археологов в Москве.

С 1956 г., после защиты дипломной работы “История обработки цветных металлов у племен салтовской культуры” и окончания с отличием университета, В.И. Кадеев работает на кафедре древней истории и археологии. Именно в это время происходит окончательное оформление научных интересов молодого ученого: если в студенческие годы Владимира Ивановича привлекали преимущественно проблемы славянской археологии, а позднее – памятники салтовской культуры на Харьковщине, то в дальнейшем основным предметом его исследований становятся история и археология античных центров Северного Причерноморья.

В 1959–1961 гг. В.И. Кадеев под руководством известного археолога-антиковеда проф. К.Э. Гриневича проходит обучение в аспирантуре, а в 1963 г. защищает в Харьковском университете кандидатскую диссертацию “Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э.”.

1963 год в жизни Владимира Ивановича ознаменовался не только успешной защитой диссертации. Тогда же им была создана действующая и поныне Херсонесская археологическая экспедиция Харьковского университета, которой В.И. Кадеев руководил на протяжении четверти века. Основная работа экспедиции проходила в портовой части Херсонесского городища. В результате многолетних раскопок на участке общей площадью 2 тыс. м² был получен обильнейший археологический материал, позволяющий судить о хозяйстве и повседневном быте, экономических и культурных связях античного и средневекового Херсонеса, найдены тысячи монет, интереснейшие эпиграфические памятники и произведения изобразительного искусства. Кроме того, экспедиция В.И. Кадеева принимала участие в раскопках могильника у совхоза “Севастопольский” в долине р. Черной, также существенно расширивших представления о материальной культуре херсонеситов в первых веках н.э. Руководил Владимир Иванович и подводными археологическими исследованиями в Круглой, Карантинной и Песочной бухтах, где удалось обнаружить следы многих кораблекрушений древности и средневековья, найти остатки оборонительных сооружений раннесредневекового времени.

Еще будучи студентом, В.И. Кадеев одним из первых в Украине стал широко использовать в своей работе методы естественных наук, проводить спектроскопические, металлографические, петрографические и химические анализы археологического материала. Результаты этих исследований нашли отражение в серии специальных статей, а также в первой научной монографии Владимира Ивановича “Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV вв. н.э.” (1970), которая и сейчас сохраняет актуальность для археологов-практиков, ведущих раскопки античных центров Северного Причерноморья.

Глубокое и всестороннее знание археологических материалов, данных нарративных источников, эпиграфики и нумизматики позволило В.И. Кадееву выйти на новый уровень творческой работы – перейти к широким обобщениям в области исследований политической истории, социальной структуры, государственного строя, этнического состава населения Херсонеса. В 1973–1974 гг. Владимир Иванович под руководством проф. В.Д. Блаватского проходит докторанту-

ру в Институте археологии АН СССР и в мае 1975 г. там же защищает докторскую диссертацию “Херсонес Таврический в I в. до н.э. – III в. н.э.”.

Очень плодотворными стали в творческой биографии В.И. Кадеева 80–90-е годы XX в. В 1981 г. выходит в свет его монография “Херсонес Таврический в первых веках нашей эры”, посвященная социально-политическому развитию Херсонеса, проблемам этнического состава населения города в римское время. Одновременно Владимир Иванович продолжает заниматься изучением различных аспектов торговли Херсонеса с населением Юго-Западного Крыма, Причерноморья и Средиземноморья. Результаты этих исследований составили его вклад в опубликованную в соавторстве с С.Б. Сорочаном монографию “Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э.” (1989). Наконец, развивая лучшие традиции харьковской школы антиковедения, В.И. Кадеев уделяет большое внимание проблемам истории культуры и повседневной жизни, воспитания и образования в античном Херсонесе, которым посвящена вышедшая в 1996 г. еще одна книга ученого – “Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.)”. В последнее время Владимир Иванович активно занимается изучением истории антиковедения и археологии в Харьковском университете. Среди его публикаций по этой проблематике следует особо выделить библиографические справочники и статьи, посвященные В.П. Бузескулу, Е.Г. Кагарову и А.С. Федоровскому, а также большой раздел о научной деятельности университетских преподавателей, написанный для юбилейного издания “Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років” (2004). Наконец, в 2006 г. увидел свет курс лекций В.И. Кадеева “История Древней Греции и Рима” – результат его многолетнего преподавания этой прекрасной дисциплины университетским студентам-историкам. Всего же Владимиром Ивановичем опубликовано более 200 работ, многие из которых, прежде всего ставшие в последнее время труднодоступными для читателя, вошли в авторский сборник “История и археология Причерноморья. Статьи разных лет” (2000).

Результаты исследований В.И. Кадеева нашли отражение не только в многочисленных статьях и упомянутых монографиях, но и в его выступлениях на республиканских, всесоюзных и международных научных форумах. Среди них особо следует отметить доклады на XIV и XV Международных конференциях античников “Эйрене” в Ереване (1976) и Софии (1978), на Международном семинаре “Античная балканская керамика” в Велико Тырново (1979) и VI Международном конгрессе по изучению истории Юго-Восточной Европы в Софии (1989).

С 1978 г., когда на историческом факультете Харьковского университета была создана кафедра истории древнего мира и средних веков, В.И. Кадеев является ее бессменным заведующим. Под его руководством плодотворно трудятся аспиранты и докторанты, защищены докторская и 11 кандидатских диссертаций. Даже в небольшом очерке нельзя обойти вниманием преподавательскую работу Владимира Ивановича. Вот уже на протяжении 102 семестров он готовит студентов-историков. Лекции профессора В.И. Кадеева отличаются скрупулезной точностью предлагаемой слушателям информации, глубиной обобщений, богатыми личными наблюдениями и опытом, тонким юмором; забыть их, думается, просто невозможно.

Дорогой Владимир Иванович, признательные ученики и коллеги желают Вам крепкого здоровья, многих лет жизни, творческих свершений!

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В.И. КАДЕЕВА

1. Економіка античного Херсонеса в радянській історіографії // Уч. зап. Харк. ун-ту. 1961. Т. 117: Тр. іст. фак. Т. 8.
2. Соляний промисел в пізньоантичному Херсонесі (I–IV ст. н.е.) // Археологія. 1961. Т. 13.
3. Риболовний промисел в Херсонесі в перших віках н.е. // Уч. зап. Харк. ун-ту. 1962. Т. 124: Тр. іст. фак. Т. 9.
4. Ремесла і промисли Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1963.
5. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса // СХМ. 1963. Вып. 3.
6. О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе // СА. 1963. № 1 (в соавт. с Л.А. Солнцевым, Л.Д. Фоминым).
7. Технологія виготовлення “бронзових прикрас” з могильника II–IV ст. н.е. біля радгоспу “Севастопольський” // ВХУ. Сер. Іст. Вип. 1. 1966. № 17 (в соавт. с Л.А. Солнцевым, Л.Д. Фоминым).
8. Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса // ЗОАО. 1967. Т. 2 (35) (в соавт. с С.И. Шуменко).
9. О времени появления токарного металлорежущего станка в Херсонесе // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
10. Средневековые граффити из Херсонеса // СА. 1968. № 2.
11. Торговля Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. Харьков, 1969.
12. Импортные светильники I–IV вв. н.э. из Херсонеса // СА. 1969. № 3.
13. Косторізне виробництво у пізньоантичному Херсонесі I–IV ст. н.е. // Археологія. 1969. Т. 22.
14. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964–1965 гг. // Морские подводные исследования. М., 1969.
15. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. Харьков, 1970.
16. Про торгівлю Херсонеса з населенням Південно-Західного Криму I–IV ст. н.е. // Питання історії народів СССР. Вип. 9. 1970.
17. Про торгівлю Херсонеса з Середземномор'ям у I–IV ст. н.е. // ВХУ. Сер. Іст. Вип. 4. 1970. № 45.
18. К вопросу о составе херсонесского совета в первых вв. н.э. // ВДИ. 1971. № 3.
19. Про державний лад Херсонеса в перших ст. н.е. // УГЖ. 1971. № 9.
20. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // АДСВ. Сб. 7. Уч. зап. Урал. ун-та. № 112. Сер. ист. Вип. 22. Свердловск, 1971. (в соавт. с В.Н. Даниленко, Р.Н. Токаревой, Е.Г. Суrowым, Л.Г. Колесниковой).
21. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Сб. 7. Уч. зап. Урал. ун-та. № 112. Сер. ист. Вип. 22. Свердловск, 1971. (в соавт. с И.А. Антоновой, В.Н. Даниленко, Л.П. Ивашутой, А.И. Романчуком).
22. Нова рибозасолувальна цистерна у Херсонесі // Археологія. 1973. Вип. 12. (в соавт. с С.Г. Рыжовым).
23. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя // ВДИ. 1973. № 4.
24. Раскопки в “центре участка” [портового района Херсонеса] // АДСВ. Сб. 9. Свердловск, 1973.
25. Деревоперерабатывающее производство Херсонеса в I–IV вв. н.э. // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. Киев, 1974.
26. До питання про римських вільновідпущеників у Херсонесі в перших ст. н.е. // ВХУ. Історія. Вип. 8. 1974. № 4.

27. Об этнической принадлежности носителей имени ΣΚΥ–ΘΑΣ в Херсонесе Таврическом // СА. 1974. № 3.
28. Херсонес Таврический в I в. до н.э. – III в. н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975.
29. До питання про вільновідпущеників з грецькими іменами в Херсонесі Таврійському // ВХУ. 1976. № 145.
30. К вопросу о “царствовании” Девы в Херсонесе // КСИА. 1976. Вып. 145.
31. О рабстве в Херсонесе Таврическом в первых вв. н.э. // История и культура античного мира. М., 1977.
32. Малоазійські написи з Херсонеса // ВХУ. Історія. Вип. 10. 1978. № 167.
33. Статус Херсонеса Таврического во время римской оккупации (II–III вв. н.э.) // XV Conference internationale d’etudes classiques des Pays socialistes “Eirene”. Res. des Communications. Sofia, 1978.
34. Вольноотпущенники и их потомки в античных государствах Северного Причерноморья // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.
35. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. // ВДИ. 1979. № 2.
36. Херсонес Таврический в первых вв. н.э. Харьков, 1981.
37. Некоторые вопросы истории земледелия античного Херсонеса // ВХУ. 1981. № 214.
38. В.П. Бузескул как историк // ВХУ. 1983. № 238.
39. Египетские и сирийские светильники первых вв. н.э. из Херсонеса // ВХУ. 1985. № 268 (в соавт. с С.Б. Сорочан).
40. Новый надгробный памятник II в. н.э. из Херсонеса // КСИА. 1985. Вып. 182.
41. Правовое и социальное положение граждан античного Херсонеса // Проблемы античной культуры. М., 1986.
42. Изучение древней истории в ХГУ за годы советской власти // ВХУ. 1987. № 302.
43. О культурных связях Херсонеса с Мезией и Фракией в первых вв. н.э. // ВХУ. 1988. № 316.
44. Экономические связи античных городов Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. Харьков, 1989 (в соавт. с С.Б. Сорочан).
45. Північне Причорномор’я і Західний Понт: проблема контактів // Археологія. 1989. № 4 (в соавт. с С.Б. Сорочан).
46. Школьное образование и воспитание в Херсонесе в первых вв. н.э. // ВХУ. 1989. № 343.
47. О ветеранах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых вв. н.э. // АМА. 1990. Вып. 7 (в соавт. с А.П. Мартемьяновым).
48. Древняя история и античная археология в Харьковском университете (1805–1990) // ВХУ. 1991. № 357 (в соавт. с В.А. Латышевой, В.Ф. Мещеряковым, И.П. Сергеевым).
49. Костянтин Едуардович Гріневич // Археологія. 1991. № 4.
50. Балканистика в Харьковском университете (1805–1917) // Etudes Balcaniques 1991 (в соавт. с С.Ю. Страшнюк).
51. К вопросу о культе римских императоров в Херсонесе // ВХУ. История. Вып. 25. 1992. № 362.
52. К.Э. Гриневиц как ученый // ВХУ. История. Вып. 25. 1992. № 362.
53. О римском влиянии на материальную культуру Херсонеса в I–III вв. н.э. // ВХУ. История. Вып. 27. 1993. № 374.
54. О медицине в Херсонесе Таврическом // Древности 1994. Харьков, 1994.
55. О календаре Херсонеса Таврического // ВХУ. История. Вып. 28. 1994. № 385.
56. Фракийцы в Северном Причерноморье в первых вв. н.э. // ВХУ. История. Вып. 28. 1994. № 385 (в соавт. с С.В. Дьячковым).
57. О парфюмерии и косметике в античном Херсонесе // Древности 1995. Харьков, 1995.
58. Еще раз об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса Таврического // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
59. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.). Харьков, 1996.
60. Ветераны римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых вв. н.э. // Анали. 1996. Бр. 1–4. (в соавт. с А.П. Мартемьяновым).
61. Воспитание и обучение граждан в Херсонесе Таврическом в первых вв. н.э. // Херсонесский сб. 1996. Вып. 7.
62. Профессор Харьковского университета Евгений Георгиевич Кагаров. Биобиблиография. Харьков, 1997.
63. Профессор Харьковского университета Владислав Петрович Бузескул. Биобиблиография. Харьков, 1998.
64. Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского госуниверситета. К 20-летию. Харьков, 1998.
65. Ветераните от римската армия в Долна Мизия и Тракия през първите векове на н.е. // Военноисторически сб. 1998. Кн. 1. (в соавт. с А.П. Мартемьяновым).
66. Профессор Харьковского университета Евгений Георгиевич Кагаров // Древности 1997–1998. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1999.
67. Болгарские дневники. Харьков, 2000.
68. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. Харьков, 2000.
69. А.С. Федоровский как археолог // ВХУ. Історія. Вип. 35. 2003. № 594.
70. Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. К 25-летию основания. Харьков, 2003.
71. Владислав Петрович Бузескул. К 145-летию со дня рождения // Университеты. Наука и просвещение. 2003. № 3.
72. В.П. Бузескул и “История Афинской демократии” // Идеал свободы и равноправия. История Афинской демократии. Харьков, 2004.
73. Харківський університет наприкінці XIX століття – 1920 рік // Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років. Харків, 2004 (у співавт.).
74. История Древней Греции и Рима. Курс лекций. Харьков, 2006.

Институт археологии РАН, Москва
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

А.А. Масленников
С.В. Дьячков
А.П. Мартемьянов

ЛЕОНИД РОМАНОВИЧ КЫЗЛАСОВ (1924–2007)

24 июля 2007 г. ушел из жизни Леонид Романович Кызласов, один из крупнейших российских востоковедов, специалист по истории и археологии Сибири, Средней и Центральной Азии, Заслуженный профессор Московского государственного университета, с которым была связана вся его жизнь.

Леонид Романович – целеустремленный и необычайно трудоспособный человек – прожил богатую жизнь, познав в полной мере тревоги и тяготы военного времени, радость научного поиска и научных открытий, уважение коллег и благодарность студентов.

Он родился 24 марта 1924 г. в с. Синяино нынешнего Усть-Абаканского района Республики Хакасия. В июне 1941 г. окончил среднюю школу в г. Абакане и поступил на историко-филологический факультет Томского университета. Еще школьником (в 1940 г.) он принял участие в археологических раскопках под руководством В.П. Левашовой, слушал популярные лекции С.В. Киселева по древней истории Сибири, несомненно, зародившие в нем живой интерес к археологии.

В 1942 г. Леонид Романович стал курсантом танкового училища и после его окончания, получив специальность механика-водителя танка Т-34, в 1943–1945 гг. сражался на 4-м и 1-м Украинских фронтах Великой Отечественной войны. Дважды семья получала “похоронку”, а он – молодой парень в шлемофоне танкиста – выжил и в 1945 г. поступил на исторический факультет Московского государственного университета. Факультет и кафедра были выбраны совершенно сознательно – Леонид Романович шел учиться к профессору С.В. Киселеву, известному специалисту по археологии и древней истории Сибири.

Так начался его путь к званию Заслуженного профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

В 1945–1949 гг. Леонид Романович – студент кафедры археологии исторического факультета МГУ, защитивший с отличием дипломное сочинение “Алтай в V–X вв.”. В 1949–1952 гг. – аспирант кафедры. В 1953 г. им была блестяще защищена кандидатская диссертация “Таштыкская эпоха (I в. до н.э.–V в. н.э.) в истории Хакаско-Минусинской котловины”, ставшая основой для известной монографии. Во время

обучения на кафедре с 1946 по 1949 гг. Леонид Романович постоянно участвовал в раскопках памятников различной хронологической и культурной принадлежности. Так, в 1949 г. он принял активное участие в изучении древнерусских гнездовских курганов под Смоленском. В 1950 г. была создана Хакаско-Тувинская археологическая экспедиция МГУ, которую Леонид Романович Кызласов возглавлял вплоть до 1991 г. Экспедиция, исследовавшая в течение 40 лет стационарно или разведками разновременные памятники от культовых изваяний конца эпохи неолита до могил XV–XVII вв. на территории Тувы, Хакасии, Красноярского края, Казахстана, Киргизии, Прибайкалья и Приморья, постепенно стала основной базой для подготовки кафедрой специалистов по археологии Сибири. В течение четырех десятилетий этой экспедицией проводились широкомащтабные археологические исследования в Южной Сибири, в результате чего были получены беспрецедентные материалы по истории двух южносибирских народов: тувинского и хакасского. Именно Л.Р. Кызласову удалось на основании исследованных памятников впервые воссоздать и написать древнюю и средневековую историю этих народов, еще недавно не имевших письменности. Естественным результатом его работ стала докторская диссертация “История Тувы в средние века”, защищенная в 1966 г.

Большой вклад в изучение духовной жизни народов Южной Сибири внесли открытые экспедицией под руководством Л.Р. Кызласова первобытные святилища, средневековые буддийские и манихейские храмы, несторианская церковь. Значительные работы были проведены в Киргизии и Казахстане.

Важнейшими научными достижениями Л.Р. Кызласова явились: создание методов этнического определения древностей (этнической археологии Сибири), открытие древней и средневековой городской цивилизации Южной Сибири, древностей Уйгурского каганата, фактическое открытие Древнехакасского государства – одной из наиболее развитых средневековых держав Евразии – датирование енисейской рунической письменности, создание теории о тамгах, изучение средневекового искусства хакасов, обнаружение манихейских храмов VIII–XII вв. и открытие северного манихейства на территории Сибири, собрание и обобщение письменных свидетельств о Сибири и Центральной Азии в китайских, персидских, арабских, тюркских, греческих, западноевропейских и русских источниках.

Результаты научных и полевых исследований Л.Р. Кызласова нашли отражение в многочисленных докладах и выступлениях. Он участвовал в работе V и VI Международных тюркологических конгрессов (Стамбул, 1985, 1988), Международного исторического конгресса в Москве (1964), Всесоюзных археологических (с 1951), региональных, исторических, тюркологических, писательских и других сессий, совещаний, чтений и конференций в различных городах СССР и России, в Москве и Санкт-Петербурге.

Список научных трудов Леонида Романовича насчитывает свыше 300 наименований, из них 15 монографий, 14 книг в соавторстве. Многие статьи хорошо известны за рубежом: они издавались в США, Германии, Франции, Италии, Польше, Турции, Индии, Японии. Международным признанием трудов Л.Р. Кызласова является избрание его Членом Финно-Угорского общества (Хельсинки, 1983) и членом-корреспондентом Германского Археологического института (Берлин, 1984). Надо отметить, что Леонид Романович является автором не только строгих научных трудов, его перу принадлежит прекрасное поэтическое произведение по мотивам древ-

нехакасского эпоса, несколько теплых статей, посвященных воспоминаниям об учителях: С.В. Киселеве и А.В. Арциховском.

Активная педагогическая деятельность для Леонида Романовича Кызласова, выросшего от старшего преподавателя (1952) до профессора Московского университета (1968), была характерна вплоть до последних дней его жизни. В течение нескольких лет он читал общий курс археологии для студентов-первокурсников исторического факультета (“Основы археологии” и “Археология СССР”). История и археологические материалы Сибири стали неисчерпаемыми источниками для специальных курсов лекций, которые собирали слушателей-студентов самых различных интересов. Прочитанные им курсы “Археология Казахстана и Киргизии (каменный век – раннее средневековье)”, “Неолит и энеолит Сибири и Дальнего Востока”, “Бронзовый век Сибири”, “Ранний железный век Сибири”, “Средневековая археология Сибири”, “Письменные известия о древних городах Сибири” и др. для многих определили направление выбираемой специализации.

Широкая эрудиция Л.Р. Кызласова замечательно проявилась в общепалеоархеологическом семинаре “Археологическое источниковедение”, которым он руководил многие годы. Для лекций и курсов Леонида Романовича были характерны детальное исследование археологических материалов и проблем, возможно более полное рассмотрение обществ, оставивших изучаемые древности; анализ палеоклиматических, антропологических, остеологических данных, технологических особенностей вещей (от трасологических до металлографических наблюдений), освещение социально-демографических, лингвистических и этногенетических гипотез. Особое внимание он уделял выявлению и очерчиванию культурных связей, обращался к вопросам истории искусства. Высокая требовательность Леонида Романовича к себе как ученому отражалась и на его отношении к работам коллег и студентов. Принципиальность, порой выражаемая в весьма резкой форме, была его характерной чертой. Постоянный глубокий

интерес к новому и готовность поделиться своими знаниями притягивали к нему многих младших коллег, особенно из восточных регионов страны. Стажеры из Якутска, Абакана, Томска были на кафедре своими людьми.

Под руководством Леонида Романовича Кызласова почти за 60 лет курс МГУ закончили свыше 70 специалистов. Им подготовлены 40 кандидатов и 14 докторов наук, 8 из них стали профессорами.

Научно-организационная деятельность Л.Р. Кызласова проявилась в работе в качестве члена различных советов и редколлегий: Ученого совета Института археологии АН СССР (1968–1991), экспертной комиссии ВАК по историческим наукам (1969–1973), Научно-технического и Научно-методического советов Минвуза СССР и Министерства просвещения РСФСР (1979–1986), Комитета тюркологов при Отделении литературы и языка АН СССР/РАН (1988–1993), редколлегии журналов “Советская археология” (1979–1988) и “Татарская археология” (с 1997 г., Казань).

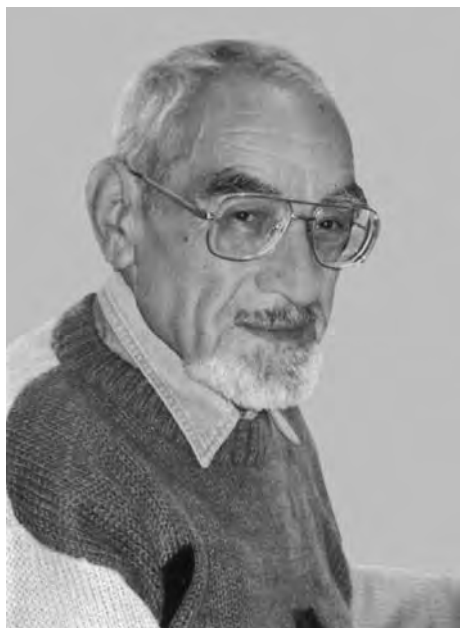
Научный и преподавательский труд Леонида Романовича Кызласова отмечен наградами: он – лауреат Государственной премии СССР (1985), Ломоносовской премии I степени (1982) и Государственной премии Республики Хакасия им. Н.Ф. Катанова (№ 1, 1993), Заслуженный деятель науки Тувинской АССР (1991) и Заслуженный деятель науки Республики Хакасия (1994), Заслуженный профессор Московского государственного университета (2003).

Участник и инвалид Великой Отечественной войны, Л.Р. Кызласов награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалью “За Победу над Германией в Великой Отечественной войне”, десятью медалями Советской армии, медалью “Ветеран труда” (1984) и двумя почетными знаками.

Вся жизнь Леонида Романовича Кызласова была отдана любимой науке. На кафедре археологии исторического факультета Московского государственного университета он вырос сам и взрастил многих учеников, работающих в разных городах России.

Кафедра археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ ХОРОШЕВ (1941–2007)

15 сентября 2007 г. на 67-м году жизни умер Александр Степанович Хорошев – историк и археолог, доктор исторических наук, профессор Московского университета, заместитель начальника Новгородской археологической экспедиции (НАЭ), руководитель Центра по организации и обеспечению археологических исследований при Новгородском музее (ЦООАИ).

Александр Степанович родился 14 мая 1941 г. в Москве в семье военнослужащего, что определило его жизнь в детские и юношеские годы. Из-за службы отца семья часто меняла место жительства. В годы войны отец служил на Дальнем Востоке (остров Русский) и в Прибалтике, после – в Германии (ГДР). В 1948 г. семья поселилась в Новороссийске, где маленький Саша пошел в первый класс и окончил школу в 1958 г. В школе определился его выбор будущей профессии, он решил поступать на исторический факультет МГУ, но первая попытка не удалась. Именно в те годы проводилась очередная реформа высшего образования: предпочтение при поступлении в вуз отдавалось людям, имеющим не менее чем двухлетний стаж работы, а для выпускников школ резервировалось только 20% от общего числа мест. Два года А.С. Хорошев “зарабатывал” стаж, осваивая профессии плотника и кочегара, сначала в Новороссийске, затем в Бла-

говещенске, куда получил назначение отец. К военной службе А.С. Хорошев был признан непригодным по причине плохого зрения.

В 1960 г. А.С. Хорошев вновь штурмует Московский университет и поступает на исторический факультет. Он быстро находит общий язык со своими сокурсниками, за плечами большинства которых – годы службы в армии или двухлетний (иногда больше) стаж работы, без труда завоевывает среди них авторитет и становится одним из признанных лидеров курса. Уже в студенческие годы проявились активная деятельность натура, яркие организаторские способности, кипучая энергия Александра Степановича.

Первая археологическая практика в Гнездове определила его интерес к истории древней Руси; вместе с большой группой однокурсников, побывавших в Гнездовской экспедиции, А.С. Хорошев выбрал для дальнейшей специализации кафедру археологии. 1962 год оказался решающим в определении научного пути: после обязательной практики в Новгороде Александр Степанович стал специализироваться по новгородской истории и археологии у В.Л. Янина. Выбор руководителя предопределил характер его будущей научной деятельности, в которой занятия сугубо историческими сюжетами успешно сочетались с археологическими исследованиями. Тема дипломной работы “Боярское строительство в Новгородском Аркаже монастыре” положила начало интересу Александра Степановича к истории русской церкви.

После окончания университета в 1965 г. А.С. Хорошев был направлен на работу редактором в Научно-редакторскую картосоставительную часть Главного управления геодезии и картографии, где прослужил до 1968 г. В течение этих лет он не прерывал связей с кафедрой и Новгородской экспедицией, в которой работал летом во время отпуска. В 1966 г. Александр Степанович стал заместителем начальника Ильинского раскопа, а в 1967 г. ему впервые был доверен самостоятельный раскоп (Буяный). В новгородской археологии послевоенного времени это были первые охранные исследования, проведенные на месте будущего строительства.

В 1968–1971 гг. А.С. Хорошев учился в аспирантуре кафедры археологии исторического факультета МГУ, успешно сочетая работу над диссертацией с ежегодными полевыми изысканиями. В эти годы он приобрел опыт организации новгородских раскопок, выработал стиль руководства большим коллективом рабочих-землекопов и студентов-практикантов, изучил особенности новгородского культурного слоя и освоил методику его исследования. Своими учителями в полевой археологии он называл П.И. Засурцева – старейшего сотрудника НАЭ и известного специалиста по новгородскому домостроительству – и Г.А. Авдусину. В течение 1968–1971 гг. А.С. Хорошев вместе с Г.А. Авдусиной руководил Готским, Тихвинским и Рогатицким, а самостоятельно – Славенским (1968 г.) и Михайловским (1970 г.) раскопами. Последний раскоп можно считать этапным в становлении Александра Степановича как опытного археолога-практика и талантливого организатора археологических работ в Новгороде. Он был заложен на месте будущего строительства, сроки работ определены очень жесткие: в течение одного полевого сезона необходимо было вскрыть культурный слой мощностью 8 м на площади в 400 м². Для успешного выполнения задания требовались предельная концентрация сил, четкая организация работ, тщательное ведение документации. Именно здесь проявились в полной мере организаторские способности А.С. Хорошева, ответственность за порученное дело и, в не меньшей степени, энтузиазм как его самого, так и руководимой им группы студентов. Несмотря на все трудности, к началу октября раскоп был доведен до ма-

терика, хотя из-за сжатых сроков его площадь пришлось сократить. Полученный на Михайловском раскопе опыт был успешно применен А.С. Хорошевым при работах на Людогощинском (1972 г.) и Козмодемьянском (1974 г.) охранных раскопах.

В 1973 г. новгородским археологам впервые была представлена возможность исследовать Людин конец, один из трех древнейших районов Новгорода. Заложенный раскоп, руководство которым было поручено А.С. Хорошеву, получил название Троицкий по находящейся неподалеку церкви св. Троицы. С этого года началась “Троицкая эпопея”, которая продолжается до сих пор. Троицкий раскоп – главное археологическое детище Александра Степановича. В течение более чем 10 лет (1973–1984 гг.) он руководил работами на этом участке, был очевидцем, участником и творцом многих археологических открытий. В 1984 г. он передал непосредственное руководство Троицким раскопом молодым сотрудникам – П.Г. Гайдукову и А.Н. Сорокину, оставив за собой как за заместителем начальника НАЭ функции общего управления. В начале 1990-х годов А.С. Хорошев осуществлял научное руководство большим коллективом археологов, ведущих работы в Плотницком конце (Федоровский раскоп 1991–1993 гг.).

Научные интересы Александра Степановича поначалу не были непосредственно связаны с его археологическими исследованиями. Зародившийся во время подготовки дипломной работы интерес к церковной истории обусловил тему его кандидатской диссертации “Церковь в социально-политической структуре Новгорода (X–XV вв.)”, которая была защищена в 1972 г. После успешной защиты А.С. Хорошев стал сотрудником кафедры археологии МГУ, где прошел путь от младшего научного сотрудника до профессора. Проблема взаимодействия церковной и светской власти в средневековой Руси продолжала оставаться основной среди научных тем исследователя. В 1986 г. вышла в свет его монография “Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.)”, защищенная в 1987 г. в качестве докторской диссертации. Одновременно с историей церкви А.С. Хорошев обратился к историографии Новгорода, опубликовав несколько интересных статей по проблемам, связанным с происхождением Новгорода и его падением, а также с периодизацией новгородской историографии.

Постепенно исторические проблемы уступили место археологическим сюжетам. Основные археологические труды А.С. Хорошева базируются на материалах раскопок Новгорода. Им опубликованы Михайловский, Буяный, Славенский, Рогатицкий, Людогощинский, Козмодемьянский и Дмитриевский раскопы. Вместе с руководителями НАЭ В.Л. Яниным и Б.А. Колчиным он участвовал в издании материалов, полученных при исследовании усадьбы церковнослужителя и художника-иконописца Олисея Гречина (вторая половина XII – начало XIII в.), открытой на Троицком раскопе в 1973–1977 гг. Александр Степанович положил начало анализу топографии, стратиграфии, хронологии и усадебной планировки грандиозного Троицкого раскопа. Исследователь занимался изучением структуры различных микрорегионов города: размерами и внутренней планировкой дворов (усадеб), топографией улиц, типологией домостроительства и отдельными типами построек. Его также интересовали вещеведческие сюжеты, что нашло отражение в статьях о разных категориях находок. Всего перу Александра Степановича принадлежит более 100 научных работ, в числе которых три книги.

Наряду с научной и организаторской деятельностью А.С. Хорошев вел большую педагогическую работу в МГУ. В 1986–2001 гг. он исполнял обязанности заместителя заве-

дующего кафедрой археологии. Читал курс лекций по отечественной истории периода феодализма на филологическом факультете и факультете журналистики, лекции по археологии на заочном, вечернем и дневном отделениях истфака, спецкурс “Древнерусские города”. Под его руководством на кафедре археологии защищено более десяти дипломных работ и шесть кандидатских диссертаций. В учебнике “Археология”, подготовленном сотрудниками кафедры и изданном в 2006 г., им написаны главы, посвященные средневековой Руси, Волжской Булгарии и Золотой Орде. Большое внимание уделял Александр Степанович подготовке молодых специалистов во время студенческой практики. Десятки ныне действующих в России археологов свои первые навыки профессионального ремесла – описания культурного слоя, фиксации находок и сооружений – получили в студенческие годы от А.С. Хорошева на Троицком раскопе.

Организаторский талант Александра Степановича был особенно востребован в начале 1990-х годов, когда встал вопрос о координации и археологическом контроле над раскопками, финансируемыми заказчиками. В марте 1992 г. при Новгородском музее был создан ЦОАИ, руководителем которого А.С. Хорошев был до последних дней своей жизни. Все эти годы именно на нем лежала ответственность за проведение охранных археологических исследований в городе и взаимодействие с городскими и областными руководителями и чиновниками разного ранга. За прошедшее время Центром по всем методическим правилам были проведены многочисленные работы, значительно расширившие наши знания о топографии средневекового Новгорода и пополнившие фонд его археологических источников. Крупнейшими из проектов ЦОАИ являются Федоровский (2350 м²), Ипатьевский (908 м²), Лукинский (352 м²), Конюхов (192 м²), Андреевский (1364 м²), Добрынин (648 м²), Посольский (640 м²) и Никитинский (640 м²) раскопы.

Кроме организации хозяйственных работ А.С. Хорошев много сил отдал кадровому и финансовому обеспечению научных исследований НАЭ на Троицком раскопе. В трудные 1990-е годы, в условиях кардинальным образом изменившейся жизни в стране, деятельность руководимого им Центра была весьма существенной для сохранения жизнеспособности экспедиции и ее научного коллектива.

В своей многоплановой научно-организационной деятельности А.С. Хорошев уделял большое внимание координации научных исследований по археологии Новгорода, проводимых как отечественными, так и зарубежными специалистами. С 1994 г. он являлся одним из координаторов программ изучения новгородских древностей, осуществляемых российскими археологами совместно с учеными из Англии, Ирландии, Дании, Германии, Швеции в рамках научных проектов, поддержанных грантами Европейского сообщества (ИНТАС).

С 1988 г. А.С. Хорошев состоял членом экспертного Совета ВАК, с 1999 г. работал в экспертном Совете по истории, археологии и этнографии РГНФ, с 1989 г. был членом редколлегии ежегодника “Новгород и Новгородская земля: История и археология”.

А.С. Хорошев всю свою жизнь посвятил служению археологии и истории Великого Новгорода. Его деятельность по изучению и охране новгородских древностей получила признание у рядовых горожан и у властей города. В 2006 г. ему был вручен почетный знак “За заслуги перед Великим Новгородом”.

Известие о смерти А.С. Хорошева болью отозвалось в сердцах многих людей. Он был хорошо известен в кругу не только московских и новгородских ученых, но и всего архео-

логического сообщества Северо-Запада России. Он отдал много сил развитию новгородской археологии, которая обязана ему очень многим в области организации и проведения раскопок. Любимым детищем Александра Степановича был Троицкий раскоп (площадь около 7000 м²), уже более 30 лет остающийся основным в научной и учебной программе НАЭ.

Проститься с Александром Степановичем пришли десятки его друзей, коллег, учеников, для которых он был надежным верным товарищем, честным принципиальным человеком. С его смертью мы потеряли одного из самых авторитетных и эрудированных специалистов по археологии и истории Новгорода и средневековой Руси, талантливого университетского преподавателя и деятельного борца за сохранение культурного наследия нашей страны. Мы будем помнить его всегда.

Коллектив Новгородской археологической экспедиции

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А.С. ХОРОШЕВА

1. Боярское строительство в новгородском Аркаже монастыре // ВМУ. Сер. 9. История. 1966. № 2. С. 77–82.
2. Раскопки в Новгороде // АО–1967. 1968. С. 17, 18 (в соавт. с Н.В. Рындиной).
3. Новгородская экспедиция // АО–1968. 1969. С. 18, 19 (в соавт. с Г.А. Авдусиной, В.И. Орловым).
4. Новгородская экспедиция // АО–1969. 1970. С. 20–22, ил. (в соавт. с Г.А. Авдусиной).
5. Сорок лет Новгородской археологической экспедиции: 1929–1969 гг. // ВМУ. Сер. 9. История. 1970. № 1. С. 86–88.
6. Из истории антимосковской борьбы Новгорода: Местная канонизация 30–40-х годов XV в. // ВМУ. Сер. 9. История. 1971. № 6. С. 54–61.
7. Новгородская экспедиция // АО–1970. 1971. С. 14–18, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным, Б.Д. Ершевским).
8. Участие новгородской церкви в политической жизни: 1200–1230 гг. // Новое в археологии. Сб. статей, посвященный 70-летию А.В. Арциховского. М., 1972. С. 241–246.
9. Церковь в социально-политической структуре Новгорода (X–XV вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 16 с.
10. Новгородская экспедиция // АО–1973. 1974. С. 35–38, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным, Б.Д. Ершевским).
11. “Ружная роспись” новгородских церквей и время ее составления // Археографический ежегодник за 1972. М., 1974. С. 113–115.
12. Новгородская экспедиция // АО–1974. 1975. С. 44–47 (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным, Б.Д. Ершевским).
13. К 25-летию открытия берестяных грамот // ВМУ. Сер. 9. История. 1976. № 4. С. 93–96.
14. Новгородская экспедиция // АО–1975. 1976. С. 48–51 (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным).
15. Археологические исследования Новгорода в 1971–74 гг. // Новгород древний – Новгород социалистический: Археология, история, искусство. Мат. научн. конф.: Тез. докл. Новгород, 1977. С. 18, 19 (в соавт. с Б.Д. Ершевским).
16. Новгородская экспедиция // АО–1976. 1977. С. 36–38, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным, Б.Д. Ершевским).
17. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 135–173, ил. (в соавт. с Б.А. Колчиным).
18. Новгородская экспедиция // АО–1977. 1978. С. 42–45, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным, В.Г. Мироновой, Е.А. Рыбиной).

19. Новгородская экспедиция // АО–1978. 1979. С. 45–47 (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным, Б.Д. Ершевым, Э.К. Кубло, В.Г. Мироновой, Е.А. Рыбиной).
20. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 174–196. Ил.
21. Рец.: В.Л. Янин. Я послал тебе бересту... (2-е изд.). М., 1975. 238 с. // СА. 1978. № 1. С. 294–299 (в соавт. с Е.А. Рыбиной).
22. Новгородская экспедиция // АО–1979. 1980. С. 39–42, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным, Б.Д. Ершевым, В.Г. Мироновой, Е.А. Рыбиной).
23. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. 224 с.
24. Новгородская экспедиция // АО–1980. 1981. С. 37–39, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным, Б.Д. Ершевым, В.Г. Мироновой, Е.А. Рыбиной).
25. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. 168 с, ил. (в соавт. с Б.А. Колчиным, В.Л. Яниным).
26. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 239–268. Ил.
27. Открытие Новгорода: К 50-летию археологического изучения города // ВМУ. Сер. 8. История. 1982. № 5. С. 22–34.
28. Новгородская экспедиция // АО–1981. 1983. С. 43–46 (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным, Б.Д. Ершевым, Е.А. Рыбиной).
29. Происхождение Новгорода в отечественной историографии // ВМУ. Сер. 8. История. 1983. № 6. С. 40–53.
30. К вопросу о “языческом могильнике” на Ярославовом дворце в Новгороде // АИППЗ. 1984. С. 45, 46.
31. Летописные списки новгородских владык // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 127–142.
32. Новгородская экспедиция // АО–1982. 1984. С. 37–40 (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным, Е.А. Рыбиной).
33. Периодизация новгородской историографии XVIII – начала XX в.: К постановке вопроса // Русский город: Мат. и исслед. Вып. 7. М., 1984. С. 57–88.
34. Происхождение Новгорода в русской дореволюционной и советской историографии // Новгородский край: Мат. науч. конф. Новгород, 1982. Л., 1984. С. 118–123.
35. Ученый, педагог, гражданин // ВМУ. Сер. 8. История. 1984. № 5. С. 3–7.
36. Рец.: Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л., 1982. 291 с. // История СССР. 1984. № 5. С. 170–173.
37. Государство все нам держати: Век XV. Балашов Д.М. Марфа-посадница: Роман с сокращениями. Современники о Новгороде XV в. Кто и как изучал историю Новгорода Великого // История Отечества в романах, повестях, документах / Сост., предисл. и коммент. А.С. Хорошева. М., 1985. 637 с.
38. К истории формирования городских усадеб в Новгороде: По материалам раскопок 1973–1983 гг. // АИППЗ. 1985. С. 51, 52.
39. Новгородская экспедиция // АО–1983. 1985. С. 39, 40 (в соавт. с В.Л. Яниным, Б.А. Колчиным, Е.А. Рыбиной).
40. Происхождение и социально-политическая характеристика боярства Людина конца древнего Новгорода // Тез. докл. сов. делегации на V МКСА. Киев, 1985. М., 1985. С. 94, 95.
41. The Origins of Novgorod in Russian Historiography // Soviet Studies in History. 1985. V. XXIII. № 4. Studies of Medieval Novgorod. P. 9–21.
42. Батыевщина и церковная проповедь непротавления // Проблемы марксистской оценки роли православия в истории России: Тез. докл. к науч. конф. Владимир, 18–20 марта 1986. М., 1986.
43. Новгород, открытый археологами // Наука и человечество. М., 1986. С. 382, 383 (без подписи).
44. Новгородская экспедиция // АО–1984. 1986. С. 35–38, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной).
45. Отечественная историография о падении Новгородской вечевой республики // Русский город: Мат. исслед. Вып. 8. М., 1986. С. 43–66.
46. Политическая история русской канонизации: X–XVI вв. М., 1986. 207 с.
47. Политическая история русской канонизации (X–XVI вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986. 42 с.
48. Политическая канонизация в истории древнерусской агиографии // ВМУ. Сер. 8. История. 1986. № 6. С. 54–61.
49. Псковский средневековый пантеон // АИППЗ. 1986. С. 10–12.
50. Новгородская экспедиция // АО–1985. 1987. С. 46–48, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным).
51. Новгородская экспедиция // АО–1986. 1988. С. 43–45, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, П.Г. Гайдуковым, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным).
52. Происхождение и социально-политическая характеристика боярства Людина конца // Тр. V МКСА. Т. 2. Киев, 1988. С. 160–163.
53. Улицы Троицкого раскопа: Топография, стратиграфия, хронология // ННЗ. 1988. Вып. 1. С. 63–66 (в соавт. с Л.А. Бассальго, А.Н. Сорокиным).
54. Христианизация Руси по археологическим данным // Природа. № 7. М., 1988. С. 68–76. Ил.
55. Бани в усадебной застройке Новгорода: По материалам Троицкого раскопа // ННЗ. 1989. Вып. 2. С. 53–56.
56. К вопросу о “языческом могильнике” на Ярославовом дворце // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 89, 99. Ил.
57. Организация охранных раскопок в Новгороде // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР: Тез. научн.-практич. семинара. Суздаль, 13–17 февраля 1989. М., 1989. С. 27–29.
58. По поводу одной рецензии // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 153–158 (в соавт. с Н.С. Борисовым).
59. Работы Новгородской экспедиции в 1987–1988 гг. // ННЗ. 1989. Вып. 2. С. 3–8 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным).
60. Работы Новгородской экспедиции в 1989 г. // ННЗ. 1990. Вып. 3. С. 3–7 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным).
61. Работы Новгородской экспедиции в 1990 г. // ННЗ. 1992. [Вып. 4, 5]. С. 3–8 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным).
62. Работы Новгородской экспедиции в 1991 г. // ННЗ. 1992. Вып. 6. С. 3–6 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным, Г.Е. Дубровиным, Е.В. Яременко, О.А. Тарабардиной).
63. Фольклор Новгородской археологической экспедиции / Сост. Е.С. Зубкова, А.С. Хорошев. Великий Новгород, 1992. 82 с.
64. Buildings and Properties from the Lyudin End of Novgorod // The Archaeology of Novgorod, Russia: Recent Results from the Town and its Hinterland. Lincoln, 1992. P. 107–159, fig. (в соавт. с А.Н. Сорокиным).
65. Новые находки привесок – литых копий с монет типа “Ярославле серебро” в Новгороде // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Тез. докл. Москва, 12–14 апреля 1993. М., 1993. С. 15, 16 (в соавт. с П.Г. Гайдуковым).

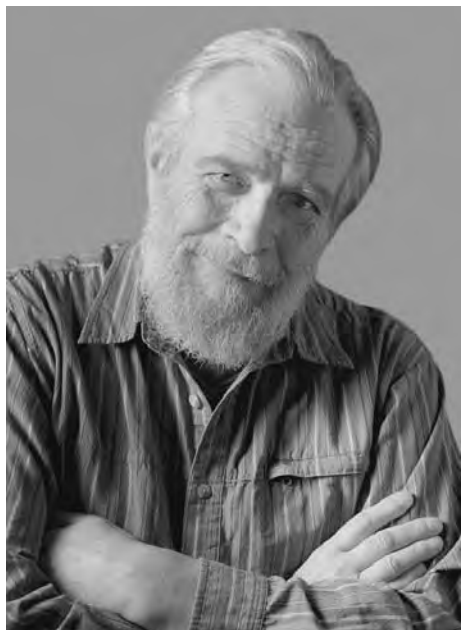
66. О работах Новгородской археологической экспедиции в Людином конце: Троицкий раскоп // ННЗ. 1993. Вып. 7. С. 5–14 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным).
67. Археологические исследования в Людином конце Новгорода в 1993 г.: Троицкий раскоп // ННЗ. 1994. Вып. 8. С. 5–10 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным).
68. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе // АО–1993. 1994. С. 36–38, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным).
69. Работы на Федоровском раскопе в Новгороде // АО–1993. 1994. С. 10 (в соавт. с Г.Е. Дубровиным).
70. Российско-английское сотрудничество в археологическом изучении Новгорода // Археологические вести. № 3. СПб., 1994. С. 245–249 (в соавт. с М.А. Брисбейном, Е.Н. Носовым).
71. Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа: Усадьба А // Новгородские археологические чтения: Мат. научн. конф. Новгород, 1994. С. 54–66. Ил.
72. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе // АО–1994. 1995. С. 61–63, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным).
73. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1994 г. // НТО. 1995. Вып. 9. С. 5–9 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным).
74. Новые находки привесок – литых копий с монет типа “Ярославле серебро” в Новгороде // Древнейшие государства Восточной Европы: 1994 г.: Новое в нумизматике. М., 1996. С. 204–210, ил. (в соавт. с П.Г. Гайдуковым).
75. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе // АО–1995. 1996. С. 92–94 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, Г.Е. Дубровиным, А.Н. Сорокиным).
76. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1995 г. // НТО. 1996. Вып. 10. С. 5–8 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, Г.Е. Дубровиным, А.Н. Сорокиным).
77. Раскопки в Новгородском кремле // АО–1995. 1996. С. 85, 86 (в соавт. с С.В. Трояновским, Л.А. Корчагиной).
78. Домашняя утварь // Археология: Древняя Русь. Быт и культура. Гл. 2. М., 1997. С. 13–48. Табл. 4–37 на с. 250–283 (в соавт. с Е.А. Рыбиной, Р.Л. Розенфельдом, Т.И. Макаровой, Ю.Л. Шаповой).
79. Интерьер древнерусского жилища // Археология: Древняя Русь. Быт и культура. Гл. 1. 1997. С. 8–12. Табл. 1–3 на с. 247–249 (в соавт. с Р.Л. Розенфельдом).
80. Новгородские усадьбы и система городского землевладения по археологическим данным // ННЗ. 1991. Вып. 11. С. 37–41.
81. Новгородские усадьбы X–XV вв. // Тр. VI МКСА. Т. 2. М., 1997. С. 411–424. Ил.
82. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе // АО–1996. 1997. С. 70–73 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, Г.Е. Дубровиным, А.Н. Сорокиным).
83. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1996 г. // ННЗ. 1997. Вып. 11. С. 5–9 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, Г.Е. Дубровиным, А.Н. Сорокиным).
84. Софийский патронат по Новгородской первой летописи // ННЗ. 1997. Вып. 11. С. 205–212.
85. Средства передвижения // Археология: Древняя Русь. Быт и культура. Гл. 6. М., 1997. С. 120–129. Табл. 82–86 на с. 328–332.
86. Бани в усадебной застройке Новгорода: По материалам Троицкого раскопа // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию Д.А. Авдусина. М., 1998. С. 301–306. Ил.
87. Детские игрушки из Новгорода: Классификационный обзор археологических находок // ННЗ. 1998. Вып. 12. С. 82–94. Ил.
88. Детские игрушки из Новгорода: Классификационный обзор археологических находок // Slovo: “Aux sources de la Russie: Kiev et Novgorod”. V. 20, 21. Paris, 1998. С. 199–208. Ил.
89. К вопросу о городском землевладении Новгорода // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения к 80-летию В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 1998. Мат. к конф. М., 1998. С. 123–125.
90. Новгородская святая София и псковская святая Троица по летописным данным: Из истории местных патрональных культов // Mediaevalia Ukrainika: Ментальность та історія ідей. Т. 5. Київ, 1998. С. 5–15.
91. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1997 г. // ННЗ. 1998. Вып. 12. С. 5–9 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным).
92. Знаменская икона: Древнейшая святыня Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 180–186.
93. Исследования в Новгороде // АО–1997. 1999. С. 56–62 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, Г.Е. Дубровиным, А.Н. Сорокиным, А.М. Степановым).
94. Новые археологические исследования Людина конца в Новгороде: 1995–1998 гг. // Вестник РГНФ. 1999. №3. С. 121–133, ил. (в соавт. с Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, А.Н. Сорокиным).
95. Подвижник науки: К 70-летию академика В.Л. Янина // ВМУ. Сер. 8. История. 1999. № 1. С. 3–10.
96. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1998 г. // ННЗ. 1999. Вып. 13. С. 5–10 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, Г.Е. Дубровиным, А.Н. Сорокиным).
97. Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода: Троицкий XII раскоп // ННЗ. 2000. Вып. 14. С. 5–9, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным).
98. Культурный слой Новгорода как экологическая структура: Факторы формирования, история изучения, история разрушения, проблемы охраны // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Сб. научн. тр. Екатеринбург, 2000. С. 12–25. Ил.
99. Работы Новгородской экспедиции на Троицком раскопе // АО–1998. 2000. С. 69–72 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, П.Г. Гайдуковым, Г.Е. Дубровиным, А.Н. Сорокиным).
100. Исследования в Людином конце Великого Новгорода: Троицкий раскоп XII // АО–1999. 2001. С. 49–51 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным).
101. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 2000 г. // ННЗ. 2001. Вып. 15. С. 5–11 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным).
102. Haus und Hof: Die Grundstuecke im mittelalterlichen Novgorod // Novgorod: Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands. Studien zur Siedlungsgeschichte und Ar-

- chaeologie der Ostseegebiete. Bd. 1. Neumuenster, 2001. S. 149–166, abb.
103. Property Layout in Medieval Novgorod in the Tenth to Fifteenth Centuries // *Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland* / Eds M. Brisbane, D. Gaimster. The British Museum Occasional Paper. № 141. L., 2001. P. 23–30, fig. (в соавт. с А.Н. Сорокиным, М.Н. Петровым).
 104. Археологи Великого Новгорода: Биографический справочник / Сост. и ред. Е.А. Рыбина, А.С. Хорошев. Великий Новгород, 2002. 124 с.
 105. Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода: Троицкий XIII и XIV раскопы // *ННЗ*. 2002. Вып. 16. С. 5–12, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, Л.В. Покровской, А.М. Степановым).
 106. Исследования в Людином конце Великого Новгорода в 2000 г. // *АО–2001*. 2002. С. 75–80, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, Л.В. Покровской).
 107. Полевые археологические исследования Новгорода. Цифры и факты: Краткая статистика работ // *Археологи Великого Новгорода: Биографический справочник*. Великий Новгород, 2002. С. 104–120.
 108. Раскопки в Людином конце Великого Новгорода в 2001 г. // *АО–2001*. М., 2002. С. 80–83 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, А.М. Степановым, Л.В. Покровской).
 109. Фольклор Новгородской археологической экспедиции (2-е изд., испр. и доп.) / Сост., предисл. и коммент. А.С. Хорошева. Великий Новгород, 2002. 188 с.
 110. Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода в 2002 г.: Троицкий XIII и XIV раскопы // *ННЗ*. 2003. Вып. 17. С. 9–16, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, А.М. Степановым, Л.В. Покровской).
 111. Новгородская археологическая экспедиция // *АО–2002*. 2003. С. 70–73 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, А.М. Степановым, Л.В. Покровской).
 112. Исследования в Людином конце Новгорода в 2003 г.: Троицкий XIII и XIV раскопы // *ННЗ*. 2004. Вып. 18. С. 5–12, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, А.М. Степановым, Л.В. Покровской).
 113. Новгородская археологическая экспедиция // *Энциклопедический словарь Московского университета: Исторический факультет*. М., 2004. С. 332–334.
 114. Первый университетский учебник археологии // *Новгородские археологические чтения: Мат. научн. конф. Великий Новгород*, 2004. С. 13–16.
 115. Первый профессор кафедры археологии // *Новгородские археологические чтения: Мат. научн. конф. Великий Новгород*, 2004. С. 300–302.
 116. Работы в Людином конце Великого Новгорода: Троицкий XIII и XIV раскопы // *АО–2003*. 2004. С. 79–82, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, А.М. Степановым, Л.В. Покровской).
 117. Седло начала XIII в. из Новгорода // *Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию В.В. Седова*. М., 2004. С. 29–341. Ил.
 118. Седло начала XIII в. из Новгорода: Опыт реконструкции // *НТО*. 2004. Вып. 18. С. 175–188. Ил.
 119. Центр по организации и обеспечению археологических исследований НГОМЗ: Десять лет работы // *Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника: 2002 г. Великий Новгород, 2004*. С. 76–83 (в соавт. с А.М. Степановым, О.А. Тарабардиной, М.И. Петровым).
 120. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2004 г.: Троицкий XIII и XIV раскопы // *НТО*. 2005. Вып. 19. С. 15–22, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, А.М. Степановым, Л.В. Покровской).
 121. Работы в Людином конце Великого Новгорода // *АО–2004*. 2005. С. 78–81 (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, А.М. Степановым, Л.В. Покровской).
 122. Волжская Болгария // *Археология: Учебник*. Разд. IV. Гл. 3. М., 2006. С. 504–519.
 123. Древняя Русь по археологическим данным // *Археология: Учебник*. Разд. IV. Гл. 2. М., 2006. С. 463–504 (в соавт. с Т.А. Пушкиной).
 124. Золотоордынские города Нижнего Поволжья // *Археология: Учебник*. Разд. IV. Гл. 4. М., 2006. С. 520–532.
 125. Русь во второй половине XIII–XV в. // *Археология: Учебник*. Разд. IV. Гл. 5. М., 2006. С. 532–550.
 126. Работы в Людином конце Великого Новгорода: Троицкий XIII и XIV раскопы // *ННЗ*. 2006. Вып. 20. С. 5–14, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, А.М. Степановым, Л.В. Покровской).
 127. Археология: Тенденции стабильности и активизации научного поиска: По материалам конкурсов РГНФ 2005–2007 гг. // *Вестник РГНФ*. 2007. № 4. С. 5–16.
 128. История и культура Великого Новгорода X–XVII вв. // *Энциклопедический словарь*. Сер. статей. СПб., 2007.
 129. Новгородская археологическая экспедиция: Стратегия открытий: К 75-летию организации // *Вестник РГНФ*. 2007. № 3. С. 222–233. Ил.
 130. Работы в Людином конце Великого Новгорода // *АО–2005*. 2007. С. 85–88, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, А.М. Степановым, Л.В. Покровской).
 131. Работы в Людином конце Великого Новгорода: Троицкий XIII и XIV раскопы // *ННЗ*. 2007. Вып. 21. С. 5–12, ил. (в соавт. с В.Л. Яниным, Е.А. Рыбиной, А.Н. Сорокиным, А.М. Степановым, Л.В. Покровской).
 132. Agriculture // *Wood use in Medieval Novgorod* / Eds M. Brisbane, J. Hather. Oxford, 2007. P. 119–123.
 133. Household objects // *Wood use in Medieval Novgorod* / Eds M. Brisbane, J. Hather. Oxford, 2007. P. 263–277.
 134. Novgorod: An introduction // *Wood use in Medieval Novgorod* / Eds M. Brisbane, J. Hather. Oxford, 2007. P. 1–12 (в соавт. с В.Л. Яниным, М.А. Брисбейном).
 135. The woodworking tools of Novgorod // *Wood use in Medieval Novgorod* / Eds M. Brisbane, J. Hather. Oxford, 2007. P. 19–36 (в соавт. с А.Н. Сорокиным).
 136. Toys and miniatures // *Wood use in Medieval Novgorod* / Eds M. Brisbane, J. Hather. Oxford, 2007. P. 344–353.

Институт археологии РАН, Москва

П.Г. Гайдуков

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ САВЧЕНКО (1944–2007)

29 июня 2007 г. ушел от нас Евгений Иванович Савченко, для нас просто Женя. Он прожил не столь долгую жизнь, как следовало бы. И была она непростой.

Родился он 31 августа 1944 г. в с. Константиновка Раздольнянского района Одесской области. И в том же году погиб его отец. В 1961 г. Женя окончил школу в Тирасполе, а в 1962 г. поступил в Кишиневский государственный университет.

В 1964 г. Е.И. Савченко перевелся в Ленинградский университет, на кафедру археологии. Именно в этом году М.И. Артамонов был освобожден от должности директора Эрмитажа и целиком отдался работе на кафедре. Вот в это время и учился Евгений Иванович. Мы не знали его тогда, и как-то не заходил разговор о том, кого он считал своим учителем. Его нет в опубликованном списке учеников М.И. Артамонова, но, как справедливо заметил И.Л. Тихонов, «все, учившиеся на кафедре археологии в 1950–1960-е годы, могут с известным основанием считаться его учениками». Окончил Евгений Иванович кафедру в 1968 г. Во время учебы приходилось подрабатывать: фотографом и реставратором в Эрмитаже, сотрудником музея А.В. Суворова. И, конечно, экспедиции.

Уже в августе 1968 г. Е.И. Савченко поступил научным сотрудником во ВНИИ виноградарства и виноделия в Новочеркасске. Зачислен он был в отдел информатики и пропаганды, но вместо пропаганды виноделия занялся организацией историко-археологического музея, который существует до сих пор, и впервые самостоятельно вышел в поле. Он работал на Богоявленовке, Аглосе, Грушевских курганах, на Крымском кладбище и соседних с ним поселениях. В это время и оформился его интерес к средневековым памятникам. Когда в 1975 г. была реорганизована Донская экспедиция ИА АН СССР, Евгений Иванович сразу вошел в нее начиная с первого рекогносцировочного объезда района работ. В последующие годы он руководил отрядами Донской

экспедиции, хотя с 1977 г. работал в штате НИС Ростовского государственного университета, первой серьезной новострочной структуры в Ростовской области, и в рамках этой работы тоже участвовал в раскопках курганов и руководил отрядами. Впрочем, в те годы почти все отряды этого отдела, руководимого Л.М. Казаковой, входили в состав Донской экспедиции. Пожалуй, именно тогда многие из нас, молодых и не очень сотрудников Института археологии, вовлеченных в южные мелиоративные новостройки, узнали Евгения Ивановича. Кто-то впервые увидел его, кто-то начал практические полевые работы в его или соседних отрядах, и мало кто не заметил – не организационные способности, которых тоже ему было не занимать, – какое-то особенное, по-южному, остроумное и немного беспечное обаяние.

В последующие годы (а проработал он у Л.М. Казаковой до 1982 г.) Евгений Иванович выкраивал время и неизменно хотя бы на месяц приезжал в нашу экспедицию, которая перебазировалась на Северный Кавказ и стала называться Северо-Кавказской. Здесь он руководил работами Лабинского отряда по раскопкам знаменитого скального могильника Мошечая Балка. Собственно, три полевых сезона на Мошечей предопределили на много лет вперед направление его научной деятельности. И кроме этого были разведочные работы.

Середина 1980-х – не лучшая пора его жизни. Спорадическое, но все более активное участие в весенне-летне-осенних работах разведочных и раскопочных отрядов Северо-Кавказской экспедиции и Краснодарского музея отнимало много времени и сил. Скажем, только в 1985 г. Мингрельский отряд, которым руководил Евгений Иванович, раскопал более 500 подкурганных и грунтовых захоронений.

Он был мужественным человеком, настоящим мужчиной. Известны случаи, когда он бросался в драку, защищая наших сотрудниц, однажды вышел ночью против непрошенных гостей с топором. Все археологи сталкиваются с такими случаями. Чаще всего они кончаются переговорами, и надо сказать, Женя был хорошим переговорщиком, умел улаживать конфликты. Попутно отметим, что он умел разговаривать и с местным начальством, от которого часто зависела и зависит жизнь экспедиции.

Интенсивная работа продолжалась и в последующие годы – на Понуре, на Кочетах, в Старонижестеблиевской, на Мысхако. И каждый год – разведки, разведки, разведки: Усть-Лабинский, Курганинский, Динской, Кореновский районы Краснодарского края. Причем это были сплошные разведки, требующие значительных усилий и времени. И одновременно – жизнь на базе экспедиции в станице Старокорсунской под Краснодаром, сначала фактическое, а затем и официально оформленное заведование всеми хозяйственными и жизненными, бытовыми делами базы. Только благодаря его энергии, контактности, коммуникабельности в начале 1990-х годов база была не просто отремонтирована, но обустроена и обустроена. Все это звучит очень официально, но сказать об этом необходимо. Женя был душой базы и, приезжая к нему, мы чувствовали себя как дома. Кроме всех прочих достоинств, Женя умел готовить, что придавало базе дополнительную привлекательность. Сам он считал своим коронным блюдом сациви, но лучше всего у него получалась уха.

С 1988 г. Евгений Иванович стал постоянным сотрудником Института археологии. В 1992 г. переехал в Москву и

был переведен на должность научного сотрудника в отдел охранных раскопок. В тяжелые перестроечные годы он провел последнюю свою средневековую экспедицию – на деньги спонсоров обследовал практически на всем протяжении от низовьев Волги до перевалов Большого Кавказа северокавказский участок Великого шелкового пути. Логическим завершением долгого “средневекового” периода стала еще через несколько лет, в мае 1997 г., защита кандидатской диссертации “Проблемы скальных могильников и формирование торговых путей на Северо-Западном Кавказе в VIII–IX вв. (на материалах могильника Мощевая Балка)”.

Но спонсорская помощь – курьезный эпизод. Договоров на юге с какого-то момента не стало. Поездка в 1993 г. в Туркменскую комплексную экспедицию кончилась тяжелой болезнью, последствия которой продолжали сказываться и все последующие годы. Потеря северо-кавказских работ привела к тому, что основной состав нашей экспедиции перешел в Потуданскую экспедицию ИА РАН, которой руководил В.И. Гуляев. Начало было достаточно случайным. Казалось случайным. Но Евгений Иванович и Потуданская экспедиция нашли друг друга. С 1993 г. и до конца жизни Евгений Иванович посвятил себя скифской археологии Среднего Дона. И все как бы вернулось обратно: вновь трудности вживания в незнакомый материал, привыкание к новым местам, новым людям. Новые организационные трудности. Повторение, но с небольшими оговорками. И опыт уже не тот, несоизмеримо не тот. А силы – те же, да не те. За го-

ды, за 12 полевых сезонов, выросла и качественно изменилась экспедиция, переименованная из Потуданской в Донскую, раскопаны многие десятки скифских и не только курганов, сложился замечательный коллектив специалистов и примкнувших к ним. И одновременно написана серия статей по новому предмету увлечения – по скифским погребальным памятникам и вооружению скифов. И не только статей. Немного, совсем немного оставалось до докторской диссертации, плода долгих и кропотливых исследований.

И еще одно надо отметить – работу Е.И. Савченко в отделе аспирантуры. Не руководитель. Не профессор. Но и не чиновник. Скорее отец родной. Который и накричать может, как любой отец. Но не бросит. Поможет. Посоветует. Наверное, не всем бывало с ним легко. Но большинство любило, признавало. А уважали все. В его кабинете, превращенном в курилку, постоянно кучковался народ, пришедший посоветоваться, поговорить за чашечкой кофе или чая, просто посидеть. Это, конечно, мешало работе, но Евгений Иванович терпеливо сносил все, только иногда огрызаясь после ухода надоедливой посетителя. Чтобы компенсировать эти потери времени, он приходил регулярно к 8–9 часам утра, сразу после отправки в школу дочки, сидел часто и после окончания рабочего дня, работал в выходные.

Нам его очень не хватает сейчас, и вряд ли удастся возместить эту потерю в будущем.

Институт археологии РАН, Москва

А.Н. Гей, И.С. Каменецкий

ХИЛЬДА ТЕРЕЗА АВГУСТОВНА КИНК (1918–2006)

В отечественной исторической науке специальные обобщающие работы по древнейшей истории (“праистории”) первых в мире культурных очагов – Передней Азии и Египта – были единичны вплоть до второй половины минувшего века. Широкоизвестные классические исследования М.В. Никольского, Б.А. Тураева, Ю.Я. Перепелкина, И.М. Дьяконова, М.В. Коростовцева посвящены в основном сложению цивилизаций

указанных регионов и их судьбам в эпохи появления письменности, развития государственности, общего социально-экономического и культурного прогресса. Ныне же одной из наиболее актуальных задач древней истории является определение корней тех процессов, которые обусловили на Переднем Востоке указанные сдвиги общемирового значения, воздействовавшие на весь ход человеческого развития.

И в этом аспекте безусловного внимания заслуживает целенаправленная, многолетняя исследовательская деятельность крупного Санкт-Петербургского востоковеда, плодотворно занимавшегося данной проблемой, кандидата исторических наук Хильды Августовны Кинк.

Х.А. Кинк скончалась 16 августа 2006 г. Насколько мне известно, уход из жизни этого интересного и безусловно одаренного исследователя не был отмечен в научной печати, что считаю глубоко несправедливым и попытаюсь – пусть с запозданием – кратко компенсировать.

Х.А. Кинк родилась 28 марта 1918 г. в Таллине в рабочей семье, переехавшей в Советский Союз в 1926 г. Очень рано она заинтересовалась древней историей и по окончании школы поступила на исторический факультет ЛГУ. Там Хильда Августовна с особым интересом и упорством занималась египтологией, обратив на себя внимание такого крупнейшего ученого, как Ю.Я. Перепелкин, уже на III курсе одоббившего ее доклад “О принципах изображения в древнеегипетском искусстве”. В годы войны она участвовала в оборонительных работах по укреплению Лужской линии, была транспортным рабочим, далее учителем истории в средней школе. В апреле 1945 г. подверглась необоснованному аресту и ссылке, освобождена и реабилитирована в августе 1955 г.

В 1956 г. возвратилась в Ленинград. Тогда же была восстановлена в аспирантуре ЛОИИ АН СССР, далее переведена в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, которую успешно закончила, защитив диссертацию на важнейшую тему “Эпоха перехода от доклассового общества к классовому в Египте”. Данная работа легла в основу весьма ценной монографии “Египет до фараонов” (1964 г.), не имеющей аналогов в русскоязычной литературе. Продолжая исследовать эту проблематику, в 1970 г. Х.А. Кинк опубликовала вторую монографию “Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху”, также крайне важную для рассматриваемого направления науки вообще, а для российской археологии в особенности (прежде всего в контексте кавказских и среднеазиатских связей). Особо подчеркну, что наряду с монографиями десятки превосходных статей Хильды Августовны неизменно носили проблемный характер. Не сомневаюсь,

что к этим работам будут обращаться еще многие годы с чувством глубокой благодарности к их автору.

НЕКОТОРЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ ТРУДЫ Х.А. КИНК

1. К проблеме экономических связей между Древним Египтом и Двуречьем // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира. М.; Л., 1963. С. 25–46.
2. О хозяйстве додинастического Египта // Археология Старого и Нового Света. М., 1966. С. 189–197.
3. Как строились египетские пирамиды. М., 1967.
4. О древнеегипетских каменных орудиях III–II тысячелетий до н.э. // Древний Египет и Древняя Африка. М., 1967. С. 74–80.
5. Древнеегипетский храм. М., 1979.

Институт археологии РАН, Москва

Н.Я. Мерперт